

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации

На правах рукописи

РОДИОНОВ Владимир Александрович

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Специальность 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук

Научный консультант -
доктор политических наук
А.С. Железняков

Москва

2018

1

Содержание

Введение	4
Глава 1. Теоретико-концептуальные основы политического процесса в постсоциалистических странах	29
1.1. Основные подходы в исследовании постсоциализма	29
1.2. Общее и особенное трансформационных процессов в постсоциалистических странах	43
Глава 2. Генезис политического процесса в Монголии	66
2.1. Основные черты политического процесса в монгольском традиционном обществе	66
2.2. Политический процесс в МНР сквозь призму социалистической модернизации	77
Глава 3. Идеино-политическая основа постсоциалистической трансформации Монголии	97
3.1. Начало политической трансформации в рамках кризиса социалистической системы	97
3.2. Механизмы легитимации социально-политической трансформации	111
Глава 4. Институциональный дизайн политического процесса постсоциалистической Монголии	134
4.1. Динамика политического процесса в рамках монгольского парламентаризма	134
4.2. Роль института президентства в политическом процессе Монголии ...	155

Глава 5. Неформальные институты в политическом процессе Монголии	172
5.1. Внутрипартийные группы как субъекты монгольского политического процесса	172
5.2. Политическая деятельность гражданских движений в контексте социально-экономического развития Монголии	193
Глава 6. Международно-политический контекст политического процесса в Монголии	212
6.1. Политический процесс в постсоциалистической Монголии и отношения с Китаем	212
6.2. Внерегionalные страны как новый фактор политического процесса в Монголии	238
Глава 7. Роль России в политическом процессе Монголии	267
7.1. Историческая основа российского влияния в Монголии	267
7.2. Российский фактор политического процесса в постсоциалистической Монголии	284
Заключение	315
Список использованных источников и литературы	322

Введение

Актуальность темы исследования. Масштабные трансформации рубежа XX-XXI вв., связанные с дезинтеграцией международного военно-политического блока во главе с СССР, привели к появлению феномена постсоциалистических стран. С одной стороны, общее социалистическое прошлое и практически синхронный отказ от прежней общественно-политической модели являются базовыми основаниями для выделения этих стран в категорию «постсоциалистических». Данное обстоятельство предопределило специфику политических процессов в постсоциалистических странах, столкнувшихся с проблемами институционального строительства, радикального социально-экономического реформирования, смены внешнеполитической ориентации. С другой стороны, каждая из бывших социалистических стран в силу комплекса факторов обладает собственной особенностью политического развития, выразившейся, прежде всего, в различных подходах к разрешению общих проблем политического и социально-экономического характера.

В этом ряду особое место занимает Монголия, накопившая богатый политический опыт в постсоциалистический период, имеющий по ряду параметров схожие черты и отличия от опыта других стран. Во-первых, Монголия, наряду с Советской Россией, имела самый продолжительный стаж строительства социализма, что определило устойчивость таких явлений как сращивание государственного и партийного аппарата, господство официальной марксистско-ленинской идеологии, доминирование государства в экономической, социальной и культурной сфере. Во-вторых, Монголия выделяется из ряда постсоциалистических стран своей принадлежностью к буддийской культуре и сохранением у значительной части населения страны кочевого хозяйственного уклада, что влияет на политическую культуру и поведение монголов. В-третьих, в то время, как подавляющее большинство стран, отказавшихся от социалистической модели, располагается в Восточной Европе, Монголия находится в самом сердце Азии между великими

державами - Россией и Китаем. Это оказывает значительное влияние как на внешнеполитический курс страны, так и на динамику внутривнутриполитического процесса. Все это детерминирует самобытность монгольского политического процесса в постсоциалистический период, подвигает исследовать траекторию общественной трансформации этой страны за последние два с половиной десятилетия, подвести определенные итоги и обобщить опыт политического развития Монголии после ее отказа от социализма, выявить успехи и неудачи страны в деле достижения поставленных в начале 1990-х гг. целей и задач.

В первую очередь, особый интерес представляет идейная направленность политических изменений, предопределившая основной вектор развития Монголии в последующие годы. Важным является ответ на вопрос о том, как и почему небольшая по численности населения азиатская страна в кратчайшие по историческим меркам сроки сумела пройти путь от теократического правления к парламентской республике.

Созданные в начале 1990-х гг. базовые политические институты новой Монголии, конституционное устройство политической системы, нацеленные на построение многопартийной демократии, свидетельствуют об общей логике развития Монголии в контексте постсоциалистической трансформации. В то же время, ход и результаты институциональных реформ в этой стране заставляют осмыслить эффективность созданной политической системы. Сложившиеся в течение последних двух с половиной десятилетий неформальные институты и практики вносят серьезные коррективы в работу формальных институтов. Иными словами, изучение монгольского пути постсоциалистической трансформации ставит важный вопрос об адекватности избранных институтов и механизмов их взаимодействия насущным задачам современной Монголии и ее политическим реалиям.

Политический процесс в современной Монголии носит многоуровневый характер. Поведение и деятельность политических акторов, как и в любой другой стране, определяются комбинацией не только внутренних, но и внешних факторов. Роль последних в случае с Монголией, учитывая ее

геополитическое местоположение, особенно велика. Более того, актуальным остается вопрос о том, каково соотношение внутренних и внешних по своему происхождению причин трансформации и дальнейшего развития политической системы Монголии.

Учитывая высокую степень заинтересованности России в конструктивных и взаимовыгодных отношениях с Монголией, как со своим исторически давним соседом, выявление объективных характеристик монгольского политического процесса является актуальной задачей для отечественной политологии. Современная Россия, как страна с самой большой территорией и многонациональным населением, нуждается в политической стабильности, являющейся важнейшим условием благополучного национального развития. В связи с этим представляется полезным изучение политического опыта Монголии, прошедшей путь, схожий с российским по многим параметрам, но одновременно с этим, отличный по достигнутым результатам.

Не менее важным является вопрос о значимости для нашей страны внешнеполитического измерения политического процесса в Монголии. Формирование реалистичных представлений об основных характеристиках и сущности монгольской политической системы, в рамках которой вырабатываются внешнеполитические ориентиры этой страны, поможет эффективно планировать стратегию российско-монгольских отношений.

Степень научной разработанности проблемы. Все работы по теме исследования условно можно разделить на две большие группы. Первая группа включает в себя исследования теоретического характера, касающиеся природы, типологии и других аспектов политического процесса в постсоциалистических странах. Одним из наиболее распространенных и популярных в начале 1990-х гг. направлений в исследованиях проблем постсоциалистических стран следует признать теорию демократического транзита. Классическими работами, выполненными в этом методологическом

русле, являются монографии и статьи А. Аслунда¹, Л. Даймонда², А. Лейпхарта³, Х. Линца⁴, Г. О’Доннела⁵, А. Пшеворского⁶, М. Фиша⁷, Ф. Шмиттера⁸, Й. Шумпетера⁹ и многих других. Среди отечественных политологов, работающих в рамках данной теории, можно выделить В.Я. Гельмана¹⁰, Л.Д. Гудкова¹¹, Б.В. Дубина¹², Б.И. Макаренко¹³, А.Ю. Мельвиля¹⁴ и других.

Такие авторы как М. Буравой¹⁵, С. Брандштадлер¹⁶, К. Вердери¹⁷, А. Лангеноль¹⁸, Б.Г. Капустин¹⁹, Д.Ж. Маркович²⁰, В.С. Мартьянов²¹, Й. Никула²² и другие в своих исследованиях на основе российского и восточноевропейского материала с различных методологических позиций

¹ *Aslund A.* Post-Communist Economic Revolution: How Big a Bang? // *Creating the Post-Communist Order.* 1992. №8. - P. 503-525.

² *Diamond L.* Promoting Democracy in the 1990s. Actors and instruments, Issues and Imperatives. A report to the Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. - New York, 1995. - P. 9-11.

³ *Lijphart A.* Democratization and Constitutional Choices in Czech-Slovakia, Hungary and Poland in 1989-91 // *Journal of Theoretical Politics.* 1992. №4. - P. 207-223.

⁴ *Linz J.* The perils of presidentialism // *Journal of democracy.* 1990. Vol.1. №1. P. 51-69.

⁵ *O'Donnell G.* Transitions, Continuities and Paradoxes / in Scott Mainwaring et al., eds., *Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective.* - Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992. - P. 17-56.

⁶ *Пшеворский А.* Демократия и рынок. - М.: РОССПЭН, 2000. – 320 с.

⁷ *Fish S.* Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. - Princeton University Press, 1996. - 312 Pp.

⁸ *Шмиттер Ф.* Угрозы и дилеммы демократии [Электронный ресурс] Библиотека «Политнаука» URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php> (дата посещения 31.01.2018)

⁹ *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995. - 540 с.

¹⁰ *Гельман В.Я.* Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. - М.: МОНФ, 1999. - 240 с.

¹¹ *Гудков Л.Д.* Абортивная модернизация. – М.: РОССПЭН, 2011. – 630 с.

¹² *Дубин Б.В.* Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. – М.: РОССПЭН, 2011. – 392 с.

¹³ *Макаренко Б.И.* Демократический транзит в России // *Мировая экономика и международные отношения.* 2004. № 11. – С. 44-58.

¹⁴ *Мельвиль А.Ю.* Россия в мировых рейтингах: перезагрузка // *Эксперт.* 2006. №43 (537). - С. 24-39.

¹⁵ *Burawoy M.* Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism // *East European Politics and Society.* 2001. Vol. 15. Issue 2. - P. 269-290.

¹⁶ *Brandtstädter S.* Transitional Spaces: Postsocialism as a Cultural Process // *Critique of Anthropology.* 2007. Vol.27. - P. 131-145.

¹⁷ *Verdery K.* Whither Postsocialism? // *Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia,* ed. C. Hann. London - New York: Routledge. 2002. - P. 15-31.

¹⁸ *Лангеноль А.* Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // *Ab Imperio.* 2004. №1. - С. 365–387.

¹⁹ *Капустин Б.Г.* Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // *Полис. Политические исследования.* 2001. №4. - С. 6-26.

²⁰ *Маркович Д.Ж.* Противоречия транзитии постсоциалистических обществ // *Социс.* 2006. №9. - С. 21.

²¹ *Мартьянов В.С.* Конец транзитологии: что дальше? // *Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и новых независимых государствах : материалы второй междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2004. - С. 31-44.*

²² *Никула Й.* Теория зависимости от траектории развития и постсоциалистический подход // *Мир России.* 2005. №1. - С. 135-137.

критично переосмысливают теорию демократического транзита, выявляя ее познавательные ограничения при анализе реалий политических процессов в постсоциалистических странах. Во многом из критического осмысления теории демократического транзита сформировалась концепция «постсоциалистической трансформации», рассматривающая политические изменения в бывших социалистических странах как нелинейный во многом стохастический процесс²³.

Страновым и сравнительным изучением политических процессов в постсоциалистических государствах в разное время занимались М. Алексич²⁴, А.А. Гербова²⁵, З.Т. Голенкова²⁶, Л. Дегтярь²⁷, А.В. Кива²⁸, А.И. Миллер²⁹, Д. Пантич³⁰, И.Н. Тарасов³¹, С. Яжборовская³² и многие другие. Исследования данных авторов посвящены анализу причин, содержания и определенных результатов постсоциалистической трансформации в странах Восточной Европы. Данные работы значимы с точки зрения выявления общих моделей и характеристик политического процесса в странах, отказавшихся от социализма. Фактор международно-политической среды, являющейся фоном политического процесса в отдельных постсоциалистических странах, стал предметом для рассмотрения таких отечественных ученых как Е.П. Бажанов³³,

²³ Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World / ed. By M. Burawoy, K. Verdery. - New York: Rowman & Littlefield, 1999. - 322 p.

²⁴ Алексич М. Теоретический подход к демократизации трансформирующихся обществ // Процессы демократизации в Восточной Европе : материалы междунар. науч. конф. 2-8 июня 1999 г. Улан-Удэ. - М.-Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2000. - С. 74-85.

²⁵ Гербова А.А. Приватизация: опыт Восточной Европы и Азии. - М.: Наука, 1991. - 212 с.

²⁶ Голенкова З.Т. Гражданское общество и процессы демократизации в России // Процессы демократизации в Восточной Европе. - С. 86-103.

²⁷ Дегтярь Л. Социальные аспекты постсоциалистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы // Общество и экономика. 2000. №8. - С. 130-157.

²⁸ Кива А.В. Социалистическая ориентация: аномалия или естественная фаза мирового развития? // Общественные науки и современность. 1997. № 5. - С. 15-25.

²⁹ Миллер А.И. Центральная Европа: история концепта // Полис. 1996. №4. - С. 119-122.

³⁰ Пантич Д. Изменения ценностей и развитие демократии в трансформирующихся странах // Процессы демократизации в Восточной Европе. - С. 12-34.

³¹ Тарасов И.Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: сравнительный анализ. Дисс. на соискание уч. степ. д-ра полит. наук. - Саратов, 2009. - 483 с.

³² Яжборовская И.С. Глобализация и опыт системной трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. - М: Academic, 2008. - 378 с.

³³ Бажанов Е.П. Россия между Западом и Востоком // Современный мир и геополитика. - М.: Канон+, 2015. - С. 9-47.

Н.Е. Бажанова³⁴, А.Д. Богатуров³⁵, С.С. Жильцов³⁶, А.Г. Задохин³⁷, Т.А. Закаурцева³⁸, О.П. Иванов³⁹, М.М. Лебедева⁴⁰, Т.А. Мозель⁴¹, М.А. Неймарк⁴² и других. Используя полученный в работах данных авторов материал, можно более наглядно выявить специфику монгольского политического опыта.

Вторую группу исследований образуют работы, предметом которых является политический процесс в современной Монголии в различных его проявлениях и измерениях.

При изучении политического процесса в современной Монголии многие авторы обращаются к историческим истокам, оказавшим влияние на начало и ход постсоциалистической трансформации в стране. Характеризуя произошедшие в постсоциалистической Монголии изменения, нельзя не коснуться ряда вопросов социалистического периода истории этой страны. По общему мнению, политический процесс в МНР носил авторитарный характер, в основе которого лежала монополия на власть Монгольской народно-революционной партии⁴³. Соответственно, события рубежа 1980-1990-х гг. явились началом слома авторитарной политической системы и перехода страны к демократическому режиму. Некоторые монгольские исследователи, пытаясь объяснить истоки демократизации 1990-х гг., стремятся описать

³⁴ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. – М.: Восток-Запад, 2011. – 166 с.; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. – М.: Восток-Запад, 2010 – 464 с.

³⁵ Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. – М.: Аспект-пресс, 2017. – 480 с.

³⁶ Жильцов С.С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. 2016. № 1. – С. 7–15.

³⁷ Задохин А.Г. Международные отношения и национальная безопасность // Дипломатическая служба. – 2012. № 6.

³⁸ Закаурцева Т.А. Вопросы теории и истории международных отношений / гл. ред. Т.А. Закаурцева. – М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2010. – 300 с.

³⁹ Иванов О.П. Американские дебаты по расширению НАТО на Восток: позиция экспансионистов // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 3. – С. 30–48.

⁴⁰ Лебедева М.М. Мировая политика в XXI в: акторы, процессы и проблемы. — М.: МГИМО (У), 2009. – 142 с.

⁴¹ Мозель Т.Н. Теоретические основы международных отношений. – М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2000. – 263 с.

⁴² Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля // Обозреватель-Observer. 2016. № 1. – С. 31–42; Он же. «Умная сила»: к перспективам в мировой политике // Обозреватель-Observer. 2016. № 2. – С. 67–77.

⁴³ Даидаваа Ч. От демократии к авторитаризму // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. №3. – С. 43-56; Жаргал Ж. Существовал ли в Монголии тоталитарный режим? // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2012. №1. – С. 198-209; Лиштованный Е.И. От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007. – 195 с.; Rossabi M. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. - Los Angeles.-London: University of California Press, 2005. – 392 p.

политический процесс в МНР через дихотомическое противостояние «тоталитарно-авторитарных и демократических сил». Как пишут монгольские историки Ж. Болдбаатар и Ч. Дашдаваа, «период с начала 1950-х до середины 1960-х гг. был временем идеологического противоборства между теми, кто стремился к демократии и установлению справедливости в рамках социализма, и теми, кто придерживался позиции укрепления административно-командной системы»⁴⁴.

С началом радикальных политических и экономических реформ в Монголии в 1990-е гг. появилось большое количество работ, посвященных различным аспектам постсоциалистического развития Монголии. В центре исследовательского внимания оказался процесс демократизации политической системы Монголии, а также сопутствовавшие этому рыночные реформы. Монгольские авторы Ж. Алтангэрэл⁴⁵, С. Амарсанаа⁴⁶, Ю. Атар⁴⁷, Р. Болд⁴⁸, Ж. Болдбаатар⁴⁹, Д. Ганбат⁵⁰, Б. Дэлгэрмаа⁵¹, Б. Лигдэн⁵², Д. Мягмар⁵³, П. Очирбат⁵⁴, Т. Оюнчимэг⁵⁵, Д. Улзийсайхан⁵⁶, О. Хатанболд⁵⁷,

⁴⁴ *Болдбаатар Ж., Дашдаваа Ч.* Шинэчлэлийн төлөө хөдөлгөөн, түүний хувь заяа (Движение за обновление и его судьба). - Улаанбаатар, 2005. – 156 х.

⁴⁵ *Алтангэрэл Ж.* Улс төрийн халуун өдрүүдийн тэмдэглэл: Миний сурвалжилсан үеийн парламент. (Горячие политические дни: мой идеальный парламент). - Улаанбаатар, 2010. – 231 х.

⁴⁶ *Амарсанаа С.* Ардчилалд хөл тавьсан 10 жил (10 лет на пути к демократии). - Улаанбаатар, 2016. – 183 х.

⁴⁷ *Атар Ю.* Ардчилалын тогтолцоонд шилжих үеийн (Период движения к демократической системе). - Улаанбаатар, 2001. – 146 х.

⁴⁸ *Болд Р.* Социальные конфликты переходного периода Монголии // Социс. 2008. № 4. – С. 37-43.

⁴⁹ *Болдбаатар Ж.* Монголын ойрхи түүхийн зангилаа асуудал // XX зууны Монголын түүхийн зарим асуудал. - Улаанбаатар, 1999. - Х. 3-16.

⁵⁰ *Ганбат Д.* XX зууны ардчиллын хөгжил ба Монгол Улс (Монголия и развитие демократии XX века) // Шинэ толь. 2007. №1 (58). - Х. 5-17.

⁵¹ *Дэлгэрмаа Б.* Демократические преобразования в Монголии на рубеже XX и XXI вв.: Дисс. на соискание ученой степени канд. истор. наук. – Улан-Удэ, 2005. – 165 с.

⁵² *Лигдэн Б.* Монголын ардчилал ба миний үзэл, хандлага (Монгольская демократия и мои мысли и взгляды). - Улаанбаатар, 2000. – 52 х.

⁵³ *Мягмар Д.* Монголын ардчилал ба цэрэг армийн тухай бодол (Монгольская демократия и мысли об армии). - Улаанбаатар, 1997. – 163 х.

⁵⁴ *Очирбат П.* Монгол улсын ерөнхийлөгчийн үндсэн хуулийн бүрэн эрх анхны зам мөр (Конституционные полномочия президента Монголии). - Улаанбаатар: Адмон, 2001. – 162 х.

⁵⁵ *Оюунчимэг Т.* Миний хүссэн ардчилал биш... (Не такую демократию я хотела...). - Улаанбаатар: Адмон, 2011. – 223 х.

⁵⁶ *Өлзийсайхан Д.* Ардчилал: сэхээтний нийгмийн төлөв (Демократия: общественная позиция интеллигенции). - Улаанбаатар, 2004. – 225 х.

⁵⁷ *Хатанболд О.* Ардчилал судлал: онол, аргай зүй (Исследования демократии: теория и методика). - Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи Философийн хүрээлэн, 2017. – 179 х.

Г. Цацрал⁵⁸, Ц. Цэцэнбилэг⁵⁹, Г. Чулуунбаатар⁶⁰ и другие, являясь не только сторонними наблюдателями, но и иногда и участниками происходивших событий, заложили основу эмпирического и методологического материала для изучения начавшейся трансформации в Монголии.

Заметную роль среди исследователей постсоциалистической трансформации сыграли западные политологи и экономисты: У. Баркман⁶¹, Т. Бун⁶², Т. Гинзбург⁶³, А. Сандерс⁶⁴, Ш. Северингхаус⁶⁵, В. Фритц⁶⁶, Д. Ривс⁶⁷, М. Россаб⁶⁸, С. Фиш⁶⁹, П. Саблофф⁷⁰, К. Каплонски⁷¹, З. Шмыт⁷². Большинство из них позитивно оценивали «демократический транзит» Монголии, отмечая такие явления как многопартийность, сменяемость властей, свобода слова, приватизация государственной собственности и т.д. В частности, С. Фиш, сравнивая Монголию с республиками постсоветской Центральной Азии, сделал вывод о значительных успехах первой в сравнении со вторыми в деле построения демократии⁷³. В целом, для большинства

⁵⁸ Цацрал Г. Особенности формирования партий и партийных систем России и Монголии в условиях политической трансформации: автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. полит. наук. – М., 2006. – 46 с.

⁵⁹ Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. - Улан-Батор, 2002. – 148 с.

⁶⁰ Чулуунбаатар Г. XX, XXI зууны зааг үеийн Монголын улс төрийн өөрчлөлт, ардчиллын хөгжил (Политические изменения Монголии на рубеже XX-XXI вв. и демократическое развитие). - Улаанбаатар, 2009. – 294 х.

⁶¹ Баркман У. Монгол улсын шилжилтийн үеийн улс төрийн элитийн тухай (УИХ дахь МАХН-ын бүлгийн гишүүдийн жишгээр. 1992-2005 (О политической элите Монголии переходного периода (на примере членов МНРП в ВГХ. 1992-2005 гг.)) // *Mongolica*. 2006. Vol. 18(39). – P. 105-111.

⁶² Boone P. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia // *Journal of Comparative Economics*. 1994. №18. - P. 329-356.

⁶³ Ginsburg T. Nationalism, Elites and Mongolian Rapid Transformation // *Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolite*. Ed. by Stephen Kotkin and Bruce Elleman. – New York-London, 1999. - P. 243-267.

⁶⁴ Sanders A. Mongolia's New Constitution: Blueprint for Democracy // *Asian Survey*. 1992. Vol.32. №6. - P. 506-520.

⁶⁵ Severinghaus S. Mongolia in 2000: The Pendulum Swings Again // *Asian Survey*. Vol. 41. № 1. 2001. - P. 61-70.

⁶⁶ Fritz V. Mongolia: Dependent Democratization // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2002. Vol. 18. № 4. - P. 75-100.

⁶⁷ Reeves J. Mongolian State Weakness, Foreign Policy, and Dependency on the People's Republic of China. - London: Department of International Relations of the London School of Economics, 2010. – 301 pp.

⁶⁸ Rossabi M. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. - Los Angeles.-London: University of California Press, 2005. – 392 p.

⁶⁹ Fish S. Mongolia: democracy without prerequisites // *Journal of democracy*. 1998. Vol.9. №3. - P. 127-141.

⁷⁰ Sabloff P. Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy // *Central Asian Survey*. 2002. №21. – P. 19–36.

⁷¹ Kaplonski C. Truth, history and politics in Mongolia. The memory of heroes. – London-New York: Routledge Curzon, 2004. – 233 pp.

⁷² Шмыт З. Нация и этничность в Монголии // *Этнографическое обозрение*. 2011. № 5. – С. 58-70.

⁷³ Fish S. The Inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective // *Communist and Post-Communist Studies*. 2001. №34. - P. 323-338.

западных авторов при анализе политического процесса в Монголии характерен акцент на демократизации политической системы. При этом ряд исследователей (М. Россابي, К. Каплонски, Д. Ривс) более критичны при оценке характера и результатов политического процесса. Так, по мнению М. Россابي, сформированные демократические институты, зачастую приводят к острым политическим кризисам и не способны эффективно обеспечить национальную безопасность страны, подверженную серьезным вызовам и угрозам, прежде всего, со стороны Китая⁷⁴.

Следует отметить, что в большинстве случаев работы западных и некоторых монгольских исследователей, занимающихся изучением политического процесса в постсоциалистической Монголии, практически полностью увязываются с изучением демократизации и связанных с ней институтов. Ярким примером этого является тезис монгольского исследователя Д. Баасансурэна о том, что «демократическая трансформация Монголии – сложное явление, лежащее в основе политических преобразований»⁷⁵. Многие исследования монгольских авторов опираются на данные социологических опросов, центральной темой в которых является вопрос о демократии и ее атрибутах⁷⁶. Отождествление политического процесса в постсоциалистической Монголии с демократизацией еще более четко прослеживается в работах западных политологов, в методологическом плане опирающихся на транзитологический подход. Анализируя политический процесс в Монголии, западные авторы исходят из понимания демократии (в ее либеральной трактовке) как лучшим и единственно правильном для любой страны в целом, и Монголии в частности, варианте. Фактически можно говорить о подмене объективного научного исследования

⁷⁴ *Rossabi M. Modern Mongolia.* - P. 225-246.

⁷⁵ *Баасансурэн Д. Демократическая трансформация Монголии // Монгольский мир: между Востоком и Западом / Под ред. Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны.* - Новосибирск: Автограф, 2014. - С. 280.

⁷⁶ См., например: *Хатанболд О. Понятия и представления монголов о демократии: изменения и отношения // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. №8(1). Серия «Востоковедение».* - С. 205-211; *Ардчилсан засаглалын төлөв байдалд гарсан өөрчлөлт 2007-2008 (Изменение ситуации в системе демократического управления. 2007-2008 гг.). / Ред. Г. Чулуунбаатар.* - Улаанбаатар: Философи, социологи, эрхийн хүрэлээн ШУА, 2008. – 132 х.

пропагандистки выстроенными текстами с идеологически заданным императивом. Своеобразной квинтэссенцией такого подхода к анализу политического процесса в Монголии может считаться работа П. Саблофф с громким названием «Чингисхан, отец монгольской демократии», в которой автор пытается доказать идеологическую схожесть политики великого хана и американских демократических лидеров⁷⁷. Предлагаемый подход упрощает реальную ситуацию в этой стране и не способствует более полному раскрытию сути происходящего. Поэтому, на наш взгляд, демократизация не может рассматриваться в качестве синонима всего политического процесса в Монголии, хотя и является одной из ключевых его составляющих.

Российские и монгольские ученые в своих работах уделяют большое внимание внутривнутриполитическим процессам в стране. Отечественные монголоеды, анализируя ход и результаты постсоциалистической трансформации в Монголии, нередко проводят параллели с аналогичными процессами в нашей стране, выявляя общие и специфические черты. Подобные темы освещены в работах И.Г. Актамова⁷⁸, Д.Д. Бадараева⁷⁹, Т.Б. Бадмацыренова⁸⁰, Б.В. Базарова⁸¹, М.Н. Балдано⁸², Е.В. Бойковой⁸³,

⁷⁷ *Modern Mongolia: Reclaiming Genghis Khan* / Ed. by P. Sabloff. – Philadelphia: University of Pennsylvania. 2001. – 122 pp.

⁷⁸ *Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б.* Монгольская молодежь и политика: виртуальное измерение национальной безопасности // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2015. №8 : Востоковедение. – С. 85-89.

⁷⁹ *Бадараев Д.Д.* Влияние «турбулентности» на модернизационные процессы в монгольском обществе // *Власть*. 2015. №4. - С. 201-205.

⁸⁰ *Бадмацыренов Т.Б.* Сангха и политика: политические аспекты функционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2012. – Вып. 14 : Философия, социология, политология, культурология. – С. 137-143.

⁸¹ *Базаров Б.В., Балдано М.Н., Бадараев Д.Д.* Соотношение миграционных векторов и номадизма в современном монгольском обществе // *Власть*. 2015. №10. - С. 213-218.

⁸² *Балдано М.Н.* Панмонголизм: идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как инструмент нациестроительства // *Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе. Кол. монограф. / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – С. 218-244.*

⁸³ *Бойкова Е.В.* О внешних гарантиях национальной безопасности Монголии // *Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. Сборник статей. – М.: РИСИ, 1998. - С. 67-68.*

И.Б. Гармаева⁸⁴, М.И. Гольмана⁸⁵, В.В. Грайворонского⁸⁶, Э.Д. Дагбаева⁸⁷, А.С. Железнякова⁸⁸, Н.Л. Жуковской⁸⁹, Ю.В. Кузьмина⁹⁰, Л.В. Кураса⁹¹, Е.И. Лиштованного⁹², Р.Т. Сабирова⁹³, В.И. Терентьева⁹⁴, Г.С. Яскиной⁹⁵. В то же время, российские авторы, пишущие о политическом процессе в современной Монголии, как правило, ограничиваются анализом отдельных сюжетов (выборы, политические кризисы, персоналии политиков) и не предпринимают попыток системного исследования траектории постсоциалистической трансформации в стране. Так, в коллективной монографии, посвященной исследованию политических систем и политической культуры в странах Востока, Монголии уделяется сравнительно немного места, анализ политической ситуации ограничен рубежом 1990-2000-х гг.⁹⁶. Иными словами, комплексные монографические исследования монгольского политического процесса в российской политологии отсутствуют. Исключением можно признать монографическую работу ведущего российского монголоведа А.С. Железнякова, описавшего

⁸⁴ *Гармаева И.Б.* Влияние внешнеполитических факторов на политические процессы в Монголии после 1990 г. // Вестник БНЦ СО РАН. 2011. №4. - С. 204-211.

⁸⁵ *Гольман М.И.* Президент Элбэгдорж развеял мифы // Азия и Африка сегодня. 2010. №3. - С. 48–53.

⁸⁶ *Грайворонский В.В.* Была ли в Монголии попытка «цветной революции»? // Азия и Африка сегодня. 2008. №12. - С. 36–40; Он же. Монголия в начале XXI века (политика, экономика, общество). – М.: ИВ РАН, 2017. – 352 с.

⁸⁷ *Дагбаев Э.Д.* Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 303 с.

⁸⁸ *Железняков А.С.* Монголия социалистическая и постсоциалистическая // Восток. 1996. №6. - С. 109-110.

⁸⁹ *Жуковская Н.Л.* Монголия: Мир кочевой культуры. - М.: РИОР-ИНФРА-М, 2017. - 242 с.

⁹⁰ *Кузьмин Ю.В., Свинин В.В.* “Панмонголизм” как национальная идея консолидации народов Центральной Азии в XX веке // Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты / Материалы международной научной конференции. г. Иркутск, 10-12 апреля 2000 г. – Иркутск, 2001. - С. 76-78.

⁹¹ *Курас Л.В.* Монголия в начале XXI века: гримасы демократии // Гуманитарный вектор. 2014. №4. - С. 125-132.

⁹² *Лиштованный Е.И.* От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007. – 198 с.

⁹³ *Сабиров Р.Т.* Между прошлым и будущим: процессы трансформации в Монголии в 1990-е – начале 2000 гг. // Позиции России в АТР. - М., 2007. - С. 227-241.

⁹⁴ *Терентьев В.И.* Национализм по-монгольски: истоки межэтнической напряженности в современной Монголии // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект / Материалы докладов ЛП Региональной (IX Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 24-30 марта 2013 г. Владивосток. – Владивосток, 2013. - С. 363-365.

⁹⁵ *Яскина Г.С.* Политические реформы в современной Монголии // Проблемы Дальнего Востока. 1995. №5. – С. 43-51; Она же. Политические процессы в Азии: опыт демократизации. Ч.1. – М.: ИВ РАН, 2010. – 364 с.

⁹⁶ Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Восток-Запад, 2007. – С. 731-750.

политический процесс в Монголии сквозь призму историко-цивилизационного подхода⁹⁷. Однако, учитывая теоретико-методологические основы данного исследования, многие сюжеты и нюансы политического развития Монголии в постсоциалистический период также оказались вне авторского внимания.

Среди монгольских авторов, анализирующих различные аспекты политического процесса в своей стране, можно выделить Н. Галийму⁹⁸, А. Жамбала⁹⁹, Л. Мунх-Эрдэнэ¹⁰⁰, О. Хатанболда¹⁰¹, А. Цанжида¹⁰², С. Цэдэндамбу¹⁰³, Ц. Цэцэнбилэг¹⁰⁴, Г. Чулуунбаатара¹⁰⁵ и других. Несмотря на большой массив работ по данному направлению, системного обобщающего труда, посвященного политическому процессу в постсоциалистической Монголии, монгольскими политологами также до сих пор не выпущено.

Другой значимой темой для исследователей стала внешняя политика Монголии после окончания «холодной войны». Российские востоковеды Е.П. Бажанов¹⁰⁶, Б.В. Базаров¹⁰⁷, В.Ц. Ганжуров¹⁰⁸, О.А. Джагаева¹⁰⁹,

⁹⁷ Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира. - М.: ИС РАН, 2009. – 272 с.

⁹⁸ Галиймаа Н. Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодики // Диаспоры. 2011. №1. - С. 173-182.

⁹⁹ Жамбал А. Улс төрийн сургаалийн түүх (История политических учений). - Улаанбаатар, 2001. – 154 х.

¹⁰⁰ Munkh-Erdene L. The transformation of Mongolia's political system: from semi-parliamentary to parliamentary? // Asian Survey. 2010. Vol.50, № 2. – P. 311-334.

¹⁰¹ Хатанболд О. Ардчиллыг ойлгохуй ба судлахуй: Монголын жишээн дээр (Исследования и интерпретации демократии: на примере Монголии). – Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи Философийн хүрээлэн, 2017. – 170 х.

¹⁰² Цанжид А. Улс төрийн шинжлэх ухаан (Политическая наука). – Улаанбаатар, 1997. – 176 х.

¹⁰³ Цэдэндамба С. Монгол улс дахь шашины нөхцөл байдал (XX-XXI зууны зааг үе) (Религиозная ситуация в Монголии (рубеж XX-XXI вв.)). - Улаанбаатар, 2003. – 129 х.

¹⁰⁴ Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. - Улаанбаатар, 2002. – 148 с.

¹⁰⁵ Chuluunbaatar G. Problems of the Contemporary Socio-Political Transformation in Mongolia. – Ulaanbaatar: Institute Philosophy, Sociology and Law Mongolian Academy of Sciences. 2009. – 112 p.

¹⁰⁶ Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. – М.: Международные отношения, 1990. - 351 с.; Он же. Российско-китайские отношения. – М.: Научная книга, 1999. - 117 с.

¹⁰⁷ Базаров Б.В. Монгольский мир в современном азиатском пространстве // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. №3. – С. 8-15.

¹⁰⁸ Ганжуров В.Ц. Россия – Монголия (история, проблемы, современность). - Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. – 181 с.

¹⁰⁹ Джагаева О.А. Россия и Монголия: очерк истории взаимоотношений в последней четверти XX столетия. – М.: Научное издание, 2003. - 138 с.; 147. Она же. Россия и Монголия: новый этап культурного сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2005. № 5. - С. 56-59.

А.С. Железняков¹¹⁰, Ю.В. Кузьмин¹¹¹, Е.И. Лиштованный, С.Г. Лузянин¹¹², Г.С. Яскина¹¹³ сосредоточили основное внимание на трансформации отношений Монголии с внешним миром после отказа Улан-Батора от идеологии «пролетарского интернационализма» и стратегии ориентации исключительно на Москву. Большинство авторов, отмечая охлаждение российско-монгольских отношений в 1990-е гг., делает вывод о значительном снижении роли российского фактора во внутренней политике Монголии. Соответственно, активизация двустороннего сотрудничества в 2000-е гг. актуализировала вопрос о российском влиянии в Монголии. Для монгольских политологов-международников тема взаимоотношений с внешним миром с самого начала была и остается центральной в силу особого местоположения страны между Россией и Китаем. Помимо российского направления внешней политики Монголии, не менее значимыми для исследований стали отношения с Китаем и внерегиональными державами, именуемыми в самой Монголии «третьим соседом». Методологической основой для большинства монгольских исследователей стал политический реализм, в основе которого лежит принцип баланса сил. Иными словами, монгольские ученые-международники Н. Алтанцэцэг¹¹⁴, Ц. Батбаяр¹¹⁵, К. Дэмбэрэл¹¹⁶,

¹¹⁰ Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира. – М.: ИС РАН, 2009. – 272 с.; Он же. Россия в монгольском треугольнике // Политический журнал. 2004. №8. – С. 42-44.

¹¹¹ Кузьмин Ю.В. Поиск Монголией нового места в международной экономике и мировой геополитике // Роль финансово-экономического образования в инновационном развитии регионов России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Иркутск, 6-12 окт. 2008 г. - Иркутск, 2008. - С. 153-159.

¹¹² Лузянин С.Г. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов // Китай в мировой политике. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 317-335.

¹¹³ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. – М.: ИВ РАН, 2002. – 370 с.

¹¹⁴ Алтанцэцэг Н. Монголо-китайские отношения в эпоху глобализации // Олон улсын харилцаа (Международные отношения). 2003. №2. – С. 46-58; Она же. 90-ээд оноос хойшихи Үеийн Орос-Монгол, Хятад-Монголын харилцаа (Российско-монгольские и китайско-монгольские отношения с начала 1990-х гг.) // Олон улсын харилцаа. 2002. № 2. – Х. 93-95.

¹¹⁵ Batbayar Ts., Soni S. Modern Mongolia: A Concise History. - New Delhi: Pentagon Press. 2007. – 121 p.

¹¹⁶ Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: Сравнительный анализ в историческом контексте XX века. - Иркутск: Оттиск, 2002. - 122 с.

М. Жаргалсайхан¹¹⁷, Э. Наран¹¹⁸, Ч. Пурэвдорж¹¹⁹, Д. Уламбаяр¹²⁰, Д. Шурхуу¹²¹, Б. Эрдэнэбат¹²² сосредоточены на изучении вопроса о сохранении баланса в отношениях Монголии с основными великими державами. Среди авторов из других стран, пишущих о внешней политике Монголии, выделяются Р. Бедески¹²³, Ванг Пейран¹²⁴, А. Вачман¹²⁵, А. Кэмпби¹²⁶, Ш. Сони¹²⁷, С. Тэлфорд¹²⁸.

Таким образом, следует констатировать отсутствие крупных обобщающих работ, посвященных изучению политического процесса в современной Монголии. Исследования, посвященные политическому процессу в современной Монголии, рассматривают лишь отдельные аспекты этого явления, не раскрывая его закономерности и специфику развития.

Объект исследования – политический процесс в современной Монголии, протекающий под влиянием внутренних и внешних факторов

Предмет исследования – постсоциалистическая трансформация как условие политического процесса в современной Монголии

¹¹⁷ *Jargalsaikhan M.* Lingering anti-Sinic sentiments in post-Communist Mongolia: why dislike the Chinese? // *Voices from Central Asia*. 2015. №19 (January). – P. 1-15.

¹¹⁸ *Наран Э.* Хятад, Монголын нам хоорондын харилцааны хөгжил (Развитие взаимоотношений между монгольской и китайской партиями) // *Олон улс судлал*. 2009. №3-4. – X. 95-96.

¹¹⁹ *Пурэвдорж Ч.* Монголо-российское военное сотрудничество: уроки и перспективы // *Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности*. – С. 49-62.

¹²⁰ *Ulambayar D.* Mongolia's "Third Neighbor" Policy: Nature and Purpose // *World Affairs (Ulaanbaatar)*. 2015. № 2 (31). – P. 112-142.

¹²¹ Д. Шурхуу: Өнөөдрийн Орос, Хятад хоёр 20 жилийн дараа баталгаатай найзууд байх уу? (Д. Шурхуу: Останутся ли сегодняшние Россия и Китая нашими друзьями через 20 лет?) [Электронный ресурс] Сайт газеты «Өдрийн сонин» URL: <https://dnn.mn/д-шурхуу-өнөөдрийн-орос-хятад-хоёр-20-жилийн-дараа-баталгаатай-найзууд-байх-уу/> (дата посещения 31.01.2018)

¹²² *Эрдэнэбат Б.* Характер и тенденции развития военных отношений Монголии с зарубежными странами в условиях новой геополитической обстановки // *Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности*. – С. 79-90.

¹²³ *Bedeski R.* Mongolia as a Modern Sovereign Nation-State // *Mongolian Journal of International Affairs*. 2006. №13. - P. 77-87.

¹²⁴ *Wang P.* Mongolia's Delicate Balancing Act // *China Security*. 2009. Vol.5. №2. – P. 72-85.

¹²⁵ *Mongolia: Growth, Democracy, and Two Wary Neighbors : an Interview with Alan Wachman* [Electronic resource] // *The National Bureau of Asian Research (NBR)*. – 2012. – May 3. – URL : <http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=245> (дата посещения 30.01.2018)

¹²⁶ *Campi A.* Transforming Mongolia-Russia-China Relations: The Dushanbe Trilateral Summit, *The Asia-Pacific Journal*, Vol. 12, Issue 44, No. 1, November 10, 2014 [Электронный ресурс] URL: <http://apjif.org/2014/12/45/Alicia-Campi/4210.html> (дата посещения 31.01.2018)

¹²⁷ *Soni S.* Russian policy towards Northeast Asia: The Mongolia factor // *The Mongolian Journal of International Affairs*. 2014. Vol.19. – P. 34-48.

¹²⁸ *Telford S.* To what extent does post-1990 Mongolia pursue an independent foreign policy? // *UNISCI discussion papers*. October 2004. – P. 1-15.

Целью диссертационного исследования является выявление основных закономерностей и тенденций развития политического процесса в современной Монголии в контексте постсоциалистической трансформации.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

- Выявить основные закономерности и характеристики политических процессов в бывших социалистических странах, очертив теоретические рамки понятия «постсоциалистическая трансформация»;

- Вычленить историко-культурные факторы политического процесса в Монголии, оказывавшие влияние на траекторию политического развития страны в различные периоды ее истории;

- Определить истоки и основные черты постсоциалистической трансформации в Монголии, приведшей к кардинальным изменениям идейно-доктринальных основ функционирования политической системы;

- Описав правовой статус основных политических институтов (парламента, правительства, президента), определить механизмы взаимодействия в рамках конституционного устройства современной Монголии;

- Выявить специфику функционирования партийной системы Монголии и вычленить факторы эволюции партийных организаций;

- Раскрыв природу и роль неформальных политических институтов (внутрипартийные группы, бизнес-группы, земляческие сети, гражданские движения), установить степень их влияния на формальные институты в условиях политических реалий Монголии;

- Выявить роль и место Китая во внутривнутриполитическом процессе и внешнеполитической стратегии Монголии;

- Охарактеризовать фактор внерегиональных стран и международных организаций, влияющих на политический процесс современной Монголии;

- Описав состояние современных российско-монгольских отношений, выявить проблемы и перспективы российского влияния на политическое развитие Монголии.

Хронологические рамки исследования охватывают период времени с начала 1990-х гг. по настоящее время. Данный период обозначается как постсоциалистический. Нижняя временная рамка обусловлена началом принципиальных изменений в политической жизни Монголии, в результате «демократической революции 1990 года» отказавшейся от социалистической модели общественного развития и провозгласившей курс на построение демократического государства с рыночной экономикой. Верхняя временная рамка определена текущей политической ситуацией в Монголии. Привлечение материалов более раннего периода было обусловлено проведением сравнительных исследований, позволяющих более точно изучить предпосылки и причины политического процесса на современном этапе.

Источники исследования можно разделить на следующие группы:

1. Официальные нормативно-правовые акты, определившие формальные рамки политического процесса: Конституция Монголии, Закон «О политических партиях», Закон «О выборах», Закон «О государственной службе», Концепция национальной безопасности Монголии, Концепция внешней политики Монголии и другие нормативно-правовые акты.
2. Публичные выступления и официальные заявления, интервью представителей монгольских политических элит, предвыборные программы политических партий и кандидатов в президенты Монголии в период с начала 1990-х по 2017 гг.
3. Данные социологических исследований, опросов общественного мнения Монголии, проводимые монгольским фондом «Сант Марал», сотрудниками Института философии, социологии и права монгольской Академии наук, Институтом социологии Монгольского государственного университета, иных исследовательских организаций и коллективов.
4. Данные Управления статистики Монголии, а также статистические данные и отчеты международных организаций, касающиеся электоральных процессов, социально-экономического и демографического развития Монголии.

5. Материалы монгольских и иных СМИ (газет, журналов, телевидения, интернет-сайтов), освещающих политический процесс в Монголии. Особую значимость представляют материалы национального информационного агентства «Монцамэ», общенациональных монгольских периодических изданий «Өнөөдөр», «Өдрийн сонин», «Ulaanbaatar Post», «Монголия сегодня», «Новости Монголии», интернет-порталов news.mn, sonin.mn, itoim.mn

6. Международные договоры и соглашения, заключенные Монголией с ведущими государствами мира и международными организациями.

Теоретико-методологическая база исследования. Основной теоретической опорой данного диссертационного исследования следует считать концепцию «постсоциалистической трансформации», в рамках которой «постсоциализм» понимается в качестве специфического культурного пространства с общими для многих стран социокультурными проблемами и путями их решения¹²⁹. Помимо изменений формальных политических и экономических институтов, не менее значимым при исследовании постсоциалистических процессов являются культурно-идеологические, дискурсивные сдвиги в рассматриваемых сообществах. Важнейшей дискурсивной составляющей постсоциализма стала идея расставания с коммунизмом как неизбежным общественным строем будущего и необходимости построения капитализма.

Политический процесс в любой современной стране не может быть объяснен исключительно формальными институтами и их функционированием. Согласно широко распространенному в научном сообществе неинституционалистскому подходу, объектами для исследования наряду с формальными, должны быть неформальные институты. Вместе с формальными правилами игры присутствуют неформальные, которые могут реально определять политическую ситуацию. Роль

¹²⁹ Лангеноль А. Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // Ab Imperio. 2004. №1. - С. 365-387.

неполитических по своей природе институтов, таких как бизнес-группы, неправительственные организации и других в последнее время имеет тенденцию к возрастанию. В рассматриваемом случае влияние внешней среды на политический процесс в Монголии осуществляется в том числе через такие неформальные институты как идеология, гражданские и экологические движения. В связи с этим важной методологической основой исследования будет неинституциональный подход¹³⁰.

В диссертационном исследовании использованы следующие методы:

- Метод системного анализа используется для исследования политического процесса в постсоциалистической Монголии как целостного явления, развивающегося под влиянием внутренних и внешних факторов;
- Историко-генетический метод предоставляет возможность изучить процесс генезиса политического процесса в Монголии в различные исторические периоды и провести анализ причинности изменений;
- Компаративистский метод позволяет находить общие и отличительные характеристики политического процесса в Монголии и других постсоциалистических странах, выявить типологически схожие сценарии развития политической системы;
- Институциональный метод – при помощи данного метода исследуются политические институты и их взаимодействие;
- Метод правового анализа документов позволяет исследовать нормативно-правовые основы функционирования политической системы Монголии;
- Метод дискурс-анализа применяется для выявления смысловой составляющей в действиях субъектов политического процесса.

¹³⁰ New Institutionalism: Theory and Analysis / Edited by Andre Lecours. – Toronto: University of Toronto Press, 2005. - 380 p.

Основные результаты исследования, полученные автором, и их научная новизна.

Настоящая диссертация представляет собой первое комплексное политологическое исследование, посвященное анализу политического процесса в Монголии с начала 1990-х гг. по настоящее время. Это обстоятельство определяет следующие положения научной новизны:

1. Сочетание различных теоретико-методологических подходов (теории «постсоциализма» и неоинституционального подхода) дало возможность исследовать становление и развитие основных политических институтов Монголии сквозь призму постсоциалистической трансформации.
2. Были определены ключевые факторы, которые детерминировали феномен постсоциалистической трансформации Монголии. Сущность феномена заключается в том, что Монголия оказалась единственной бывшей социалистической страной в Азии, избравшей модель одновременного реформирования политической и социально-экономической систем.
3. Анализ конституционного устройства, в рамках которого функционирует политическая система современной Монголии, позволил выявить коренные противоречия в механизмах взаимодействия парламента, правительства и президента страны, негативно отражающиеся на политико-правовом и социально-экономическом развитии страны.
4. На основе привлеченного материала была выявлена роль неформальных институтов (внутрипартийные фракции, бизнес-группировки, земляческие сети и др.) в политическом процессе Монголии, при определенных условиях способных подменять собой формальные институты (правительство, парламент, политические партии).
5. В диссертационном исследовании впервые дается комплексный анализ динамики внешнеполитических ориентиров Монголии, что позволило соотнести степень политического влияния основных внешних акторов (России, Китая, «третьего соседа») посредством сравнительного анализа имеющихся у них ресурсов.

б. С учетом имеющегося у России внешнеполитического потенциала, а также опыта предыдущих лет, были предложены практические рекомендации для выработки стратегии взаимоотношений с Монголией. Реализация данной стратегии поможет сохранить и закрепить политическое влияние России в регионе, будет способствовать успешному отстаиванию ее национальных интересов в Монголии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социалистическая модернизация, включившая в себя кардинальные изменения основ политического процесса в Монголии XX в., оказала решающее влияние на последующие события, связанные с трансформацией монгольской общественно-политической системы на рубеже 1980-1990-х гг.
2. Политическая трансформация Монголии, начавшаяся на рубеже 1980-1990-х гг., стала возможна благодаря сочетанию ряда факторов. С одной стороны, внешним импульсом к началу кардинальных политических изменений стала политика «перестройки» в СССР и последовавшие за ней «бархатные революции» в странах Восточной Европы. С другой стороны, модернистская природа общества социалистической Монголии подготовила системный кризис, приведший к отказу от социалистической модели общественного развития.
3. В отличие от первых многопартийных учредительных выборов в странах Восточной Европы, где победу в основном одержали коалиционные антикоммунистические силы, в Монголии власть сохранила Монгольская народно-революционная партия (МНРП), поддержанная большинством населения. Основными причинами данного феномена нужно считать исторически обусловленное восприятие МНРП в качестве символа монгольской независимости, обретенной под ее руководством в XX в., а также крайне малый стаж ведения политической борьбы оппозиционными партиями, возникшими из числа академической и студенческой молодежи.
4. Выбор модели реформирования, основанной на синхронизации политических (демократизация) и экономических (свободный рынок)

изменений, был обусловлен значительным влиянием восточноевропейского и российского опыта. В этой связи траектория постсоциалистической трансформации имела ряд типологических сходств с аналогичными процессами в странах Восточной Европы.

5. Демократия, воспринимавшаяся монгольским обществом крайне противоречиво, объявлялась главным содержанием и одновременно целью политического реформирования. Радикальные перемены в идеологической, экономической, внешнеполитической сферах трактовались как часть процесса демократизации, что придавало им легитимность в глазах общественности.

6. Институциональный выбор Монголии в пользу парламентской республики был продиктован рядом факторов, среди которых выделяются такие как стремление гарантировать политическую систему от возврата к авторитаризму, сильное идейное влияние западных экспертов, а также соображения внешнеполитической безопасности.

7. Установившаяся с самого начала институционализации новой политической системы мажоритарная форма парламентских выборов определила господство двух партий – Монгольской народно-революционной (с 2010 г. - Народной) и Демократической (ДП). Отсутствие реальной возможности для остальных политических партий пройти в парламент приводит к эффекту картелизации, выраженной в периодических сговорах МНРП/МНП и ДП по тем или иным вопросам.

8. Основными источниками противоречий в механизме взаимодействия законодательного и исполнительного органов власти является конституционное право совмещения одним человеком депутатских и министерских должностей, а также конституционный механизм формирования состава правительства путем назначения каждого министра членами парламента. Все это приводит к низкой эффективности политического управления, квинтэссенцией которой является частая смена кабинета министров. Это, в свою очередь, ведет к низкому уровню доверия со

стороны населения к парламенту и ставит под вопрос результаты демократизации.

9. Низкая эффективность парламентско-премьерской республики способствует популяризации идеи введения президентского правления. На взгляд сторонников данной идеи, это будет способствовать стабилизации исполнительной власти и увеличит ответственность правящих кругов.

10. В рамках политического процесса современной Монголии крайне велика роль неформальных институтов, что определено, в первую очередь, низкой эффективностью и слабостью формальных институтов, прежде всего, парламента и правительства, чья деятельность в значительной степени подчинена интересам лидеров ведущих политических партий. В свою очередь, политические партии зачастую выступают организационным ресурсом для представителей крупного бизнеса, лоббирующего через партийные и парламентские структуры собственные интересы. Все это стимулирует развитие таких общественных проблем как коррупция, nepotизм, произвольная трактовка законов.

11. Высокий уровень коррупции и nepotизма в органах власти затрудняет процесс саморегулирования системы в деле устранения существующих недостатков. В этой связи крайне актуальным является вопрос о роли гражданского общества и его институтов в деле воздействия на власти. Однако подконтрольность многих гражданских движений политическим группам и высокопоставленным политикам, инструментальный характер их деятельности зачастую дискредитируют саму сущность гражданского общества.

12. КНР, являясь крупнейшим торговым и инвестиционным партнером Монголии, одновременно с этим в силу исторических, культурно-психологических и текущих экономических причин играет роль главного источника вызовов и угроз монгольской национальной безопасности. Это обуславливает монгольскую стратегию сотрудничества как с Россией, так и с

рядом стран, не имеющих общей границы с Монголией (США, Республика Корея, Япония, страны ЕС), которые призваны стать противовесом Китаю.

13. Ведущие державы Запада и их союзники, в начале 1990-х гг. оказав большое влияние на институциональное оформление политического режима Монголии, продолжают играть важную роль в политическом процессе страны. Внерегиональные державы осуществляют свое политическое влияние, прежде всего, посредством методов и инструментов «мягкой силы» («мягкого влияния») - политической идеологии, структур международных организаций и НПО, военного и гуманитарного сотрудничества.

14. Современная Россия, оставаясь важным военно-политическим и экономическим партнером Монголии, в сравнении с эпохой социализма потеряла доступ к идейной повестке монгольского политического процесса. При развитии негативных тенденций в российско-монгольском экономическом и культурно-гуманитарном сотрудничестве, это может привести к усилению тенденции политического отдаления Монголии от России. В связи с этим насущными задачами для российской стороны являются использование стратегии, основанной на сотрудничестве со всеми ведущими политическими силами Монголии, активизация инвестиционной политики на монгольском рынке и активное применение факторов «мягкой силы» для сохранения и укрепления своего влияния в Монголии.

Научно-практическая значимость работы. Результаты, которые были получены по итогам исследования, будут иметь прикладное значение для отечественных органов власти, российских деловых кругов и институтов гражданского общества, ведущих свою деятельность в Монголии и/или на монгольском направлении. В частности, знание специфики межпартийной и внутрипартийной борьбы поможет российским органам власти более эффективно планировать сотрудничество с той или иной политической силой Монголии. Реалистичные представления о механизмах принятия решений по наиболее значимым политическим и экономическим вопросам дадут возможность бизнес-структурам России выстраивать соответствующие

стратегии вхождения на монгольский рынок. Кроме того, материалы диссертационного исследования могут быть использованы для последующего проведения научного анализа политического процесса в Монголии, а также при разработке курса лекций по таким учебным дисциплинам как «Социально-политическая система Монголии», «Внешняя политика Монголии», «История Монголии» для бакалавров направления подготовки «Востоковедение, африканистика», «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения».

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены в докладах и выступлениях:

- Международных научных конференциях: «Иерархия и власть в истории цивилизаций» (г. Москва, 23-26 июня 2009 г.); «Международные отношения в Центральной Азии: история и современность» (г. Барнаул, 29 апреля 2010 г.); «Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления и концепции» (14-17 октября 2012 г.); «Социальные идентичности и социальная структура России и Монголии в условиях трансформации» (г. Улан-Удэ, Монголия, 8-10 августа 2013 г.); «Процессы социальной интеграции и дезинтеграции (идентичности в меняющемся мире)» (г. Улан-Батор, Монголия, 8-15 августа 2014 г.); «The international conference on Ulaanbaatar dialogue on Northeast Asia security» (Ulaanbaatar, Mongolia, 17 June 2014); «Арктический диалог в глобальном мире» (Улан-Удэ, 25-16 июня 2015 г.); «Пути и механизмы трансцивилизационного взаимодействия России и Монголии» (Улан-Батор, Монголия, 15-17 августа 2015 г.); «Steppe road: Mongolia's connectivity in Eurasia» (Cambridge, UK, 8-9 December 2015); The Eleventh international congress of Mongolists (Ulaanbaatar, Mongolia, 15-18 August 2016); «Россия – Монголия: история, вызовы XXI века, перспективы» (Москва, 13-14 октября 2016 г.); «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 12-13 октября 2016 г.); «Мир Центральной Азии – IV» (Улан-Удэ, 18-22 сентября 2017 г.);

- Всероссийских научных конференциях: «Актуальные проблемы

современных российско-монгольских отношений» (г. Улан-Удэ, 1 июля 2013 г.); «Монголия в системе международных отношений: история и современность» (г. Улан-Удэ, 15 мая 2015 г.); «Монголия и великие державы: в поиске оптимальной формулы взаимодействия» (г. Улан-Удэ, 29 мая 2015 г.); «Россия и Монголия: прошлое, настоящее, будущее» (г. Чита, 14 марта 2016 г.).

Полученные в ходе диссертационного исследования результаты легли в основу курса лекций по учебным дисциплинам «Социально-политическая система Монголии», «История Монголии» для бакалавров направления подготовки «Востоковедение и африканистика», «История политических учений Востока» для магистрантов направления подготовки «Востоковедение и африканистика» в ФБГОУ ВО «Бурятский государственный университет».

Основное содержание диссертации отражено в 2-х индивидуальных монографиях «Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века» (Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2009. 13,3 п.л.) и «Политический процесс в постсоциалистической Монголии» (Улан-Удэ: БГУ, 2018. 19 п.л.); коллективной монографии «Современные российско-монгольские отношения: модели и сценарии» (Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет, 2013. 15 п.л.), 27 статьях в рецензируемых журналах, включенных в перечень ВАК РФ, и 20 публикациях в иных изданиях. Общий объем публикаций по теме диссертации 55 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 7 глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Работа содержит 17 таблиц, 2 графика и 2 диаграммы.

Глава 1. Теоретико-концептуальные основы политического процесса в постсоциалистических странах

1.1. Основные подходы в исследовании постсоциализма

Тектонические сдвиги в мировой политике, связанные с дезинтеграцией Советского Союза, серией «бархатных революций» в странах Восточной Европы, политикой экономических реформ в ряде социалистических государств Восточной Азии, привели к возникновению таких понятий как «постсоциализм» и «постсоциалистические страны»¹³¹. Как отмечает К. Бойме, «крах реального социализма поставил исследования трансформаций буквально на поток»¹³². Данные обстоятельства способствовали активизации общественно-политических и академических споров по вопросу о том, что понимать под «постсоциализмом» и «постсоциалистическими странами».

При поверхностном взгляде на эту проблему постсоциалистическими странами можно было обозначить все те, что отказались от социализма как модели общественно-политического развития. Соответственно, подсоциализмом можно было считать состояние после этого отказа. В то же время, подобная трактовка не позволяла объяснить природу произошедших перемен и аналитически описать траекторию развития этих стран в будущем.

В попытке найти ответ на эти вопросы некоторые авторы обратились к геополитическим истокам свершившихся изменений¹³³. Обширная территория от ГДР на западе и КНДР на востоке, долгое время входившая в советскую сферу экономического, военного и идеологического влияния, на рубеже 1980-1990-х гг. оказалась в своеобразной зоне геополитической турбулентности в

¹³¹ См., например: *Aslund A. Post-Communist Economic Revolution: How Big a Bang? // Creating the Post-Communist Order. 1992. – P. 503-525; Elster J. When Communism Dissolves // London Preview of Books. 1990. Jan.24. – P. 3-6; Jowitt K. New World Disorder. The Leninist Extinction. - Berkley, Los Angeles, London: University of California Press. 1992. – 342 p.; Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. 1991. Vol.58. №4. - P. 501–528.*

¹³² *Бойме К. Теория трансформации - новая междисциплинарная отрасль знания? // Государство и право. 1994. № 7. - С.148.*

¹³³ *Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. 1994. №10. – С. 30-40; The Changing Geopolitics of Eastern Europe / Ed. A. Dawson, R. Fawn. – London, New York: Routledge, 2001. – 184 p.; Kuus M. Geopolitics Reframed: Security and Identity in Europe's Eastern Enlargement. - New York: Palgrave Mcmillan, 2007. – 31 p.*

силу известных событий, связанных с ослаблением и дальнейшим распадом Советского Союза. Во многом данные события обусловили отказ многих бывших союзников Москвы от социализма как желаемого будущего. Иными словами, внешний фактор, выраженный в исчезновении СССР, предопределил появление категории «постсоциалистические страны». Однако, выше описанные изменения не стали источником для кардинальных перемен в большинстве социалистических стран Восточной Азии, а также на Кубе, формально не отменявших конечную цель, связанную с коммунистическим будущим. Кроме того, указание на внешний источник как единственный фактор кардинальных перемен упрощало политический анализ и не демонстрировало всей палитры происходящего. В связи с этим события геополитического характера нельзя признать исчерпывающим критерием при выявлении сущности постсоциализма.

Ключевыми признаками, определившими предметные рамки исследований постсоциализма, нужно признать конкретные экономические, социальные и политические условия и процессы конца 1980-х – начала 1990-х гг. в странах Восточной Европы, бывших советских республиках, а также в Монголии¹³⁴. До начала данных трансформационных процессов рассматриваемые страны обладали набором общих признаков: официальная доминирующая коммунистическая идеология с незначительными вариациями, преобладание или монополия государственной собственности и командно-плановых методов управления экономикой, сращивание государственных и партийных структур, примат коллективных интересов над индивидуальными и т.п. При этом, в отличие от большинства социалистических стран Восточной Азии и Кубы, для указанной группы стран общим стал официальный отказ от прежней модели развития и провозглашение курса на построение капиталистической экономики и демократизации политической системы.

¹³⁴ В отечественной литературе термин «постсоциализм» применительно к Монголии использовался в работах: *Кива А.В.* Социалистическая ориентация: аномалия или естественная фаза мирового развития? // *Общественные науки и современность.* 1997. №5. - С. 16; *Яскина Г.С.* Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы. - М., 1994. - С. 276.

Направлением, в русле которого стали активно изучаться кардинальные изменения социально-экономического и идейно-политического характера в бывших социалистических странах, стала транзитология, чье наименование произошло от термина «транзит», или «переход» (transition). Данное направление, по общему признанию, является одной из вариаций теории модернизации, исходившей из линейности (однонаправленности) общественного развития всех стран мира. Согласно основным постулатам теории модернизации, аграрные «традиционные» общества могут достичь более высокого «современного» уровня общественного развития за счет ускоренной индустриализации и урбанизации. При этом эталонным для модернизации признавался опыт стран Запада, на которые должны были ориентироваться еще не модернизированные страны¹³⁵. Однако, если в 1950-1960-х гг. теоретики модернизации противопоставляли «традиционное» общество обществу «современному», то в начале 1990-х гг. транзитологи противопоставили социализм (как «отсталую модель») и капитализм (как «модель прогрессивную»)¹³⁶. «Транзит» был призван подчеркнуть состояние «между» тем, от чего общество решило уйти (социализм) и тем, к чему оно направляется (капитализм)¹³⁷.

Такие процедуры как приватизация государственной собственности, ликвидация ценового регулирования, общая минимизация государственного вмешательства в экономику рассматривались ключевыми элементами экономической составляющей «транзита». Все это в конечном счете должно было создать рыночную экономику в бывших социалистических странах. В политическом отношении теория «транзита» выражалась в методике перехода от тоталитарно-авторитарных систем к либеральной демократии,

¹³⁵ См., например: *Lerner D.* The Passing of traditional Society: Modernizing the Middle East. - New York and London, 1963. – 466 p.; *Rostow W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. - Cambridge, 1960. – 10 p.

¹³⁶ *Пшечворский А.* Демократия и рынок. М., 2000; *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995; *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. - Baltimore and London: John Hopkins University Press, 1996. - 504 p.; *Schmitter F., Karl T.L.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists // *Slavic review.* 1994. №1. - P. 173-185.

¹³⁷ *Родионов В.А.* Монголия на рубеже XX-XXI вв.: случай постсоциалистической трансформации // *Вестник Института социологии.* 2016. №3(18). - С. 141.

признаваемой в качестве лучшей формы политического устройства¹³⁸. В результате демократизация в ее транзитологическом прочтении провозглашалась объективным и универсальными итогом развития любого общества.

Особенно важно подчеркнуть, что либерализация экономики и демократизация политической системы в рамках теории «транзита» виделись взаимосвязанными явлениями, диалектически сосуществующими друг с другом. Рыночные реформы, по замыслу западных теоретиков, должны были привести к созданию среднего класса, что, тем самым, создавало бы социальную базу демократического режима. В свою очередь, демократический режим, гарантирующий свободу экономической деятельности и разнообразия форм собственности, укреплял основы рыночной экономики¹³⁹.

В рамках транзитологии была предпринята попытка создания единой теории политической трансформации. Ярким примером здесь могут выступить теоретические построения классиков транзитологической теории Г. О'Доннела и Ф. Шмиттера, выделивших три стадии транзита: либерализацию как процесс институционализации гражданских свобод без смены политической системы; демократизацию, предполагающую демонтаж авторитарного режима; ресоциализацию, в рамках которой гражданами устанавливаются новые нормативно-правовые и ценностные рамки политической системы¹⁴⁰.

Помимо разработанной теории перехода к демократии и рынку транзитология имеет свою систему оценки успешности осуществляемого процесса. Как правило, выделяют две группы критериев такой оценки. К

¹³⁸ *Rostow D.* Transition to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. April 1970. - P. 337-363; *Diamond L.* Promoting Democracy in the 1990s. Actors and instruments, Issues and Imperatives. A report to the Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. - New York, 1995. - P. 9-11; *Muravchik J.* Exporting Democracy: Fulfilling America's Destiny. - Washington, D. C.: The American Enterprise Institute, 1991. – 259 p.

¹³⁹ *Burkhart R., Lewis-Beck M.* Comparative Democracy: The Economic Development Thesis // *American Political Science Review*. December 1994. - P. 903-910; *Diamond L.* Economic Development and Democracy Reconsidered // *American Behavioral Scientist*. March/June 1992. - P. 450-499.

¹⁴⁰ *Transitions from authoritarian rule: prospects for democracy / Ed. by G. O'Donnel, Ph. Schmitter.* – Baltimore: Whitehead, 1986. - P. 9-13.

первой группе относятся политические и институциональные параметры: тексты вновь принятых конституций, определяющих полномочия и отношения между различными ветвями и институтами власти, электоральная и партийная система, прецеденты смены власти через демократические выборы, степень гражданских свобод и т.п. Многие политологи отмечали взаимосвязь организации властных институтов и степени успешности демократического процесса. Например, по мнению А. Лейпхарта, «для новых демократий наиболее выгодной является сочетание парламентской формы правления с пропорциональным представительством, что может привести к положительному результату демократического транзита»¹⁴¹. Х. Линц утверждал, что парламентские демократии постсоциалистических стран более устойчивы по сравнению с президентскими к вызовам современности и менее подвержены распаду¹⁴². В целом, транзитологи выводили четкую связь между институциональной структурой и степенью демократизации. Вторую группу критериев образуют авторитетные международные рейтинги, сочетающие данные статистики с экспертными оценками. К наиболее известным организациям, чьи рейтинговые исследования демократии и ее атрибутов широко растиражированы за последние два десятилетия, относятся «Freedom House», «Economist Intelligence Unit», «Democracy Ranking Association», «Индекс демократии Тату Ванханена». В России попыткой создания подобной системы измерения демократии и политических институтов стал проект сотрудников МГИМО – Университет МИД РФ «Политический атлас современности»¹⁴³.

Особенностью транзитологии является неразрывная связь ее теоретико-методологической и практико-ориентированной составляющих. В силу глубокой убежденности в правильности и безальтернативности идей

¹⁴¹ Lijphart A. Democratization and Constitutional Choices in Czech-Slovakia, Hungary and Poland in 1989-91 // Journal of Theoretical Politics. 1992. №4. - P. 207.

¹⁴² Linz J.J. The perils of presidentialism // Journal of democracy. 1990. Vol.1. №1. - P. 51-69.

¹⁴³ Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.

«транзита», многие его сторонники поспешили воплотить эти идеи в жизнь. Как указывает В.С. Мартьянов, «необходимость рефлексии о ценностных аксиомах транзитологических политических теорий внутри самих этих теорий не имеет смысла. Исследователь, использующий подобный теоретический инструментарий, знает легко предсказуемые ответы на все возможные вопросы, причем еще до того, как их задаст. Таким образом, транзитология побуждает своих адептов превращаться из ученых в идеологов»¹⁴⁴. В первые годы экономических и политических реформ в постсоциалистических странах огромную роль сыграли западные, а также получившие образование на Западе местные эксперты, выступавшие за последовательное и точное исполнение готовых рецептов, разработанных транзитологами. Эпоха транзита породила слой новых технократических элит, ориентированных на страны Запада в той же степени, в которой их предшественники из коммунистических партий ориентировались на СССР.

В рамках различных школ и направлений социальных наук транзитология неоднократно подвергалась критике, в ходе которой выявлялись ее онтологические и гносеологические ограничения.

Многие исследователи подвергают критике транзитологию, обращая внимание на ее одностороннее внимание к формальным экономическим и политическим институтам. Финский социолог Й. Никула указывает на то, что в течение первых лет трансформации анализ причин этого перехода и его процессов опирался исключительно на экономические предпосылки: неэффективность экономики, монополистическая структура производства, недостаток капитала, низкая производительность, низкий уровень рабочей этики и т. д. Сходные взгляды превалировали и в политическом анализе: не хватало зрелой демократической системы с партиями, гражданским обществом, разграничением между законодательной и исполнительной

¹⁴⁴ Мартьянов В.С. Конец транзитологии: что дальше? // Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и новых независимых государствах / Сб.науч.ст. по итогам межд. конф. - Екатеринбург: УрО РАН, 2004. - С. 31.

властями... При этом никак не учитывались содержание и динамика неформальных институтов и их взаимодействие с формальными институтами¹⁴⁵.

Заостренное внимание транзитологии на построении рынка и демократии, попытках ее измерения ограничивают анализ политического процесса в постсоциалистических странах. При анализе ситуации сторонниками транзитологии оцениваются либо только формальные институты без учета неформальных практик, либо данные международных рейтингов, зачастую опирающихся на крайне субъективные, политически ангажированные и не принимающие во внимание национальную специфику экспертные оценки.

Другие авторы обращают внимание на «утопичность и/или устарелость идейных установок транзитологии... ее радикальную морализаторскую бинарность в оценках общественной реальности (традиция vs современность, социализм vs капитализм и т.д.)... западноцентризм»¹⁴⁶. В результате делается логический тезис о неспособности транзитологии адекватно описать разнообразный страновой и исторический материал, который игнорируется при анализе социальной и политической трансформации¹⁴⁷. Сам транзитологический подход, связанный исключительно с западными ценностями Модерна и Просвещения, представляет собой абстрактное теоретизирование и не способен объяснить конкретные политические процессы в той или иной постсоциалистической стране¹⁴⁸.

Теория «транзита», как было указано выше, в своих основных выводах исходит из более ранних построений теории модернизации, созданной для аграрных обществ, а также для описания изменений в бывших авторитарных странах Южной Европы и Латинской Америки. В то же время индустриальные

¹⁴⁵ Никула Й. Теория зависимости от траектории развития и постсоциалистический подход // Мир России. 2005. №1. - С. 135-137.

¹⁴⁶ Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис. Политические исследования. 2001. №4. - С. 6-26.

¹⁴⁷ Blokker P. Post-communist modernization, transit studies and diversity in Europe // European Journal of Social theory. 2005. №8. - P. 503-525.

¹⁴⁸ Мартьянов В.С. Указ. соч. - С. 31-44.

социалистические страны Восточной Европы и многие республики бывшего СССР по уровню и характеру социально-экономического развития значительно отличались от всего выше перечисленного. Попытки применения данных моделей и рецептов для постсоциалистических стран свидетельствуют об упрощенном понимании природы социализма, рассматриваемого сквозь призму теорий тоталитаризма. Поэтому закономерен вопрос, способна ли транзитология вычлнить специфику постсоциалистических политических изменений. Могут ли быть сведены к единому знаменателю трансформации военно-авторитарных режимов Греции, Испании, Бразилии, допуская частную собственность и рыночные отношения и постсоциалистическая трансформация?

К одним из наиболее глубоких и последовательных критиков транзитологии следует отнести представителей политической антропологии.

Во-первых, политантропологи подвергают критике транзитологию за ее линейную однонаправленность в понимании общественного развития, конечной точкой которого якобы должен стать капитализм. М. Буравой и К. Вердери убеждены, что «не существует заранее предписанной магистрали общественного развития по западному образцу в качестве конечной точки. Потому что процесс трансформации непредсказуем как по своему содержанию, так и по конечному результату. Будущее не предопределено, а прошлое не имеет прямого воздействия на будущее постсоциалистических стран»¹⁴⁹.

Во-вторых, понятие «транзит» критикуется за «продвижение западных экономических и политических интересов в Восточной Европе», а также за прозападные рецепты реформ. Неолиберальные теории видят в «транзите» исключительно процесс социальной имитации и простого копирования уже имеющегося опыта. Такое предположение отсылает нас к идее, согласно которой все мировые сообщества являются частью глобального

¹⁴⁹ Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World / ed. By M. Burawoy, K. Verdery. - New York: Rowman & Littlefield, 1999. – P. 12.

развивающегося континуума, основанного на свободе частной собственности и едином понимании современности - непременно западной современности¹⁵⁰. По выражению венгерской исследовательницы А. Гажи, «постсоциалистические общества зачастую не в состоянии понять собственное состояние помимо привнесенных западных концепций»¹⁵¹. Работы исследователей постсоциализма подвергают сомнению т.н. доктрины «шоковой терапии» и «большого взрыва», активно продвигаемые Международным валютным фондом, Всемирным банком и другими транснациональными организациями.

В-третьих, продвигая эволюционистский взгляд на текущую действительность, транзитологи выстраивают социокультурную иерархию, в рамках которой страны и народы бывшего социалистического блока выглядят «отстающими» от «передового» Запада, а значит «не вполне полноценными». Ярким образцом подобной риторики является высказывание П. Штомпки о «цивилизационной некомпетентности как основной угрозе для успешного процесса перехода», корни которой лежат в обществах советского типа с его ценностями, привычками, мотивами, препятствующими «развитию современной культуры». Создание «цивилизационной компетентности», которая содержит такие аспекты как культура предприятия, городская культура, дискурсивная культура и повседневная культура, является предпосылкой развития реального современного общества. Задача по созданию и продвижению «цивилизационной компетентности», прежде всего, должна решаться институтами гражданского общества при активной поддержке со стороны западных организаций и институтов¹⁵².

По мнению Т. Зарицки, подобный ориенталистский дискурс, господствующий в западной научной литературе, публицистике и

¹⁵⁰ Гурова О.Ю. Послесловие: подходы к изучению постсоциализма // Этнографическое обозрение. 2014. №3. - С. 106.

¹⁵¹ Gagy A. Why don't East European movements address inequalities the way West European movements do? A review essay on the availability of movement-relevant research // Interface: a journal for and about social movements. 2015. Vol.7 (2). November. - P. 15.

¹⁵² Sztompka P. Civilizational Incompetence: The trap of post-communist societies // Zeitschrift fur Soziologie. 1993. - P. 22.

политической сфере, создал феномен «восточности» для стран Центральной и Восточной Европы¹⁵³.

В целом, представители антропологического направления в исследовании постсоциализма отмечают, что транзитология не может объективно и реалистично осмыслить неоднозначный по своим результатам опыт постсоциалистических стран¹⁵⁴.

Не вполне успешный опыт применения на практике рецептов транзитологии заставил сторонников данного направления несколько переосмыслить ряд тезисов, при сохранении общего направления. Как заключает российский политолог А.Ю. Мельвиль, на современном этапе транзитология «не ставит своей целью построение общеприменимой и универсальной матрицы демократизации. Центральное для этой дисциплины понятие транзита объединяет любые по форме и содержанию процессы перехода от прежнего, недемократического, состояния, к иному»¹⁵⁵.

Учитывая выше перечисленную критику, М. Буравой в свое время предложил заменить идеологически перегруженный термин «транзит» на концепцию «постсоциалистической трансформации»¹⁵⁶. Этот термин был призван объяснить общие исторические и пространственные характеристики рассматриваемых стран. Например, общее для восточноевропейских стран и бывших советских республик социалистическое прошлое является институциональной базой для событий постсоциалистической эпохи. Как утверждает К. Вердери, использование концепции «постсоциалистической трансформации» помогает «изучать повседневную реальность тех, кто был вынужден приспособливаться к новым условиям жизни и потребления после падения социализма: то, как жители бывших социалистических стран жили во время реформ; как воспринимали эти реформы; как приспособивались к

¹⁵³ *Zarycki T.* Ideologies of Eastness in Central and Eastern Europe. - Oxon: Routledge, 2014. - P. 32.

¹⁵⁴ *Uncertain Transition.* – 322 p.

¹⁵⁵ *Мельвиль А.Ю.* Демократические транзиты / Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. - М.: РОССПЭН, 2007. - С. 124.

¹⁵⁶ *Burawoy M.* Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism // East European Politics and Society. 2001. Vol. 15. Issue 2. - P. 271.

новым обстоятельствам; как их социалистическое прошлое влияло на настоящее; какие типы идентичностей появились в новых обстоятельствах; какие новые практики возникли и так далее»¹⁵⁷.

Рассуждая о смысле использования категории «постсоциализм», А. Лангеноль считает, что она «позволяет продемонстрировать различия между старыми демократиями Запада и еще не полностью сложившимися демократиями Востока и, таким образом, ставит под сомнение предположение об автоматическом выравнивании демократических структурных и культурных моделей»¹⁵⁸. Говоря иначе, исследования постсоциализма призваны показать, что общественные процессы, идущие в рассматриваемых обществах, развиваются иначе, нежели в странах классического капиталистического Запада.

Таким образом, взамен эволюционистской по своему характеру транзитологической теории предлагается концепция «постсоциалистической трансформации», в основу которой положена идея «множественных современностей», не сводимых к единственной модели общественного развития.

Сторонники концепции «постсоциалистической трансформации» в своих исследованиях нередко используют неоинституциональный подход, основанный на анализе роли неформальных институтов в политическом развитии стран постсоциализма. Нелинейность, а порой и непредсказуемость политических процессов в новых демократиях заставила пересмотреть устоявшиеся представления о динамике, направленности и характере их общественного развития. Стремясь более глубоко проникнуть в хитросплетения политических процессов в странах Восточной Европы, многие исследователи отказались от изучения исключительно формальных политических институтов (законодательства, парламентской и президентской

¹⁵⁷ Verdery K. Whither Postsocialism? // Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia, ed. C. Hann. - London, New York: Routledge, 2002. - P. 17.

¹⁵⁸ Лангеноль А. Общественная память после смены строя. - С. 368.

властей, правительственных органов, судов, политических партий, государства в целом). Фокус исследовательского внимания оказался сосредоточен на таких не менее значимых политических институтах как клиентелизм, nepotism, коррупция, бизнес-группировки, зачастую вносящих серьезные коррективы в изначальную стратегию политического развития стран постсоциализма¹⁵⁹.

Несмотря на определенную популярность в академической среде концепции «постсоциалистической трансформации», она также подверглась критике. Сомнению подвергся сам термин «постсоциализм». При оценивании состояния изученности постсоциализма в целом и политического процесса в постсоциалистических странах в частности, отмечается некоторая ограниченность приставки «пост-», не способной в полной мере передать существо происходящих изменений в этих странах¹⁶⁰. Социологи, политологи, философы, затрудняясь в четком определении характера современного и будущего общества, как правило, находят выход в простом использовании приставки «пост», что не способствует выявлению сути проблемы.

Нередким является употребление термина «посткоммунизм»¹⁶¹ в качестве более адекватной замены термину «постсоциализм». Некоторые исследователи склонны объяснять употребление термина «посткоммунизм» тем, что он более точно отражает последствия предыдущей ориентации развития соответствующих стран. В то время как «постсоциализм» предполагает более широкую трактовку прошлого этих стран¹⁶². На наш

¹⁵⁹ Grzymala-Busse A. Informal Institutions and the Postcommunist States. - Washington D.C., 2006. - 29 p.; Informality in Eastern Europe. Structures, Political Cultures and Social Practices, Interdisciplinary Studies on Central and Eastern Europe / Ed. by C. Giordano, N. Hayoz and J. Herlth. - Berlin: Peter Lang, AG, 2013. - 490 p.; Muno W. Informal Institutions and Democracy: Corruption, Clientelism, and Organized Crime in Latin America and Eastern Europe. - New Orleans: APSA, 2012. - 31 p.; Ristei M. Competing Formal and Informal Institutions in a Democratizing Setting: An Institutional Analysis of Corruption in Romania. - Michigan: Western Michigan University Kalamazoo, 2010. - 503 p.; Wedel J. Collision and Collusion: A Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. - New York: St. Martin's Press, 1998. - 254 p.

¹⁶⁰ См., например: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - С. 9.

¹⁶¹ См., например: Aslund A. Post-Communist Economic Revolution: How Big a Bang? // Creating the Post-Communist Order, 1992. Vol.XIV. №9; Hellman J. The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics. 1998. № 50. - P. 203-234.

¹⁶² Папава В. О терминологическом аспекте постсоциалистической трансформации // Общество и экономика. 2005. №7. - С. 56.

взгляд, термин «посткоммунизм» в сравнении с термином «постсоциализм» несет в себе более политизированный подтекст в силу негативной (особенно в западном мире) коннотации соотносимого с ним термина «коммунизм». В свою очередь постсоциализм политически более нейтрален, и потому менее перегружен эмоционально. Кроме того, страны, именуемые посткоммунистическими, в строгом смысле слова не являлись носителями коммунистической формации, а лишь декларировали свою нацеленность на нее. В то время как основные составляющие социализма (в его советской и восточноевропейской трактовке) были реальной практикой.

Исследователи из постсоциалистических стран критикуют своих западных коллег за невнимательность к местному материалу, излишней оторванности теории от практики и реальной жизни, что в конечном итоге ведет к новой ориентализации. Изучая исключительно бывшие социалистические страны, западные ученые описывают их исторический опыт как запутанный и хаотичный. При этом остается за рамками внимания вопрос о том, считают ли сами жители изучаемых стран свой опыт таковым¹⁶³. По мнению Й. Никулы, не может быть общей теории «постсоциалистической трансформации» по той причине, что не существует ни типичного постсоциализма, ни типичного капитализма¹⁶⁴.

В то же время в качестве немаловажных исследовательских парадигм выступают, например, категории «внутренней колонизации» А. Эткинды или «встроенного ориентализма» («nesting orientalism») М. Буховски, которые могут объяснить отношения между населением бывших соцстран и государственной властью, включая новые элиты. М. Буховски, например, с помощью этой категории описывает колониальный опыт тех, кто остался в проигрыше, не получив достойных ресурсов в результате развала социализма, - неквалифицированных рабочих и жителей деревень. Данные группы населения характеризуются как некомпетентные, имеющие «дурные

¹⁶³ Гурова О.Ю. Указ. соч. - С. 107.

¹⁶⁴ Никула Й. Указ. соч. - С. 137.

привычки» и неспособные перенять такие позитивные капиталистические черты, как высокие стандарты труда, самодисциплина и рабочая этика¹⁶⁵.

На наш взгляд, при всех выше описанных замечаниях употребление терминов «постсоциализм» и «постсоциалистическая трансформация» наиболее продуктивно с точки зрения выявления сути общественно-политических и экономических процессов в исследуемых государствах и обществах. Страны, относимые к постсоциалистическим, в начале 1990-х гг. в своем развитии отталкивались от того, что они понимали под социализмом. Новая общественная модель виделась и воспринималось в качестве антипода социализму. Иными словами, «постсоциализм» понимается в качестве «специфического культурного пространства с общими для многих стран социокультурными проблемами и путями их решения»¹⁶⁶.

Изменения в функционировании формальных политических и экономических институтов происходили на фоне культурно-идеологических перемен, во многом завязанных на дискурсивных сдвигах в исследуемых странах. Ключевой дискурсивной составляющей постсоциализма выступила идея разочарования в коммунизме как лучшем общественном строе будущего и замены его капитализмом.

Подобный взгляд на концептуальные основы постсоциализма формирует исследовательские рамки, включающие в себя восточноевропейские страны, бывшие советские республики, а также Монголию.

¹⁶⁵ Гурова О.Ю. Указ. соч. - С. 108.

¹⁶⁶ Лангеноль А. Указ. соч. - С. 365.

1.2. Общее и особенное трансформационных процессов в постсоциалистических странах

Первая группа вопросов, важных с точки зрения анализа постсоциалистической трансформации, относит нас к дискуссиям о причинах и природе этого процесса.

По общему мнению специалистов, перемены в странах Восточной Европы были спровоцированы событиями в СССР, в частности, инициированной М.С. Горбачевым политикой «перестройки»¹⁶⁷. Начатые Москвой изменения социально-экономического и политического характера стали сигналом для многих восточноевропейских обществ. В частности, концепция «нового мышления», ставшая новой идейной основой внешней политики Москвы, предполагала содействие реформированию политических систем государств Восточной Европы наподобие советской «перестройки», а также отказ советского руководства от вмешательства во внутривнутриполитический процесс этих стран¹⁶⁸. И.Н. Тарасов, анализируя предварительные условия политических перемен в странах Восточной Европы, помимо политики «перестройки» выделяет такие явления как усиление активности групп диссидентов и либерализация межпартийных отношений конца 1980-х гг.¹⁶⁹

Также, как и в СССР, в других странах социалистического содружества изначально речь шла лишь о реформировании социализма через внедрение элементов личной экономической заинтересованности и оживление демократизма. Лишь спустя несколько лет после начала реформ, когда они не достигли желаемого успеха, началась системная трансформация социалистических обществ. В 1989 г. в большинстве стран Восточной Европы произошли события (позже названные «революциями»), связанные с

¹⁶⁷ Маркович Д.Ж. Противоречия транзитии постсоциалистических обществ // Социс. 2006. №9. - С. 21; Яжборовская И.С. Глобализация и опыт системной трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. - М: Academic, 2008. - С. 328.

¹⁶⁸ Системная история международных отношений в четырех томах. 1918-2003 / Под ред. А.Д. Богатурова. Том 3. М.: НОФМО, 2003. - С. 461.

¹⁶⁹ Тарасов И.Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы. - С. 29.

прекращением фактической монополии на власть коммунистических партий и приходом к власти оппозиционных сил. При этом практически везде данные перемены произошли ненасильственным путем (за исключением Румынии) и при массовой поддержке широких слоев населения. И. Яжборовская определяет начало системной трансформации во всех этих странах «переходом государственной власти к поборникам коренных преобразований... и переориентации развития страны на либерально-демократический тип развития»¹⁷⁰.

Важнейшим отличием постсоциалистической трансформации стран Восточной Европы от бывших советских республик был характер смены власти. В первом случае коммунистические элиты передали властные полномочия и право политического участия оппозиционным силам, что стало своеобразной компромиссной моделью политической трансформации. Как указывает А.М. Хазанов, большая часть коммунистических элит стран Восточной Европы был согласна с происходившими изменениями, надеясь встроиться в новую политическую систему¹⁷¹. При этом политические элиты в Восточной Европе сменялись при сохранении существовавших государственных структур. Министерства, парламентские структуры, суды, органы правопорядка продолжили свое функционирование, претерпев определенные внутренние изменения. В то же время, во многих республиках бывшего СССР смена политических режимов произошла в форме отрешения от власти коммунистической партии на фоне распада прежних советских государственных институтов и эскалации борьбы за политическую власть. В этих случаях речь шла о создании нового государственного аппарата, а также поиске/конструировании новой национальной идентичности. Данные отличия не могли не сказаться на характере и траектории политического развития бывших советских республик.

¹⁷⁰ Яжборовская И.С. Указ. соч. - С. 99.

¹⁷¹ Khazanov A.M. What Went Wrong? Post-Communist Transformations in Comparative Perspective // Restructuring Post-Communist Russia / Ed. by Brudny Y. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. - P. 28.

По вопросу о природе системного кризиса социалистической модели общественного развития, вылившегося в постсоциалистическую трансформацию, существуют различные позиции. И.С. Яжборовская склонна выделять политическую составляющую кризиса: «Политические режимы стран «реального социализма» и их идеологическая подоснова не оставляли места для оптимизации политического устройства»¹⁷². По мнению М. Алексича, государство и общество стран «реального социализма» оказывались в кризисных ситуациях не вследствие нереализованности формальной демократии или социалистической демократии. Источниками кризиса стали проблемы экономики и вызванные ими социальные конфликты¹⁷³. Т. Робинсон склонен выделять модернистскую природу социалистических обществ, подготовившую их системный кризис: «Достижение определенного уровня экономического благосостояния, выраженного в национальном доходе на душу населения в 1000 долл., урбанизация, достигшая цифры не менее 40% от всего населения, а также появление среднего класса являются фундаментальными элементами модернизированного общества, к коим с уверенностью можно отнести социалистические страны Восточной Европы накануне трансформации. Неспособность правящих элит продолжить модернизацию в поступательном направлении и улучшить жизненные стандарты населения вызывают массовые протестные явления»¹⁷⁴.

На наш взгляд, в данном случае следует говорить о совокупности и переплетении выше названных причин начавшейся трансформации. Кризисные явления в экономике, системе управления и идеологии стран Восточной Европы и СССР, чьи элиты не смогли найти адекватные ответы на вызовы эпохи, а также изменения на международной арене подготовили слом существующих режимов.

¹⁷² Яжборовская И.С. Указ. соч. - С. 69.

¹⁷³ Алексич М. Теоретический подход к демократизации трансформирующихся обществ. - С. 81.

¹⁷⁴ Robinson T.W. Modernization and Revolution in Post-Cold War Asia // Problems of Communism. Jan.-Apr. 1992. - P. 172.

Легитимация оппозиционных сил происходила на основе отрицания возможности достижения коммунизма – декларированной цели правящих режимов восточноевропейских стран. В конце 1980-х гг. все более распространенными становились представления о невозможности реформирования социализма и необходимости обратиться к либеральной (западной) демократии как единственно возможном выходе из системного кризиса. Например, согласно социологическим исследованиям, в конце 1980-х гг. жители Польши относились к капитализму и связанным с ним отношениям более позитивно, нежели жители западных стран¹⁷⁵. Поэтому не случайно то, что новая политическая элита восточноевропейских стран после падения режимов компартий стала выступать самым активным сторонником и провайдером либеральных ценностей, ассоциировавшихся с Западом.

Такой резкий разворот «с Востока на Запад» может быть объяснен унаследованной странами постсоциализма интеллектуальной моделью социалистической эпохи. Идеино-концептуальная основа социалистических режимов включала в себя принципиальное отрицание возможности усовершенствовать капитализм и настаивала на его безнадежной исторической обреченности. Место капитализма должен был занять коммунизм. С началом трансформации эти понятия во многом поменялись местами, при сохранении общей парадигмы. И социалистическое, и постсоциалистическое общества воспринимали себя как «переходные», «транзитные» к чему-то более развитому и «современному». Это роднит данные общества между собой и демонстрирует их общий парадигмальный источник – Модерн. На место «коммунизма» как конечной цели развития пришел «капитализм», образцовыми проявлениями которого стал восприниматься опыт стран Запада. При этом сам «Запад» виделся миром процветания, гражданских и политических свобод, рыночной экономики и высоких технологий, т.е. всего того, что обобщенно называется

¹⁷⁵ *Mason D.* Public opinion in Poland's transition to market democracy // Social policy, social justice and citizenship in Eastern Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 193.

«современностью» (modernity). Характерной в этом плане является фраза одного румынского профессора: «С 1989 года Восточная Европа осуществила транзит от ленинской псевдосовременности к настоящей современности»¹⁷⁶.

Образ Запада в постсоциалистических странах рисовался как «идеальный мир», «вместилище свободы, богатства и процветания», куда необходимо стремиться каждой уважающей себя европейской стране. Создание новой политической идентичности в восточноевропейских странах основывалось на выделении общих европейских культурных и политических традиций, «существовавших объективно, но временно прерванных политикой Советского Союза». В этом смысле дезинтеграция социалистической системы стала началом «возвращения в Европу» постсоциалистических стран. Данная идея помогала укрепить новые и зачастую хрупкие национальные идентичности постсоциалистических стран. Как пишет А. Лангеноль, «постсоциалистические интеллектуалы склонны определять свою позицию не столько как некую рефлексию по поводу общества, сколько как моральную установку»¹⁷⁷.

Типичным для населения социалистической Европы конца 1980-х гг. было наивное и упрощенное восприятие демократии. Как отмечает Д. Пантич, «для одних демократия стала почти синонимом свободы... Другие находят связь между демократией и равенством... Иные отождествляли демократию с децентрализацией и участием граждан в принятии важных политических решений»¹⁷⁸. Заметное место в рамках польского оппозиционного движения 1980-х гг. играли «зеленые», для которых защита окружающей среды являлась сутью демократических свобод¹⁷⁹. По словам Э.Я. Баталова, демократия «рассматривается едва ли не как панацея от всех политических, социальных и

¹⁷⁶ Tismaneanu V. Eastern Europe Since 1989 [Электронный ресурс] URL: http://www.rferl.org/content/Eastern_Europe_Since_1989/1894552.html (дата посещения 31.01.2018)

¹⁷⁷ Лангеноль А. Указ. соч. - С. 387.

¹⁷⁸ Пантич Д. Изменения ценностей и развитие демократии в трансформирующихся странах // Процессы демократизации в Восточной Европе. - С. 12.

¹⁷⁹ Szulecki K., Borewicz T., Walusko J. A brief green moment: the emergence and decline of the Polish anti-nuclear and environmental movement // Interface: a journal for and about social movements. 2015. Vol.7 (2). November. - P. 27-48.

экономических зол... происходит фетишизация демократии»¹⁸⁰. И при всех интерпретациях демократии правящий режим во главе с коммунистическими партиями виделся главным препятствием для «настоящей демократии».

Еще одной чертой, объединяющей почти все страны социализма, вступившие на путь системной трансформации на рубеже 1980-1990-х гг., является тесное переплетение демократических и антикоммунистических и антисоветских, местами русофобских настроений. Протест против социалистического пути развития с характерными для него политическими и экономическими институтами постепенно перерастал или сливался с националистическими лозунгами и символами¹⁸¹. Наряду с требованиями введения многопартийной системы, свободных выборов и многоукладной экономики лидеры оппозиционных движений нередко выдвигали задачи «восстановления исторической справедливости», через реабилитацию национального языка, письменности, религии, истории и пр., а также немедленный вывод советских войск¹⁸².

Одним из следствий данных процессов стало переформатирование национальной (этнической) истории, отрицавшей социализм как «объективный, необходимый для нации этап развития». Советский Союз обвинялся в «цивилизационном преступлении» перед жителями Восточной Европы, «похитив» их и на долгие годы разлучив с «Европейской семьей»¹⁸³. Отечественный специалист в области истории стран Восточной Европы А. Миллер считает, что «в современном «издании» концепции Центральной Европы Запад играет двойственную роль как «иной» и одновременно «свой», тогда как Россия однозначно выступает в роли «чужого»... Подавляющее большинство собственно центрально-европейских участников дискуссии восприняли крах советской системы как освобождение из неволи

¹⁸⁰ Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. - М.: Прогресс-Традиция, 2010. - С. 9.

¹⁸¹ См., например, Усиевич М. Венгрия: десятилетие реформ [Электронный ресурс] URL: <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/7.htm> (дата посещения 31.01.2018)

¹⁸² Системная история международных отношений. Том 3. События. - С. 483.

¹⁸³ Kundera M. The Tragedy of Central Europe // The New York review of Books. April 1984. - P. 33.

социалистического лагеря и новое рождение Центральной Европы, а ориентацию на объединение с Западом – как «возвращение домой»¹⁸⁴. К. Хан, на основе изучения постсоциалистического опыта Венгрии, приходит к выводу о том, что «исторический ракурс высветил характеристики социальной памяти венгерского народа, где советский режим воспринимался не в проекте строительства «светлого будущего», и не как народный режим, а как очередная имперская экспансия, поэтому отказ от «советского» был не столько отвержением коммунизма, сколько способом самоопределения венгерской нации в рамках современной Европы»¹⁸⁵. Как точно выразился по этому поводу Р. Дэвис, «спору по поводу истории всегда споры по поводу политики»¹⁸⁶.

Эти идейные установки перешли в практическое русло в форме кардинальной смены внешнеполитической ориентации стран Восточной Европы. В 1991 г. были распущены ОВД и СЭВ, являвшиеся ключевыми международными организациями социалистического содружества. Образ России, как угрозы военного и даже цивилизационного характера, утвердился в политической повестке восточноевропейских элит. Многие государства Восточной Европы, вступая в такие ключевые организации Запада как ЕС и НАТО, стремились тем самым обеспечить собственную экономическую и военно-политическую безопасность. По итогам встречи 6 октября 1991 г. в Кракове представителей стран Вишеградской группы была принята декларация, в которой основной целью обозначалось присоединение к западной системе безопасности через сотрудничество с Североатлантическим Альянсом и последующее вступление в этот военно-политический блок.

Помимо общих причин, вызвавших трансформацию, страны Восточной Европы имели в большей или меньшей степени схожий сценарий постсоциалистических изменений. С падением коммунистических режимов

¹⁸⁴ *Миллер А.* Центральная Европа: история концепта // Полис. 1996. №4. – С. 122.

¹⁸⁵ Цит. по: *Янгулова Л.В.* Все еще постсоциализм? // Социс. 2013. №11. – С. 158.

¹⁸⁶ *Davies R. W.* Soviet History in the Gorbachev Revolution. - Bloomington: Indiana University Press, 1989. – P. 187.

перед постсоциалистическими странами встала задача в кратчайшие сроки принять решения об учреждении новых институциональных систем. От сделанного выбора в пользу того или иного института зависел дальнейший ход политического процесса. Установление институтов, адекватных условиям страны, могло снизить остроту и интенсивность политических конфликтов, внедрить эффективную систему управления. В противном случае сами институты могли выступать генераторами постоянных конфликтов, становившихся источником неэффективности функционирования политической системы.

Для стран Восточной Европы был характерным выбор в пользу премьер-президентской (смешанной) или парламентской республики. По замечанию А.В. Кынева, «четко прослеживалась следующая закономерность: чем большую роль в процессе перемен играли реформированная компартия либо покинувшие ее ряды функционеры, тем мощнее оказался институт президентства; чем активнее действовали бывшие диссиденты, тем сильнее стал парламент»¹⁸⁷. Выбор в пользу парламентских и парламентско-президентских республик для ряда стран (Польши, Венгрии, Чехословакии) был юридически прост в том смысле, что они де-юре являлись парламентскими республиками еще в социалистический период. Принятие парламентских или смешанных систем отражало стремление политических элит ограничить власть и амбиции харизматичных лидеров «бархатных революций» (В. Гавела в Чехословакии, Л. Валенсы в Польше, И. Илиеску в Румынии, Ж. Желева в Болгарии), а также не допустить повторения социалистического авторитарного сценария. Практически для всех стран Восточной Европы стал характерен высокий уровень политической конкуренции между партиями и различными конституционными органами власти. Это, в свою очередь, привело к складыванию в этих странах республик

¹⁸⁷ Кынев А.В. Институт президентства в странах Восточной и Центральной Европы как индикатор процесса политической трансформации // Полис. 2002. №2. - С. 133.

с сильным премьерским и парламентским правлением при ограниченной роли президентов.

Не последнюю роль в таком институциональном выборе сыграли теоретические наработки западных политологов и консультантов, продвигавших тезис о парламентской форме как гарантии крепкой и сильной демократии¹⁸⁸. По данным Я. Зелонки, решениям о ключевых политических институтах не предшествовали серьезные научные обсуждения, а все это было отдано на откуп политическим партиям, выигравшим первые свободные выборы¹⁸⁹. В условиях дефицита времени для принятия важнейших решений правящие круги в основном выбирали политические учреждения, функционирующие в классических демократиях Запада – США, Великобритании, Франции. Как выразился бывший министр финансов Польши Г. Колодко, «мы говорили о строительстве институтов, на самом деле мы должны были учиться»¹⁹⁰. Случаев установления местных «неимпортированных» институтов в странах постсоциалистической Европы практически не отмечено. При этом политические акторы руководствовались собственными интересами, связанными с укреплением и удержанием власти.

Не менее важным, чем вопрос о соотношении властных полномочий между президентом и парламентом, являлся вопрос о выборе избирательной системы. В ряде стран (Румыния, Болгария, Словения, Югославия, Хорватия) на первых свободных выборах применялась мажоритарная система, приведшая к укреплению властных позиций крупных партий и ограничению участия в работе парламента малых партий. По существу, такая система была основана на модели «демократии большинства» и была попыткой правящих элит при помощи политического манипулирования и электоральных технологий закрепить свое господствующее положение.

¹⁸⁸ *Fish S.* Stronger Legislatures, Stronger Democracies // *Journal of Democracy*. 2006. Vol.17. №1. - P. 5-20.

¹⁸⁹ *Zielonka J.* New institution in the Old East blok // *Journal of Democracy*. 1994. №2(5). - P. 89.

¹⁹⁰ *Kolodko G.W.* Ten Years of Postsocialist Transition: Lessons for Policy Reforms. - Washington. The World Bank Development Economics Research Group. April 1999. - P. 19.

Важнейшей составляющей демократического процесса политическими элитами и иностранными экспертами рассматривалось создание и институционализация многопартийной системы как основы развитой демократии.

На первых, конституирующих выборах, как правило, побеждал широкий антикоммунистический альянс самых разных сил («Гражданский форум» в Чехии, «Солидарность» в Польше, «Венгерский демократический форум» в Венгрии). Вскоре после этого происходило размежевание основных политических сил внутри данных альянсов, зачастую образовывавших новые партии¹⁹¹. Наследники коммунистических/социалистических партий, перейдя на позиции социал-демократии, постепенно оправлялись от шока первых лет трансформации и набирали силы на вторых/третьих выборах. Так, осенью 2001 года социал-демократические партии добились побед в Польше и Болгарии¹⁹². Исключением здесь может быть Румыния, где экс-коммунисты, объединившиеся вокруг «Фронта национального спасения», практически сразу после свержения режима Н. Чаушеску взяли власть в свои руки, удерживая ее вплоть до 1996 г¹⁹³. Подобные события, связанные с возвращением в большую политику левых, стали возможными в том числе из-за того, что многие партии несоциалистической ориентации показали высокую склонность к коррупции и манипуляциям¹⁹⁴.

По распространенному мнению, уже к началу 2000-х гг. (третий/четвертый электоральный циклы) в ряде стран Восточной Европы произошла консолидация демократических режимов и сложились три ведущих идейно-политических направления: либеральное (социально-либеральное, либерально-консервативное), социал-демократическое и

¹⁹¹ Outhwaite W. Europe at 21: transitions and transformations since 1989 // LEQS Paper №18. January. 2010. - P. 9

¹⁹² Задорожнюк Э. Социал-демократия Центральной Европы: достижения и приоритеты на рубеже XX-XXI вв. // Европа. Журнал польского института международных дел. 2002. Том 2. №3(2). - С. 152.

¹⁹³ Rosu I. Post-socialist transition: a comparison between Romania and Poland [Электронный ресурс] URL: <http://www.jhubc.it/ecpr-riga/virtualpaperroom/016.pdf> (дата посещения 31.01.2018)

¹⁹⁴ Задорожнюк Э. Указ. соч. - С. 152.

национально-консервативное (национально-католическое)¹⁹⁵. Под консолидацией понималось положение дел, при котором победа любой политической силы не означала пересмотр общих принципов функционирования политической системы. Иными словами, перспективы возвращения к авторитарным традициям стали считаться призрачными. При этом основным критерием для подобных оценок в первую очередь стало состояние межпартийной конкуренции. Как пишут авторы коллективного исследования Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН, в результате выборов в рамках политической системы (Польши – **прим. дисс.**) двукратно состоялась передача политической власти от одной партии к другой... часто происходила передача власти внутри политических партий между их лидерами, что также следует признать прохождением важного теста консолидации демократии¹⁹⁶. Данный процесс даже получил наименование «благотворная рутинизация политического процесса»¹⁹⁷.

При этом в ходе постсоциалистической трансформации первого десятилетия сформировались факторы, определенная конфигурация которых способна подвергнуть сомнению устойчивость демократических систем.

В первую очередь речь идет об уровне социально-экономического развития этих стран. В ходе процесса реформирования практически для всех постсоциалистических стран характерной чертой стала одновременность/синхронность политических и экономических реформ. В политологических исследованиях данный процесс и связанные с ним проблемы получили общее название «дилемма одновременности»¹⁹⁸. В наиболее общих чертах эта дилемма может быть определена следующим образом. Задача политико-экономического реформирования встала перед

¹⁹⁵ Бухарин Н.И. Строительство гражданского общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 90-е годы XX века - начало XXI века // Новая и новейшая история. 2005. №1. - С. 28.

¹⁹⁶ Россия и Польша: два примера политической трансформации // Модернизация и политика в XXI веке / Отв. ред. Ю.С. Оганисян; Институт социологии РАН. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 208-227.

¹⁹⁷ Задорожнюк Э. Указ. соч. - С. 154.

¹⁹⁸ Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research, Vol.58. №4. - P. 501-528.

странами, отказавшимися от авторитарного однопартийного правления и командно-плановой экономики. При этом политическая и экономическая составляющие в данном случае являются взаимно конфликтными, так как невозможно безболезненно осуществлять экономические реформы либерального характера одновременно с процессом демократизации, предполагающим активное вовлечение масс в политический процесс и учет их интересов. Тем самым политические элиты постсоциалистических стран оказались в сложной ситуации, выражающейся в вопросе: как проводить радикальные рыночные реформы, имеющие высокую социальную цену, не потеряв народного доверия и поддержки. Данные обстоятельства породили опасения, что трудности экономической трансформации станут препятствием для сохранения и укоренения институтов демократического правления, а постсоциалистические страны скатятся в «новый авторитаризм»¹⁹⁹.

Как известно, в первые постсоциалистические годы в ряде стран Восточной Европы доминировала политика «шоковой терапии» (Польша, Болгария, Югославия), выраженная в либерализации цен, сокращении денежной массы и приватизации государственных предприятий. В других странах выбор был сделан в пользу градуалистской политики (Венгрия, Чехия, Словакия). Однако в обоих случаях социально-экономические изменения имели серьезный масштаб. В короткий период было достигнуто преобладание частной собственности путем приватизации государственных и муниципальных предприятий. На этом фоне гораздо меньшее внимание уделялось роли государства, его способности действовать как нейтральная и независимая сторона. Эти обстоятельства породили ряд серьезных социальных проблем: торможение преобразований крупных предприятий, возрождение монополизма, чрезмерный рост социального неравенства, безработицы, преступности, коррупции²⁰⁰. Особая острота социальных

¹⁹⁹ *Aslund A. Post-Communist Economic Revolution: How Big a Bang? // Creating the Post-Communist Order, 1992. Vol. XIV. №9. - P. 503-525; Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. - Cambridge: Cambridge University Press, 1991. - 228 p.*

²⁰⁰ *Яжборовская И.С. Указ. соч. - С. 182.*

реформ заключалась в том, что в постсоциалистических странах они проводились в условиях уже сложившейся системы социальных гарантий, которые рассматривались как естественное и неотъемлемое право граждан. Соответственно большие надежды население возлагало на социальную деятельность государства.

Серьезные социально-экономические проблемы, с которыми столкнулись восточноевропейцы, доказали отсутствие прямой зависимости между политической демократизацией и экономическим процветанием. Так, в 1998 г. объем ВВП превысил дореформенный (1989 г.) уровень лишь в Польше (118%) и приблизился к нему в Словении, Чехии и Словакии (95-100%). В Болгарии объем ВВП в 1998 г. составил 66% от уровня 1989 г., в Румынии - 78%²⁰¹.

Спустя десятилетие после начала рыночных реформ постепенно ослабла и в конечном итоге потеряла свое значение объединяющая общество цель – преодоление социалистического наследия. Именно ради этой цели население было согласно временно терпеть ухудшение своих жизненных условий. Вместе с исчезновением этой цели развеялась эйфория относительно возможностей рынка решить назревшие социальные проблемы и обеспечить сравнимый с западными стандартами уровень благосостояния населения. Как отмечает З.Т. Голенкова, избранные в качестве образца идеи либеральной демократии поставили под удар идею социального равенства, единства, справедливости²⁰². Более того, восприятие социалистического прошлого в разных странах перестало увязываться только с негативными коннотациями, а сама социалистическая идея избавилась от общественно-политической стигматизации. С 2000-х гг. исследователями стал фиксироваться рост ностальгии и позитивных эмоций по отношению к социалистическому

²⁰¹ Дегтярь Л. Социальные аспекты постсоциалистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы // Общество и экономика. 2000. №8. - С. 130.

²⁰² Голенкова З.Т. Гражданское общество и процессы демократизации в России. - С. 86.

прошлому²⁰³. В целом, характерными чертами эпохи стало общее недовольство происходящими процессами, разочарование реформами, выработалась стойкая привычка негативного восприятия.

Разочарование в эффективности рыночных реформ происходило параллельно со снижением доверия к правящим кругам. Именно политические элиты Восточной Европы сыграли большую роль в становлении новой политической системы, в рамках которой в большей степени продвигались определенные ценности (демократия, свобода, рынок), нежели отстаивались интересы широких социальных слоев. Как пишет И.С. Яжборовская, процесс трансформации шел сверху, что было связано с недостатком у населения правовых знаний и умения использовать свои права, а также с традиционной для региона концентрацией власти в ее исполнительных органах при слабой прозрачности их деятельности и отсутствии механизмов обеспечения гражданских прав²⁰⁴.

Политика в постсоциалистических странах Восточной Европы не избавилась от сильного элитистского характера с высокой степенью коррумпированности правящих кругов. По мнению болгарского исследователя И. Крастева, выборы более не представляют собой соперничество между различными взглядами на жизнь; они все более походят на референдум элит²⁰⁵. Показателен пример Венгрии, где на парламентских выборах 1998 г. Венгерская социалистическая партия потерпела поражение от правой оппозиции, выступившей с левых популистских позиций²⁰⁶. Это приводит к определенному разочарованию в политической элите своих стран, зачастую состоящей из бывших членов коммунистической номенклатуры и представителей либеральной оппозиции. Население постсоциалистических стран чувствует, что установленная в начале 1990-х гг. демократия не

²⁰³ См., например: *Jahn G.* In Romania, Turmoil Fuels Nostalgia for Communism // Washington Post, January 11, 2011. - P. 7; *Bonstein J.* Majority of East Germans Feel Life Better under Communism // Der Spiegel International, July 3, 2009. - P. 11

²⁰⁴ *Яжборовская И.С.* Указ. соч. - С. 257.

²⁰⁵ *Krastev I.* The strange death of the liberal consensus // Journal of Democracy. 2007. Vol.18. №4. - P. 63.

²⁰⁶ *Усиевич М.* Указ. соч. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/7.htm> (дата посещения 31.01.2018)

предоставляет ему возможность реального политического участия. Отсюда определенная тенденция возвышения националистов-популистов, предлагающих выйти за рамки устоявшейся системы. Стали пользоваться значительным влиянием популисты (В. Мечияр), евроскептики (В. Орбан), консерваторы-клерикалы (братья Я. и Л. Качинские).

Как отмечает И.С. Яжборовская, начиная с 2001-2002 гг. полностью демократическими стали выборы в Болгарии, Венгрии, Польше, Словении, Словакии и Чехии. Однако позже нарушения демократических норм и процедур, а также коррупция вызвали недоверие избирателей к структурам власти в этих странах, что затормозило дальнейшую демократизацию и даже снизило ее уровень²⁰⁷. Польский политолог К. Яскевич указывает на недостаточное внимание со стороны экспертного сообщества к способам и методам ведения политическими партиями борьбы за власть на выборах и между ними²⁰⁸. По мнению З. Видоевича, вероятность монополизации власти либо в виде постоянного доминирования одной партии, либо в виде специфического картеля партий, либо в виде гегемонии президента в постсоциалистических странах гораздо выше, чем в странах с развитой плюралистической культурой²⁰⁹. Все это породило кризис доверия государственным институтам во многих странах Восточной Европы.

Не менее значимым источником вызова для устойчивости демократического правления является национальный вопрос в ряде стран Восточной Европы. Процессы демократизации в этих странах обострили межнациональные противоречия, что создало дополнительные трудности для новых политических режимов в деле собственной легитимации и консолидации. Некоторые из них сумели решить данные проблемы относительно мирно (Польша, Венгрия), другие были вынуждены пройти через территориальное размежевание. Мирный вариант такого размежевания

²⁰⁷ Яжборовская И.С. Указ. соч. - С. 259.

²⁰⁸ Jasiewicz K. The political-party landscape // Journal of Democracy. 2007. Vol.18. №4. - P. 33.

²⁰⁹ Видоевич З. Предпосылки и облик демократии в странах Восточной Европы. Портрет демократии в современной мире // Процессы демократизации в Восточной Европе. - С. 54.

это пример Чехии и Словакии, вооруженный вариант – бывшие югославские республики.

С одной стороны, создание и укрепление нации связано с политикой, направленной на создание единой культурной среды посредством установления официального государственного языка, укоренения национально-культурных символов (гимна, флага, герба и т.д.). С другой стороны, курс на демократизацию подразумевал наделение населения страны равными гражданскими правами, вне зависимости от национальной идентичности. В результате два этих процесса, накладываясь друг на друга, нередко приводят к противоречивым ситуациям. В случае, если все или почти все граждане страны идентифицируют себя с одной нацией, эта комбинация существует безболезненно. В противном случае ситуация может приобрести конфликтный характер и привести к вооруженной эскалации, а сама легитимность нового государства может быть оспорена. Как пишет З. Видоевич, даже в ряде постсоциалистических стран со стабильным демократическим режимом (Польше, Венгрии, Словении, Чехии) возник «достаточно выраженный феномен демократии для своих, основанный на национализме и ксенофобии»²¹⁰. По данным Г. Соренсена, в начале 1990-х гг. в каждой стране Восточной Европы не менее 40% респондентов ощущали острую враждебность к основному этническому меньшинству страны²¹¹. Британский журналист Дж. Фридланд, рассуждая о союзе британских консерваторов с рядом восточноевропейских депутатов в Европарламенте, заметил, что «некоторые из восточноевропейских демократий обратились к бренду ультранационалистической политики... Это имеет место в Польше и Латвии, также характерно для Литвы, Эстонии, Венгрии, Румынии и т.д.»²¹².

В процессе внедрения демократических механизмов выявилась проблема неадаптированности классических институтов демократии к

²¹⁰ Там же. - С. 46.

²¹¹ *Sorensen G. Democracy and Democratization.* - San Francisco: Oxford Westview Press, 1993. - P. 134.

²¹² Цит. по: *Outhwaite W. Europe at 21: transitions and transformations since 1989 // LEQS Paper №18. January. 2010.* - P. 16.

существующим этническим проблемам. Как отмечалось выше, за образец брались англо-американские модели демократии, основанные на «демократии большинства». В рамках подобных моделей перспективы демократизации в полиэтнических сообществах оцениваются скептически. При этом часть стран Запада знала и относительно успешно использовала иную модель – «консенсусной демократии», основанной на пропорциональном представительстве в законодательных и исполнительных органах власти различных национальных/религиозных меньшинств.

Данные обстоятельства породили скептические оценки достижений постсоциалистических стран Восточной Европы в области реальной демократизации политического процесса²¹³.

Однако, несмотря на указанные факторы, на протяжении всего постсоциалистического периода страны Восточной Европы сохранили (по крайней мере формально) приверженность декларируемым принципам демократии и рыночной экономики, сохранив относительно высокие позиции в различных рейтингах уровня демократии²¹⁴.

По мнению одних авторов это можно объяснить сложившейся институциональной структурой, определившей динамику политического процесса в восточноевропейских странах. Постоянная конкуренция между политическими партиями и коалициями в рамках свободных выборов создает систему сдержек и противовесов и выступает гарантией от прихода к власти откровенно авторитарных политиков, способных привести страну к реставрации режима однопартийной/единоличной власти, характерной для эпохи социализма²¹⁵. Основой относительного успеха «демократического транзита» стран Восточной Европы некоторыми авторами признается

²¹³ *Пишова С.Н.* Политика как бизнес: российская версия // Полис. 2007. №2. - С. 109-123; *Тарасов И.Н.* Европейское единство: испытание востоком // Международные процессы. 2007. Т.5. №1. - С. 70-81.

²¹⁴ Цит. по: *Outhwaite W.* Указ. соч. - Р. 16.

²¹⁵ *Moller J.* Elitist Democracy and the Rise of Populism in East-Central Europe. Has Pareto Been Proved Right? [Электронный ресурс] URL: <http://www.jhubc.it/ecpr-riga/virtualpaperroom/016.pdf> (дата посещения 31.01.2018)

господство там парламентских и смешанных парламентско-президентских систем, более устойчивых к скатыванию к новому авторитаризму²¹⁶.

Некоторые исследователи склонны объяснять данный феномен политикой ЕС и его отношениями со странами Восточной Европы²¹⁷. Провозгласив возможность и желанность членства в ЕС ряда бывших социалистических стран Восточной Европы, западноевропейские элиты породили ожидания и надежды у населения этих стран. Именно мечты о будущих выгодах от членства в ЕС заставляли страны Восточной Европы терпеть тяготы социальных потрясений, привнесенных резкой экономической либерализацией и оставаться в рамках демократических процедур.

В целом необходимо отметить, что страны постсоциалистической Европы испытали и во многом продолжают испытывать на себе большое влияние экзогенного фактора, представленного ведущими странами Запада и их международными институтами. По мнению сербского социолога Д.Ж. Марковича, «в бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы главным в этих изменениях было международное влияние»²¹⁸. Когда речь заходит об внешнем факторе политического процесса в странах постсоциализма, многие авторы выделяют роль НАТО и ЕС, вступление в ряды которых позволило странам Восточной Европы углубить собственную демократизацию. Некоторые исследователи даже склонны утверждать, что надправительственные акторы, такие как ЕС и НАТО, играли более весомую роль, нежели внутренние факторы в процессе отхода от коммунистического наследия²¹⁹. Кардинальная трансформация постсоциалистических стран обусловила потребность в легитимизации нового режима в том числе за счет обращения к странам Запада за политической, экономической и моральной поддержкой.

²¹⁶ *Hass J.K., Nemchinova T.* Accidental democracy. Success and failure in democratic transitions in East Europe and former USSR // Наукові записки. 2001. Том 19. Соціологічні науки. - С. 17.

²¹⁷ *Khazanov A.M.* Указ. соч. - Р. 45; *Outhwaite W.* Указ. соч. - Р. 15.

²¹⁸ *Маркович Д.Ж.* Указ. соч. - С. 21.

²¹⁹ *Tismaneanu V.* Указ. соч. [Электронный ресурс] URL: http://www.rferl.org/content/Eastern_Europe_Since_1989/1894552.html (дата посещения 31.01.2018)

Влияние внешнего фактора, как прямого сознательного воздействия со стороны государств и организаций Запада, на постсоциалистическую трансформацию нельзя назвать решающим. Как правило, ценности либеральной демократии воспринимались в постсоциалистических странах осознанно и добровольно. В то же время внешний фактор оказал существенное влияние в виде сформировавшегося на рубеже 1980-1990-х гг. международно-политического контекста, стимулировавшего социалистические страны к кардинальным изменениям и задающего определенные рамки и правила поведения для постсоциалистических стран. Существование страны вне «клуба демократий» автоматически маркировало страну как «несовременную», «отсталую», а значит «враждебную» этому «клубу». Ярким примером здесь может быть случай с Югославией и ее отношениями с Западом. Иными словами, степень демократичности стала критерием прогрессивности и цивилизованности постсоциалистической страны.

Особенно стоит выделить роль «европейского выбора» восточноевропейцев в качестве проявления внешнего фактора политического процесса. Общенациональный консенсус по поводу стратегического курса на сближение с Европой (главным образом в форме вступления в ЕС) определил неантагонистический характер противоречий между ведущими политическими силами, едиными в достижении главной цели. Стремясь стать полноправными членами ЕС, страны Восточной Европы показательно проводили соответствующие политические, социальные и экономические реформы, соблюдая «европейские стандарты» политики. В соответствии с законодательством ЕС выстраивалось и исправлялось национальное законодательство потенциальных кандидатов на вступление. Кроме того, интеграция с Западной Европой предполагала постоянные контакты восточноевропейских элит со своими западными партнерами, что также в какой-то мере способствовало усваиванию соответствующих норм и ценностей. Многие страны «социализируются добровольно», охотно принимая помощь в проведении демократических реформ, реализуемую

многосторонними структурами. Социализации также активно содействовал Совет Европы. При приеме стран Восточной Европы, первой из которых была Венгрия, выдвигалась рекомендация подписания некоторых договоров с ЕС. Это было сделано для того, чтобы дать возможность как можно быстрее провести реформы в этих странах, чтобы они отвечали демократическим нормам, необходимым для приема в организацию. Как указывают Ц. Конечка и К. Танасеу, проевропейские установки болгарского электората накануне выборов 2005 г. возникли с подачи соответствующего дискурса политических и интеллектуальных элит страны²²⁰. По мнению И.С. Яжборовской, «стремление политических сил различной ориентации как можно быстрее привести правовое поле в соответствие с требованиями приема в ЕС принесло весьма существенные результаты в области совершенствования законодательства, но до последовательного воплощения его в жизнь еще далеко»²²¹.

Но не только элиты постсоциалистических стран изобретали для себя «идеальный Запад». Сами страны Запада, несмотря на заявления о равноправном партнерстве, брали на себя миссию «цивилизаторов Востока». В картине мира, сформированной по мнению Л. Вульфа еще в эпоху Просвещения²²², западноевропейских политических элит постсоциалистические страны востока Европы виделись более отсталыми и менее цивилизованными соседями. Восточной Европе навязывалось представление о своей «вторичности» по отношению к «ядру Западной цивилизации». Понимание этого должно было заставить восточноевропейцев неукоснительно следовать всем указаниям, поступавшим из Брюсселя, Берлина, Парижа.

²²⁰ Koneska C., Tanasoiu C. Europe' and The Post-Communist Public Discourse in Bulgaria // Romanian Journal of Political Science. 2008. №8. – P. 3-17.

²²¹ Яжборовская И.С. Указ. соч. - С. 282.

²²² Об этом см., например: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. - М., 2003. - С. 35.

Целенаправленная демократизация, проводимая странами Запада, предлагает ее реципиентам универсальную схему: рыночная экономика и либеральная демократия на основе компромисса разных политических сил. Рыночная экономика привязывает национальное хозяйство к мировой капиталистической системе, в которой доминирует Запад. Либеральная демократия, опирающаяся на идейный плюрализм, выступает гарантом влияния Запада на политическом уровне, так как позволяет занять лидирующие позиции либералам, как правило, ориентированным на западные страны. Именно политическим весом либералов зачастую измеряется степень «демократичности» той или иной постсоциалистической страны. В конечном итоге такая схема максимально сужает возможность выхода постсоциалистического государства за грань существующего мирового порядка²²³.

В целом, нужно признать, что участие стран Восточной Европы в ЕС и НАТО дает серьезные гарантии для их сохранения в рамках либерально-демократической парадигмы. Однако данное объяснение «работает» лишь для постсоциалистических стран конкретного региона и бессильно при анализе неевропейских постсоциалистических стран к коим относится и Монголия. Это заставляет говорить о наличии иных, отличных от внешних факторов, обстоятельствах, заставивших ряд постсоциалистических стран сохранить приверженность (по крайней мере формальную) процессу демократизации политической системы и либерализации экономики.

По результатам исследования, проведенного в первой главе, мы приходим к следующим выводам:

1. Изучение политического процесса в бывших социалистических странах, на наш взгляд, наиболее продуктивно в рамках теории постсоциалистической трансформации. С одной стороны, данная теория, отвергая тезис сторонников теории демократического транзита о неизбежности установления

²²³ Никитаев В. Повестка дня для России: власть, политика, демократия // Логос. 2004. №2 (42). - С. 105.

либеральных демократий во всех странах мира, предполагает многовариантность траектории политического развития. С другой стороны, выделяется общий историко-политический контекст радикальных перемен, произошедших в бывших социалистических странах, рассматриваемый в качестве базового признака для исследований постсоциализма.

2. Несмотря на наличие специфических, определенных историческими, культурными, социально-экономическими и иными факторами черт, все постсоциалистические страны можно объединить в единую категорию на основе сходных признаков общественно-политического развития. Во-первых, идейной основой постсоциалистической трансформации стал отказ от коммунизма как идеальной модели будущего и провозглашение капитализма и либеральной демократии в качестве новой цели общественного развития. Во-вторых, легитимация новых режимов наряду с критикой коммунистического строя была основана на антисоветской/антироссийской риторике и практике, ставшими одним из условий успешной интеграции в институциональные структуры Запада. Наконец, в отличие от социалистических стран Азии, сосредоточившихся на экономических реформах, постсоциалистические страны предприняли кардинальное реформирование и политической, и экономической систем со всеми вытекающими из этого последствиями.

3. Установленные политические институты в постсоциалистических странах Восточной Европы не стали гарантией от наличия противоречий между декларируемыми целями и реальными результатами политического процесса. Электоральные манипуляции, коррупция, элитизация политического процесса и прочее на фоне снижения уровня жизни широких масс населения привели к разочарованию в идеалах либеральной демократии и способствовали популяризации политиков, ориентированных на консервативные, националистические и клерикальные ценности.

4. Важнейшим элементом в процессе постсоциалистической трансформации является фактор внешней среды. Будучи инициированной политикой

«перестройки» в СССР, постсоциалистическая трансформация в странах Восточной Европы продолжилась под сильным влиянием со стороны США и ЕС, которые посредством финансовых, военных, организационных, идеологических ресурсов осуществляли свое влияние в регионе. Именно фактор сотрудничества с Западом, основанного на идее «общих политических и культурных ценностей», играет важную роль в деле поддержания формальной приверженности демократическим процедурам в странах Восточной Европы.

Глава 2. Генезис политического процесса в Монголии

2.1. Основные черты политического процесса в монгольском традиционном обществе

При изучении современного политического процесса в той или иной стране важным его фактором является историческое наследие. Например, корни такого феномена как «политическая культура», зачастую ищут в историческом прошлом страны, которое, в свою очередь, призвано объяснить, почему одни и те же политические институты по-разному функционируют в различных странах и сообществах²²⁴.

Современная Монголия в этом плане не является исключением. Так, анализируя текущую политическую ситуацию в стране, многие ученые и политические деятели обращаются к истории как к объясняющему фактору. Одни склонны рассматривать империю Чингисхана в качестве важнейшего объяснительного материала для постсоциалистической демократизации. Так, по мнению П. Саблофф, основы современной либеральной демократии были заложены еще во времена правления великого монгольского хана²²⁵. Данная мысль нашла свое выражение и в словах президента Монголии Ц. Элбэгдоржа, который в 2012 г. в своей речи на международной научной конференции, посвященной исследованиям империи Чингисхана, отметил, что «в основе государственности Великой Монгольской империи лежал демократический принцип»²²⁶.

Другая группа авторов видит ответ на текущие вопросы политического развития в кочевом образе жизни монголов. Монгольская исследовательница и дипломат Б. Дэлгэрмаа, анализируя в своей диссертационной работе природу демократических преобразований, приходит к выводу о кочевой культуре как факторе успешной адаптации монголов к современным

²²⁴ Almond G., Verba S. *The Civic Culture*. - Boston, MA: Little, Brown and Company, 1965. - 213 p.; *Political Culture and Democracy in Developing Countries* / Ed. L. Diamond. - Lynne Rienner Publishers, 1993. - 455 p.

²²⁵ Sabloff P. *Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy* // *Central Asian Survey*. 2002. №21. – P. 19–36.

²²⁶ International conference on Chinggis Khaan studies held [Электронный ресурс] URL: <https://www.news.mn/content/print/97000> (дата посещения 31.01.2018)

демократическим институтам²²⁷. Г. Цацрал в своем диссертационном исследовании объясняет неприятие монгольским населением крайне правой и крайне левой идеологии кочевым менталитетом, для которого характерны приветливость и добродушие²²⁸. Монгольский публицист Б. Бямбадорж, рассуждая на тему борьбы между политическими группировками современной Монголии, указывает на «природную разобщенность монголов и их неспособность консолидироваться в критические моменты, их привычкой находиться в состоянии перманентных войн между собой»²²⁹. Все указанные мнения, несмотря на различия в интерпретациях, сходны в том, что существует связь между монгольским кочевым историческим наследием и современным политическим процессом.

Третья группа выделяет буддийскую традицию как важнейшую культурно-историческую характеристику, влияющую на современный политический процесс в Монголии. Российский монголовед Р. Сабиров считает, что «буддизм по сравнению с другими конфессиями в большей степени отвечает реалиям современного мира, поскольку многие положения буддизма близки ценностям демократического общества»²³⁰. Л. Болд и С.В. Калмыков в монографии, посвященной политическим процессам в Монголии и России, в качестве одного из факторов мирного характера демократических изменений начала 1990-х гг. называют буддийскую религию²³¹.

Принимая во внимание все перечисленные выше факторы, необходимо отдельно проанализировать роль социалистического периода в монгольской истории, хронологически наиболее близко стоящего к политическим

²²⁷ Дэлгэрмаа Б. Демократические преобразования в Монголии на рубеже XX и XXI вв. / Автореферат на соискание уч. ст. канд. ист. наук. - Улан-Удэ, 2005. – 165 с.

²²⁸ Цацрал Г. Особенности формирования партий и партийных систем России и Монголии в условиях политической трансформации / Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. полит. наук. – М., 2006. - С. 27-28.

²²⁹ *Vyambadorj B.* Mongolia swimming in mineral resources, but are we happy? [Электронный ресурс] URL: <http://ubpost.mongolnews.mn/index.php/2011-07-24-01-47-35/88888945-opiniontop/7099-mongolia-swimming-in-mineral-resources-but-are-we-happy-> (дата посещения 31.01.2018)

²³⁰ Сабиров Р.Т. Возрождение буддизма в Монголии // Азия и Африка сегодня. 2002. № 8. – С. 71.

²³¹ Болд Л., Калмыков С.В. Монголия-Россия: особенности политических процессов. – Улан-Батор: Мунхийн усэг, 2017. – С. 53.

процессам современной Монголии. Некоторые исследователи склонны проводить прямые параллели между Монголией дореволюционного периода и Монголией социалистической, делая вывод об отсутствии принципиальной разницы: «Одна авторитарная система сменила другую, господ сменили начальники, богдо-хана сменил генеральный секретарь, автократию – партократия, буддизм - коммунизм»²³². Существуют оценки социализма, как периода, в ходе которого Монголия свернула с «пути естественного исторического развития», отстав от многих стран на десятилетия²³³. В целом, в таких работах продвигается мысль о негативной роли эпохи социализма в монгольской истории для формирования демократии в постсоциалистической Монголии.

Приведенные выше позиции свидетельствуют о том, что без учета исторического фактора анализ современного политического процесса в Монголии будет неполным.

Российский востоковед С.Г. Лузянин выделяет 5 больших исторических периодов, в рамках которых протекал политический процесс в Монголии: Великая империя Чингисхана (XII-XIII вв.), период раздробленности (XIV-XVII вв.), Цинский период (XVII-начало XX вв.), социалистический период (1921-1990 гг.) и постсоциалистический период (с 1990 г по настоящее время)²³⁴. Соглашаясь с данной версией периодизации монгольской истории, следует считать отправной точкой монгольской государственности период рубежа XII-XIII вв., когда Чингисхан объединил кочевые племена Центральной Азии и был провозглашен великим ханом²³⁵. При этом необходимо понимать, что политические традиции, на которых основывалось созданное «потрясателем Вселенной» государство, имели гораздо более

²³² Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. - Улаанбаатар, 2002. - С. 6.

²³³ Дашидаваа Ч. Улаан түүх. Коминтерн ба Монгол (Красная история. Коминтерн и Монголия). - Улаанбаатар, 1993. - 178 х.

²³⁴ Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Восток-Запад, 2007. - С. 732.

²³⁵ Хотя тенденцией последних лет стало стремление монгольских историков, поддерживаемых официальными властями страны, провозгласить державу Хунну в качестве первого монгольского государства.

раннее происхождение и оказали значительное влияние на характер политической истории монголов. Как отмечает А.С. Железняков, «центром всего мира Внутренней Азии была Монголия, в Хангайско-Хэнтэйском районе которой с определенной цикличностью возникали центры мощных кочевых империй»²³⁶.

Начиная с XIII в., когда была создана Монгольская империя, и вплоть до начала XX века страна являлась типичным примером традиционного общества. Экстенсивное пастбищное скотоводство, в основе которого лежали регулярные перекочевки семейных групп, оставалось ведущей формой хозяйства²³⁷. Данное обстоятельство кардинальным образом детерминировало особенности политического процесса у монголов. Согласно общепризнанному мнению, главным естественным фактором, определившим возникновение кочевого скотоводства как специфической формы хозяйства, является периодичность потребления скотом скудной растительности, неравномерно распределенной на огромных пространствах степей, пустынь и полупустынь, и посезонное чередование травостоя. В силу этих обстоятельств кочевник был вынужден периодически менять места стоянок, переходить с уже истощенных пастбищ на еще неиспользованные.

Как пишет Т. Барфилд, «способность легко перемещать стада и семьи имела существенное политическое значение. Когданомадамугрожало нападение со стороны оседлых армий, они исчезали... В более экстренных случаяхномадыиспользовали свою мобильность, чтобы эмигрировать из региона полностью, а не оставаться под контролем другого кочевого племени»²³⁸. Как следствие, в сравнении с оседло-земледельческими правителями главы кочевых сообществ были крайне ограничены в деле контроля за экономической жизнью своих подданных. Это, в свою очередь,

²³⁶ Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира. - М.: ИС РАН, 2009. - С. 87.

²³⁷ Необходимо отметить, что данное утверждение не отрицает факта наличия у кочевников Центральной Азии, включая самих монголов, городов и иных стационарных населенных пунктов.

²³⁸ Барфилд Т.Дж. Мир кочевников-скотоводов // Ранее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. - С. 420.

отражалось на степени политического контроля каганов и ханов за формально подвластными им кочевыми племенами. Как следствие, у монгольских кочевников не сложилось глубоких исторических традиций централизации власти. По словам Н.Н. Поппе, «вассал всегда имел возможность выйти из подчинения своему сюзерену и мог вступить в вассальные отношения к другому крупному феодалу, что и случалось довольно часто»²³⁹. Д. Снит идет еще дальше в своих рассуждениях по поводу сущности политического устройства монгольских кочевников, считая, что степная знать устанавливала систему политического управления без учреждения каких-либо органов центральной власти²⁴⁰. Иными словами, эндогенные факторы политической консолидации у средневековых кочевников были представлены крайне слабо, что сказывалось на степени централизации.

В гораздо большей мере можно и нужно говорить о внешнем, экзогенном факторе, способствовавшем политическому объединению кочевников вокруг фигуры верховного правителя. По мнению ряда исследователей кочевых империй Центральной Азии, власть правителей основывалась преимущественно на внешних источниках господства²⁴¹. Кочевые империи, как правило, были организованы в форме «имперских конфедераций», образовывавшихся для внешнеполитических целей. Согласно позиции Т. Барфилда, для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры были вообще не нужны, и возникали они только в результате воздействия внешних по отношению к кочевому миру обстоятельств, исключительно для военного принуждения соседних оседлых государств к уплате дани или открытию пограничных рынков²⁴².

Данные конфедерации, по словам Н.Н. Крадина, «имели автократический и государствоподобный вид снаружи, но оставались

²³⁹ Поппе Н.Н. Халха-монгольский героический эпос. - М., 1937. - С. 29.

²⁴⁰ Sneath D. The Headless State, Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. – New York: Columbia University, 2009. – 273 p.

²⁴¹ Барфилд Т.Дж. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). - СПб., 2009. – 248 с.; Хазанов А. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. - Алматы: Дайк-Пресс, 2002. - СПб., 2009. – 604 с.

²⁴² Барфилд Т.Дж. Мир кочевников-скотоводов. - С. 415-441.

коллективистскими и племенными внутри»²⁴³. Во внутренних делах властные полномочия верховных правителей (шаньюи, каганы, ханы) в значительной степени лимитировались племенными вождями. Более того, чтобы получить политическую поддержку от этой племенной знати верховные правители периодически прибегали к набегам (или угрозам набегов) на Китай. В случае успеха от южного соседа приходила дань («подарки» в китайской версии) и право на ведение приграничной торговли. Посредством получаемой от китайцев дани кочевой правитель одаривал своих подданных, увеличивая тем самым собственный престиж и одновременно как бы связывал получивших дар «обязательством» отдаривания²⁴⁴.

С одной стороны, давно известно, что кочевое хозяйство устроено достаточно просто с точки зрения своего производственного разнообразия. В свое время по этому поводу метко выразился американский востоковед О. Латтимор: «Чистый кочевник – бедный кочевник» («The pure nomad is the poor nomad»)²⁴⁵. Однако данный тезис работает лишь на уровне микроанализа. Если мы рассматриваем более широкий контекст исторического развития кочевых сообществ Центральной Азии, то ситуация складывается несколько иным образом. Кочевые народы, несмотря на кажущуюся простоту и самодостаточность собственного хозяйства, как правило, были тесным образом связаны с внешним по отношению к ним миром. Они находились в тесных экономических, культурных и зачастую политических контактах с соседними оседлыми народами и сообществами. Любое сужение и тем более временное прерывание этих контактов имело крайне тяжелые последствия для кочевников.

Одной из детерминант политического процесса кочевой Монголии была следующая закономерность. В периоды изоляции от внешнего мира, наряду с

²⁴³ Крадин Н.Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.Н. Бондаренко. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2002. – С. 82.

²⁴⁴ Там же. – С. 83.

²⁴⁵ Lattimore O. The Geographic Factor in Mongol History // The Geographic Journal. 1938. Vol. XCI. №11. – P. 15.

социально-экономическим и культурным упадком монгольское общество переживало политический кризис, выразившийся в полной децентрализации управления, активизации междоусобиц и практике периодических грабежей соседних стран. Показательной в этом плане является картина, сложившаяся в XII веке, когда различные племена кочевников представляли собой мелкие шайки разбойников во главе со «степными аристократами», поддерживаемыми нукерами (дружинниками), не признавая никакой власти. Другой пример можно найти и в более поздние периоды монгольской истории. Как пишет выдающийся российский и советский монголовед Б.Я. Владимирцов, «... войны, длившиеся в течение 12 лет (1388-1400 гг.), создали для монголов такую изоляцию, в какой они не находились даже в дочингисхановский период. Монголы оказались отрезанными от внешних рынков и от всех культурных стран. Торговля с оседлыми странами совершенно прекратилась, и торговые пути были заброшены. Закрытие для монголов больших рынков, упадок городской жизни в Монголии и исчезновение поселений ремесленников привели к повсеместному господству примитивного кочевого скотоводства как единственного средства к существованию»²⁴⁶.

А.М. Хазанов отмечает, что «будучи неавтаркичным, номадизм любого типа не может функционировать в изоляции... По общему правилу, чем более дифференцированным в социальном отношении является данное кочевое общество, тем активнее оно стремится к контактам и взаимодействию с внешним миром... Интенсивные и разносторонние контакты с внешним миром способствуют росту социальной дифференциации и/или имущественного неравенства у номадов»²⁴⁷.

Кочевники в силу специализированности и односторонности своего хозяйства были больше заинтересованы в торговле, нежели оседлые общества.

²⁴⁶ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. - Л., 1934. - С. 127-129.

²⁴⁷ Хазанов А. Кочевники и внешний мир. - С. 323.

«Для кочевников торговля с земледельцами была делом необходимым и жизненно важным... земледельцы же в принципе могли обойтись и без торговли с кочевниками»²⁴⁸. Торгуя с внешним миром, монголы как правило стремились не столько к прибыли, сколько к элементарному выживанию. Эта максима оказалась крайне живучей и подобный характер отношений между Монголией и ее соседями стал актуальным и для наших дней²⁴⁹.

Китай, имевший общие границы с кочевниками, в свою очередь, видел в торговле с ними удобный инструмент экономического давления, периодически закрывая торговые пункты. В таких случаях основной задачей кочевников в войнах с Поднебесной было заключение выгодных для себя договоров о торговле. Экономическая и социально-политическая отсталость кочевников компенсировалась военными преимуществами, помогавшими побеждать более многочисленные армии оседлых народов.

В целом, воспроизводство политической организации власти в форме кочевого государства, которое впервые возникло еще в период государства Хунну (III в. до н.э. – I в. н.э.), было для кочевых обществ длительной традицией. Многие авторы считают, что сменявшие друг друга политические объединения степи воспроизводили схожие политические институты, в основе которых лежала военно-административная организация и нацеленность на экспансию. Они были обусловлены кочевой экономикой, высоким уровнем децентрализации скотоводов и сравнительно низким уровнем развития производительных сил²⁵⁰.

Политические институты кочевого государства опирались на систему сакрализирующих власть политических и религиозных обычаев и ритуалов. Основанием для верховной власти у монголов в имперский период, начиная с XIII века, являлась принадлежность к «золотому роду» (монг. «алтан ураг») Чингисхана. Исключительно чингисид, т.е. прямой потомок Чингисхана, мог

²⁴⁸ *Он же.* - С. 329.

²⁴⁹ Подробнее об этом в главах 6 и 7 диссертации.

²⁵⁰ См., например: *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. - М: Восточная литература, 1997. - 320 с.; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. - СПб, 2005. - 352 с.

считаться законным претендентом на титул великого хана. Право чингисида на императорский титул подкреплялось идеей связи хагана с Небом²⁵¹.

В более поздний период, в результате длительной борьбы между соперничающими группами чингисидов периода «малых хаганов» официальной религией монголов становится буддизм. Соответственно, буддийская традиция стала основой для легитимации власти. В доктринальном плане данная традиция была выражена в учении о «двух законах». Например, деятельность аристократии по укреплению власти верховного правителя почиталась в буддийском учении о царях-чакравартинах. Начиная с конца XVI в. институционализировалась практика установления преемственности между правителями Монголии (включая самого Чингисхана) и древнеиндийскими и тибетскими государями²⁵². В результате, буддийская церковь, чьи верховные иерархи объявлялись тулку-хубилганами, т.е. «святыми-перерожденцами» персонажей пантеона и видных деятелей буддийской религии, стала играть значимую роль в политическом процессе Монголии XVI-XIX вв. Церковное управление с момента своего формирования было тесно связано с аристократическими группами через родственные отношения между светскими и духовными иерархами. Используя фактический союз с монгольской знатью буддийские монастыри могли концентрировать у себя значительные экономические и людские ресурсы и монополизировать образование и идеологическую сферу²⁵³.

Особенно усиливается политическое и экономическое влияние буддийской церкви после того, как монголы попали в зависимость от маньчжурской империи Цин в XVII в. Маньчжурские императоры, стремясь усилить свой контроль над монгольскими подданными, оказывали покровительство буддийским монастырям, освобождая их от налогов, военной

²⁵¹ *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана. – М.: Восточная литература, 1997. - 214 с.

²⁵² *Лиштованный Е.И.* Буддийское учение о Чакравартинах как правовое обоснование государственной независимости и суверенитета Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 2а : Право. - С. 56-57.

²⁵³ *Скрынникова Т.Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголии XVI – начала XX века. – Новосибирск: Наука, 1988. - С. 42-50.

и уртонной (почтово-транспортной) повинности. Это приводило к усилению монастырей как ведущих торгово-экономических, идейно-политических и образовательных центров Монголии. По данным В.А. Рязановского, церковное имущество в Монголии оценивалось в начале XX в. в 57 млн. рублей, тогда как все национальное богатство в 250 млн. рублей. Соответственно, на долю церкви приходилось больше 1/5 от всего богатства страны²⁵⁴. К началу XX в. в Монголии насчитывалось 747 больших и малых монастырей и около 100 тысяч лам, что составляло около 30% всего мужского населения²⁵⁵.

Институты буддийской церкви, будучи изначально инструментами контроля маньчжурской династии за монгольским населением, в начале XX в. превратились в самостоятельные органы власти, способные взять на себя функции государственного управления. В конечном итоге не случайным явилось то, что именно Богдо-гэгэн VIII (Джебцзундамба-хутухта), глава монгольской церкви, стал лидером освободительного антиманьчжурского движения Внешней (Северной) Монголии в начале XX в. и возглавил монгольское теократическое государство, провозглашенное в 1911 г. При этом объявление независимости Монголии практически не означало серьезных внутренних изменений в системе управления. Принимаемые правовые акты продолжали следовать принципам и традициям маньчжурского государства, создаваемые органы власти были заимствованиями у Цинской администрации²⁵⁶. В целом, монгольская политическая система вплоть до начала XX в. опиралась на уходящую вглубь времен сакральную традицию и имела значимую для большинства населения религиозную легитимность.

Традиция в дореволюционной Монголии также воплощалась в устойчивых иерархических структурах. Социальная структура монголов

²⁵⁴ *Рязановский В.А.* Является монгольское право обычным? Влияние Китая в прошлом Монголии. - Харбин, 1932. - С. 253.

²⁵⁵ *Жуковская Н.Л.* Ламаизм в Монголии // Буддизм. Словарь / Под общ. ред. Н.Л. Жуковской, А.Н. Игнатовича, В.И. Корнева. - М.: Республика, 1992. - 288 с.

²⁵⁶ *Нарангэрэл С., Лундэндорж Н.* Эрх зүй судлалын удиртгал (Введение в правовые исследования). - Улаанбаатар, 2002. - X. 8.

основывалась на иерархии сословий. Светская знать в лице ханов, тайджей, ванов, нойонов, дзасаков и других, а также духовные владетели (гэгэны, хубилганы и хутухты), обладавшие большей частью скота, составляли верхнюю часть монгольского общества. «Араты» (крестьяне-скотоводы), находившиеся в подчиненном от знати положении, делились на албату (несли повинности в пользу государства), хамджилга (зависели от светской знати) и шабинаров (зависели от монастырей)²⁵⁷. Все низшие слои населения были отстранены от принятия политических решений, не имели гражданских прав и не считались «народом» в политическом и государственно-правовом смысле слова. Например, часто используемое в те времена монгольское слово «хумуус» означало больше «население», нежели «народ».

Таким образом, признавая тот факт, что на протяжении многих веков монгольская государственность и монгольское общество не являлись чем-то неизменным и статичным, мы все же можем выделить наиболее характерные черты политического процесса в истории Монголии до XX в. Во-первых, политическое управление в кочевом обществе монголов было централизовано гораздо в меньшей степени, нежели у оседлых народов, и ведущая роль (за редким исключением) принадлежала главам аристократических родов и кланов, нежели номинальному верховному правителю. Во-вторых, политическое развитие кочевых государств Центральной Азии находилось в тесной связи с политикой в отношении Китая, выступавшего одновременно и в качестве врага, и основного торгового партнера. В-третьих, политика и власть в монгольском традиционном обществе считались делом избранных (потомков Чингисхана, буддийских перерожденцев), а основная масса населения была исключена из процесса управления. В-четвертых, социальная организация монголов опиралась на жесткую сословную иерархию, резко ограничивающую социальные изменения. В-пятых, любой носитель власти неизменно сакрализировался либо в рамках тенгрианской религиозной

²⁵⁷ Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. - С. 55.

системы, либо через буддийские культы. Все это, согласно классической веберовской типологии, позволяет говорить о традиционном типе господства, присущем монгольскому государству до начала XX в.

2.2. Политический процесс в МНР сквозь призму социалистической модернизации

Народная революция 1921 года (монг. 1921 оны Ардын хувьсгал) традиционно считается событием, положившим начало почти семидесятилетнего социалистического периода в истории Монголии. Именно с началом социалистического периода, по словам С.Г. Лузянина, «закончилась 800-летняя эпоха существования традиционной монгольской политической системы и культуры»²⁵⁸.

И хотя построение социализма и ориентация на опыт Советского Союза не сразу стали целями монгольских революционеров, именно в начале 1920-х гг. было положено начало принципиальным изменениям в Монголии. Монгольская народная партия (МНП), находясь под сильным идейным влиянием со стороны российских большевиков, в течение 1920-1930-х гг. инкорпорировала в свои программные установки цели и задачи, которые в конечном итоге сводились к построению «справедливого бесклассового общества» через преодоление «пережитков прошлого»²⁵⁹, т.е. кардинальное изменение базовых принципов функционирования социально-экономической и политической системы страны.

Д. Скотт, анализируя политику государств XX в. по поводу масштабного реформирования общества, ввел в научный оборот понятие «высокий модернизм». Сутью данной политики являлась социальная революция, основанная на вере в научно-технический прогресс и принципиальную

²⁵⁸ Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Восток-Запад, 2007. – С. 740.

²⁵⁹ История Монгольской народной республики. 3-е изд. - М.: Наука, 1983. - С. 296.

возможность рационального устройства общества²⁶⁰. Политическим воплощением модернизма как общественно-политической парадигмы выступает массовая демократия, условием возникновения которой является становление масс в качестве важнейшего фактора политической борьбы. Традиционные общества характеризуются социальной иерархией, в рамках которой полным объемом политических прав наделены только высшие сословия, а основная масса населения находится преимущественно за рамками политической системы. Модернизм, в свою очередь, предлагает модель партиципаторного политического процесса с наделением гражданскими электоральными правами всего населения страны и формированием новой конфигурации политических институтов, основанных на массовом политическом участии. Массовая демократия, по словам Я. Шимова, склонна противопоставлять традициям новации, интересам – идеалы, репрезентативности – идеологию как форму воплощения новых общих ценностей²⁶¹. В этом смысле радикальными воплощениями массовой демократии являются авторитарные режимы XX века, в том числе в идейном плане ориентированные на социализм и коммунизм.

Другим неизменным атрибутом модернизма стало появление и институционализация наций как идеологического воплощения народных масс. Э. Смит, говоря о современной нации, называет ее «модернистским идеальным типом». На его взгляд, нация это идеологическое движение, оформляемое рядом правил: принятие нации в качестве базовой единицы деления мира, ее признание единственным источником политической власти, право нации на автономию и самоопределение, а также первостепенность обязательств индивида по отношению к нации²⁶². Создавая нации, модернистские индустриальные государства стремились к максимально

²⁶⁰ *Скотт. Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. - М.: Университетская книга, 2005. - С. 151-152.

²⁶¹ *Шимов Я.* Пир побежденных. Современная демократия как путь к катастрофе // Логос. 2003. №4-5 (39). - С. 70.

²⁶² *Smith A.* The Cultural Foundations of Nations. Hierarchy, Covenant and Republic. - Oxford: Blackwell Publishing, 2008. - P. 30-34.

упрощенному (понятному) обществу, лишенному многообразия родовых, этноконфессиональных, региональных, сословных и иных социальных категорий. К основным условиям появления наций, как правило, относят появление индустриальных экономик, демократизацию и распространение системы массового образования²⁶³.

Чертой, отличающей высокий модернизм от модернизма, является убежденность во всемогуществе научной и интеллектуальной (в основном технократической) элиты, способной изменить природные и социальные условия²⁶⁴. При этом идеологи высокого модернизма в своих установках, как правило, исходили из утопических идей по переустройству общества, отрицая правомерность существования альтернативных путей развития, что стало важной предпосылкой для становления авторитарных и тоталитарных режимов.

Другой важной особенностью высокого модернизма является радикальный разрыв с историей и традицией, игнорирование прошлого и его результатов²⁶⁵. В противоположность высокому модернизму с его верой в поступательный прогрессивный характер общественного развития для традиции характерна регрессивная модель времени: мир движется от идеального состояния к упадку и разрушению, а значит, любые изменения опасны и губительны.

Т. Робинсон выделил три особенности революционной модернизации в странах Азии в XX веке. Первая заключается в перенесении мировоззренческих установок Запада (главным образом, идеи научно-технического и общественного прогресса) на почву азиатских обществ. Именно в странах Азии революционная модернизация особенно ярко столкнулась с задачей «сбросить оковы традиционного общества и устремиться к лучшей материальной и общественной жизни». Вторая

²⁶³ Там же. - Р. 31.

²⁶⁴ Скотт Дж. Указ. соч. - С. 151.

²⁶⁵ Он же. - С. 22.

особенность проявилась в фактическом отождествлении понятий «революция» и «модернизация». «Государства и народы становились современными только потому и когда они осуществляли революции подобного рода». Задача проведения модернизации в максимально сжатые сроки стала третьей особенностью революционной модернизации в азиатских странах²⁶⁶. Это, в свою очередь, предопределило высокую социальную и экологическую цену модернизации.

В основе любой теории модернизации лежат представления о развитии. Социалистические теории модернизации ассоциируют развитие с формированием политических режимов, контролирующих производство и распределение ресурсов, с гарантиями образования, медицинского обслуживания и обеспечения базового потребления²⁶⁷.

Идеологические установки пришедших в Монголии к власти сил во многом определили позиции и направленность трактовки модернизации в стране. В советской и монгольской науке революционные преобразования в Монголии интерпретировались с позиций марксизма как преодоление колониальной отсталости, переход от феодализма к построению социалистического общества²⁶⁸.

В 1921 году после победы над китайскими оккупационными силами и разгрома одного из лидеров Белого движения Р. Унгерна власть в Монголии перешла в руки Монгольской народной партии (МНП). В том же году между Народным правительством и главой буддийской церкви Богдо-гэгэном VIII был заключен т.н. «Клятвенный договор», по условиям которого, буддийский иерарх ограничился в своем праве вмешиваться в государственные дела²⁶⁹. Со смертью Богдо-гэгэна VIII в 1924 г., была провозглашена Монгольская

²⁶⁶ *Robinson T. W.* Modernization and Revolution in Post-Cold War Asia // *Problems of Communism*. Jan.-Apr. 1992. - P. 170-171.

²⁶⁷ *Чилкот Р.Х.* Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы – М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь мир», 2001. – С. 305.

²⁶⁸ *Улымжиев Д.Б.* Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов. - Улан-Удэ, 1961. – 119 с.; *Ширендыб Б.* Минуя капитализм. - Улан-Батор, 1967. – 176 с.

²⁶⁹ Клятвенный договор между Народно-революционным правительством Монголии и богдо-гэгэном. 1 ноября 1921 года. [Электронный ресурс] URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000129/st026.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

народная республика и принята первая в истории страны конституция. В данном документе были прописаны ключевые нормы новой социально-политической системы и политического процесса, принципиально отличавшие их от прежних эпох.

Во-первых, республика, пришедшая на смену многовековой монархической традиции, установила новую, ранее монголам незнакомую форму государственного устройства. Первая глава конституции МНР декларировала такой политический принцип как народовластие. Так, «трудящийся народ» (монг. хөдөлмөрийн ард) провозглашался единственным источником власти и носителем суверенитета²⁷⁰. Впервые за широкими массами населения страны признавалось право участия в политическом процессе на правах субъекта, что можно отнести к важнейшей составляющей демократической идеологии. Действуя от имени народа и во благо народа, правящие круги тем самым получали общественный мандат на дальнейшие самые радикальные меры по переустройству общества.

Основным принципом всей системы государственного управления МНР объявлялся демократический централизм и участие широких масс в решении жизненно важных вопросов. В результате в течение всего социалистического периода происходит расширение участия граждан в таких общественно-политических ассоциациях как Монгольский революционный союз молодежи (МРСМ), профсоюзы и, в первую очередь, в МНП (в 1925 году переименованную в Монгольскую народно-революционную партию - МНРП).

В то же время, несмотря на конституционно закрепленный принцип верховенства народа и наличие представительных органов, сложившийся режим представлял из себя монополию на власть единственной партии - МНРП, чей высший партийный орган принимал все важнейшие решения, а партийный лидер выступал в качестве реального главы государства. Вплоть до 1990 года МНРП была монопольно правящей партией в Монголии, чьи

²⁷⁰ Конституция Монгольской народной республики, 26 ноября 1924 года [Электронный ресурс] URL: <http://constitutions.ru/archives/8185> (дата посещения 31.01.2018)

структуры полностью срослись с государственными, а вся политическая система МНР была очень схожа с советской. Вследствие этого, все более формальной становилась не только роль правительства, осуществляющего исполнительную власть, но и парламента, как высшего законодательного органа. Профсоюз, ревсомол, женская и все другие общественные организации осуществляли свою деятельность под непосредственным руководством МНРП.

Во-вторых, высшим органом власти объявлялся Великий народный хурал (ВНХ), формируемый путем всенародных выборов, которые становились неотъемлемой процедурой создания и легитимации органов власти. После провозглашения МНР, согласно конституции, активным и пассивным избирательным правом наделялись граждане, достигшие 18 лет, добывающие средства существования своим трудом, занятые своим трудовым хозяйством и солдаты Народно-Революционной Армии. Начиная с 1923 года в стране на регулярной основе стали проводиться выборы в государственные и местные органы власти – народные хуралы.

Даже при том, что реальная власть на протяжении всего социалистического периода всегда находилась в руках МНРП и выборы носили формальный характер, правящие круги никогда не отказывались от избирательной процедуры как легитимирующего механизма их господства и, в целом, такая практика имела довольно широкую массовую поддержку.

В-третьих, конституция и иные законы, регламентирующие деятельность органов государственной власти, вводили демократический принцип разделения властей на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную. Данный принцип приходил на смену традиционному для кочевников Монголии принципу соединения различных властных функций в одном человеке – обладателе харизмы и сверхъестественных способностей²⁷¹. Взамен теократии, где в лице одного

²⁷¹ *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана. - С. 29.

человека соединялись политические, военные, экономические, религиозные функции, вводилась парламентская республика, в рамках которой основные общественно-политические функции делегировались различным органам власти. И хотя, как и в случае с выборами, принцип разделения властей в социалистический период был декларативным, и реальная власть была в руках лидеров МНРП, наличие соответствующих институтов власти (парламента, правительства, судов) принципиально отличало государство социалистической эпохи от государства предшествующих эпох. Более того, эти институты в модифицированном варианте были унаследованы Монголией после ее отказа от социалистической модели развития и остаются базовыми элементами современного политического процесса.

В-четвертых, конституция 1924 года была документом, основанным не на нормах обычного и феодального права монголов (каковыми были «Великая Яса» Чингисхана или «Халха Джирум» эпохи Цинского господства), закреплявшего юридическое неравенство в сословной организации общества. Конституция вобрала в себя многие передовые на то время положения и принципы европейского гражданского законодательства. Объявлялась свобода слова, печати, союзов, собраний и право на бесплатное образование. Провозглашалось равноправие граждан страны, вне зависимости от их национальности, религии и пола, упразднялись феодальные титулы и владетельные права церковных иерархов (хутухт и хубилганов). Иными словами, основной закон утверждал такой принцип социальной справедливости как равенство в распределении основных прав и обязанностей всех граждан.

В то же время граждане, ранее принадлежавшие к сословиям светских и духовных феодалов, поражались в избирательных правах: «Лица, добывающие средства исключительно путем эксплуатации другого человека с целью явной наживы, торговцы и ростовщики, живущие чужим трудом и процентами с капитала и доходов, представители прежних правящих сословий, умалишенные и душевнобольные, а также осужденные судом за

корыстные и порочащие преступления»²⁷². Поражение в правах «классово враждебных элементов» воспроизводило практически полностью статью 65 главы 13 Конституции РСФСР 1918 года²⁷³. К «народу» были отнесены представители только трудовых слоев – кочевников-аратов²⁷⁴. С этой целью в монгольский политический лексикон даже было введено новое понятие, обозначавшее «народ» - «ард түмэн». В этом смысле, лишая бывшие привилегированные слои политических прав, новый режим выворачивал наизнанку политическую структуру монгольского общества. Если раньше носителем власти признавались лишь представители знати, а подавляющее большинство монголов было лишено гражданских прав, то теперь этих прав лишались бывшие привилегированные слои. Тем самым, по своему характеру конституция 1924 года являлась социалистической вариацией массовой демократии. Однако уже в последующих конституциях социалистического периода избирательным правом наделялись все без исключения граждане страны, а понятие «ард түмэн» потеряло свое классовое значение и стало обозначение народа Монголии как такового, что было обусловлено серьезными изменениями в социальной структуре монгольского общества.

В-пятых, церковь отделялась от государства, а религия объявлялась частным делом граждан. Тем самым, начался долгий и неоднозначный по своему характеру и содержанию процесс перехода от общества, политически регулируемого религиозной традицией к светской модели общественного устройства на основе внерелигиозных норм. В результате, хотя в первые годы становления новой власти в формировании ее институтов деятельное участие приняли бывшие священнослужители, государственная власть стала базироваться на светских принципах марксистской идеологии. В функционировании государственных институтов определяющую, а затем и

²⁷² Конституция Монгольской народной республики, 26 ноября 1924 года [Электронный ресурс] URL: <http://constitutions.ru/archives/8185> (дата посещения 31.01.2018)

²⁷³ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/13/#block_4500 (дата посещения 31.01.2018)

²⁷⁴ Конституция Монгольской народной республики, 26 ноября 1924 года [Электронный ресурс] URL: <http://constitutions.ru/archives/8185> (дата посещения 31.01.2018)

монопольную, роль стали выполнять светские государственные чиновники и партийное руководство.

Наконец, сам закон отныне рассматривался в качестве инструмента реализации поставленных государством целей. Это десакрализовало закон, который можно было исправлять, отменять, принимая новый. Например, в конституции МНР 1960 года прописывалось: «Конституция будет отменена тогда, когда исчезнет необходимость в существовании государства, являющегося главным орудием построения социализма и коммунизма, когда оно будет заменено коммунистической ассоциацией трудящихся»²⁷⁵.

Основанием для разработки и санкционирования норм права, подобно современным западным странам, стали не обычай, религиозные традиции или суверенитет монарха, будь то великий хан, Богдо-гэгэн или Цинский император, а суверенитет государства, политической организации, монополизирующей власть. Десакрализация закона сказалась как на частоте его обновлений (в социалистический период было принято три конституции – 1924, 1940 и 1960 гг.), так и на возможности для его нарушения (особенно в эпоху политических репрессий).

Идейным обрамлением провозглашенных задач общественного развития Монголии после в 1920-1930-е гг. стал тезис о «некапиталистическом пути» при активной поддержке со стороны СССР. Послереволюционное государственное строительство Монголии было направлено на централизацию власти, преодоление сопротивления традиционных политических групп, унификацию права и создание новой системы государственных органов, включая аппарат управления, партийные, законодательные, исполнительные, судебные и военные институты. Вся прежняя государственная система была демонтирована и за образец была взята модель Советской России в построении новых институтов – от высших органов государственной власти до системы светского образования.

²⁷⁵ Конституция Монгольской народной республики, 6 июля 1960 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.sovetika.ru/mnr/konst.htm> (дата посещения 31.01.2018)

Таким образом, в период становления МНР начинается активный процесс развития нового типа политической культуры и политического участия, основанного на коммунистической идеологии. Правящие круги Монгольской народной республики в построении нового государства исходили из модернистских реформаторских идей революционного преобразования и социального инжиниринга общества.

Помимо нормативно-правовых актов, важнейшими факторами трансформации политического процесса монгольского общества и основных элементов социально-политической системы стала практическая деятельность монгольских властей, направленная на построение основ социализма.

Построение современного государства требовало формирования политического сообщества нового для Монголии типа – нации. Создание институтов государственной власти современного типа вызвало необходимость формирования общей политической лояльности населения. Интеграция социальных групп монгольского общества начала XX века, разделенных сословными и этнотерриториальными границами, была начата с ряда конституционных преобразований и продолжена государственной политикой, направленной на политическую ассимиляцию духовенства, аристократии и субэтнических групп.

Именно в социалистический период возникает идея монгольской нации, причем в начальный период довольно большую роль в ней играл панмонгольский фактор. Согласно идеологии панмонголизма, отраженной в конституции МНР 1924 года, задачей нового государства было «объединение монгольских племен в единое, свободное государство, способное защитить интересы народа»²⁷⁶. Российский общественно-политический деятель и ученый бурятского происхождения Ц. Жамцарано определил монголов, проживающих на территории Монголии как «монгол үндэстэн», т.е.

²⁷⁶ Конституция Монгольской народной республики, 26 ноября 1924 года [Электронный ресурс] URL: <http://constitutions.ru/archives/8185> (дата посещения 31.01.2018)

собственно монгольскую нацию²⁷⁷. Ястан (племена) были провозглашены пережитками феодализма и родоплеменных отношений, которые должны были уступить место наиболее развитому типу этноса – социалистической нации.

Как утверждает К. Каплонски, «национальная идентичность в Монголии стала явлением широкого масштаба только с установлением социалистического режима в 1920-х гг... Социалистическое правительство было ответственно за создание и пропаганду идентичности, основанной на концепте «монгольской нации»²⁷⁸. В результате нацистроительной политики, согласно данным составителей справочника «Монгольская народная республика», «...к началу 80-х годов XX века МНР представляла собой почти однонациональное государство: основное население составляют халха-монголы – около 80%, сложившиеся в социалистическую нацию, в состав которой входит несколько монголоязычных групп – дэрбэты, баиты, дариганга, захчины, олеты, торгоуты. На севере страны проживают буряты (около 30 тыс.), на северо-западе – тюркоязычные казахи (62,8 тыс.), а также некоторое количество тувинцев и хотонов»²⁷⁹.

Хотя в постсоциалистической Монголии произошел определенный пересмотр представлений о природе монгольской нации и ее границах, нельзя не согласиться с мнением польского исследователя З. Шмыта о том, что «созданная в результате идентичность пережила распад коммунистической идеологии и эффективно развивается в независимой и демократической Монголии»²⁸⁰.

Неотъемлемой составляющей проекта социалистической модернизации в МНР стал процесс коллективизации сельского хозяйства и седентаризации, т.е. оседания кочевников. Эти два процесса были тесно взаимосвязаны и преследовали как экономические, так и политические цели. Официально

²⁷⁷ Шмыт З. Нация и этничность в Монголии // Этнографическое обозрение. 2011. №5. – С. 110

²⁷⁸ Kaplonski C. Creating national identity in socialist Mongolia // Central Asian Survey. 1998. Vol.17. №1. - P. 35.

²⁷⁹ Монгольская Народная Республика. - С. 30.

²⁸⁰ Шмыт З. Указ. соч. - С. 63.

декларировалось создание бесклассового справедливого общества, основанного на социалистической народной собственности и широкой кооперации производства в форме коллективных хозяйств. С одной стороны, перевод на оседлость должен был предоставить возможность широкого внедрения механизации, увеличить производительность хозяйства, поднять материальный уровень жизни аратов²⁸¹. С другой стороны, формирование общества «нового типа» предполагало в том числе создание более «понятной для социалистического государства ситуации», при которой население не перемещается с места на место, но стационарно проживает на отведенной территории. Это давало возможность властям проводить коллективизацию худона (сельского населения), контролировать политическую ситуацию на местах, осуществлять социальную политику (внедрение системы массового образования и здравоохранения). Иными словами, государство стремилось сделать общество «более понятным и предсказуемым»²⁸².

Созданная в рамках коллективизации и седентаризации новая территориально-административная система (аймаки, сомоны, баги) была призвана упорядочить процесс управления худоном. На основе данной системы проводился учет населения, осуществлялся сбор статистических данных, отражавших уровень социально-экономического и демографического развития страны. Достаточно напомнить, что регулярная всеобщая перепись населения стала проводиться только в социалистический период истории Монголии.

Данные меры прямым образом воздействовали на характер и уровень производительности сельского хозяйства и образа жизни населения. Седентаризация (хотя большинство скотоводов продолжали кочевать, они становились более зависимыми от стационарных пунктов, таких как медицинские учреждения, ветеринарные станции, школы и др.) приводила к

²⁸¹ Батнасан Г. Некоторые особенности перехода к оседлому образу жизни в Монгольской народной республике // Советская этнография. 1977. №2. - С. 70.

²⁸² Скотт Дж. Указ. соч. - С. 18.

ломке прежнего стереотипа мышления, поведения, традиционной системы ценностей и традиционного образа жизни. Также седентаризация подрывала основы политического процесса дореволюционной Монголии. С древних времен важнейшим условием широкой автономии кочевников по отношению к политическому центру было наличие у них возможности в любой момент откочевать на новые места (как правило, в западном направлении) и, тем самым уйти из-под неудобной власти²⁸³. Оседание значительной части монгольских кочевников вкупе с проведением четких и хорошо охраняемых государственных границ изъяло из политического процесса мобильность как способ протеста против власти. Это, в свою очередь усиливало степень подконтрольности общества государству, влияния центра в регионах, превращая страну де-юре и де-факто в унитарное государство. Отказавшись от ряда полномочий в сфере контроля за населением и регионами страны в начале 1990-х гг., государство сохранило унитарное устройство и созданную в социалистический период территориально-административную систему.

Кроме того, седентаризация эпохи социализма способствовала разрушению сословной, регионально-родовой и хошунно-сеймовой идентичности, основывающихся на традиционной системе перекочевков. Взамен предлагалась национально-гражданская идентичность, формировавшаяся через политико-юридическую связь между формально равными между собой гражданами и государством. Эта связь выражалась в многоступенчатой системе народных собраний – хуралов, совокупности взаимных прав и обязанностей граждан и государства. Иными словами, седентаризация сформировала условия для становления монгольской национальной идентичности.

Руководством МНР в качестве одного из основных условий построения социалистического общества рассматривалась индустриализация и образование рабочего класса, как социальной опоры новой власти. Как

²⁸³ Крадин Н.Н. Структура власти в кочевых империях. - С.86.

определялось в Отчетном докладе ЦК МНРП, задачи строительства основ социализма заключили в себя: «... развитие промышленности и транспорта в соответствии с потребностями народного хозяйства, дальнейший рост рядов рабочего класса и всемерное развитие национальной культуры»²⁸⁴.

Здесь стоит особо отметить, что большую (и даже возможно определяющую) роль в деле социалистической (некапиталистической) ориентации МНР сыграл внешний фактор в лице СССР и Коминтерна. В частности, в принятой VI конгрессом Коминтерна программе было записано: «... отпавшие от империализма колонии экономически сближаются и постепенно объединяются с индустриальными очагами мирового социализма, втягиваются в русло социалистического строительства, минуя фазу дальнейшего развития капитализма как господствующей системы, и получают возможность быстрого экономического и культурного прогресса»²⁸⁵.

При этом следует уточнить, что основной акцент на этих направлениях был сделан только после Второй мировой войны при прямой поддержке со стороны СССР, что обуславливалось как геополитическими интересами двух стран, так и возросшим потенциалом материально-технической базы Советского Союза. Именно в 1950-1970-е гг. были основаны ведущие промышленные предприятия страны, вокруг крупнейших из них создавались новые города (Дархан, Эрдэнэт). Между 1960 и 1990 гг. доля промышленности в национальном производстве возросла с 10 до 36%, а доля сельского хозяйства упала с 40 до 19% соответственно²⁸⁶.

Неотъемлемым атрибутом индустриализации становилась урбанизация. В период между 1918 и 1989 гг. население только одной столицы страны - Улан-Батора выросло со 100 тыс.²⁸⁷ до 548,4 тыс. жителей²⁸⁸. В целом по

²⁸⁴ МАХН-ын Төв Хорооны намын XII их хуралд тавьсан тайлан илтгэл ба түүнд гаргасан тогтоол (Доклады и резолюции, принятые на XII съезде ЦК МНРП). - Улаанбаатар, 1961. - X. 67.

²⁸⁵ Коммунистический Интернационал в документах (1919-1932). - М., 1933. - С. 31.

²⁸⁶ State Statistical Office. National Economy of the MPRP for 70 Years. - Ulaanbaatar, Mongolia, 1992. - P. 21-23.

²⁸⁷ Майский И.М. Монголия накануне революции. - М.: Восточная литература. 1959. - С. 100.

²⁸⁸ Хүн амын тоо, хүйсээр, оны эхэнд, мянган хүн (Половозрастной состав населения) [Электронный ресурс] URL: <http://ubstat.mn/StatTable=11> (дата посещения 31.01.2018)

стране удельный вес городского населения увеличился с 13% в 1927 году²⁸⁹ до 57% в 1989 году (1166,1 тыс. чел.)²⁹⁰, на основании чего монгольское общество того периода можно отнести к индустриальному типу.

Рост городского населения привел к оформлению и институционализации иных, не связанных с кочевым скотоводством видов занятости. Все это способствовало кардинальным переменам в социальной структуре Монголии. Уже к 1960 гг. социальная структура монгольского общества приобретает многие черты развитых индустриальных стран. Развитие экономики и политической системы выступили основой для устойчивого роста благосостояния населения, увеличения продолжительности жизни и снижения смертности. В стране была создана разветвленная сеть медицинских и образовательных учреждений, финансовая и транспортная системы в целом соответствующие среднему уровню производства и потребления социалистических и капиталистических стран.

Наряду с аратами-скотоводами большую долю в экономически занятом населении страны стали играть рабочие промышленных предприятий, работники умственного труда (госслужащие, врачи, учителя, студенты, деятели науки и искусства и другие). За 1956-1985 гг. удельный вес рабочих, служащих (и членов их семей) увеличился с 25,9% до 65,1%²⁹¹. Вместе со сменой места жительства и сферы деятельности изменялись экономические и социальные предпочтения, потребности и ожидания, структура потребления монголов. Помимо прочего, создавая слой городского «модернистского» населения, власти способствовали появлению носителей новой политической культуры, основанной на иных формах и методах политического участия. Именно представители влиятельного слоя городского образованного

²⁸⁹ Монгольская Народная Республика. Справочник. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – С. 27

²⁹⁰ Данные по: *Винокуров М.А., Алимаа Д.* Человеческое развитие Монголии в контексте демографической ситуации в стране // Известия ИГЭА. 2012. №2 (82). – С. 118.

²⁹¹ История Монголии. XX век. - М.: ИВ РАН, 2007. – С. 297.

населения с политически активной позицией возглавили в конце 1980-х гг. протестное движение, приведшее к кардинальным изменениям²⁹².

Индустриализация и урбанизация в МНР способствовали разрушению натурального характера сельского хозяйства и вовлекали большинство монгольского населения в процесс товарообмена и массового потребления товаров и услуг. Объем розничного товарооборота в 1950-1985 гг. вырос более чем в 12,5 раз, в том числе по сравнению с 1960 г. – в 3,4 раза²⁹³, причем 60% розничного товарооборота составила промышленная продукция²⁹⁴. Это превращало хозяйство страны в единое целое и устанавливало прямую зависимость между макроэкономической ситуацией в стране и благосостоянием широких масс населения. В этом отношении ситуация принципиально не изменилась и после отказа от командно-плановых методов в управлении экономикой страны после революции 1990 года. Состояние и динамика развития национальной экономики и, главным образом, промышленного сектора остаются важными факторами повседневной жизни населения Монголии, а соответственно, оказывают влияние на социальные и политические процессы в стране.

Одной из ключевых задач руководства МНР в деле построения общества «нового типа» было внедрение социалистической идеологии в массы. Начиная с 1920-х гг. политика государства была направлена на создание светской системы массового начального образования, посредством которого должна была формироваться новая идентичность населения страны. Решению данной задачи мешала конкурирующая идеология – буддизм, проводником которой выступала буддийская церковь. В целом, буддийская церковь в Монголии в указанный период оставалась могущественным и влиятельным общественным институтом. Несколько столетий монастыри обладали фактической монополией на образование, являлись крупнейшими собственниками скота и

²⁹² *Rossabi M.* Указ. соч. - Р. 2-5.

²⁹³ История Монголии. - С. 286.

²⁹⁴ Монгольская Народная Республика. Справочник. – С. 265.

пастбищ, в зависимости от церкви находились тысячи шабинаров (крепостных аратов)²⁹⁵. По выражению Н.М. Пржевальского, «лама был не просто духовным наставником... он являлся настоящим распорядителем жизни монгола от рождения до смерти»²⁹⁶. Поэтому неслучайно, что в первые полтора десятилетия после революции 1921 года именно церковь была главным конкурентом государства во внутривластном процессе в Монголии.

Начиная с 1920-х гг. со стороны государства в отношении церкви проводились мероприятия, направленные на подрыв ее экономического, идеологического и политического влияния.

Согласно Закону об отделении религии от государства 1926 г., церковь лишалась возможности вмешиваться в государственные и гражданские дела. Также на буддийские монастыри, традиционно свободные от выплаты каких-либо налогов, была распространена система налогообложения. Закон о военном налоге 1935 года предусматривал обложение всех лам от 18 до 45 лет, допуская исключение только для тех из низших лам, которые занимаются извозным и кустарным промыслами или вообще по своей платежеспособности не могут быть обложены никакими налогами²⁹⁷.

Влияние церкви и ее институтов на умонастроения монголов было настолько значительным, что все усилия государства в 1920-х гг. по созданию альтернативной светской системы образования, а также запрет 1925 года на поиск нового Богдо-гэгэна не могли серьезно изменить ситуацию. По данным 1935 года в светских школах нового образца обучалось примерно 2,7 % детей школьного возраста, тогда как в монастырях – более 25 %²⁹⁸. Лишь к концу 1930-х гг. произошло окончательное вытеснение монастырских школ из

²⁹⁵ Об этом см.: *Скрынникова Т.Д.* Ламаистская церковь и государство. - С. 55-58.

²⁹⁶ *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Первое путешествие в Центральной Азии 1870-1873 гг. - М.: ОГИЗ, 1946. - С. 62.

²⁹⁷ *Дугаров В.Д.* Некоторые формы репрессивной экономической политики МНРП по отношению к ламству в 1932-1938 гг. (по материалам архива ФСБ РФ по РБ) // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии. Сборник статей. - Улан-Удэ: Бурятский государственный университет. 2012. - С. 90.

²⁹⁸ Монгольская Народная Республика. Справочник. - С. 343.

системы образования. Роль буддизма оставалась высокой даже спустя десятилетие после установления власти народного правительства. Сам премьер-министр правительства МНР и один из лидеров МНРП П. Гэндэн был склонен ставить на один уровень учение Ленина с учением Будды²⁹⁹.

Более того, в лице лам новая власть периодически встречала своего главного критика и политического оппонента³⁰⁰. Наступая на права ламского сословия, некогда обладавшего безусловным политическим лидерством, государство боролось со слоем, обладавшим весьма развитым политическим сознанием. Агрессивная антирелигиозная кампания периода «левого уклона», включавшая в себя в том числе конфискацию монастырского имущества и закрытие буддийских храмов, а также попытка коллективизации села, спровоцировала массовые вооруженные выступления.

В этой связи политические репрессии 1930-х гг. против церкви были крайней мерой и во многом стали показателем слабости государства, неспособного снизить ее роль в обществе иными, более мягкими методами. В результате массовых репрессий к 1940 г. в МНР были разрушены или закрыты все монастыри и иные культовые места, а духовенство как социальная группа перестало существовать: часть была расстреляна, большая же часть переведена в светский статус³⁰¹.

Вследствие политики официального атеизма церковь была отделена от государства, а политический процесс в Монголии оказался десакрализован. Частичная реабилитация религии и церкви в МНР в конце 1940-х - начале 1950-х гг. произошла на основе развития иного церковного института, нежели института Богдо-гэгэна. Монгольскую сангху возглавил Хамбо-лама

²⁹⁹ *Atwood C.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. – Bloomington: University of Indiana, 2004. - P. 196.

³⁰⁰ *Kaplonski C.* Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia // *American Ethnologist*. 2008. Vol.35. Issue 2. - P. 324.

³⁰¹ История Монголии. XX век. - С. 103.

монастыря Гандантекчинлинг, избираемый членами общины, а не занимающий этот пост по праву перерождения³⁰².

Исходя из содержания второй главы, можно сделать следующие выводы:

1. История политического процесса в Монголии может быть подразделена на две неравные во временном отношении части - период политического развития в рамках традиционного общества и социалистическая эпоха, включившая в себя около семи десятилетий. К характерным чертам традиционного общества Монголии можно отнести сравнительно низкую степень централизации в системе политического управления, тесную связь политического развития государства кочевников с отношениями с Китаем, элитарность политического участия, являвшегося исключительной прерогативой светской и духовной знати, жесткую сословную иерархию, резко ограничивающую социальные изменения и сакрализацию политической власти. В результате, можно сделать вывод о традиционном типе господства, который был присущ монгольскому государству в досоциалистическую эпоху.
2. Социалистическая модернизация, проведенная в Монголии в XX в., привела к радикальному разрыву страны с политической традицией предыдущих эпох. Политические (во многом декларативные) нормы социалистического режима, нередко насаждаемые силой этим режимом, оказались ближе всего к нормам демократии: народ как источник власти и опоры государства, выборы как механизм легитимации власти, социальная справедливость, выраженная в политико-правовом равенстве граждан, гражданское право как основной источник политического действия, секулярный характер государственных институтов.
3. В социалистический период произошло значительное снижение роли традиционно-государственных основ монгольского общества, выраженных в клановом или религиозном принципе при получении и обладании властью. За

³⁰² *Belka L.* Institution of Mongolian (Khalkha) Jibzundamba Khutugtu: religion and politics on the threshold of the 21st century // Пятые торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока. 6-9 февраля 2008 г. – Спб., 2009. - С. 310.

период в семь десятилетий XX в. Монголия превратилась из сугубо аграрного общества в общество индустриального типа со всеми вытекающими из этого последствиями. Сформированная за годы социализма новая социальная структура, национальная идентичность, иные в сравнении с традиционным обществом социальные предпочтения и ценности легли в основу монгольского постсоциалистического общества. Иными словами, социалистическая модернизация подготовила политическую, социально-экономическую и социокультурную базу для дальнейшего развития Монголии уже в постсоциалистический период. Кризис социалистической системы второй половины 1980-х гг. подорвал легитимность идеологии правящей партии и социалистической системы в целом, но не основ политической культуры, сформированной в эпоху социализма.

Глава 3. Идеино-политическая основа постсоциалистической трансформации Монголии

3.1. Начало политической трансформации в рамках кризиса социалистической системы

Отказ Монголии от социалистического пути развития и начало радикальных политических и экономических реформ на рубеже 1980-1990-х гг. традиционно считаются отправными точками современного политического процесса в стране. В научной и публицистической литературе данные события были названы «Демократической революцией 1990 года» (монг. «1990 оны ардчилсан хувьсгал») ³⁰³.

В МНР, как и в социалистических странах Восточной Европы, начало серьезных политических перемен пришлось на вторую половину 1980-х гг. Предпосылками к таким переменам в первую очередь следует признать кризисные явления в социально-экономической сфере страны. Г.С. Яскина указывает, что «к 1985 году неблагоприятное положение в монгольской экономике стало громче заявлять о себе появлением таких признаков кризиса как обострение продовольственной проблемы, дефицит потребительских товаров, рост убыточности основной массы промышленных предприятий усиление миграционных потоков сельского населения в города, падение жизненного уровня населения» ³⁰⁴.

Именно экономическая реформа стала главным содержанием, объявленной МНРП политики «перестройки» (монг. «өөрчлөн байгуулалт»). Первым важным событием в этом смысле стал майский XIX партийный съезд 1986 г., поставивший задачи по проведению экономической реформы. В 1987 г. на XIII съезде Советов монгольских профсоюзов генеральный секретарь ЦК

³⁰³ См., например: Демократической революции в Монголии – 25 лет // Монголия сегодня. 05.12.2014; Монголын ардчиллын төлөвшил / Ред. Г. Чулуунбаатар. - Улаанбаатар, 2011. - 224 х.

³⁰⁴ Яскина Г.С. Модернизация производительных сил и экономическая реформа в Монголии. – М., 1994. - С. 5.

МНРП Ж. Батмунх объявил, что страна взяла курс на «перестройку». А в 1988 г. V Пленум ЦК МНРП продекларировал перестройку как неотложную задачу партии³⁰⁵.

Главный внешний импульс к подобным переменам для МНР исходил из Советского Союза и его политики «перестройки». Доказательством этому может служить тот факт, что XIX съезд МНРП, состоявшийся в мае 1986 г., полностью поддержал решения XXVII съезда КПСС (февраль 1986 г.) о начале политики «нового мышления»³⁰⁶. На советскую «перестройку» как важнейший фактор политической трансформации в Монголии указывают многие отечественные и зарубежные авторы³⁰⁷. По мнению южнокорейского политолога Юнхан Ли, без серьезных изменений в одной из двух соседних стран Монголия не смогла бы пойти на демократизацию³⁰⁸.

Специфику монгольского опыта реформ второй половины 1980-х гг. определила гораздо более тесная, в сравнении с восточноевропейскими странами, связь и зависимость от Москвы как в экономическом, так и в политическом отношении, второй по продолжительности после СССР опыт построения социализма, более низкий стартовый уровень социально-экономического развития³⁰⁹, географическая замкнутость между двумя великими державами – Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. В отличие от экономик восточноевропейских стран экономика МНР к началу экономических реформ практически не знала института частной

³⁰⁵ История Монголии. XX век. – С. 315-316.

³⁰⁶ XIX съезд Монгольской народно-революционной партии. Улан-Батор, 28-31 мая 1986 г. – М., 1986. – С. 44-45.

³⁰⁷ *Луитованный Е.И.* От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007; *Яскина Г.С.* Монголия и внешний мир. – М.: ИВ РАН, 2002; *Choikhand J.* Economic and political liberalization in Mongolia // *The Mongolian journal of international affairs.* 2006. №13. – P. 123; *Chuluunbaatar G.* Problems of the Contemporary Socio-Political Transformation in Mongolia. – Ulaanbaatar: Institute Philosophy, Sociology and Law Mongolian Academy of Sciences. 2009; *Rossabi M.* Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. – Los Angeles.-London: University of California Press, 2005; *Soni S.* Russian Policy Towards Northeast Asia: The Mongolia Factor // *The Mongolian Journal of International Affairs.* 2014. Vol.19. – P. 34-48.

³⁰⁸ *Junhan Lee.* Primary Causes of Asian Democratization: Dispelling Conventional Myths // *Asian Survey.* 2002. Vol.42. №6. – P. 835.

³⁰⁹ Согласно советской классификации стран-членов социалистического содружества, только Монголия и Албания перешли к строительству социализма, минуя капиталистическую формацию (*Фарберов Н.П.* Государственное право стран народной демократии. – М.: Госиздат, 1949. – С. 297-298)

собственности и элементов рыночного хозяйствования. Наконец, политический опыт Монголии эпохи социализма был уникален тем, что стране не было никакой другой партии, кроме МНРП, монополюно правившей страной в течение семи десятилетий. Принимая во внимание эти факторы, можно признать неудивительным то, что инициированные МНРП реформы, были смоделированы по большей части по аналогии с советским опытом политики «перестройки» и гласности (монг. «ил тод») ³¹⁰. Так, на XIII съезде монгольских профсоюзов в 1987 году Ж. Батмунх в своем выступлении заявил: «Перестройка - это наш путь, на который мы ориентируемся» ³¹¹.

Также, как и в СССР, изначально предполагалось реформировать только экономическую сферу, не затрагивая основ политической системы социализма. Ставка делалась на поощрение частной инициативы в процессе производства. Именно на это было рассчитано постановление Совета министров МНР в марте 1988 года «О поддержке занятия гражданами индивидуальной трудовой деятельностью и развития трудовых кооперативов». Министерствам и ведомствам разрешалось самостоятельно решать вопросы закупки машин и оборудования, стимулировался переход на хозрасчет, на добровольной основе создавались «трудовые товарищества» (монг. хөдөлмөрийн нөхөрлөл) и т.д.

Однако в ходе возникших общественных форумов и дискуссий (в рамках политики гласности) всплыли ранее не замечаемые и не проговариваемые проблемы и противоречия, которые стали первым актом в начинавшихся трансформационных процессах. Кроме того, не оправдались надежды на проводимые экономические реформы народного хозяйства. Так, Ж. Батмунх на VII пленуме ЦК МНРП в январе 1990 г. заявил: «Нужно немедленно исправить такое положение, когда два миллиона человек, проживающих на территории в 1,5 миллиона квадратных километров, не обеспечиваются

³¹⁰ Балхажаав Ц. Перестройка и наш ориентир // Азия и Африка сегодня. 1989. №8. - С. 24-26.

³¹¹ Цит по: История Монголии. XX век. – С. 316.

работой полностью. На селе очень тяжело со свечами и чаем. Скотоводы сидят в глухой темноте»³¹².

Социально-экономическое положение МНР стало особенно критичным после резкого сокращения внешней помощи со стороны СССР, испытывавшего собственные проблемы. По оценкам западных специалистов, объем внешнего советского финансирования страны за период 1989-1991 гг. сократился с 53 (от размера ВВП Монголии) до 7%, а советский импорт сократился на 60%³¹³. В конце 1980-х гг. советская сторона в существенных объемах стала сокращать поставки нефти и нефтепродуктов в МНР, которые к тому же шли с большими отклонениями от обусловленных сроков (при том, что в 1987-1988 гг. советские поставки на 100% покрывали импортные потребности МНР в нефти и нефтепродуктах³¹⁴); не выполняла своих обязательств по экспорту продовольственных и других потребительских товаров для населения, оборудования, запасных частей и сырья для промышленности. СССР в нарушение двусторонних межправительственных соглашений, почти перестал покупать монгольские товары: ковры, трикотаж, изделия из кожи и меха, продукцию животноводства. Учитывая то, что монгольский экспорт был практически полностью ориентирован на СССР, подобные события парализовали работу ряда направлений монгольской экономики³¹⁵.

В свою очередь резкое сокращение поставок товаров первой необходимости из Советского Союза и стран-членов Совета экономической взаимопомощи вызвало падение уровня жизни значительной части населения Монголии. Произошло падение национального дохода, который в 1980 г. составлял 5 млрд. тугриков, а в 1990 г. – уже 3.1 млрд. тугриков. Соответственно на душу населения в 1990 году приходилось всего лишь 42

³¹² Цит. по: *Лиштованный Е.И.* От Великой империи к демократии. - С. 48.

³¹³ *Voone P.* Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia // *Journal of Comparative Economics.* 1994. №18. - P. 330.

³¹⁴ *Яскина Г.С.* Монголия и внешний мир. - С. 93.

³¹⁵ *Надиров Ш.Г.* Приверженец идеи ненасилия // IX международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8-12 августа 2006 года). Доклады российских ученых. - М.: ИВ РАН. 2006. - С. 120.

долл. По этому показателю Монголия опустилась ниже отметки, занимаемой таким крайне отсталым государством как Бангладеш³¹⁶. Как результат, усиление кризисных явлений в экономической сфере и неспособность правительства с ними справиться повлекли за собой требования политических изменений.

В активизировавшиеся общественно-политические дискуссии в СССР, порожденные политикой «перестройки», были вовлечены и граждане Монголии. Не случаен тот факт, что зародившееся в 1988-1989 гг. стихийное оппозиционное МНРП движение возглавили молодые монголы, в массе своей получившие высшее образование в СССР и владевшие несколькими иностранными (главным образом, европейскими) языками. В первую очередь, речь идет о таких демократических лидерах как С. Зориг (закончил философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова), Ц. Элбэгдорж (Львовское высшее военно-политическое училище), Д. Ганболд (экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова), М. Энхсайхан (Киевский государственный университет). Этими и другими людьми были созданы такие неформальные группы и объединения как «Новое поколение» (монг. «Шинэ үе»), «Вселенная» (монг. «Ёртонц»), «Клуб молодых экономистов» (монг. «Залуу эдийн засагчидын клуб») и другие. 7 ноября 1989 г. был создан «Монгольский демократический союз» (монг. «Монголын ардчилсан холбоо»)³¹⁷, ставший организационным ядром протестующих.

Значительную роль в процессе формирования политической повестки оппозиционно настроенной части общества сыграли аналогичные процессы в странах Восточной Европы. Будучи связанной с этими странами через международные организации социалистического блока (например, СЭВ) и двусторонние договоры и соглашения, МНР была вовлечена в единое информационное и социальное пространство социализма. Ряд лидеров

³¹⁶ Яскина Г.С. Жизненный уровень населения в период реформы // Монголия: трудный путь к рынку. Сборник статей. - М.: ИМЭПИ РАН, 1994. - С. 30.

³¹⁷ История Монголии. XX век. – С. 324.

оппозиционного движения в Монголии 1989-1990-х гг. получили высшее образование в странах Восточной Европы. Например, Б. Батбаяр (более известный под литературным псевдонимом Баабар), один из основателей Монгольской социал-демократической партии (МСДП), учился в Польше, С. Оюун, лидер партии «Гражданская воля», получила образование в Чехословакии. За годы обучения за границей они принимали участие в дискуссиях по вопросам реформирования коммунистической партии и продвижения к «реальной демократии». Поэтому не случайно, что происходившие в странах Восточной Европы события были восприняты ими в качестве модели для собственной страны. Возвращаясь домой в Монголию, молодые люди несли с собой знания и опыт восточноевропейских общественно-политических идей и движений. Польский монголовед Я. Рогала выделяет контакты молодых монгольских интеллектуалов с польскими единомышленниками-одноклассниками³¹⁸. Некоторые исследователи предполагают, что декабрьские события 1989 г. в Румынии, связанные со свержением режима Н. Чаушеску, также вдохновили монгольских оппозиционеров и стали катализатором открытых выступлений в Улан-Баторе³¹⁹.

Не последнее место среди факторов начала монгольской трансформации занимают события в соседнем Китае. Как пишет М. Россаби, акции протеста лидеров демократического движения были вдохновлены примером китайских студентов, объявивших голодовку на площади Тяньаньмэнь³²⁰. На влияние студенческих выступлений в КНР на политическую ситуацию в МНР указал президент Монголии Ц. Элбэгдорж, бывший в ту пору одним из лидеров оппозиционного движения: «в декабре 1989 года... когда КНР еще только отходила от последствий жестокого подавления демонстрации на площади

³¹⁸ Rogala J. Polish-Mongolian relations: past, present and future // Proceedings of the 10th International congress of mongolists. Vol. IV. Mongolia's external relations and diplomacy. – Ulaanbaatar, 2013. - P. 124.

³¹⁹ Szilagyi Z. The Status and Political Role of Mongolian Buddhism after the Political Transformation // Mongolian Studies in Europe. Proceedings of the conference held on November 24-25, 2008 in Budapest. Ed. By A. Birtalan. - Budapest. 2010. - P. 117.

³²⁰ Rossabi M. Modern Mongolia. - P. 18.

Тяньаньмэнь, маленькая Монголия демонтировала долго правивший авторитарный режим»³²¹.

Еще одной предпосылкой к кардинальным политическим изменениям в Монголии стала смена советским руководством своей внешнеполитической стратегии в Азии. Курс на нормализацию отношений с Пекином, официально объявленный во время рабочей поездки М.С. Горбачева во Владивосток в 1986 году, означал в том числе вывод советских войск с территории МНР и ослабление экономической помощи Улан-Батору³²². Данные изменения подтолкнули монгольское руководство к более открытой и диверсифицированной внешней политике. Как пишет М. Россابي, у руководства МНР не оставалось выбора, кроме как выстраивать отношения с враждебными в недавнем прошлом странами³²³. Одним из проявлений наметившихся изменений стало установление дипломатических отношений с США в 1987 г. и расширение экономических и культурных контактов с другими странами Запада. Интенсификация подобных связей влекла за собой определенную либерализацию внутривластного режима МНР и стимулировало к реформам в экономике.

Можно заключить, что начавшиеся в конце 1980-х гг. демократические изменения в Монголии изначально имели внутренние преимущественно социально-экономические причины и не были результатом целенаправленных внешних воздействий. В то же время сложившаяся международно-политическая ситуация позднего социализма безусловно оказала значительное влияние на характер и ход монгольского политического процесса в рассматриваемый период.

Интенсификация процессов демократизации в МНР и их выход из-под контроля властей, так же, как и в Восточной Европе, пришлось на самый конец 1989 г. 7 декабря 1989 г. на центральной площади г. Ховда (западный регион

³²¹ Выступление Ц. Элбэгдоржа в парламенте Монголии // Монголия сегодня. 20.01.2015.

³²² Системная история международных отношений. Том. 3. – С. 476.

³²³ *Rossabi M. Modern Mongolia.* – P. 9.

Монголии) состоялся несанкционированный властями митинг группы студентов педагогического института, лозунгами которого стали курс на демократизацию страны, обновление партии и отставку ЦК МНРП³²⁴. 10 декабря того же года в Улан-Баторе (недалеко от центральной площади страны) прошел марш двух сотен человек, несших плакаты с призывами ускорения политики перестройки и гласности, введения многопартийной системы, соблюдения прав человека и свободы прессы³²⁵. Отдельно выделялось такое политическое требование демонстрантов как ликвидация 82 статьи конституции МНР о руководящей роли МНРП³²⁶. Примечательно, что дата проведения митинга была привязана к Международному дню прав человека, что должно было лишним раз подчеркнуть идейную направленность мероприятия. Данные события показали, что, начавшись как политика, направленная на реформирование социализма («социализм с человеческим лицом»), вскоре ситуация переросла в более радикальное по своим лозунгам и задачам движение. Подтверждением данного вывода могут быть слова одного из высокопоставленных функционеров МНРП того периода Д. Бямбасурэна: «Если вначале демократическое движение желало сделать социализм более гуманным и реформировать МНРП, то в конце пришли к выводу, что мы не можем более жить при старом режиме»³²⁷. В конечно счете при известных идеологических разногласиях внутри монгольских оппозиционеров к началу 1990 года сложился негласный консенсус по поводу общей оценки происходивших изменений. В основе данного консенсуса лежал отказ от социализма как неэффективного пути развития.

В социалистический период был сформирован и институционализирован миф о том, что социализм с его плановой экономикой гарантирует темпы

³²⁴ *Курас Л.В.* Монголия после Цэдэнбала: от заката до рассвета // Вестник БНЦ СО РАН. 2014. №4(16). - С. 74.

³²⁵ *Kaplonski C.* Truth, history and politics in Mongolia. - P. 57.

³²⁶ История Монголии. XX век. – С. 325.

³²⁷ Д.Бямбасурэн: ЗХУ Монголыг хараат байдлаасаа гарна гэж бодоогүй (Д.Бямбасурэн: СССР не думал, что Монголия выйдет из-под контроля) [Электронный ресурс] URL: http://www.montsame.mn/index.php?option=com_k2&view=item&id=65124:2015-07-23-06-06-20&Itemid=803 (дата посещения 31.01.2018)

роста, в несколько раз превышающие темпы роста в условиях капитализма, способен ликвидировать большинство социальных проблем в течение одного-двух поколений. Иными словами, социализм в рамках господствовавшей марксистско-ленинской идеологии с характерным для нее линейно-прогрессивным пониманием времени, выделялся наиболее эффективной и исторически оправданной моделью общественного развития. В Монголии с ее аграрно-сословным обществом теория построения социалистического общества имела свои особенности и была выражена в формуле «переход к социализму, минуя капитализм»³²⁸. Это предполагало более сжатые, в сравнении с восточноевропейскими странами, сроки строительства «идеального общества» и, как следствие, усиливало надежды населения.

Однако социализм не привел Монголию к более высокому уровню развития, чем капитализм, а сами монголы не достигли жизненных стандартов жителей капиталистических стран. В связи с этим миф о социализме в Монголии на рубеже 1980-1990-х гг. был заменен типологически схожим мифом о капитализме, который стал восприниматься как панацея от существующих социально-экономических и политических проблем, с которыми столкнулось монгольское общество. При общем отказе от социализма сохранился модернистский взгляд на свою историю, настоящее и будущее. Сдвиг произошел внутри модернистского взгляда – от социалистической версии современности к капиталистической. Подтверждением этому тезису является тот факт, что ни одна более или менее значимая политическая сила Монголии рубежа 1980-1990-х гг. не выступала сторонницей возвращения монголов к традиционному образу жизни, основанному на кочевом скотоводстве, религиозном мировоззрении и господстве домодернистских политических институтов.

В организационном плане оппозиционное движение получило оформление в период осени 1989 г. – зимы-весны 1990 г. Наряду с

³²⁸ *Ширендыб Б.* Минуя капитализм. – Улан-Батор, 1967. - 176 с.

«Монгольским демократическим союзом», были созданы «Социал-демократическое движение» (монг. «Социалист ардчилсан хөдөлгөөн») 28 декабря 1989 г. и «Новый прогрессивный союз» (монг. «Шинэ дэвшилт холбоо») 17 февраля 1990 г. Наконец, 18 февраля 1990 г. на первом съезде «Монгольского демократического союза» была образована Демократическая партия (монг. Ардчилсан нам, ДП), а в марте - Монгольская социал-демократическая партия (монг. Монголын социал-демократ нам, МСДП), Партия национального прогресса Монголии (монг. Монголын үндэсний дэвшилийн нам, МПНП), Партия зеленых Монголии (монг. Монголын ногоон нам, МПЗ), Партия свободного труда Монголии (монг. Монголын чөлөөт хөдөлмөрийн нам, ПСТМ).

VII пленум ЦК МНРП, состоявшийся 13 декабря 1989 г., проигнорировал основные требования протестующих, что спровоцировало новый массовый митинг. 4 марта 1990 г. в Улан-Баторе, несмотря на холодную погоду, несколько тысяч человек вышли на митинг протеста. Продолжением протестных действий стало объявление голодовки десятью членами «Демсоюза» в ответ на игнорирование властями требований оппозиции. Кроме того, подобные протестные митинги состоялись в других городах Монголии – Эрдэнэте, Дархане, Мурэне.

Внутри МНРП и среди членов Политбюро не было единства по поводу действий в отношении протестующих. С одной стороны, т.н. «консервативное крыло» (включая секретаря Политбюро Д. Моломжамца и министра внутренних дел Ц. Намсрая) выступало за жесткие силовые меры против оппозиции. Им противостояли т.н. «умеренные» во главе с генсеком ЦК МНРП Ж. Батмунхом, которые ратовали за мирное разрешение проблемы и продолжение умеренных реформ.

Силовой вариант решения проблемы имел ряд препятствий для реализации. Во-первых, монгольская партийная и государственная элита, привыкшая во многих делах ориентироваться на поддержку и советы Москвы, в тот момент, судя по всему, не получила сигнала, одобряющего силовой

вариант. М. Россابي даже отметил наличие слухов в монгольском обществе того времени, согласно которым сам М. Горбачев посоветовал монгольским властям не применять силу в отношении протестующих³²⁹. Во-вторых, позиция «умеренных» членов ЦК также не способствовала принятию решительных действий властями. По мнению А.С. Железнякова, монгольские власти осознавали неприемлемость китайского рецепта, поскольку разгром оппозиции «по-тяньаньмэнски» означал бы фактическую изоляцию страны от внешнего мира³³⁰. Кроме того, некоторые авторы указывают на страх монгольского руководства по поводу возможного вмешательства китайской стороны во внутренние дела страны в случае эскалации насилия³³¹. В качестве субъективного фактора выступило то обстоятельство, что среди протестующих было большое количество популярных в народе представителей научной и творческой интеллигенции, а также родственники высшего партийного руководства. В качестве примера можно привести слова генсека ЦК МНРП Ж. Батмунха: «...ни в коем случае к демонстрациям и митингам силу не применять, не использовать войска...ведь молодежь на площади – это наши дети»³³². По свидетельству монгольского историка Х. Ислама, Ж. Батмунх позже признавался, что пошел на уступки оппозиции, «опасаясь, что их с супругой расстреляют, как президента Румынии и его супругу»³³³. Немецкий монголовед У. Баркман считает, что на умонастроения Ж. Батмунха большое влияние произвели события в ГДР в декабре 1989 г., когда немецкие власти силой разогнали протестующих граждан. Именно

³²⁹ *Rossabi M.* Modern Mongolia. - P. 6.

³³⁰ *Железняков А.С.* Монгольский полюс политического устройства мира. - М.: Институт социологии РАН, 2009. - С. 238.

³³¹ *Гольман М.И.* Современная Монголия в оценках западных авторов. – М.: ИВ РАН, 2010. – С. 38; *Ginsburg T.* Nationalism, Elites and Mongolian Rapid Transformation // *Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolite.* Ed. by Stephen Kotkin and Bruce Elleman. – New York, London, 1999. - P. 256; *Rossabi M.* Modern Mongolia. - P. 12.

³³² *Батмөнх Ж.* Хүч хэрэглэж хэрхэвч болохгүй (Сила не должна использоваться). – Улаанбаатар, 2001. – Х. 107.

³³³ *Ислам Х.* Түмэн жил үл мартагдах түүхэн гавьяаг нь түүхчийн нүдээр эрэгцүүлбэл (Незабываемая историческая заслуга глазами историка) [Электронный ресурс] URL: <http://www.shuurhai.mn/125328> (дата посещения 31.01.2018)

после этого монгольский политический лидер принял решение «никогда не поднимать оружия против своего народа»³³⁴.

В конечном итоге власти сделали выбор в пользу принятия политических требований протестующих. По результатам пленума ЦК МНРП (12-14 марта) все члены Политбюро подали в отставку. Ж. Батмунх ушел с поста генсека ЦК МНРП, новым председателем ЦК МНРП стал Г. Очирбат³³⁵. Вскоре после этого в действующую конституцию МНР были внесены серьезные поправки. В частности, была отменена статья 82, введены посты президента и вице-президента МНР³³⁶. Помимо конституционных изменений был принят ряд иных важных политических решений. В мае 1990 г. парламент принял Закон «О политических партиях», легализовавший деятельность оппозиции и открывший путь к многопартийности. Новый Закон «О печати» положил начало реализации принципа свободы слова и прессы.

В результате, начало демократических перемен в Монголии прошло без кровопролития и столкновений власти с оппозицией. По словам одного из лидеров протестного движения конца 1980-х гг. Ц. Элбэгдоржа, переход к демократии в Монголии состоялся «без единого выстрела, без единой капли крови и без единого разбитого окна»³³⁷. Данные обстоятельства позволили провести прямые параллели с «бархатными революциями», произошедшими в Восточной Европе. Не случайно западные эксперты, ретроспективно рассуждая о начале постсоциалистической трансформации, проводят параллели между опытом стран Восточной Европы и Монголии³³⁸.

Во внеочередных выборах в ВНХ в июле 1990 г. приняли участие 7 политических партий, включая МНРП, а также независимые кандидаты,

³³⁴ Баркман У. Ардчиллын үлгэр жишээ мөн үү? (Это ли пример демократии?) [Электронный ресурс] URL: <http://politics.news.mn/content/231631.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

³³⁵ История Монголии. XX век. – С. 329.

³³⁶ Sanders A. Mongolia's New Constitution: Blueprint for Democracy // Asian Survey. 1992. Vol.32 №6. - P. 510.

³³⁷ Выступление Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа на почетном заседании Европарламента // Монцамэ, 10.06.2015.

³³⁸ См., например: Shleifer A., Treisman D. Normal countries. The East 25 years after Communism // Foreign Affairs. 2014. №6. [Электронный ресурс] URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/142200/andrei-shleifer-and-daniel-treisman/normal-countries> (дата посещения 31.01.2018); Жейми Мэтзл: Ардчилалд эргэлзэж эхэлсэн нь Монголд л хохиролтой (Джейми Мэтзл: Для Монголии будет хуже, если она усомнится в демократии) [Электронный ресурс] URL: <http://www.itoim.mn/index.php/site/news/629> (дата посещения 31.01.2018)

выдвинутые гражданскими группами и профессиональными организациями. Всего в выборах приняло участие 2413 кандидата³³⁹. В результате первых в истории Монголии выборов на альтернативной основе, в которых приняли участие 98% избирателей, победу одержала МНРП, занявшая 343 места (84,7%) в парламенте. ДП получила 23 места, МПНП – 6 мест, МСДП – 4 места, МПСТ – 1 место. 51 место заняли беспартийные депутаты³⁴⁰. 87% депутатов ВНХ оказались избранными впервые. На выборах в Малый государственный хурал, постоянно действующий парламентский орган, МНРП заняла 31 место, ДП – 13 мест, МСДП – 3 места, МПНП - 3 места³⁴¹.

Одной из основных причин такого успеха МНРП можно считать выгодную для нее систему распределения голосов по избирательным территориальным округам. Если в Улан-Баторе, оплоте популярности оппозиционных сил, для победы в одном избирательном округе требовалось не менее 10 тысяч голосов, то в сельской местности было достаточно 2 тысяч. За МНРП отдали свои голоса около 60% избирателей, в то время как оппозиционные партии и беспартийные кандидаты, набрав 40% голосов, получили лишь 20% мест в ВНХ. Как результат большинство мест в парламенте МНРП обеспечили более консервативно настроенные сельские избиратели. Помимо этого, МНРП обладала широчайшим доступом к СМИ, финансовым фондам, имела разветвленную сеть партийных ячеек по всей стране. Наконец, для большинства монголов, особенно жителей села, это была знакомая с детства и по сути единственная известная политическая партия.

Подобные результаты первых демократических выборов в Монголии резко контрастировали на фоне аналогичных процессов в восточноевропейских постсоциалистических обществах, где победу на первых выборах как правило одерживали антикоммунистические блоки и коалиции.

³³⁹ П.Цагаан: 1990 оны сонгууль нь Монголын төрт ёсны нэн шинэ түүхэнд гарсан чанарын цоо шинэ үзэгдэл (П.Цагаан: Выборы-1990 – качественно новое явление в новейшей истории Монголии) [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.mn/content/11747> (дата посещения 31.01.2018)

³⁴⁰ Анхны ардчилсан сонгууль (Первые демократические выборы) [Электронный ресурс] URL: <http://www.sonin.mn/news/politics-economy/40692> (дата посещения 31.01.2018)

³⁴¹ Там же.

Важную роль в этом сыграли исторические факторы. В истории стран Восточной Европы были периоды (пусть и не продолжительные) многопартийности, которые к началу периода трансформации стали видаться «утерянным золотым веком демократии». В свою очередь правящие компартии в условиях системного кризиса конца 1980-х гг. стали символами политической силы, «волюнтаристски свернувшей их страны с истинного пути развития». Монголия же вплоть до начала политических реформ не знала никаких партийных образований кроме МНРП и, как результат, поиск «золотого века демократии» был несколько осложнен. Также, в ряде стран Восточной Европы негативное восприятие местных компартий было обусловлено тем, что в послевоенный период эти партии пришли к власти во многом за счет советской поддержки. МНРП, напротив, в общественном сознании большей части монгольского населения имела стойкий образ организации, под чьим руководством была успешно осуществлена национально-освободительная борьба против Китая. К тому же, в отличие от ситуации в большинстве стран Восточной Европы, в Монголии оппозиционным силам не удалось консолидироваться для коллективного участия в выборах. Каждая из недавно созданных партий пошла на выборы самостоятельно, что также предопределило победу более опытной и единой МНРП. Опыт политической борьбы монгольских младодемократов был незначителен в сравнении с восточноевропейцами, в монгольском обществе отсутствовала традиция диссидентской деятельности³⁴². Практически все лидеры оппозиционного МНРП движения были выходцами из молодежной студенческой среды Улан-Батора, многие из них были родственниками представителей партноменклатуры.

Однако, несмотря на наличие абсолютного парламентского большинства, МНРП выступила за сотрудничество с оппозиционными партиями, создав вместе с ними коалиционное правительство. Его возглавил

³⁴² Хотя попытки найти диссидентский след в истории МНР периодически предпринимались. См., например: *Dashpurev D. Reign of Political Terror and Repression in Mongolia. 1920-1990. – Charleston SC, 2014. – P. 69-102.*

бывший зампред Совета министров МНР, член МНРП Д. Бямбасурэн, пост первого вице-премьера занял лидер МПНП Д. Ганболд, второго вице-премьера – Д. Дорлигжав (ДП), министра юстиции – Ж. Амарсанаа (ДП), вице-президента и спикера Малого государственного хурала – Р. Гончигдорж (МСДП). Пойдя на такой шаг, руководство МНРП стремилось не только использовать интеллектуальный потенциал молодых реформаторов, но и разделить ответственность с оппозицией на случай неудач проводимых реформ. Само же оппозиционное движение, согласившись на коалиционное правительство, постепенно превращалось в системный элемент политического процесса, связывая себя взаимными обязательствами с МНРП.

3.2. Механизмы легитимации социально-политической трансформации

Институциональные изменения первых лет постсоциалистической трансформации в Монголии происходили на фоне и под влиянием изменений идеологического характера. Идеино-политический плюрализм, гарантированный отредактированной конституцией, выразился в появлении новых для Монголии политических идеологий. Как правило, имело место заимствование различных западных политических идеологий. МНРП, желая избавиться от образа коммунистической партии, с начала 1990-х гг. дрейфовала в сторону социал-демократической идеологии. Многие оппозиционные ей партии (например, ДП, МПРП, МПСТ) взяли на вооружение либеральную идеологию. Появились партии, позиционировавшие себя в качестве консервативных сил - Объединенная консервативная партия Монголии, Монгольская консервативная партия справедливости. Наконец, возникли партии, ориентированные на отдельные категории граждан – Монгольская партия зеленых, Монгольская партия рабочих, Монгольская партия молодежи, Партия верующих Монголии и т.д.

Однако, несмотря на представленность практически всех известных идейных течений, многочисленные политические партии, позаимствовав

названия классических идеологий, имели малое к ним отношение. Для многих из них принятие названия, несшего в себе привязку к той или иной идеологии, носило символический характер, являлось данью политической моде. По мнению монгольского исследователя Д. Баасансурэна, «при принятии западной традиции мы (монголы – прим. дисс.) склоняемся к односторонним взглядам и удовлетворяемся только формальными, поверхностными заимствованиями»³⁴³. Формирование идейных установок политических партий, как и в странах Восточной Европы, предшествовало социальному структурированию общества, а декларирование приверженности определенным политическим ценностям было мало связано с реальной ситуацией в стране. Ряд политических деятелей в своих высказываниях порой противоречили идеологическим установкам своих партий. Например, член МНРП и депутат парламента О. Чулуунбат, несмотря на социал-демократические установки своей партии, в одном из интервью откровенно высказался в пользу монетаристской экономической политики, призвав взять за основу опыт правительства Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Великобритании³⁴⁴.

МНРП, на рубеже 1980-1990-х гг. впервые в своей истории оказавшаяся в ситуации политической конкуренции со стороны других партий, всеми силами начала дистанцироваться от негативных событий социалистического прошлого. Решением Пленума ЦК МНРП (декабрь 1989 г.) многолетний партийный глава и государственный деятель МНР Ю. Цэдэнбал был исключен из рядов партии, а вскоре лишен всех государственных званий и наград. Чрезвычайный съезд МНРП в апреле 1990 г. признал ошибки социалистического периода – политические репрессии, гонения на буддийскую церковь, насильственную коллективизацию. В течение 1990-1991 гг. была изменена партийная программа, согласно которой МНРП стала

³⁴³ Баасансурэн Д. Демократическая трансформация Монголии // Монгольский мир: между Востоком и Западом / Под ред. Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны. - Новосибирск: Автограф, 2014. - С. 299.

³⁴⁴ О.Чулуунбат: «В Монголии необходимо придерживаться западного направления в экономической политики» // Монголия сегодня, 02.02.2012.

позиционировать себя в качестве «народно-демократической партии, придерживающейся социалистических идей»³⁴⁵. Основная ответственность за большинство негативных событий в истории Монголии в XX в. прямо или косвенно перекладывались на отдельных представителей партии (Х. Чойбалсана, Ю. Цэдэнбала) и/или на СССР. Из партии, ориентированной на построение коммунизма и пролетарский интернационализм, МНРП стала трансформироваться в социал-демократическую и национальную силу, прежде всего, отстаивающую интересы монгольского народа.

Одним из наиболее распространенных пониманий происходящего в начале 1990-х гг. было отождествление трансформации с переходом к рыночным отношениям. Многие монгольские политические деятели, в том числе молодые реформаторы-демократы, получившие высшее образование в советских, восточноевропейских и монгольских вузах³⁴⁶, мыслили категориями марксизма и его пониманием общественных процессов, предполагающих тесную взаимосвязь экономики и политики. Отсюда их убежденность в необходимости синхронных политических и экономических реформ. Как представлялось сторонникам этой идеи, только свободный рынок – главный атрибут капитализма – был способен сформировать слой собственников, которые, в свою очередь, станут опорой демократического режима. Подобный либеральный подход предполагал неизбежность одновременного проведения политических и экономических реформ. Именно по такому пути пошли все бывшие социалистические страны Восточной Европы и Россия. И такой путь представлялся оптимальным для ряда монгольских реформаторов. Д. Ганболд, лидер МПНП и вице-премьер в правительстве Д. Бямбасурэна, выступал за полный отказ от плановой экономики, решительную и всеобъемлющую приватизацию большинства

³⁴⁵ *Курас Л.В.* Монголия после Цэдэнбала: от заката до рассвета // Вестник БНЦ СО РАН. 2014. №4(16). - С. 76.

³⁴⁶ Так, по данным У. Баркмана, 50% от общего числа членов парламента, сформированного в 1990 году, получили высшее образование в СССР (Баркман У. Монгол улсын шилжилтийн үеийн улс төрийн элитийн тухай (УИХ дахь МАХН-ын бүлгийн гишүүдийн жишгээр. 1992-2005) (О политической элите Монголии переходного периода (на примере членов МНРП в ВГХ. 1992-2005 гг.)) // *Mongolica*. 2006. Vol. 18(39). - P. 107.

государственных активов, включая промышленные объекты и банковскую систему при одновременном сокращении расходов на социальные программы³⁴⁷. III съезд ДП в апреле 1992 г. принял предвыборную программу под девизом «Демократия, свобода, рынок»³⁴⁸.

Для других политических деятелей происходившие изменения означали прежде всего введение политических свобод при сохранении элементов плановой экономики и системы социального обеспечения со стороны государства. Подобные взгляды были характерны для руководства МНРП, начиная с 1990-х гг. активно позиционировавшей себя в качестве социал-демократической силы. На концептуально близких позициях к позициям МНРП стояла МСДП во главе с ее лидерами Б. Батбаяром и Р. Гончигдоржем. По мнению экспертов, значимыми сторонниками более консервативного курса при проведении экономических реформ были местные органы власти (главы аймаков) и председатели СХО, выступавшие за сохранение некоторых элементов социалистической модели³⁴⁹. Например, члены СХО «Дархан-оргил» (Хэнтэйский аймак) поголовно голосовали против приватизации скота. В целом, 87% опрошенных членов всех СХО Монголии высказались за сохранение объединений при условии их радикальной реорганизации³⁵⁰.

Существовали и иные варианты, включавшие в себя сохранение (хотя бы частичное) основ политического строя при проведении экономических реформ. Географически Монголия оставалась азиатской страной, что создавало для монгольских политических элит определенную альтернативу. В соседнем с Монголией социалистическом Китае, а также Вьетнаме и Лаосе в рассматриваемый период получил распространение и имел определенный успех вариант реформ экономического сектора без принципиального изменения политических институтов власти. Этот вариант стал казаться

³⁴⁷ *Rossabi M.* Modern Mongolia. - P. 25.

³⁴⁸ История Монголии. XX век. – С. 333.

³⁴⁹ *Boone P.* Указ. соч. - P. 332.

³⁵⁰ *Лиштованный Е.И.* Политические процессы в Монголии в конце XX века: начало монгольской перестройки // Известия Иркутского госуниверситета. Серия: Политология. Религиоведение. Вып. 1. – Иркутск, 2007. - С. 58.

вполне вероятным, когда в Монголии, на фоне роспуска КПСС в России и утери всех властных постов коммунистическими партиями в Восточной Европе, фактически сохранила свои правящие позиции МНРП, победившая на выборах 1990 г. в ВНХ. Среди части политической и интеллектуальной элиты страны идеи о возможном повторении китайского варианта реформирования и выхода из экономического кризиса в тот период времени были довольно популярны³⁵¹.

Однако, как показали дальнейшие события, монгольские правящие элиты предпочли восточноевропейский вариант реформирования, взяв курс на построение рыночно ориентированной экономики и демократизацию общественно-политической жизни страны. Структурно монгольская экономика рубежа 1980-1990-х гг. имела гораздо больше сходств с экономикой советской, нежели с китайской или вьетнамской. В структуре народного хозяйства доля промышленности значительно превышала сельское хозяйство, доля расходов на социальную политику была сопоставима с советскими образцами³⁵². Потому, при всей внешней привлекательности результатов экономических реформ в КНР и Вьетнаме, выбор российского и восточноевропейского пути реформ казался для Монголии более оптимальным.

По мнению ряда монгольских и иностранных экспертов, в начале 1990-х гг. у монгольского руководства не было собственной концепции реформ, основанной на учете национальной специфики. При этом практически конвенциональным было мнение о необходимости незамедлительного проведения системных реформ. В результате в стране произошла по существу спонтанная либерализация, опиравшаяся преимущественно на советы экспертов МВФ, ВБ и ряда западных государств. Как результат, Монголия

³⁵¹ Об этом см., например: *Гербова А.* Процесс становления нового общества в Монголии // Монголия: трудный путь к рынку. – М.: ИМЭПИ РАН, 1994. – С. 9; *Яскина Г.С.* Политические реформы в современной Монголии // Проблемы Дальнего Востока. 1995. №5. – С.48.

³⁵² Об этом подробнее см.: *Гербова А.А.* Приватизация: опыт Восточной Европы и Азии. – М.: Наука, 1991. – 212 с.; *Кубышина Г.А.* Власть и преобразования государственной собственности в странах Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Монголия). – М., 2000. – 223 с.

прошла период реформирования без четкой стратегии, методом проб и ошибок, что не могло не сказаться на общем отношении к результатам реформ³⁵³.

Уже к октябрю 1991 г. парламентом было принято 27 законов, способствовавших становлению рыночной экономики: закон о приватизации, закон о банкротстве, закон о защите прав собственности, закон об иностранных инвестициях и др. В конце 1991 г. частный сектор уже был широко представлен в монгольской экономике, большинство сельскохозяйственных объединений получило статус акционерных компаний. В Монголии было зарегистрировано 222 акционерные компании, 14 компаний с ограниченной ответственностью, 2250 аратов-единоличников³⁵⁴. За два года почти 90% поголовья оказалось в частных руках. Согласно Закону о приватизации 1991 г., приватизация основных средств производства должна была быть проведена в два этапа. «Малая» приватизация распространялась главным образом на сферу обращения и была практически завершена летом 1993 г. «Большая» приватизация предполагала приватизацию средних и крупных предприятий, в том числе промышленного сектора, и была проведена до сентября 1994 г.³⁵⁵ Все эти меры привели к закреплению ведущих позиций частного сектора в экономике страны.

Стандартный набор политических и гражданских прав и свобод, отраженных в отредактированной конституции МНР, а также в специально принятых законах «О политических партиях», «Свободе прессы», «О выборах» заложили базу для становления процедурной демократии в стране. В этом проявилась уникальность Монголии, единственной из социалистических стран Азии, пошедшей по пути радикального

³⁵³ *Грайворонский В.В.* Реформы в социальной сфере современной Монголии. – М.: ИВ РАН, 2007. – 251 с.; *Chuluunbaatar G.* Problems of the Contemporary Socio-Political Transformation in Mongolia. – Ulaanbaatar: Institute Philosophy, Sociology and Law Mongolian Academy of Sciences. 2009; *Rossabi M.* Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. - Los Angeles, London: University of California Press, 2005.

³⁵⁴ *Тумэн Б.* Новая внешнеэкономическая политика // Монголии Монголия: трудный путь к рынку. Сб. науч.статей. – М.: ИМЭПИ РАН, 1994. – С. 49.

³⁵⁵ *Яскина Г.С.* Экономическая реформа в Монголии (современный этап) // Владимирцовские чтения-III. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 25-26 октября 1993 года). – М.: ИВ РАН, 1995. – С. 27-28.

политического и экономического реформирования. Дилемма одновременности, с которой столкнулись постсоциалистические страны Восточной Европы, стала характерна и для монгольского политического процесса. Один из лидеров демократического движения начала 1990-х гг. Л. Болд в своей речи на межпарламентской ассамблее «Монголия-ЕС» не без удовольствия отметил: «Мы смогли успешно осуществить как свободные политические, так и экономические реформы в самом центре Евразии»³⁵⁶.

Центральным понятием, наиболее часто употребляемым в ходе происходивших в Монголии того периода политических процессов, было «демократия» (монг. «ардчилал»). На одном из главных плакатов протестующих в декабре 1989 г. было написано: «Наша цель – демократия!». Это слово присутствовало в названиях многих вновь создававшихся движений и партий. В одной статье популярного монгольского интернет-портала «news.mn» было сказано, что «самая бесценная вещь, которой мы смогли добиться за последние 22 года, это право именоваться «демократической Монголией»³⁵⁷. В декабре 2014 г. торжественно отмечалось 25-летие монгольской демократической революции, а в 2015 г. монгольские власти объявили 29 июля в качестве «Дня суверенитета и демократических выборов»³⁵⁸.

При этом ведущие политики и рядовые граждане страны вкладывали различные, иногда диаметрально противоположные смыслы в процесс начавшихся демократических перемен. Идея демократии на рубеже 1980-1990-х гг. воспринималась монгольским обществом (как и другими обществами постсоциалистических стран) крайне диффузно и противоречиво. Для одних демократия ассоциировалась со свободой в широком понимании

³⁵⁶ Speech on the Mongolia-EU Inter-Parliamentary Group 10th Assembly [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/204724.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

³⁵⁷ Freedom of N.Enkhbayar, the man who has wagered Mongolia [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/107455.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

³⁵⁸ Ч. Сайханбилэг: Ардчиллын түүхийг Монголчууд хамтдаа бүтээсэн (Ч. Сайханбилэг: Монголы сотворили историю демократизации совместными усилиями) [Электронный ресурс] URL: <http://politics.news.mn/content/218730.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

этого слова. По словам Э. Элбэгдоржа, «свобода человека является фундаментом нашей демократии. Монголы любят свободу, потому что мы вернули ее непосильным трудом»³⁵⁹. Другие, осуждавшие систему льгот партноменклатуры, видели в демократии условие социальной справедливости. Активисты Монгольского демократического союза во время акций протест зимой 1989-1990 гг. требовали помимо прочего ликвидации системы спецснабжения для партийных и государственных руководителей³⁶⁰. Для третьих демократия означала прежде всего свободный рынок и возможность для личного материального успеха³⁶¹. Российский монголовед В.И. Терентьев даже склонен считать, что «демократические ценности в специфической западной интерпретации стали частью национального самосознания монголов, особенно молодежи, либерально настроенной общественности и политической элиты»³⁶².

Даже спустя два десятилетия после начала трансформации в монгольском обществе нет единства на этот счет. Как пишет монгольский политолог Д. Бум-Очир, «в Монголии не существует единого понимания содержания понятия «демократия», вокруг которого все время происходят общественные дебаты и дискуссии»³⁶³. По данным ежегодных социологических опросов, проводимых ведущими социологическим фондом Монголии «Сант Марал», одинаково популярными демократическими ценностями традиционно называются такие противоречащие друг другу категории как «свободный рынок» и «равенство в доходах».

³⁵⁹ Монгол улсын Ерөнхийлөгч Цахиагийн Элбэгдоржийн Европын парламентын чуулганд хэлсэн үг (Выступление Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа на заседании Европейского парламента) [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.mn/content/11647> (дата посещения 31.01.2018)

³⁶⁰ Яскина Г.С. Монголия: смена модели развития. - М.: АПК РАН, 1994. - С. 57.

³⁶¹ Sabloff P. Capitalist Democracy among Mongolian Herders: Discourse or Ideology? // Social Organization. 2010. №69. - P. 87.

³⁶² Терентьев В.И. Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов // Вестник Томского государственного университета. 2016. №406. - С. 152.

³⁶³ Bumochir D. Mongolia // Routledge Handbook of Civil Society in Asia / Ed. by A. Ogawa. – London, New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2017. - P. 95.

Таблица 1³⁶⁴.

Наиболее значимые демократические ценности (были возможны несколько ответов одновременно, % ответивших)

Год	Свободный рынок	Равенство в доходах
2009	85.4	79.5
2010	89.1	83.4
2011	86.2	82.8
2012	-	-
2013	87.6	86.6
2014	83.7	83.8
2015	84.2	85.4

Показателем диффузного восприятия демократии в начале трансформации был тот факт, что, не успев возникнуть, оппозиционные МНРП силы вскоре разделились на различные партии, что отчасти стало свидетельством различий в их подходах к дальнейшим реформам.

Несмотря на указанную диффузность, практически всеми активно вовлеченными в политический процесс силами демократия рассматривалась главным мерилем современности и прогресса, отделяющим «продвинутые страны» от «стран отсталых» в общественном развитии. В свою очередь события 1989-1990 гг., виделись началом этой современности, своеобразным водоразделом, отделяющим настоящее от прошлого. Таким прошлым выступал социалистический период истории Монголии, который представал как досовременная или даже антисовременная эпоха, основывавшаяся на отрицании ценностей современности. Как указал в начале 1990-х гг. один из лидеров МСДП Р. Хатанбаатар, Монголия «избавила себя от коммунизма и

³⁶⁴ Таблица составлена по данным материалов фонда «Сант Марал» [Электронный ресурс] URL: <http://www.santmaral.mn> (дата обращения – 31.01.2018).

вступила на естественный путь мирового развития»³⁶⁵. Д. Бямбасурэн в своем интервью, посвященном 25-летию первых демократических выборов в Монголии, вспоминая начало трансформации, заметил, что «для того, чтобы измениться, мы должны были отказаться от социализма, перейти на путь развития, характерный для всего человечества»³⁶⁶. Таким образом, начавшаяся трансформация виделась ее инициаторами безусловным прогрессом, движением вперед, а демократия выступала критерием этого прогресса. Более того, защищая и оправдывая любую цель или задачу, было достаточно доказать, что это соответствует идее демократии. Демократия стала видится в качестве панацеи от всех возможных политических проблем. Соответственно, любое отрицание или усомнение в идеальности демократии означало делигитимацию сторонников такого подхода. Ярким свидетельством этому являются слова главы МИД Монголии Л. Пурэвсурэна, произнесенные им в октябре 2014 г.: «Свернув с демократического пути, страна может получить завтра какие-то политические и экономические выгоды. Но в долгосрочном плане только демократия и рыночная экономика являются путем стабильного развития»³⁶⁷.

При этом репрезентация демократии нередко по форме была близка к аналогичным репрезентациям социализма. Характерным в этом плане является выступление одного из молодых демократов начала 1990-х гг. Л. Болда на 10 ассамблее межпарламентской группы «Монголия-ЕС»: «В ходе мирных революций нет ни победителей, ни проигравших, только самый большой шаг к светлому будущему... Монгольская демократия это результат мужественной революции, которая привела к политической и экономической трансформации. Достижение только одного из двух транзитов требует много времени или внешней поддержки и помощи. Монголия достигла

³⁶⁵ Цит. по: Sanders A. Mongolia's new constitution. - P. 520.

³⁶⁶ Д.Бямбасурэн: ЗХУ Монголыг хараат байдлаасаа гарна гэж бодоогүй (Д.Бямбасурэн: СССР не думал, что Монголия выйдет из-под контроля) [Электронный ресурс] URL: (http://www.montsame.mn/index.php?option=com_k2&view=item&id=65124:2015-07-23-06-06-20&Itemid=803) (дата посещения 31.01.2018)

³⁶⁷ Л. Пурэвсурэн: Организация саммита Азия-Европа – дело чести // Монголия сегодня, 27.10.2014.

исторического двойного транзита за относительно короткий период времени не столько благодаря значительной международной и иностранной помощи, сколько за счет внутреннего согласия, взаимодействия и убежденности». Поэтому мы всегда будем защитниками и покровителями наших демократических ценностей»³⁶⁸. Не менее показательными являются слова Ц. Элбэгдоржа: «Демократию не построить одноразовым выбором... Мы выбрали сложный путь. И все мы верим, что в конце пути нас ждет счастье... Мы должны стараться для демократии каждый день, любить ее, пока она жива»³⁶⁹.

В монгольском политическом дискурсе утвердилось телеологическое объяснение демократии, которое во многом слилось с подобным представлением о монгольской нации и ее судьбе. По словам одного из высокопоставленных членов МНРП Б. Тэрбиша, «начало демократическим протестам в Монголии было положено не в 1989-1990 гг., а намного раньше, в эпоху социализма, когда против граждан страны начались репрессии. Соответственно каждый репрессированный был самым настоящим демократом, боровшимся с тоталитарным режимом. Демократия это то, что было присуще монголам всегда и имманентно»³⁷⁰. Естественность и глубокая историчность монгольской демократии доказывается, в том числе, посредством сравнения с другими странами и народами. По словам главы администрации президента Монголии П. Цагаана, «перемен, которых в других странах смогли достичь слишком высокой ценой, монголы достигли путем мирных переговоров и демократических выборов, тем самым доказав всему миру, что имеют собственные традиции государственного уклада и демократическую культуру, и являются свободолюбивым народом... В нашем регионе нет другой страны, совершившей подобный политический и

³⁶⁸ Speech on the Mongolia-EU Inter-Parliamentary Group 10th Assembly [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/204724.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

³⁶⁹ Ц.Элбэгдорж: Бид ардчиллыг амьдад нь хайрлах хэрэгтэй (Мы должны любить демократию, пока она жива) [Электронный ресурс] URL: <http://politics.news.mn/content/218773.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

³⁷⁰ Цит по: *Kaplonski C.* Truth, history and politics in Mongolia. - P. 77.

экономический переход мирным путем. Не удивительно, что подобный опыт, а также наши достижения и уроки привлекают интерес других стран, получая высокие оценки»³⁷¹.

Постсоциалистическая трансформация предполагала создание новой политической идентичности населения Монголии, формируемой за счет эксплуатации образов прошлого. Именно история была одним из элементов легитимации социалистического режима, описывая его как неизбежный и закономерный результат общественного развития. И она же должна была помочь перекодировать политическое пространство Монголии в начале 1990-х гг. Политические изменения включали в себя кардинальную переоценку исторических событий и, в первую очередь, истории XX века. В рамках этой переоценки социалистический период предсказуемо оказался в центре острой критики. Многие национальные символы, запрещенные или критикуемые в социалистический период, были восприняты и успешно конвертированы ведущими политическими силами Монголии в 1990-е гг. Исторические и политические сюжеты стали сливаться и переплетаться.

При этом стоит отметить, что в отличие от ряда государств Восточной Европы, в Монголии процесс национально-культурного реформирования не привел к острому межэтническому конфликту. В стране представлена только одна относительно крупная немонгольская этническая группа – казахи, компактно проживающие в западном регионе страны, чья доля в составе населения Монголии в 2010 г. составила 4,35%³⁷². Несмотря на наличие бытовых конфликтов³⁷³, политизации монголо-казахских отношений не произошло, одним из свидетельств чего может являться отсутствие политических партий, ориентированных на казахское или иное национальное

³⁷¹ П. Цагаан: 1990 оны сонгууль нь Монголын төрт ёсны нэн шинэ түүхэнд гарсан чанарын цоо шинэ үзэгдэл (П. Цагаан: Выборы 1990 года – качественно новое явление в новейшей истории Монголии) [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.mn/content/11747> (дата посещения 31.01.2018)

³⁷² Хүн амын, орон сууцны 2010 оны улсын толлоогын үр дүн (Население и домохозяйства по итогам переписи 2010 года). - Улаанбаатар. 2011. - X. 22.

³⁷³ См., например: *Терентьев В.И.* Национализм по-монгольски: истоки межэтнической напряженности в современной Монголии // Археология, этнология и антропология в АТР. - Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2013. - С. 364.

меньшинство. По мнению некоторых экспертов, этническая гомогенность монгольского общества стала важным фактором безболезненного перехода от авторитарного к демократическому режиму³⁷⁴.

Первый проект новой конституции был представлен под названием Великое уложение Монголии (монг. «Монгол улсын их цааз»), что символически относило закон к эпохе Чингисхана и его своду законов, известному как Великая Яса. И только в результате долгих дебатов основной закон получил название «Конституция» (монг. «Үндсэн хууль», буквально «Основной закон»)³⁷⁵. Для того, чтобы порвать с наследием прежнего политического режима даже на символическом уровне, было принято решение переименовать страну из «Монгольской народной республики» в «Монголию» (Монгол улс), а также убрать с государственного флага страны золотую звезду – коммунистический символ. При этом пленум ЦК МНРП 1991 г. выступал за сохранение названия «Монгольская народная республика». Эта позиция была аргументирована ссылкой на общественное мнение, согласно которому 60% монголов выступали за сохранение прежнего названия страны³⁷⁶. Подобный разброс мнений относительно основ конституционного строя и государственных символов также свидетельствовал о различных смыслах, которые вкладывались в происходящие события.

Основной исторической темой, призванной повлиять на политический процесс, являлась фигура Чингисхана, которая была поставлена в центр постсоциалистической национальной идеологии Монголии. Чингисхан, а точнее его образ, начал рассматриваться с позиций текущих политических задач и интересов. Актом, призванным продемонстрировать окончательное вытеснение социалистических символов власти символами власти новой, стал снос с центральной площади Улан-Батора в 2005 году мавзолея с останками Д.

³⁷⁴ Schmücking D, Adiyasuren J. Five Reasons Why Democracy in Mongolia is Working [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2017/five-factors-in-functioning-democracy/> (дата посещения 31.01.2018)

³⁷⁵ Подробно о дискуссиях по поводу конституционного устройства Монголии см. в п.4.1. диссертации.

³⁷⁶ Sanders A. Mongolia's new constitution. - P. 513.

Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана, лидеров социалистического периода, и установка большой статуи Чингисхана и его потомков.

К. Каплонски, исследуя проблему образов Чингисхана в постсоциалистической Монголии, выявил зависимость между политическими предпочтениями граждан и их восприятием великого хана. Он указывает на то, что для монгольских демократов (особенно конца 1980-х - начала 1990-х гг.) Чингисхан представлялся «демократическим правителем и законодателем». По мнению известного монгольского политика и предпринимателя Н. Ням-Осора, «Чингисхану были не чужды демократические ценности»³⁷⁷. Другой известный политик Б. Батбаяр назвал Монгольскую империю «первым в истории человечества правовым государством»³⁷⁸. Для сторонников более жесткой политической власти он был, прежде всего «сильным влиятельным правителем, харизматической фигурой, «способной вывести страну из болота, в котором она оказалась сегодня»³⁷⁹.

История и историко-культурные символы и образы в целом для монгольской политической элиты стали выступать важным источником легитимации демократического режима. По словам Л. Болда, «блестяще доказано, что азиатское общество имеет культурные корни для успешного построения демократии»³⁸⁰. История помогает подчеркнуть естественность и закономерность произошедшей демократизации в Монголии. Монгольской элите всегда было крайне важно подчеркнуть, что монгольская демократия была рождена и возвращена в Монголии и на данный момент представляет собой демократию, опирающуюся на национальные ценности. Как заявил спикер парламента З. Энхболд, «монголы не импортировали свою демократию – она

³⁷⁷ *Ням-Осор Н.* Миний мэдэх Чингисийн Монгол (Мои знания о Монголии Чингиса). - Улаанбаатар, 1997. - Х. 250.

³⁷⁸ *Баабар* История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. – Казань: Татар, кн. изд-во, 2010. - С. 37.

³⁷⁹Цит по: *Kaplonski C.* Truth, history and politics in Mongolia. - P. 134.

³⁸⁰ Welcome Note from H.E. Bold L., Minister of Foreign Affairs of Mongolia // *The Mongolian Journal of International Affairs.* 2013. Vol.18. - P. 3.

родилась на этой земле и возродилась в результате революционной деятельности нашей молодежи»³⁸¹.

Еще одним из атрибутов демократизации Монголии на рубеже 1980-1990 гг. стало возвращение религии и ее институтов в публичное пространство. Данный процесс нередко именуется как «религиозное возрождение». Начавшись с отдельных лозунгов и газетных публикаций эпохи монгольской перестройки, требовавших введения реальной свободы вероисповедания и реабилитации буддийской церкви, рассматриваемый процесс вскоре получил институциональное оформление. В 1990 г. был основан «Союз Верующих», целью которого стало содействие в восстановлении и открытии монастырей в худоне (сельской местности). В 1992 г. в Монголии было открыто около 100 буддийских храмов. Наконец, в новой конституции 1992 г., помимо прочих свобод провозглашалась свобода вероисповедания (глава II, статья 16, пункт 51), а также запрещалась дискриминация по религиозному признаку (глава II, статья 14, пункт 2)³⁸².

Наряду с буддистами в начале 1990-х гг. открыто заявили о своих правах представители других религий Монголии – шаманизма и ислама (главным образом казахское населения западных регионов Монголии). Кроме того, в этот же период в Монголии начали свою деятельность т.н. «нетрадиционные конфессии» - различные христианские церкви и общины, мормоны, бахаи и другие. В целом, монгольское постсоциалистическое общество оказалось глубоко увлечено религией, рассматривая ее как часть восстановленной традиции, подвергшейся забвению в социалистическую эпоху.

В этой ситуации перед монгольскими властями возникла дилемма, с которой столкнулись практически все постсоциалистические страны. По словам М.М. Мчедловой, «разнонаправленные процессы, связанные, с одной стороны, с крайними формами секуляризации, с другой – с различными

³⁸¹ З. Энхболд: Демократическая революция не завершилась – она продолжается // Монголия сегодня, 19.03.2015.

³⁸² Конституция Монголии, принята 13 января 1992 г. [Электронный ресурс] URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33 (дата обращения 31.01.2018)

путями эволюции «религиозного», тенденциями требования учета религиозных контекстов в публичной, гражданской и правовой сферах ставят в центр современных тревожных дискуссий принцип светскости и формы взаимоотношений государства и религиозных институтов»³⁸³. Иными словами, светский характер государства, как атрибута современной демократии, не мог быть подвергнут сомнению. В то же время буддийская религия многими виделась частью процесса трансформации монгольской национальной идентичности, что предавало ей неофициальный статус национальной религии.

Члены МНРП, оставшиеся в массе своей у власти в начале 1990-х гг. и практически единогласно поддержав идею буддизма как национальной религии, помимо прочего, пытались продемонстрировать непричастность своей партии к массовым репрессиям против церкви и религии, перекладывая всю ответственность на СССР и его политику. Избранный в 1991 г. на XX съезде МНРП председателем партии Б. Даш-Ёндон в качестве основ партийной идеологии провозгласил т.н. «срединное учение», опирающееся на буддийскую философию Нагарджуны, основателя буддийской школы Мадхьямаки. На фоне критики социалистического прошлого в общественном сознании населения укоренилось представление о неразрывной связи между государственным суверенитетом монголов и сохранением национальных, в том числе религиозных, традиций³⁸⁴.

Многие монгольские политики, включая глав государства и правительства, стали регулярно посещать религиозные мероприятия. Первый президент Монголии П. Очирбат участвовал в церемонии открытия статуи бодхисаттвы Жанрайсэг в главном улан-баторском монастыре Гандантэгченлин в 1996 г. Под патронажем министерства окружающей среды

³⁸³ Мчедлова М.М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социс. 2016. №10. - С. 113.

³⁸⁴ Сүхбаатар Д. Монголын бурханы шашны сэргэлт (Возрождение монгольского буддизма) [Электронный ресурс] URL: <http://www.news.mn/content/62057.shtml> (дата обращения 31.01.2018); Хангал М. Харийн шашин оюуны соёлыг устгаж байна (Иностранные религии уничтожают культуру) [Электронный ресурс] URL: <http://www.olloo.mn/modules.php?name=News&file=article&sid=1161048> (дата обращения 31.01.2018)

прошла церемония открытия статуи Будды у подножья горы Богдохан в 2005 г. Ламы регулярно приглашаются на государственные церемонии-благословления священных гор в Монголии. Президент Монголии Н. Багабанди на конференции, посвященной отношениям государства и церкви в 1998 г., отметил особый статус «национальной традиционной религии» и сильные стороны буддизма³⁸⁵. Четвертый президент Монголии Ц. Элбэгдорж совершил широко освещенные прессой восхождения на священные горы Бурхан-Халдун и Богдохан³⁸⁶.

В целом, с началом постсоциалистической трансформации религия стала занимать важное место в политической жизни Монголии, а воспроизводство национальной идентичности весьма тесно сопрягается с религиозным компонентом. Так или иначе, вопросы, связанные с религией, выступают объектом общественной дискуссии, рефреном обсуждаются в СМИ, затрагиваются в выступлениях политических деятелей. Даже в условиях радикально, по оценке ряда экспертов, либерального законодательства в отношении религии, буддизм занимает место «объективированного» культурного «фона» во взаимодействии политических акторов Монголии³⁸⁷.

Как и в случае с историческими сюжетами, буддизм использовался для интерпретации текущих политических процессов, получив новые ранее неизвестные качества и атрибуты. Так, монгольские и зарубежные эксперты, объясняя природу монгольской демократизации, стали видеть в этом большую роль буддийской религии. «Плюралистическая природа буддийской религии» виделась основой демократического режима страны³⁸⁸. Мирный характер

³⁸⁵ Приветственное слово Президента Н. Багабанди на конференции, посвященной отношениям государства и церкви // Төр, сүм хийдийн харилцаа: орчин үе. - Улаанбаатар, 1998. - X. 7.

³⁸⁶ President climbs to top of Bogd Khan [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/129661.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

³⁸⁷ Бадмацыренов Т.Б. Сангха и политика: политические аспекты функционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. - 2012. - Вып. 14 : Философия, социология, политология, культурология. – С. 143.

³⁸⁸ Сүхбаатар Д. Монголын бурханы шашны сэргэлт (Возрождение монгольского буддизма) [Электронный ресурс] URL: <http://www.news.mn/content/62057.shtml> (дата обращения - 31.01.2018)

трансформации объяснялся «терпимостью и толерантностью, обусловленными традициями буддизма»³⁸⁹.

В основе начавшейся трансформации лежали не только задачи перехода от социалистической модели общественного развития к свободному рынку и политической демократии. Также «демократическая революция» рассматривалась как возможность дистанцироваться от влияния северного соседа, его политического, экономического, культурного доминирования. В произнесенной речи во время заседания Европейского парламента Ц. Элбэгдорж увязал задачи обретения политических свобод с задачами обретения «свободы» от СССР: «В начале 1920-х гг. в стране был установлен коммунистический режим, который продержался около 70 лет. Во времена сталинского режима каждый шестой взрослый мужчина был репрессирован, более 700 буддийских монастырей – сожжено. Свободная жизнь стала нашей целью... Мы собрались тогда, чтобы защитить наше право на объединение, свободу слова и религии. Мы требовали многопартийной системы, демократических выборов и рыночной экономики... В те времена наш северный сосед продолжал контролировать и руководить нашей жизнью»³⁹⁰. Б. Батбаяр в этом смысле идет дальше, называя главной внешнеполитическую причину революции: «Основным двигателем демократической революции 1990 г. были не демократические ценности, свобода и права человека или свободная экономика, как говорят сегодня. По пальцам одной руки можно было пересчитать людей, которые понимали истинную суть этих вещей. Но народ поддержал революцию. Ведь основной идеей было прекратить то безобразие, когда мы превращались то в шестерку, то туза в карточной игре наших соседей»³⁹¹.

³⁸⁹ Будаева С.В., Болортуя А. Строительство демократии в Монголии // Олон улс судлал. 2013. №2(98). - С. 44.

³⁹⁰ Монгол улсын Ерөнхийлогч Цахиагийн Элбэгдоржийн Европын парламентын чуулганд хэлсэн уг (Выступление Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа на заседании Европейского парламента) [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.mn/content/11647> (дата посещения 31.01.2018)

³⁹¹ Батбаяр Б. Приключения иностранных инвестиций. Биография политики третьего соседа // Монголия сегодня, 05.06.2013.

В 1989-1990 гг. оппозиционные МНРП политические силы вооружились в качестве аргументов в том числе антисоветскими лозунгами. Во-первых, Советский Союз объявлялся основным виновником кризисной ситуации в экономике страны после того, как резко сократил финансовую помощь и поставки экспортных товаров. Особую критику со стороны монгольской общественности вызвал вопрос о долгах Монголии Советскому Союзу. Как пишет Ш.Г. Надиров, «руководство страны (МНР – прим. дисс.) эту тему постоянно держало в секрете. Официально впервые об этом сообщила газета «Известия» 1 марта 1990 года. Приведенные газетой данные – более 9,5 млрд. переводных рублей - были использованы так называемыми демократами для безудержной критики всей экономической политики МНРП и советско-монгольских отношений»³⁹². Также звучали предложения востребовать с советской стороны за ущерб, нанесенный монгольской степи военными учениями, проводимыми советскими воинскими частями во время пребывания их на территории МНР³⁹³.

Во-вторых, северный сосед назывался главным источником негативных моментов монгольского прошлого. Б. Батбаяр (творческий псевдоним Баабар) в опубликованной в конце 1980-х гг. книге «Не забывай! Забудешь, погибнешь!» прямо обвинял в массовых репрессиях 1920-1930-х гг. в МНР советскую сторону³⁹⁴. Одним из первых требований оппозиционных МНРП движений стала замена кириллического письма, введенного в МНР 1941 г., на старомонгольскую письменность (монгол бичиг). Хотя идея о возврате к старомонгольскому письму была выдвинута самими руководством МНРП еще в середине 1980-х гг. и была призвана стать одним из признаков «перестройки» и обновления в Монголии, в политических программах оппозиционеров она превратилась в символ искажения и вмешательства в

³⁹² *Надиров Ш.Г.* Горбачев и Батмунх: политика «перестройки и обновления» и ее последствия // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций / Материалы международной научной конференции. Звенигород. 2-5 июня 2001 года. - М.: ИВ РАН. 2002. - С. 124-125.

³⁹³ *Джагаева О.А.* Россия и Монголия: очерк истории взаимоотношений в последней четверти XX века. – М., 2003. - С. 47.

³⁹⁴ *Баабар.* Бүү март! Мартвал сөнөнө (Не забывай! Забудешь - погибнешь). – Улаанбаатар, 1990. – 72 х.

монгольскую культуру со стороны Советов, окончательно получив политическую окраску. Данное требование возникло несмотря на то, что большинство населения страны, также, как и многие лидеры оппозиции (например, С. Зориг, Б. Батбаяр, Ц. Элбэгдорж), не владели старомонгольским письмом.

Но главным обвинением в адрес СССР был тезис о навязывании социализма монголам: «После 1924 г. наш северный сосед начал импортировать и экспортировать идеологию социализма и коммунизма, и монголы ни о чем не сожалели, когда в 1990-х гг. решили отказаться от этого социального режима – импортный продукт не прижился на нашей земле»³⁹⁵. Б. Батбаяр развивает эту мысль, утверждая, что «чувство свободы, было присуще монголам... поэтому пришлось народ с мышлением индивидуалистов силой подгонять под коммунистический режим»³⁹⁶. В рамках дискурса «навязанного монголам социализма» логически вытекал вывод о том, что СССР заставил свернуть их с естественного пути исторического развития, что в конечном итоге привело страну в тупик. Продолжением данной интеллектуальной конструкции явился тезис об окончании советско-монгольского союза как освобождении Монголии из-под диктата Москвы и обретении ею истинной независимости. Подобная мысль довольно явственно присутствуют в текстах ряда монгольских политиков и ученых³⁹⁷.

Модель взаимоотношений между руководством двух стран, образно характеризовавшаяся в социалистический период как отношения «старшего и младшего брата», стала восприниматься в Монголии в большей степени негативно, как фактор, сдерживающий реальное развитие страны,

³⁹⁵ З. Энхболд: Демократическая революция не завершилась – она продолжается // Монголия сегодня, 19.03.2015.

³⁹⁶ Б. Батбаяр: Ардчилсан тогтолцооны Монгол хувилбар (Монгольский вариант демократической структуры) [Электронный ресурс] URL: <http://baabar.niitelch.mn/content/7921.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

³⁹⁷ См., например: *Бямбасүрэн Д.* Уурийн жавар (Предрасветные заморозки) – перевод и изложение: *Яскина Г.С.* Монголия и внешний мир. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 12; *Эрдэнэбат Б.* Характер и тенденции развития военных отношений Монголии с зарубежными странами в условиях новой геополитической обстановки // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. Сборник статей. – М.: РИСИ, 1998. – С. 79-90; *Батсайхан О.* Монгол улсын хөгжлийн замд учирсан ээдрээ. 1911-1932 (Препятствия на пути развития Монголии в 1921-1932 гг.) – Улаанбаатар: Монголын ШУА, 1997. – 318 х.

ограничивающий монгольский национальный суверенитет³⁹⁸. В атмосфере накопившегося за годы социалистического периода конфликтного потенциала в отношениях между странами, советское/российское культурное влияние стало восприниматься в качестве части советской «колониальной политики» в отношении Монголии. Нередко попытки сознательного дистанцирования от любых атрибутов собственного социалистического прошлого, становившиеся частью государственной политики, являлись по существу действиями по отторжению культурного влияния России.

Культивирование антисоветских, в основном русофобских настроений, было важной частью политической стратегии монгольской оппозиции. Например, использование образа Чингисхана протестующими в 1989-1990 гг. было вызовом не только официальным властям, но и Советскому Союзу, историческая традиция которого рисовала монгольского хана и его потомков в качестве «жесткого завоевателя древнерусских княжеств». В указанный период был отмечен значительный подъем антироссийских/антисоветских ксенофобских настроений, встречались лозунги «Монголия для монголов»³⁹⁹. В феврале 1990 г. был демонтирован памятник Сталину, стоявший напротив Национальной библиотеки в Улан-Баторе. Отзыв из Монголии советских технических специалистов, осуществленный по настоянию монгольского руководства, стал во многом реакцией на подобные националистические настроения в монгольском обществе⁴⁰⁰.

На фоне резкого дистанцирования от северного соседа получило развитие активное сотрудничество с ведущими западными государствами (США, Германией, Францией) и их азиатскими союзниками (Японией, Южной Кореей)⁴⁰¹. Однако, в сравнении с восточноевропейской ситуацией, в Монголии, несмотря на широкую представленность прозападных настроений

³⁹⁸ Дамдинсүрэн С. Монгол-Оросын харилцааны шинэ үе шат (Монголо-российские отношения на новом этапе) // Монгол-Оросын харилцаа. Бүсчилсэн хөгжлийн бодлого, хамтын ажиллагаа. - Улаанбаатар, 2005. С. 5-9.

³⁹⁹ Kaplonski C. Truth, history and politics in Mongolia. – P. 64.

⁴⁰⁰ Гольман М.И. Западные авторы об отношениях России и Монголии в XX веке // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001. - С. 266.

⁴⁰¹ Подробно об этом смотрите в параграфе 6.2 данного диссертационного исследования.

среди части политической и интеллектуальной элиты⁴⁰², идея полярной смены внешнеполитической ориентации не стала господствующей. Будучи страной, территориально отдаленной от ареала западного мира, Монголия не могла претендовать на полноценную интеграцию в его военно-политические и экономические структуры, как это происходило в Восточной Европе. Восточноевропейская идея «возвращения домой» также не работала в силу значительной культурно-цивилизационной дистанции между монгольским и западным миром. По этим причинам роль экзогенного фактора в трансформационных процессах в Монголии проявилась в сравнительно меньшей степени, что не могло не определить специфику политического процесса.

По итогам проведенного исследования в 3 главе мы можем сделать следующие выводы.

1. Сценарий начала политических изменений в МНР был схож по ряду признаков с аналогическими сценариями в восточноевропейских странах. Начавшись как попытка экономических реформ «сверху» по аналогии с политикой «перестройки» в СССР, события постепенно перерастали в массовые выступления, участники которых требовали серьезных политических реформ. Итогом во всех случаях была отставка правительства и лишение коммунистической партии монополии на власть. Становление нового режима власти легитимировалось признанием идейно-политического банкротства социалистической модели общественного развития, на смену которой должен был прийти капитализм как новая модель «светлого будущего» Монголии.
2. Трансформация рубежа 1980-1990-х гг. в Монголии, как и в других постсоциалистических странах, протекала в форме синхронных политических и экономических преобразований. К факторам, обусловившим подобную модель трансформации, можно отнести идейно-политическое влияние на

⁴⁰² В начале 1990-х гг. в монгольском обществе были распространены слухи о ведении переговоров по поводу вхождения Монголии в состав США на правах 51 штата.

монгольскую элиту со стороны России и стран Восточной Европы и высокую степень вовлеченности Монголии в мировую социалистическую систему, переживавшую острый кризис.

3. Неотъемлемым атрибутом трансформационных процессов в Монголии, как и в странах Восточной Европы, был процесс переосмысления собственного исторического опыта и реформатирования представлений о нации, истории и культуре посредством активного использования понятия «демократия». Одним из следствий этого стал подъем антисоветских и русофобских настроений. Социализм, тесно ассоциировавшийся с СССР, в момент своего кризиса стал восприниматься как навязанная советской стороной тупиковая модель, явившаяся источником всех текущих проблем для собственного национального развития. Соответственно отказ от социализма означал, в том числе, и дистанцирование от Советского Союза, его политического, экономического и культурного влияния.

4. Одновременно со сходствами можно выделить некоторые особенности трансформационного процесса в Монголии, в конечном итоге оказавших влияние на состояние и развитие политического процесса. Монголия, в отличие от восточноевропейских стран, никогда не была знакома с традицией многопартийной системы и вынуждена была начать данный процесс с нулевого цикла. Даже после отказа от социалистической модели развития основные правящие позиции сохранила за собой Монгольская народно-революционная партия, одержавшая убедительную победу на первых многопартийных парламентских выборах, что может быть объяснено как особой ролью этой партии в истории Монголии в XX в., так и отсутствием опыта политической борьбы у оппозиционных сил.

Глава 4. Институциональный дизайн политического процесса постсоциалистической Монголии

4.1. Динамика политического процесса в рамках монгольского парламентаризма

Основной задачей парламента Монголии, сформированного в результате первых многопартийных выборов и начавшего работу 3 сентября 1990 г., стала разработка и принятие новой конституции, призванной нормативно закрепить происходившие кардинальные перемены в стране. 13 января 1992 г., спустя полтора года после начала обсуждений, новая конституция Монголии была принята депутатами ВНХ, а 12 февраля того же года она вступила в силу.

Для разработки новой конституции была образована специальная комиссия под руководством П. Очирбата, избранного членами ВНХ первым президентом МНР. Все участники этой комиссии, представлявшей различные парламентские партии, были разделены на четыре группы для работы над отдельными разделами будущей конституции: гражданские права (во главе с Л. Цогом, МНРП), управление государственными делами (С. Баяр, МНРП), экономические, социальные и политические вопросы (М. Энхсайхан, ДП), правовые и конституционные вопросы (Ж. Амарсанаа, ДП)⁴⁰³. Также в ходе работы над проектом конституции монгольская сторона обращалась за помощью к Международной комиссии юристов, Центру прав человека ООН, Азиатскому фонду США⁴⁰⁴. Проект основного закона, подготовленный известным юристом Б. Чимэдом, был представлен на рассмотрение Малого государственного хурала в апреле 1991 г. Помимо этого, данный проект рассматривался в 700 учреждениях, свыше 900000 человек приняли участие в

⁴⁰³ Sanders A. Mongolia's new constitution. - P. 511.

⁴⁰⁴ П. Цагаан: Эцсийн шийдийг асуухгүй л юм бол цаг, мөнгөний гарц (П.Цагаан: Если не уточнить окончательное решение, то это будет напрасной тратой времени и денег) [Электронный ресурс] URL: <http://www.itoim.mn/index.php/site/news/2799> (дата обращения – 31.01.2018)

его обсуждении, 415 000 человек выдвинули свои предложения⁴⁰⁵. По словам американского наблюдателя Т. Гинзбурга, в процессе разработки новой конституции были изучены конституции 100 стран Запада и Востока⁴⁰⁶.

В процессе разработки и обсуждения проекта основного закона ярко проявились различные подходы и взгляды монгольских политиков по поводу будущего устройства Монголии. Среди депутатов парламента не было единства по ряду ключевых вопросов. Важнейший политический вопрос по поводу нового конституционного дизайна страны заключался в том, каким образом должны быть распределены полномочия между ветвями власти. Иными словами, основные дискуссии развернулись о том, какого типа должна быть новая республика – парламентского, президентского или смешанного. По свидетельству П. Цагаана, одного из участников этого процесса, депутаты от ДП и ряда других оппозиционных МНРП партий выступали за классическую парламентскую республику, в рамках которой президент должен был избираться парламентом. Ряд членов МНРП поддерживали идею президентского правления⁴⁰⁷. Учитывая популярность фигуры Чингисхана как жесткого и властного правителя, идея сильной президентской власти в начале 1990-х гг. могла иметь значительное количество поклонников.

В конечном итоге члены ВНХ сделали выбор в пользу парламентской республики. В частности, в статье 20 новой конституции было прописано, что парламент страны - Великий государственный хурал (ВГХ), является высшим органом государственной власти⁴⁰⁸. Согласно пункту 6 статьи 25, ВГХ назначает, освобождает и отстраняет от должности премьер-министра, членов правительства, персонал других органов, подотчетных непосредственно ВГХ⁴⁰⁹. В свою очередь правительство отчитывается в своей деятельности

⁴⁰⁵ УИХ дарга М. Энхболдын мэндчилгээ (Приветствие спикера ВГХ М. Энхболда) [Электронный ресурс] URL: <http://www.itoim.mn/index.php/site/news/7895> (дата посещения 31.01.2018)

⁴⁰⁶ Ginsburg T. Nationalism, Elites and Mongolian Rapid Transformation // Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolite. Ed. by Stephen Kotkin and Bruce Elleman. – New York, London, 1999. - P. 147.

⁴⁰⁷ Интервью с руководителем Администрации Президента Монголии П. Цагааном [Электронный ресурс] URL: <http://mongolnow.com/Tsagaan.html> (дата посещения 31.01.2018)

⁴⁰⁸ Конституция Монголии, принята 13 января 1992 г. [Электронный ресурс] URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33 (дата обращения 31.01.2018)

⁴⁰⁹ Там же.

перед ВГХ (статья 41, п.2)⁴¹⁰. Закон «О политических партиях» гласит, что кабинет министров формируется парламентским партийным большинством⁴¹¹. Можно заключить, что указанные положения, безусловно, являются ключевыми признаками парламентской республики.

Выбор в пользу парламентской республики не мог не вызвать резонные вопросы по поводу его причин. Как пишет Э.Д. Дагбаев, «если следовать практике восточных государств и традициям политической культуры азиатских народов, то следовало предположить создание (в Монголии – **прим. дисс.**) сильного института главы государства»⁴¹². В составляемых западными экспертами «картах посткоммунистического пространства» нередким является разделение всех рассматриваемых стран на «моноцентрические» (президентские и президентско-парламентские) и «полицентрические» (парламентские и премьер-президентские) республики. Среди прочего это объясняется тем, что в странах, где коммунистический режим просуществовал на одно поколение меньше остальных, новые политические элиты сознательно шли на институциональное разделение власти, устанавливая «полицентрические республики». И наоборот⁴¹³. Однако в рамки этой логики никак не встраивается Монголия, чей стаж пребывания в социалистическом блоке намного превышает подобный стаж стран Восточной Европы, в массе своей сделавших выбор в пользу парламентских республик.

Экспертное сообщество по-разному объясняет выбор Монголии в пользу парламентской республики. К причинам политико-психологического характера относят страхи монголов перед возвращением к системе личной власти одного человека по аналогии с эпохой Х. Чойбалсана или Ю. Цэдэнбала⁴¹⁴. Отсутствие харизматической фигуры на политическом олимпе

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Улс төрийн намын тухай хууль (Закон о политических партиях) [Электронный ресурс] URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/508> (дата обращения 31.01.2018)

⁴¹² Дагбаев Э.Д. Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. - С. 242.

⁴¹³ Макаренко Б.И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации // Полития. 2008. №3. - С. 107-108.

⁴¹⁴ Цэрэндорж Т. Монгольский мастер-класс партстроительства [Электронный ресурс] Эксперт-онлайн. URL: http://expert.ru/ratings/table_58251/ (дата посещения 31.01.2018); Fish S. The Inner Asian anomaly:

Монголии начала 1990-х гг. также называется в качестве причины выбора парламентской формы⁴¹⁵. Интересным представляется мнение монгольского исследователя Д. Мунхбата, выводящего причины установления парламентской республики из историко-культурных традиций монголов, «во все исторические периоды мало зависевших от центральной власти... безразличных к тому какая власть установится: президентская или парламентская»⁴¹⁶. Кроме того, и в социалистический период монгольской истории представительным органам власти и, прежде всего, парламенту, формально отводилась ведущая роль. Это делало МНР парламентской республикой и, следовательно, упрощало становление в постсоциалистической Монголии подобной системы.

На наш взгляд, помимо перечисленных причин важным обстоятельством такого выбора стал международно-политический контекст. Во-первых, в начале 1990-х гг. ориентиром для политических элит Монголии, как и для большинства других постсоциалистических стран, выступали теоретические наработки ряда западных авторов, указывавших на необходимость укрепления демократии через максимальную децентрализацию системы управления в бывших авторитарных странах. На большое влияние внешнего, главным образом, западного фактора на оформление конституционного оформления указывает факт активного вовлечения в этот процесс таких известных западных организаций как «Азиатский фонд» (Asia Foundation) и «Международная амнистия» (Amnesty International). По признанию монгольского политолога Ч. Даваадаша, «монгольские элиты практически скопировали иностранные законодательные акты, не учитывая особенности своей страны»⁴¹⁷. На «импортный» характер установленных норм и институтов также указывают и другие монгольские

Mongolia's democratization in comparative perspective // Communist and Post-Communist Studies. 2001. №34. - P. 333.

⁴¹⁵ Дагбаев Э.Д. Указ. соч. – С. 246; Fish S. The Inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective // Communist and Post-Communist Studies. 2001. №34. - P. 330.

⁴¹⁶ Прив. по: Дагбаев Э.Д. Указ. соч. – С. 246.

⁴¹⁷ Даваадаш Ч. Монголын нийгмийн шилжилтийн зарим онцлог, ээдрээ (Некоторые особенности и противоречия социального перехода Монголии). - Улаанбаатар, 2014.

авторы⁴¹⁸. В этом проявилось сходство природы институционального выбора в Монголии и в странах Восточной Европы.

Согласно теоретическим установкам ведущих западных экспертов в области демократизации, средняя продолжительность существования президентских режимов равна 24 годам, парламентских - 74 года⁴¹⁹, что однозначно предполагало выбор в пользу вторых. Один из классиков теории «демократического транзита» Х. Линц в своей статье «Опасности президентства» отстаивал позицию, согласно которой парламентские системы «более благоприятны для стабильной демократии... особенно для государств с глубоким политическим расколом и наличием значительного числа политических партий», чем президентские системы. На счет президентских республик Линц утверждал, что они вносят нежелательный элемент политики типа «победитель получает все» в общество, которое, наоборот, нуждается в согласительных механизмах⁴²⁰. По мнению С. Фиша, «в тех странах посткоммунизма, где конституции даруют главам государств много полномочий, постепенно происходит свертывание демократии. Суперпрезидентализм становится катастрофой... Демократия более здорова в тех странах, где конституция расплывает властные полномочия ветвей власти. Опыт таких полупрезидентских стран как Румыния, Грузия (после 1995 года), Молдавия, Монголия, Польша, Литва наглядно это демонстрирует. В тех странах, где власть сосредоточена в руках премьер-министра (Чехия, Венгрия, Словения, Латвия, Эстония, Болгария) демократизация проходит также успешно»⁴²¹.

Во-вторых, одной из важных мотиваций для соответствующего конституционного выбора монголов стала секьютиристская составляющая. Как указывает С. Фиш, «в Монголии создатели конституции были

⁴¹⁸ Амарсанаа Ж., Баасансүрэн Д., Золжая М. Монгол дахь иргэний нийгмийн төлөвшил (Формирование гражданского общества в Монголии). – Улаанбаатар: Адмон, 2013. – X. 5.

⁴¹⁹ Cheibub J., Przeworski A. Saiegh S. Government coalitions and legislative effectiveness under presidentialism and parliamentarism // British journal of political science. 2004. Vol.34, №4. – P. 565-587.

⁴²⁰ Линц Х.Дж. Опасности президентства [Электронный ресурс] URL: <http://politnauka.org/library/dem/lintz.php> (дата посещения 31.01.2018)

⁴²¹ Fish S. The Inner Asian anomaly. - P. 331.

заинтересованы в первую очередь в обеспечении защиты страны от возможных посягательств в будущем со стороны России или Китая... Именно в дисперсной системе власти монголы видели источник к защите национального суверенитета страны. Более, чем иные граждане многих посткоммунистических государств, монголы склонны рассматривать свой предыдущий коммунистический период не столько как типичную советскую партократию, сколько диктатуру одного человека, являвшегося марионеткой СССР... Чойбалсан был верным соратником Сталина, Цэдэнбал правил как Хрущев, Брежнев, Андропов и Черненко. Таким образом, два человека правили на протяжении всей монгольской истории вплоть до эпохи Горбачева, оба были отличными льстецами в своих отношениях с Москвой. С тех пор, многие монголы ассоциируют дисперсную политическую систему с демократией и национальной независимостью. Многие политические лидеры, не взирая на свои взгляды, ратовали за сильный парламент. Они рассматривали пост президента как достаточно слабый, чтобы тот мог прийти к диктатуре, но достаточно сильный, чтобы он мог уравнивать парламент и правительство»⁴²².

Все выше перечисленные факторы выбора парламентской формы правления были обусловлены главной задачей нового режима – продвижение и укрепление демократического строя как источника легитимации власти. Парламентская власть виделась наиболее ярким примером децентрализации, панацеей от вероятного рецидива диктатуры в стране и, соответственно, символом настоящей демократии. За основу была взята формула «больше децентрализации - больше демократии». Совокупность указанных причин определила парламентский характер нового конституционного устройства Монголии. По большому счету процесс трансформации политической системы Монголии фактически завершился пактом политических элит, что способствовало формированию режима, предполагающего наличие

⁴²² Там же. - Р. 333.

множества субъектов принятия решения. Именно поэтому институционально новый режим и оформился в виде парламентской республики.

Согласно конституции, парламент Монголии представляет собой однопалатный орган, состоящий из 76 депутатов, избираемых раз в 4 года прямым всенародным голосованием⁴²³. Принимая во внимание конституционную основу политической системы Монголии, именно выборы в парламент страны выступают ключевыми легитимными формами борьбы за власть, признаваемыми как монгольским обществом, так и внешним окружением. В свою очередь партийный принцип парламентского большинства, ответственного за формирование правительства, делает политические партии одним из ведущих формальных институтов в стране. Закон «О политических партиях» определяет, что премьер-министр должен быть лидером партии, имеющей большинство мест в ВГХ⁴²⁴. Кроме того, политический вес партиям, имеющим свое представительство в парламенте, также добавляет эксклюзивное конституционное право выдвигать кандидатов на пост президента Монголии (статья 31, п.2)⁴²⁵. В результате формальные политические идентичности в Монголии оказались опосредованы партийной системой, которая стала основой институционализации политического процесса в стране.

По состоянию на 2017 г. в Монголии было зарегистрировано 24 политические партии⁴²⁶. Многопартийность традиционно оценивается многими монгольскими и зарубежными экспертами как важный демократический признак политической системы в Монголии⁴²⁷. Во-первых,

⁴²³ Конституция Монголии, принята 13 января 1992 г. [Электронный ресурс] URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33 (дата обращения 31.01.2018)

⁴²⁴ Улс төрийн намын тухай (Закон «О политических партиях») [Электронный ресурс] URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/508> (дата обращения 31.01.2018)

⁴²⁵ Конституция Монголии, принята 13 января 1992 г. [Электронный ресурс] URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33 (дата обращения 31.01.2018)

⁴²⁶ Улс төрийн намын бүртгэл (Зарегистрированные политические партии) [Электронный ресурс] URL: <http://www.supremecourt.mn/nam> (дата посещения 31.01.2018)

⁴²⁷ *Batbayar Ts., Soni S. Modern Mongolia: A Concise History.* - New Delhi: Pentagon Press, 2007. - P. 110; *Fritz V. Mongolia: Dependent Democratization // Journal of Communist Studies and Transition Politics.* 2002. Vol. 18. № 4. - P. 84; *Chuluunbaatar G. Problems of the contemporary socio-political transformation in Mongolia.* - P. 10.

по мысли теоретиков демократического режима, многопартийность является условием конкурентности политического процесса⁴²⁸. Во-вторых, в такой оценке присутствует историческая подоплека. Выборы как таковые имели место и в социалистический период, а потому не могут быть названы достижением «демократической эпохи». Однако избирательный процесс в МНР до 1990 г. происходил на безальтернативной основе. Поэтому наличие множества партий и конкуренция между ними на выборах призваны показать принципиальное отличие сложившейся политической системы от прошлой.

На наш взгляд, подобные оценки не могут исчерпывающим образом продемонстрировать природу и характер политического процесса. Во-первых, само по себе наличие многопартийных выборов в парламент еще не гарантирует их конкурентный характер. Во-вторых, многопартийность не обязательно должна привести к стабильности и эффективности функционирования политической системы. В связи с этим обозначается насущная потребность в верификации тезиса о многопартийности в Монголии как залого демократического характера политического процесса.

Многопартийные парламентские выборы стали неотъемлемым атрибутом политического процесса Монголии с начала 1990-х гг. По общему мнению, все эти выборы прошли мирно, в рамках законных процедур и могут быть признаны успешными⁴²⁹. Более того, ни разу политическая партия, имевшая парламентское большинство, не выигрывала следующие выборы в ВГХ, что может быть рассмотрено в качестве признака конкурентности избирательного процесса. Данные обстоятельства дали основание многим экспертам утверждать, что Монголия прошла точку невозврата в деле укрепления и институционализации демократических ценностей⁴³⁰. Говоря

⁴²⁸ Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. - Cambridge: Cambridge University Press, 1991. - P. 14.

⁴²⁹ Исключением из правил могут считаться парламентские выборы лета 2008 г., по итогам которых произошли массовые волнения, унесшие жизни 5 человек.

⁴³⁰ Летерми И. Ардчиллын тогтолцоог бэхжүүлэх, хөгжүүлэх итгэл үнэмшлээ алдах хамгийн аюултай (Летерми И. Развивая демократию важно не потерять в нее веру) [Электронный ресурс] URL: <https://dnn.mn/ив-летерми-ардчиллын-тогтолцоог-бэхжүүлэх-хөгжүүлэх-итгэл-үнэмшлээ-алдах-хамгийн-аюултай/> (дата посещения 31.01.2018); Dierkes J., Jargalsaikhan M. A New Cabinet for Mongolia [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2017/10/a-new-cabinet-for-mongolia/> (дата посещения

языком теоретиков демократизации, в стране произошла «консолидация демократического режима».

Общепризнанно, что на структуру межпартийной конкуренции большое влияние оказывает характер избирательной системы. Согласно закону «О выборах», утвержденному 8 апреля 1992 г. Малым государственным хуралом, в стране была установлена мажоритарная избирательная система. Оппозиционные МНРП партии выступали за смешанную избирательную систему, при которой 26 депутатов избирались бы по одномандатным округам и 50 – по партийным спискам⁴³¹. Это давало шансы только что созданным партиям, еще не имевшим серьезного влияния в регионах страны, получить места в законодательном органе власти. Однако парламент, контролируемый на тот момент большинством членов МНРП, установил мажоритарную систему, которая была более выгодна правящей партии как наиболее могущественной на тот момент политической силе в стране. В дальнейшем конкуренцию МНРП/МНП⁴³² на парламентских выборах составляла только ДП, на первых этапах блокировавшаяся с другими оппозиционными партиями. В общей сложности в Монголии, начиная с 1992 г., состоялись 7 выборов в ВГХ. 6 из 7 парламентских выборов прошли по мажоритарной системе. Только избирательная кампания 2012 г. имела смешанную систему: 48 депутатов были избраны по одномандатным округам, 28 – по партийным спискам⁴³³. В целом, именно мажоритарная система была и остается господствующей в постсоциалистической Монголии.

Согласно распространенному среди политологов мнению (известному также как «Закон Дюверже»), мажоритарная система в один тур способствует

31.01.2018); *Schmücking D, Adiyasuren J. Five Reasons Why Democracy in Mongolia is Working* [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2017/five-factors-in-functioning-democracy/> (дата посещения 31.01.2018)

⁴³¹ *Batbayar Ts. Mongolia in 1992: back to one-party rule // Asian Survey. 1993. Vol.33. №1. - P. 61.*

⁴³² До ноября 2010 г. партия носила название «Монгольская народно-революционная партия». Согласно решению партийного съезда, с ноября 2010 г. партия именуется «Монгольская народная партия» (МНП). Здесь и далее данная партия будет обозначаться аббревиатурой МНРП/МНП.

⁴³³ Монгол улсын сонгуулийн ерөнхий хороо (Центральный избирательный комитет Монголии) [Электронный ресурс] URL: http://www.gec.gov.mn/parliamentary_election/310/41 (дата посещения 31.01.2018)

установлению двухпартийности, пропорциональная система, наоборот, - многопартийности⁴³⁴. Как результат, мажоритарная система в Монголии привела к тому, что на протяжении двух с половиной десятилетий все монгольские политические партии, за исключением МНРП/МНП и ДП, не имели практических шансов для получения своего представительства в парламенте. Только МНРП/МНП и ДП, имеющие разветвлённую сеть своих представительств и ячеек по всей стране, способны выставлять на выборах в ВГХ и органы местного самоуправления своих кандидатов на всех без исключения округах. Остальные партии в основном концентрируются в столице, а их активность проявляется только в предвыборные периоды.

Результаты парламентских выборов, впервые в истории постсоциалистической Монголии прошедших по смешанной системе, продемонстрировали связь между избирательной системой и структурой представительства партий в парламенте. 48 мест в ВГХ заняли депутаты, избранные по одномандатным округам, 28 мест – по партийным спискам⁴³⁵. В результате, помимо двух лидирующих партий 21% мест в парламенте получили кандидаты от иных партий или независимые кандидаты, чего никогда не случалось прежде. Фактически впервые в национальном парламенте появилась политическая сила, претендовавшая на статус «третьей силы». Однако, возврат к прежней мажоритарной системе накануне выборов 2016 г вновь привел к формированию двухпартийного ВГХ.

Результаты парламентских выборов разных лет свидетельствуют о том, что в постсоциалистической Монголии сложилась двухпартийная система.

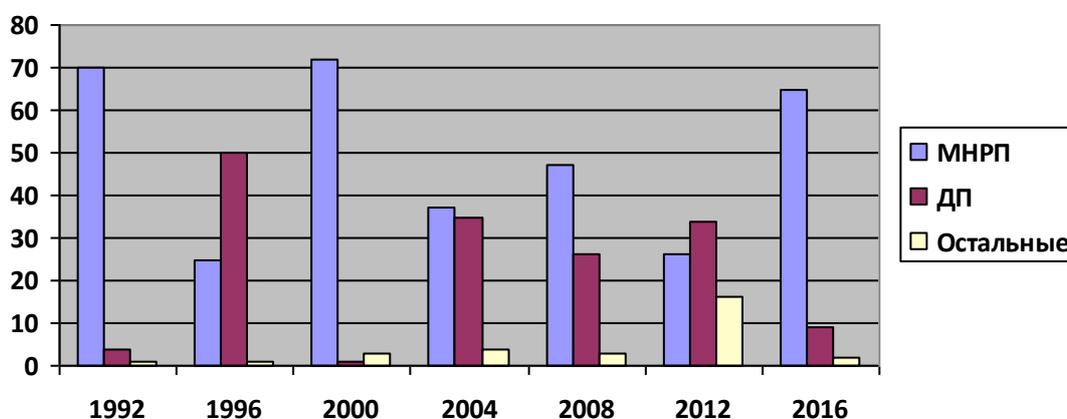
⁴³⁴ Дюверже М. Политические партии. - М.: Академический проект, 2005. - С. 257.

⁴³⁵ Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2014 (Сборник статистики Монголии 2014). – Улаанбаатар, 2015. - X. 20.

Таблица 2. Распределение мест в ВГХ по результатам парламентских выборов⁴³⁶

Годы	МНРП/МНП	ДП	Прочие
1992	70	4	2
1996	25	50	1
2000	72	1	3
2004	37	35	4
2008	47	26	3
2012	26	34	16
2016	65	9	2

Диаграмма 1. Распределение мест в ВГХ по результатам парламентских выборов (количество мест)

Наличие мажоритарной системы приводит к серьезной проблеме, препятствующей реализации политических прав значительной части населения. Распределение мест в ВГХ по итогам парламентских выборов зачастую не отражает процентное соотношение голосов, отданных за кандидатов от различных партий. Ярким примером несправедливости

⁴³⁶ Там же. - X. 20.; Монгол улсын сонгуулийн ерөнхий хороо (Центральный избирательный комитет Монголии) [Электронный ресурс] URL: http://www.gec.gov.mn/parliamentary_election (дата посещения 31.01.2018)

существующей системы распределения мест в ВГХ стала ситуация, сложившаяся по итогам выборов в 2016 г. МНРП/МНП, получившая 85% мест в парламенте, была поддержана только 45,1% голосов избирателей. С другой стороны, проигравшая выборы ДП с 10% парламентских мест, имела 33,1% проголосовавших. Около 22% голосов получили иные партии и независимые кандидаты, практически не занявшие мест в ВГХ⁴³⁷. Кроме того, многие монгольские граждане, постоянно проживающие за рубежом⁴³⁸, из-за отсутствия голосования по партийным спискам в принципе лишены права избирать.

В целом, средний процент голосов, отданных за кандидатов от третьих политических партий, чьи члены в большинстве случаев не прошли в парламент, составил 18,6.

Таблица 3. Процент голосов, полученных политическими партиями на выборах в ВГХ (1992-2016 гг.)⁴³⁹

Годы	МНРП/МНП	ДП	Остальные
1992	56.9	17.5	25.6
1996	40.5	47.0	12.5
2000	51.6	13.4	35.0
2004	48.2	44.3	7.5
2008	52.7	40.4	6.9
2012	34.2	44.7	21.1
2016	45.1	33.1	21.8

⁴³⁷ Монгол улсын сонгуулийн ерөнхий хороо (Центральный избирательный комитет Монголии) [Электронный ресурс] URL: http://www.gec.gov.mn/parliamentary_election/310/41 (дата посещения 31.01.2018)

⁴³⁸ По данным национальной переписи 2010 г., постоянно за рубежом Монголии проживет 107140 человек, т.е. около 3,5% от всего населения страны Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын үр дүн (Результаты переписи населения 2010 года). - Улаанбаатар, 2011. - X. 4.

⁴³⁹ Монгол улсын сонгуулийн ерөнхий хороо (Центральный избирательный комитет Монголии) [Электронный ресурс] URL: http://www.gec.gov.mn/parliamentary_election/310/41 (дата посещения 31.01.2018)

Еще одним следствием мажоритарной системы выборов является тенденция к увеличению доли депутатов-инкубентов в составе парламента страны.

Таблица 4. Изменение доли инкубентов в ВГХ 2-7 созывов⁴⁴⁰

Год избрания	Доля инкубентов (%)
1996	27.6
2000	23.9
2004	27.6
2008	43.4
2012	48.6
2016	47.1

В свою очередь, отсутствие реальной возможности для большинства политических партий пройти в парламент приводит к эффекту картелизации, выраженной в периодических сговорах МНРП/МНП и ДП по тем или иным вопросам. Правящие элиты, стремясь ограничить состязательность политического процесса, заключают между собой негласное соглашение о недопущении до реальной борьбы за власть иных политических сил. Особенно ярко это проявилось в 2000-е гг., когда в Монголии окончательно оформилась двухпартийная система. Главной формой подобной картелизации выступает практика создания коалиционных правительств. С 2004 г. в Монголии было сформировано 4 коалиции, в состав которых, несмотря на формальные идеологические разногласия, входили члены обеих ведущих партий. Доминирование в парламенте и правительственных структурах представителей двух партий ведет к учащению случаев единогласных решений по значимым вопросам на фоне отсутствия подобного единства мнений в обществе. Например, в сентябре 2009 г., несмотря на неоднозначные

⁴⁴⁰ Составлено по данным официального сайта Центральной избирательной комиссии Монголии <http://www.gec.gov.mn/> и официального сайта Великого государственного хурала Монголии <http://www.parliament.mn/>

общественные оценки, коалиционное правительство С. Баяра приняло решение заключить инвестиционное соглашение с канадской компанией «Айвенхоу майнз» о совместной разработке крупнейшего в Монголии медного месторождения Оюу Толгой⁴⁴¹. В частности, протесты вызвал тот факт, что монгольской стороне в данном проекте принадлежало только 34%⁴⁴². Другим примером является ситуация, сложившаяся накануне парламентских выборов 2016 г. Несмотря на требования большинства непарламентских партий провести выборы по смешанной системе (по аналогии с выборами 2012 г.), парламентарии подавляющим большинством голосов (44 из 54 присутствовавших) поддержали возврат к мажоритарной системе голосования⁴⁴³. Данный случай помимо прочего продемонстрировал ситуацию, при которой суды становятся инструментами в решении политических задач партий-картелей. Именно Верховный суд Монголии в апреле 2016 г. подтвердил отмену пропорциональной системы выборов в парламент, тем самым закрепив доминирующее положение МНРП/МНП и ДП.

Эти и многие другие случаи приводят к ситуации, когда деятельность членов парламента в основном сводится к согласованию интересов между двумя партийными фракциями при принятии решений по тем или иным вопросам. Одним из последствий постепенного отказа от соревнований идей в законодательном процессе и картелизации партийной системы является снижение доверия населения страны к парламентским выборам. Периодически возникающие коалиции двух ведущих политических партий заставляли население усомниться в искренности и принципиальности народных избранников. Сложившаяся политическая система стала все чаще ассоциироваться с периодом до «демократической революции». Прямым

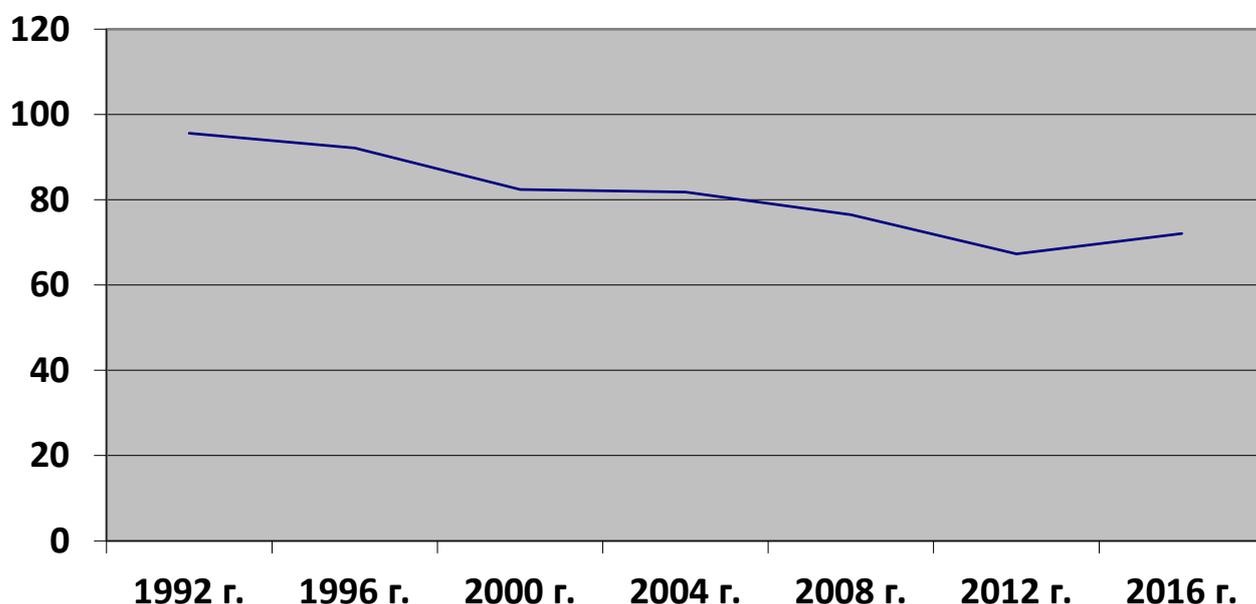
⁴⁴¹ Ivanhoe finalizes Oyu Tolgoi investment agreement [Электронный ресурс] URL: <http://www.reuters.com/article/ivanhoe-oyutolgoi-idUSN3120661520100331?type=marketsNews> (дата посещения 31.01.2018)

⁴⁴² Shareholders Agreement to be Amended Before Year End http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=5607&Itemid=40 [Электронный ресурс] URL: (дата посещения 31.01.2018)

⁴⁴³ Отказались от партийного списка на выборах // Монголия сегодня, 05.05.2016

следствием разочарования избирателя стало увеличение электоральное абсентеизма, т.е. тенденция снижения явки на выборы в ВГХ.

График 1. Явка на выборах в парламент Монголии (1992-2016 гг.)⁴⁴⁴

Также имеет место низкий уровень общественного доверия к парламенту и политическим партиям как институтам, способным решить значимые общественные проблемы.

Таблица 5. Какой государственный институт способен наиболее эффективно решить значимые общественные проблемы? (%)⁴⁴⁵

Годы	Президент	Парламент	Судеб. система	Прав-во	Полит. партии	Гражд. общество
2009	70.3	59.2	41.8	64.1	39.6	50.3
2010	62.6	52.5	41.9	62.2	37.0	57.1
2011	60.7	45.6	37.8	50.0	33.5	54.8
2013	68.4	43.8	38.7	63.3	31.9	55.0
2014	61.7	42.6	39.4	64.3	33.0	52.5

⁴⁴⁴ Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2014 (Сборник статистики Монголии 2014). – Улаанбаата, 2015. - X. 21.

⁴⁴⁵ По данным социологических опросов Фонда «Сант Марал» [Электронный ресурс] URL: <http://www.santmaral.mn/en/publications> (дата посещения 31.01.2018)

2015	40.3	32.2	43.8	64.2	25.0	51.2
2016	19.5	17.2	4.7	45.1	3.7	11.3
2017	9.1	16.3	3.3	49.3	3.5	10.0

Таблица 6. Какая политическая партия способна решить значимые общественные проблемы (%)?⁴⁴⁶

Годы	МНРП/МНП	ДП	Ни одна
2009	22.5	25.3	31.3
2010	17.3	15.3	43.8
2011	15.0	13.5	42.7
2012	нет данных	нет данных	нет данных
2013	12.2	21.2	32.2
2014	10.4	22.4	36.1
2015	13.5	10.4	43.5
2016	14.6	11.1	35.1
2017	24.3	10.6	34.6

Показателем недовольства масс от деятельности действующих парламентов и сформированных ими правительств, является следующая закономерность. Успех той или иной партии на выборах представляет собой не столько результат принятия или поддержки населением ее программных установок, сколько голосование «против» прежнего состава ВГХ и правительства. На первых парламентских выборах 1992 г. успех МНРП (70 из 76 мест в ВГХ⁴⁴⁷) был обусловлен прежде всего ее критикой оппозиционных сил, чьи члены инициировали и проводили непопулярные социально-экономические реформы⁴⁴⁸. Так, согласно правительственному указу №20,

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2014 (Сборник статистики Монголии 2014). – Улаанбаатар, 2015. - X. 20.

⁴⁴⁸ Ginsburg T. Political Reform in Mongolia. Between Russia and China // Asian Survey. 1995. Vol.35. №5. – P. 486.

были отпущены цены на все товары народного потребления, что привело к резкому падению уровня жизни населения. К тому же, в результате неудачных валютных операций, проведенных Банком Монголии в 1991 г., валютные резервы страны потеряли свыше 30 млн. долл. Объем промышленного производства в первой половине 1992 г. упал на 23,7% по сравнению с аналогичным периодом 1991 г. Дефицит госбюджета составил 879,1 млн. тугриков⁴⁴⁹. Ответственность за подобные ошибки была возложена на представителей оппозиционных партий, принимавших активное участие в работе правительства.

В период правления правительства МНРП во главе с С. Жасраем (1992-1996 гг.) уровень и качество жизни населения продолжали быть на крайне низком уровне. Около 25% населения страны жили за чертой бедности, высоким был уровень безработицы (около 8%), росла преступность, другие социальные проблемы. К 1996 г. уровень бедности достиг 36%⁴⁵⁰. По результатам мониторинговых исследований, проведенных Институтом философии, социологии и права Академии наук Монголии в 1991–1994 гг., было выявлено, что 40–50% опрошенных практически постоянно давали все возрастающие негативные оценки своей жизнедеятельности и политической обстановке в стране⁴⁵¹. В результате оппозиционные силы, объединившиеся вокруг ДП и создавшие предвыборный блок «Демократический союз», обвинили во всех бедах МНРП, сумели взять убедительный реванш за поражение на выборах 1992 г. (50 из 76 мест⁴⁵²) и сформировали собственное правительство во главе с М. Энхсайханом.

Частая смена правительств, череда коррупционных скандалов вкупе с сохранением низкого уровня жизни населения⁴⁵³ привели к стремительному падению популярности ДП в период с 1996 по 2000 гг. и убедительной победе

⁴⁴⁹ Mongol Messenger. July 14. 1992.

⁴⁵⁰ Ginsburg T. Mongolia in 1996: fighting fire and ice // Asian Survey. 1997. Vol. 37. №1. - P. 63.

⁴⁵¹ Цит. по: Бадарев Д.Д. Влияние «турбулентности» на модернизационные процессы в монгольском обществе // Власть. 2015. №4. - С. 203.

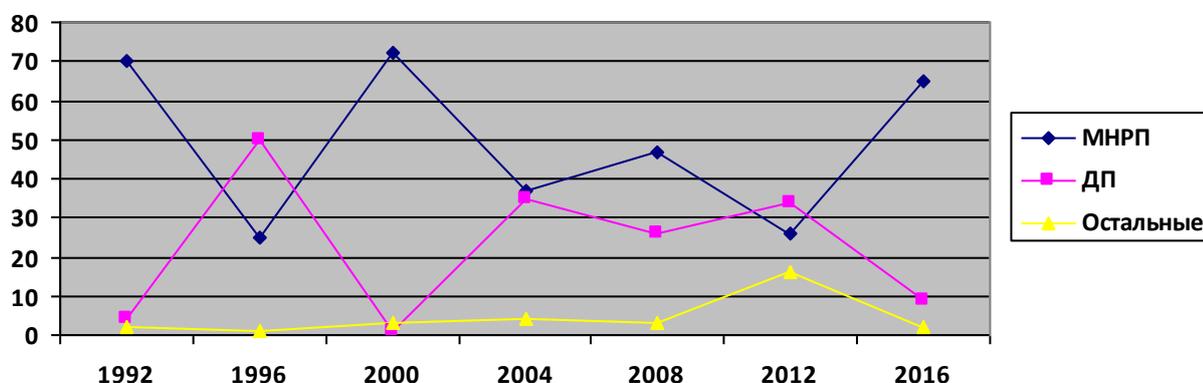
⁴⁵² Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2014. - X. 20.

⁴⁵³ Severinghaus S. Mongolia in 2000: The Pendulum Swings Again // Asian Survey. Vol. 41. № 1. 2001. - P. 62.

на новых парламентских выборах МНРП, занявшей 72 из 76 мест в ВГХ⁴⁵⁴. Нерешенность многих социальных проблем в первые годы XXI века правительством Н. Энхбаяра, составленным из членов МНРП, вылилось в новый успех ДП на выборах 2004 г. (35 из 76 мест)⁴⁵⁵, создавшей с рядом других партий предвыборный блок «Родина-Демократия». Так, согласно социологическим исследованиям фонда «Сант Марал», относительная неудача МНРП на выборах в парламент в 2004 г. была обусловлена настроениями разочарования большей части граждан правлением этой партии в период 2000-2004 гг⁴⁵⁶.

Подобная логика электорального процесса сохранилась и в последующие годы, что позволяет сравнить соперничество МНРП/МНП и ДП на парламентских выборах с маятником, раскачивающимся из стороны в сторону.

График 2. Соотношение мест политических партий в ВГХ по результатам парламентских выборов (1992-2016 гг.)

Источником противоречий в механизме взаимодействия законодательного и исполнительного органов власти является допускаемое конституцией совмещение одним человеком депутатских и министерских

⁴⁵⁴ Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2014. - X. 20.

⁴⁵⁵ Там же.

⁴⁵⁶ Sant Maral Foundation Politbarometr. November 2004 [Электронный ресурс] URL: <http://www.santmaral.mn/en> (дата посещения 31.01.2018)

должностей (статья 29, п.1)⁴⁵⁷. В монгольском политическом лексиконе такое совмещение получило наименование «двойная одежда» (монг. «давхар дээл»).

Изначально в тексте конституции подобная норма не была предусмотрена, хотя в ходе обсуждения проекта основного закона подобный вопрос имел место быть⁴⁵⁸. Во всеуслышание о необходимости совмещения депутатского и правительственного статусов заявил Ц. Элбэгдорж в 1998 г., на тот момент являвшийся одним из лидеров парламентского большинства. Это объяснялось тем, что сам Ц. Элбэгдорж претендовал на пост премьер-министра страны и стремился тем самым поставить под свой контроль парламент и правительство⁴⁵⁹. Данное предложение встретило сопротивление как со стороны действующего президента Н. Багабанди, так и конституционного суда, двумя годами ранее отменившего действие закона «О ВГХ», который допускал совмещение. В связи с этим члену ВГХ Р. Амаржаргалу в июле 1999 г. даже пришлось отказаться от статуса депутата парламента, чтобы стать премьер-министром. В конечном итоге в декабре 1999 г. большинство членов ВГХ сумело провести конституционную поправку, допускавшую совмещение статуса депутата и члена правительства (статья 29, п.1). Спустя год уже новый состав парламента повторно внес данную поправку, открывшую дорогу для совмещения⁴⁶⁰.

Однако в дальнейшем вопрос о «двойной одежде» неоднократно поднимался различными политиками. В январе 2007 г. вице-спикер ВГХ Д. Лундэнжанцан, выступая по случаю 15-летия принятия конституции, предложил внести поправки в закон «О ВГХ», сократив до 1/3 количество депутатов-членов правительства⁴⁶¹. Избранный в 2009 г. президентом Монголии Ц. Элбэгдорж неоднократно ратовал за запрет на «двойную

⁴⁵⁷ Конституция Монголии, 13 января 1992 года [Электронный ресурс] URL: <http://mongolnow.com/law1.html> (дата посещения 31.01.2018).

⁴⁵⁸ Sanders A. Mongolia's New Constitution. - P. 514.

⁴⁵⁹ Munkh-Erdene L. The transformation of Mongolia's political system: from semi-parliamentary to parliamentary? // Asian Survey. 2010. Vol.50. №2. - P. 318.

⁴⁶⁰ Severinghaus S. Указ. соч. - P. 65.

⁴⁶¹ Munkh-Erdene L. The transformation of Mongolia's. - P. 312.

одежду» для членов правительства Н. Алтанхуяга, вступая в конфликт с парламентом и премьер-министрами⁴⁶². В целом, основным лейтмотивом данных инициатив была апелляция к принципу разделения властей, который нарушался положением о совмещении должностей. Несмотря на все усилия, сторонники отмены совмещения не имели успеха, и на данный момент эта норма продолжает действовать. Так, в период с 2000 по 2016 гг. во всех правительствах подавляющее большинство министров были действующими членами парламента.

Как показал опыт последних двух десятилетий, право на совмещение должностей оказывает негативное влияние на систему государственного управления. Занимая депутатское и министерское кресла одновременно, влиятельные монгольские политики развязывают себе руки, становясь безответственными в своих действиях. Действующий депутат легко одобряет решения, принятые им же самим в статусе члена правительства. По сути, эта норма, нарушающая один из принципов демократического правления — разделение властей, ослабляет механизм контроля со стороны ВГХ за деятельностью правительства.

Кроме того, дискуссии по поводу «двойной одежды» ярко демонстрируют конъюнктурность инициатив, выдвигаемых монгольскими политиками. Ц. Элбэгдорж, ставший в свое время одним из инициаторов разрешения на «двойную одежду», спустя 15 лет уже в президентском статусе инициировал законопроект, запрещающий подобное совмещение⁴⁶³.

Фактором нестабильности и низкой эффективности работы государственных органов власти также является неэффективный конституционный механизм формирования состава правительства. В отличие от классических парламентских республик, вновь назначенный глава

⁴⁶² Ц.Элбэгдорж: Я не поддерживаю ни одну фракцию Демпартии по вопросу о «двойной одежке» // Монголия сегодня, 11.04.2014; ВГХ не поддержал законопроект Президента [Электронный ресурс] URL: <http://news.mongolnow.com/?p=3146> (дата посещения 31.01.2018)

⁴⁶³ Ц. Элбэгдорж: Мөнхийн албан тушаалтан гэж байхгүй. Мөнхийн нөхөрлөл гэж байдаг юм шүү (Ц. Элбэгдорж: Не бывает вечных чиновников. Бывает вечная дружба) [Электронный ресурс] URL: <http://www.ikon.mn/n/ay1> (дата посещения 31.01.2018)

правительства не имеет возможности самостоятельно формировать состав своего кабинета. Данная прерогатива также принадлежит парламенту, а точнее, политическим партиям, получившим большинство по результатам выборов (статья 39, п.3)⁴⁶⁴.

Такой механизм значительно снижает возможности премьер-министра эффективно направлять и контролировать деятельность министров своего правительства. Нередки случаи, когда отдельные члены правительства своими высказываниями и даже действиями открыто противоречат позициям премьер-министра. Красноречивым примером подобной ситуации стал конфликт, возникший в 2014 г. между премьер-министром Н. Алтанхуягом и министром промышленности и сельского хозяйства Х. Баттулгой по вопросу о приоритетах в области железнодорожной политики⁴⁶⁵. Позже, уже в период правительства Ч. Сайханбилэга произошла словесная перепалка между премьер-министром и главой министерства юстиции Д. Дорлигжавом по поводу отставки начальника Главного полицейского управления Р. Чингиса⁴⁶⁶.

Более того, назначение заместителей министров также является результатом договоренностей между членами парламента, а не кадровой политики глав ведомств. В октябре 2014 г. министр здравоохранения Н. Удвал выступила с публичной критикой в адрес своего заместителя, обвинив того в нецелесообразной закупке из-за границы препарата от гепатита С⁴⁶⁷. Самое интересное, что за этой критикой так и не последовало освобождение замминистра от занимаемой должности, т.к. его назначение ранее было согласовано с парламентской фракцией.

Фактически полномочия исполнительной власти расплываются между правительством и парламентом. Это снижает эффективность государственной

⁴⁶⁴ Конституция Монголии, 13 января 1992 года // <http://mongolnow.com/law1.html> (дата посещения 31.01.2018).

⁴⁶⁵ Монгольские сайты напечатали открытое письмо члена ВГХ, экс-министра Х. Баттулги премьер-министру Н. Алтанхуягу [Электронный ресурс] URL: <http://news.mongolnow.com/?p=3532> (дата посещения 31.01.2018).

⁴⁶⁶ Перепалка между Премьером Ч.Сайханбилэгом и министром юстиции Д.Дорлигжавом [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/25_04_003.html (дата посещения 31.01.2018)

⁴⁶⁷ Министр здоровья Н.Удвал выступила с обвинением против своего заместителя [Электронный ресурс] URL: <http://news.mongolnow.com/?p=4468> (дата посещения 31.01.2018)

политики и сводит деятельность высших органов власти страны к совокупности волюнтаристских решений. Подобную проблему образно описал один из лидеров ДП и депутат ВГХ Р. Амаржаргал: «Те, которые наверху, не могут разобраться в своих должностях и положении, влияя этим на тех, кто внизу... В реальности происходит так, что органы верховной власти тормозят друг друга⁴⁶⁸.

Одним из ключевых следствий всех выше перечисленных институциональных противоречий и конфликтов можно признать крайне низкий уровень стабильности исполнительного органа власти. За последние 25 лет (начиная с 1992 г.) монгольское правительство возглавляли 16 премьер-министров (включая назначенного на этот пост в октябре 2017 г. У. Хурэлсуха). Из них только 2 главы правительства (П. Жасрай и Н. Энхбаяр) проработали полный срок своих полномочий, т.е. по 4 года. Остальные премьер-министры покидали свои посты досрочно, как правило, из-за межпартийных и внутрипартийных противоречий. В результате, средний срок работы премьер-министра в Монголии составляет менее 2 лет.

4.2. Роль института президентства в политическом процессе Монголии

Принятая в 1992 г. конституция, обозначив ВГХ высшим органом власти, в то же время, содержала в себе положения, не позволяющие назвать Монголию классической парламентской республикой. В первую очередь, таким положением было то, что президент Монголии избирается не членами парламента (что характерно для классических парламентских республик), а путем прямых всенародных выборов. Данное положение также вписывалось в логику исследований западных экспертов в области транзитологии. По мнению Ж. Блонделя, «система двойного лидерства может обеспечить сочетание автономии и гибкости и создать условия для стабильного

⁴⁶⁸ Беседа с членом Великого Государственного Хурала от Демократической партии Р.Амаржаргалом [Электронный ресурс] URL: <http://www.mongolnow.com/Amargargal.html> (дата посещения 31.01.2018)

либерального режима»⁴⁶⁹. Уже после принятия конституции Монголии благоприятное влияние ее дизайна на демократизацию признал С. Фиш. На страницах своей статьи, опубликованной в «Журнале демократии» в 1998 г., он, позитивно оценивая «транзит» Монголии, в качестве одной из причин этого назвал «выбор в пользу полупрезидентской системы»⁴⁷⁰.

Стоит отметить, что становление института президентской власти в Монголии началось в 1990 г., т.е. в самый разгар общественно-политической трансформации. Вновь избранный летом 1990 г. парламент принял поправки к действующей конституции, введя новый для Монголии институт президентства. 3 сентября 1990 г. на заседании Великого народного хурала президентом МНР был избран П. Очирбат. Президент провозглашался главой государства и символом независимости МНР и единства монгольского народа. При этом в руках ВНХ оставалась львиная доля властных полномочий, а сам президент избирался из числа членов парламента и был подотчетен этому органу⁴⁷¹.

Введение поста президента отчасти было веянием политической моды той эпохи. Традиционный союзник МНР и ее главный экономический партнер – СССР, незадолго до событий в Монголии решением Съезда народных депутатов также ввел пост президента (15 марта 1990 г.). Президентские посты были учреждены в таких социалистических странах Восточной Европы как Польша (1989 г.) и Венгрия (1990 г.).

В то же время в подобной реформе четко просматривалась логика внутривластного развития страны. Образование президентской должности было призвано децентрализовать систему государственного управления МНР, существовавшую со времен Ю. Цэдэнбала. Избранному президентом МНР П. Очирбату переходили функции Президиума ВНХ – органа, традиционно возглавляемого генеральным секретарем ЦК МНРП. Тем

⁴⁶⁹ *Blondel J.* Dual leadership in the contemporary world // *Parliamentary versus presidential government* / A. Lijphart (ed). – Oxford: Oxford University Press, 1992. - P. 172.

⁴⁷⁰ *Fish S.* Mongolia: democracy without prerequisites. - P. 132.

⁴⁷¹ Конституции Монголии и поправки к ним (1924-1992). - Улаанбаатар, 1998. - С. 119.

самым фигура президента, объявленного главой государства, должна была отодвинуть на второй план фигуру генсека ЦК МНРП как негласного лидера государства.

Согласно принятой в 1992 г. конституции, подчиненность президента парламенту сохранилась и стала определяться такими нормами как эксклюзивное право парламентских партийных групп выдвигать кандидатуру президента (статья 31, п.2), право подтверждать или отклонять результаты президентских выборов (статья 31, п.4), право выражения вотума недоверия президенту (статья 35, п.2)⁴⁷².

Однако, несмотря на указанные нормы, конституция наделяла президента рядом важных полномочий, предающих ему определенный политический вес. Так, основной закон страны предоставлял президенту право принимать участие в обсуждении и выдвижении кандидатуры на пост премьер-министра (статья 33, п.2). При этом конституция никак не уточняла порядок обсуждения этой кандидатуры. В частности, не было определено, за каким институтом остается последнее слово в решении данного вопроса. Кроме того, премьер-министр был обязан получить одобрение президента по поводу структуры и состава правительства перед тем, как направить соответствующие предложения для согласования с ВГХ (статья 39, п.2). В данном случае также было не ясно, кто в итоге принимает окончательное решение. Как следствие, данные нормы содержали в себе потенциал для конфликта между ВГХ и президентом по вопросу о назначении главы правительства.

Ярким проявлением противостояния президента и парламента по вопросу о назначении премьер-министра стали события 1998 г. Кандидатура Д. Ганболда, выдвигаемая на пост главы правительства парламентским большинством, 7 раз была отклонена действующим на тот момент президентом Н. Багабанди. Более того, каждая кандидатура на посты глав

⁴⁷² Конституция Монголии, принята 13 января 1992 г. [Электронный ресурс] URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33 (дата посещения 31.01.2018)

министерств также должны была получить одобрение президента⁴⁷³. Все это по существу парализовало работу исполнительного органа власти, что в условиях социально-экономической и политической трансформации крайне негативно сказывалось на стране. По существу, данная ситуация в большей степени говорила в пользу того, что Монголия фактически полупрезидентская, нежели парламентская республика.

С целью разрешить данные правовые коллизии депутаты ВГХ выступали с различными предложениями по уточнению процедуры обсуждения и назначения премьер-министра и правительства. В частности, поступали предложения признать за парламентским большинством право выдвижения кандидатуры и назначения премьер-министра⁴⁷⁴. Некоторые депутаты шли дальше, высказываясь за отставку президента, в случае если тот трижды не поддержит выдвинутую ВГХ кандидатуру премьер-министра⁴⁷⁵. Однако, несмотря на это, несколько лет данный вопрос оставался открытым. Только в декабре 1999 г. после нескольких раундов межпартийных переговоров было достигнуто соглашение по поводу внесения конституционных поправок, касающихся полномочий парламента в отношении назначения премьер-министра и его кабинета. 24 декабря 1999 г. парламент большинством голосов (58 из 61 присутствовавших) внес поправки в конституцию. Среди прочих была поправка, согласно которой отменялось право президента отклонять кандидатуру главы правительства. Вместо этого новая редакция основного закона обязывала главу государства назначить кандидатуру на пост премьер-министра, номинированную парламентским большинством, в течение 5 рабочих дней (статья 33, п.2)⁴⁷⁶. Другая поправка давала право премьер-министру без согласия со стороны президента представить ВГХ проект состава и структуры будущего правительства (статья

⁴⁷³ *Munkh-Erdene L.* The transformation of Mongolia's. - P. 318.

⁴⁷⁴ Ардын эрх. №193. 18.08.1998.

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ Конституция Монголии, принята 13 января 1992 г. [Электронный ресурс] URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33 (дата посещения 31.01.2018)

39, п.2)⁴⁷⁷. Начиная с июля 2000 г., т.е. после проведения очередных выборов в ВГХ, новый премьер-министр Н. Энхбаяр был выдвинут и утвержден уже парламентским большинством, но не президентом. В течение 2000 г. президент и конституционный суд страны безуспешно предпринимали попытки оспорить данные поправки, которые были подтверждены новым голосованием ВГХ в декабре 2000 г.⁴⁷⁸. Таким образом, в результате данных поправок именно парламент страны получил эксклюзивное право, без вмешательства со стороны главы государства, решать судьбу правительства. После этого, по мнению ряда политологов, политическая система Монголии окончательно стала характеризоваться как парламентская республика⁴⁷⁹. Иные авторы по-прежнему склонны причислять Монголию к полупрезидентским республикам⁴⁸⁰.

Даже спустя полтора десятилетия после принятия поправок их критика не утихает. По словам П. Цагаана, главы администрации президента Ц. Элбэгдоржа, «7 «плохих» дополнений ухудшили конституцию, ограничили первоначальные полномочия президента при формировании правительства⁴⁸¹. Также стоит отметить, что даже после конституционных поправок 1999-2000 гг. проблема распределения властных полномочий между парламентом, президентом и премьер-министром страны осталась одним из самых главных и конфликтогенных вопросов конституционного дизайна.

Во-первых, основной закон оставляет за президентом возможность оказывать существенное влияние как на парламент, так и на правительство. Во-вторых, конституция страны после внесенных в нее поправок, допускает совмещение одним лицом должности депутата парламента и члена правительства. В-третьих, конституция уполномочивает ВГХ назначать каждого члена правительства в отдельном порядке.

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ *Severinghaus S.* Mongolia in 2000: the pendulum swings again // *Asian Survey*. 2001. Vol.41. №1. - P. 61-70.

⁴⁷⁹ *Дагбаев Э.* Указ. соч. - С. 242; *Munkh-Erdene L.* The transformation of Mongolia's political system. - P. 334.

⁴⁸⁰ *Semi-Presidentialism Outside Europe: A Comparative Study.* (Routledge Research in Comparative Politics) / Eds.: R. Elgie, S. Moestrup. - London, New York, 2007. - P. 8.

⁴⁸¹ Интервью с руководителем Администрации Президента Монголии П.Цагааном [Электронный ресурс] URL: <http://mongolnow.com/Tsagaan.html> (дата посещения 31.01.2018)

Монгольский президент обладает правом вето в отношении законов и иных решений ВГХ. При этом преодолеть вето можно только двумя третями от всех членов парламента (статья 33, п.1)⁴⁸². Ситуация, при которой у какой-либо партии или парламентской группы в ВГХ отсутствует искомые две трети голосов, делает проблематичным преодоление президентского вето. Президент уполномочен выносить на парламентское обсуждение любой вопрос, касающийся внутренней и внешней политики (статья 33, п.3)⁴⁸³. В том случае, если парламент не сможет в течение 45 дней после выдвижения кандидатуры назначить премьер-министра, президент вправе распустить парламент (статья 22, п.2)⁴⁸⁴.

Президент может давать указания главе правительства по вопросам, касающимся национальной безопасности, внешней политики, национального единства и других сфер, а также может требовать от премьер-министра отчет о выполнении своих указаний (статья 33, п. 1)⁴⁸⁵. Если президент оценивает деятельность кабинета министров как противоречащую решениям парламента и/или своим указаниям, то он вправе выразить недоверие правительству.

Прерогатива президента назначать судей, включая членов Конституционного суда (статья 51, п.2), также увеличивает его политический вес. Именно фигура президента зачастую стоит за решениями по наиболее значимым вопросам, принимаемыми различными судебными инстанциями. Например, в споре о полномочиях главы государства назначать премьер-министра Конституционный суд всегда был на стороне президента.

Помимо прочего, президент является главнокомандующим вооруженными силами страны (статья 33, п.2), уполномочен назначать генерального прокурора (статья 56, п.2), вводить чрезвычайное положение (статья 33, п.1)⁴⁸⁶. Кроме указанных полномочий, президент возглавляет Совет

⁴⁸² Конституция Монголии, принята 13 января 1992 г. [Электронный ресурс] URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33 (дата посещения 31.01.2018)

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ Там же.

⁴⁸⁶ Там же.

национальной безопасности (СНБ) (статья 33, п.1)⁴⁸⁷, орган, полномочия которого выглядят крайне неопределенными и никак не расписаны в основном законе страны. Поэтому в зависимости от текущей политической ситуации и личного влияния президента СНБ может играть важную роль в политическом процессе Монголии. Так, решением СНБ под председательством президента Ц. Элбэгдоржа в 2011 г. было заблокировано ранее принятое постановление правительства С. Батболда о передаче права на разработку крупного угольного месторождения Таван Толгой российской, китайской и американской компаниям⁴⁸⁸. В подчинении президента находится канцелярия СНБ и входящие в его структуру исследовательские институты и центры, через которые осуществляется контроль за выполнением правительством и ВГХ решений Совета.

Данные полномочия президента позволили ряду авторов даже после поправок 1999-2000 гг. назвать политическую систему Монголии «полупрезидентской»⁴⁸⁹, «двуглавой»⁴⁹⁰, «двусмысленной»⁴⁹¹, «мягким парламентаризмом»⁴⁹². Авторы коллективной монографии, посвященной полупрезидентским республикам вне Европы, определяют полупрезидентскую форму, указывая на наличие двух условий: институт всенародно избираемого президента и подотчетное парламенту правительство во главе с премьер-министром⁴⁹³. По выражению немецкого политолога Д. Диркиса, «монгольский президент имеет меньше властных полномочий, нежели президенты США или Франции, но более властен в сравнении с президентом Германии или генерал-губернатором Канады»... Это делает

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ National Security Council rejects Government's draft proposal on Tavantolgoi IA [Электронный ресурс] URL: <http://www.business-mongolia.com/mongolia/2011/09/15/national-security-council-rejects-governments-draft-proposal-on-tavantolgoi-ia/> (дата посещения 31.01.2018).

⁴⁸⁹ Fish S. The Inner Asian anomaly. - P. 331.

⁴⁹⁰ Елогов Н. Тихоокеанская Азия: перспективы трансформаций политических систем // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №6. - С. 77.

⁴⁹¹ Chuluunbaatar G. Указ. соч. - P. 9.

⁴⁹² Кынев А.В. Указ. соч. - С. 131.

⁴⁹³ Semi-Presidentialism Outside Europe: A Comparative Study. (Routledge Research in Comparative Politics) / Eds.: R. Elgie, R. Elgie, S. Moestrup. - London, New York, 2007. - P. 2.

монгольскую политическую систему более схожей с гибридными системами Центральной и Восточной Европы, а также странами Балтии»⁴⁹⁴.

Как следствие из описанной выше двусмысленности президентской власти, с началом политического процесса в рамках новой конституционной системы между президентом и парламентом периодически стали возникать конфликтные ситуации. Выше уже был описан механизм конфликтных отношений между президентом и парламентом по вопросу о назначении правительства. Кроме того, имели место и иные резонансные конфликты. Так, первый президент Монголии П. Очирбат в 1993 г. вступил в конфликт с ВГХ по поводу содержания закона «Об отношениях государства и религии»⁴⁹⁵. Позже между ним и парламентом имели место противоречия по поводу закона «О налогообложении»⁴⁹⁶. Четвертый президент Монголии Ц. Элбэгдорж неоднократно подвергал критике деятельность ВГХ и коалиционного правительства С. Батболда, обвиняя их в низкой эффективности решения таких важных проблем как разработка крупных месторождений полезных ископаемых, экологическая обстановка, широкие масштабы коррупции, бедность⁴⁹⁷.

В целом, роль института президента в Монголии зачастую оказывается гораздо более весомой, чем формально предусмотрено законом. Во-первых, влияние президента во многом зависит от личного авторитета человека, его харизмы. Во-вторых, роль всенародно избранного президента тем выше, чем слабее и разобщенней парламент и чем неустойчивее сформированное этим парламентом правительство. В-третьих, влияние президента существенно усиливается, если он одновременно связан с партией, имеющей парламентское большинство. Здесь нужно отметить, что Закон «О соответствии занимаемой

⁴⁹⁴ The Mongolian Presidency [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2013/mongolian-presidency/> (дата посещения 31.01.2018)

⁴⁹⁵ *Severinghaus S.* Mongolia in 1994: strengthening democracy // *Asian Survey*. 1995. Vol.35. №1. - P. 71.

⁴⁹⁶ *Ginsburg T.* Mongolia in 1996: Fighting fire and ice // *Asian Survey*. 1997. Vol.37. №1. - P. 61.

⁴⁹⁷ Речь Президента Ц.Элбэгдоржа на торжественной сессии ВГХ, посвященной 20-летию созданию первого постоянно действующего демократического парламента Монголии. Монцамэ. 20.10.2010.; President says Human Development Fund allowance should stop [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/81982.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

должности и членстве в партии» требует от вновь избранного президента выхода из политической партии (статья 1, п.1)⁴⁹⁸, делая тем самым его формально нейтральной фигурой. Однако эксклюзивное право парламентских политических партий выдвигать кандидатов в президенты заставляет действующего главу государства выстраивать доверительные отношения с той или иной парламентской партией.

Реальный политический вес президента во многом зависит от конкретной личности, его способности влиять на ситуацию. Особенно это важно в условиях монгольской политической культуры, в рамках которой роль личности значительно превышает фактор идеологической составляющей программы партий и их кандидатов. Начиная с 1992 г., кандидат в президенты, выдвинутый правящей партией, четырежды проигрывал выборы. В 1993 г. П. Очирбат, кандидат от нескольких оппозиционных партий, уверенно победил Л. Тудэва, кандидата от победившей на парламентских выборах 1992 г. МНРП. 4 года спустя уже кандидат от находившейся на тот момент в оппозиции МНРП Н. Багабанди также безоговорочно выиграл у кандидата от правящей демократической коалиции П. Очирбата. Президентская кампания 2009 г. стала триумфом для Ц. Элбэгдоржа, поддержанного оппозиционной ДП. Наконец, избранный президентом Монголии летом 2017 г. кандидат от ДП Х. Баттулга сумел одержать победу над М. Энхболдом, кандидатом от правящей МНРП/МНП.

Президентские выборы по накалу борьбы практически не отличаются от выборов в парламент страны, а явка на них мало чем уступает явке на выборах депутатов ВГХ, хотя тоже имеет тенденцию к снижению.

⁴⁹⁸ Намын гишүүнээс түдгэлзвэл зохих албан тушаалын тухай хууль (Закон «О соответствии занимаемой должности и членстве в партии») [Электронный ресурс] URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/619> (дата посещения 31.01.2018)

Таблица 7. Явка избирателей (%)⁴⁹⁹

Годы	Выборы ВГХ	Выборы президента
1992/1993	95.6	92.7
1996/1997	92.1	85.1
2000/2001	82.4	82.9
2004/2005	81.8	75.0
2008/2009	76.5	73.6
2012/2013	67.3	66.5
2016/2017	72.1	66.5

Несмотря на относительно узкий круг полномочий в сфере внутренней политики, в глазах общественности фигура президента зачастую выступает в роли надежды на решение ключевых задач страны – снижения уровня бедности и безработицы, борьбы с коррупцией, обеспечения социальной справедливости. Неслучаен тот факт, что в избирательных программах кандидатов в президенты Монголии львиную долю пунктов составляют задачи исключительно внутреннего для страны характера. Например, в избирательной программе победившего на выборах 2017 г. Х. Баттулги 4 из 5 частей описывали круг вопросов социально-экономического характера⁵⁰⁰.

Особенно выигрышно смотрится фигура президента на фоне частых парламентских кризисов, коррупционных скандалов, низкой эффективности правительственных реформ (в том числе в деле снижения бедности, борьбы с коррупцией и развития ведущей для экономики страны горнорудной отрасли). В этих условиях имидж президента остается относительно высоким и позитивным, а сам глава государства для многих предстает в качестве главной надежды в деле решения наболевших проблем. Показательным является высказывание редактора одного из ведущих монгольских экономических

⁴⁹⁹ Сост. по: Монголын улсын статистикийн эмхэтгэл 2014. (Статистический сборник Монголии 2014 г.). – Улаанбаатар, 2015. - X. 19-21.

⁵⁰⁰ Ардчилсан Намаас нэр дэвшигч Х.Баттулгын мөрийн хөтөлбөр (Программа кандидата от Демократической партии Х. Баттулги) [Электронный ресурс] URL: <http://gec.gov.mn/details/2137> (дата посещения 31.01.2018)

журналов «The Mongolian Mining Journal»: «Нам не хватает лидера, который бы смело заявил о политическом решении монгольской стороны... В период сумасшествия, когда приближаются политические выборы и кандидаты могут выдвигать свои мудрые варианты решения в горнорудной отрасли, очень важно, чтобы Президент Монголии взял себя в руки и провел «уверенную защиту» национальных интересов страны... Огромную роль в деле выбора иностранного инвестора для экономической эксплуатации Таван Толгой⁵⁰¹ с монгольской стороны сыграет авторитетный, влиятельный, независимый и сильный лидер⁵⁰².

Подобная ситуация способствует тому, что значительная часть общества, включая экспертное сообщество, не против введения президентского правления, взамен существующего парламентского. Например, в 2005 г. инициативная группа, включавшая высокопоставленных политиков и деятелей науки и культуры, подготовила проект внесения поправок в конституцию, согласно которым страна должна была стать президентской республикой⁵⁰³. Э.Д. Дагбаев, со ссылкой на ряд монгольских политологов, пишет, что «дальнейшая логика совершенствования политико-институциональной системы видится в постепенном укреплении именно института президента, в тренде в сторону создания президентской республики»⁵⁰⁴. По свидетельству П. Саблофф, многие монголы воспринимают президентскую форму правления в качестве политической системы с сильным лидером, наподобие Чингисхана. Сама же исследователь склонна объяснять данные настроения влиянием социалистического прошлого⁵⁰⁵. По мнению Д. Диркеса, «на данный момент в монгольском обществе не существует реальных аргументов в пользу «сильной руки», т.е.

⁵⁰¹ Крупнейшее в Монголии месторождение угля на юге страны.

⁵⁰² *Болормаа Л.* Баруун Цанхийн хэлэлцээрийн явц // The Mongolian Mining Journal. 2012. №2. - P. 3.

⁵⁰³ *Курас Л.В.* Монголия в начале XXI века: гримасы демократии // Гуманитарный вектор. 2014. №4 (40). - С. 128.

⁵⁰⁴ *Дагбаев Э.Д.* Указ. соч. - С.273.

⁵⁰⁵ *Sabloff P.* Science in a Complex World: What is 'democracy,' and does everybody want it? // The New Mexican Posted: Sunday, June 2, 2013.

великодушной авторитарной фигуры. Но вероятно, что условия для подобных аргументов созревают»⁵⁰⁶.

По итогам ряда социологических исследований, проведенных фондом «Сант Марал» в разные годы, были получены следующие цифры.

Таблица 8. Какая форма государственного устройства наиболее приемлема для Монголии? (%)⁵⁰⁷

Годы	Парламентская	Президентская	Смешанная	Не знаю
2009	16.8	35.7	34.3	13.3
2010	15.3	40.3	35.2	9.2
2011	12.2	36.3	36.7	14.9
2013	14.7	39.6	32.1	13.6
2014	15.2	39.3	32.7	12.8
2015	18.6	51.0	21.6	8.8
2016	16.9	50.0	22.5	10.7
2017	14.8	48.0	25.3	11.9

Другое социологическое исследование, проведенное в 2013 г. сотрудниками Института философии, социологии и права Академии наук Монголии, также показало, что из всех высших политических институтов страны граждане выше всего оценивают работу президента – 53,4%, опередившего ВГХ - 46% и правительство – 34,1%⁵⁰⁸.

Однако, приведенные цифры свидетельствуют и о том, что противников у президентского правления также не мало, а сам институт президента нельзя назвать самым популярным. Для противников президентской власти сохранение парламентской формы правления видится фактором продолжения демократического развития страны. Сотрудник Института стратегических

⁵⁰⁶ Feeling (Politically) Pessimistic for Coming Year [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2015/pessimistic-sheep/> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁰⁷ «Сант Марал» фонд [Электронный ресурс] URL: <http://www.santmaral.mn/en/publications> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁰⁸ Нийгмийн өөрчлөлт Монголт (Общественные перемены в Монголии). – Улаанбаатар: Институт философии, социологии и права АН Монголии, 2013. - X. 24.

исследований Монголии С. Жаргалсайхан называет парламентскую систему «фильтром» против концентрации влияния в руках одного человека – премьер-министра или президента⁵⁰⁹.

Парламентская республика важна и с точки зрения самопрезентации Монголии на международной арене. Например, ряду монгольских экспертов национальный парламентаризм видится более выигрышным в сравнении с авторитарными республиками постсоветской Средней Азии с их президентскими формами правления⁵¹⁰. Соответственно, отход от этой формы может означать отход от демократии как таковой. В этом свете характерны слова Д. Баттулги, главы администрации президента Ц. Элбэгдоржа, произнесенные им по поводу конституционных изменений в Киргизии в 2010 г. «Соседями Киргизии являются крупные державы, поэтому киргизы сочли нужным перейти на парламентскую власть. Впервые они выдвинули предложение, что нужно последовать примеру Монголии... Таким образом, в истории Средней Азии Киргизия первой стала страной с парламентской властью. Впервые в Киргизии политические полномочия передали мирным путем. Это действительно крупное демократическое событие в Средней Азии»⁵¹¹.

Нередко одни и те же задачи государства в устах сторонников и противников президентского правления звучат диаметрально противоположно. Так, сторонники сохранения парламентской формы правления считают, что парламент сложнее поддается внешним манипуляциям и в большей степени гарантирует независимость страны. Например, глава президентской администрации Д. Баттулга в одном из интервью высказался следующим образом: «Парламентский строй – это один

⁵⁰⁹ Цит. по: *Марат Э.* Демократия: почему у Монголии получилось // Радио «Голос Америки», 17 октября 2011 [Электронный ресурс] URL: <http://www.voanews.com/russian/news/Mongolia-democracy-2011-10-17-131993988.html> (дата посещения 31.01.2018)

⁵¹⁰ *Цэрэндорж Т.* Монгольский мастер-класс партстроительства // Эксперт-онлайн [Электронный ресурс] URL: http://expert.ru/ratings/table_58251/ (дата посещения 31.01.2018); *Jargalsaikhan D.* Democracy and dictatorship // Ulaanbaatar Post. August 20, 2010 [Электронный ресурс] URL: http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=5210&Itemid=41 (дата посещения 31.01.2018)

⁵¹¹ Киргизия решила последовать примеру Монголии // Монголия сегодня, 18.12.2011.

из важнейших инструментов сохранения независимости Монголии! Ведь один человек может стать диктатором (об этом говорят, например, примеры Киргизии), его могут «купить», а весь Великий Народный Хурал «купить» невозможно!». Всегда найдутся те, кто проголосует в интересах народа, в интересах тех, кто их избирал. Даже если «за» какое-то антинародное решение проголосует 75 депутатов, то 76-й будет голосовать «против»⁵¹².

По-иному звучат слова одного из лидеров МНРП/МНП С. Баяра, который будучи главой администрации президента Н. Багабанди в начале 1998 г., утверждал, что «в условиях незрелости общества, нам необходима личность, которая способна изменить ситуацию... Запад не захочет и не сможет помочь Монголии в случае, если ее интересы будут подвергаться давлению со стороны Китая или России... поэтому только государственная структура, а не нынешняя разобщенность, способна объединить и спасти нашу страну»⁵¹³.

В дискуссиях по поводу президентской формы правления нельзя зафиксировать связь между партийной принадлежностью и позицией того или иного участника этих дискуссий. Причисление сторонников президентского правления к МНРП/МНП, а его противников к ДП было бы упрощением. Например, четвертый монгольский президент Ц. Элбэгдорж (2009-2017 гг.) выдвинутый в свое время от ДП, комментируя кандидатуры на министерские посты в правительство, высказался за свое активное вовлечение в процесс формирования правительства, не желая довольствоваться решениями партии и парламента⁵¹⁴. Экс-премьер-министр и один из ветеранов демократического движения М. Энхсайхан в марте 2016 г. в рамках конференции, посвященной

⁵¹² Монголия парламентская республика и такой останется! // Россия и Монголия, 14 ноября 2010 года [Электронный ресурс] URL: http://rusmongol.blogspot.com/2010/11/blog-post_14.html (дата посещения 31.01.2018)

⁵¹³ Цит. по: *Fish S. The Inner Asian anomaly.* - P. 337.

⁵¹⁴ Ц. Элбэгдорж: «Сначала в ВГХ необходимо обсудить вопрос освобождения с должностей 6 министров» // Монголия сегодня, 22.01.2012.

возможной реформе конституции, высказался за создание сильной президентской власти⁵¹⁵.

С другой стороны, члены МНРП/МНП также избирательно подходят к этому вопросу. В полемике со своими политическими конкурентами члены этой партии апеллируют к ценностям парламентской демократии. Один из лидеров МНРП/МНП Ц. Нямдорж в апреле 2007 г. в споре с оппонентами воскликнул, что «он готов отстаивать парламентскую демократию до конца своих дней»⁵¹⁶. 20 августа 2012 г. члены фракции МНРП/МНП в ВГХ выступили с обращением к президенту и монгольскому народу, в котором обвинили спикера ВГХ и члена ДП З. Энхболда в «нарушении принципов парламентской демократии и культуры»⁵¹⁷.

Несмотря на ряд указанных выше факторов, неизменно актуализирующих вопрос о президентской форме правления, существуют и серьезные препятствия для проведения в жизнь подобной конституционной реформы. Во-первых, стоит отметить, что идея введения президентской формы правления имеет «сезонный» характер и, как правило, актуализируется в ситуациях парламентарно-правительственных кризисов. По мере стабилизации внутривластной обстановки, идет на убыль и активность сторонников сильной президентской власти. Иными словами, дискуссии сторонников и противников введения президентской формы правления, как показывает практика двух последних десятилетий, носят тактический характер и зависят от вполне утилитарных текущих задач участников политического процесса.

Во-вторых, значительным препятствием для введения президентского правления в Монголии является «жесткий» характер действующей конституции, предусматривающий особый, усложненный порядок внесения дополнений и изменений. Так, конституционные поправки принимаются не

⁵¹⁵ М. Энхсайхан: УИХ-д өөрийгөө сойж буй эрхэмүүдийн мэдлэгийн санд-2 [Электронный ресурс] URL: <http://sonin.mn/news/politics-economy/35566> (дата посещения 31.01.2018)

⁵¹⁶ Зууны Мэдээ. №3. 06.04.2007.

⁵¹⁷ Члены МНП в ВГХ выступили с заявлением // Монголия сегодня, 21.08.2012

менее тремя четвертями голосов от всех членов ВГХ (статья 69, п.2). Учитывая, отсутствие широкого консенсуса по вопросу о введении президентского правления среди членов парламента, данная реформа видится проблематичной.

Также не исключено, что ряд государств, организаций и экспертное сообщество Запада, считающие существующую политическую систему «залогом демократии в Монголии», могут неоднозначно (а скорее всего, негативно) отреагировать на подобные изменения в системы управления страной. Понимание возможных негативных последствий от этой реакции сдерживает политические круги Монголии от радикальных шагов в этом направлении⁵¹⁸.

Проведенное исследование в 4 главе позволяет сделать следующие выводы.

1. Монголия начала 1990-х гг., следуя логике постсоциалистической трансформации, как и большинство восточноевропейских стран, сделала выбор в пользу парламентской формы правления. Данный выбор был обусловлен общими для всех постсоциалистических стран мотивами, связанными со стремлением углубить демократизацию политической системы посредством децентрализации системы управления. По замыслу авторов парламентская республика должна была стать гарантией от скатывания страны к новому авторитаризму. Кроме того, большую роль при выборе парламентской формы сыграл внешнеполитический аспект. Ориентирование на западную модель демократии обусловило значительное влияние американских и европейских экспертов на процесс создания основных политических институтов. Секьюритистский дискурс, выраженный в стремлении избежать односторонней зависимости от какой-либо державы (прежде всего, России или Китая), также определил установление парламентской республики.

⁵¹⁸ Более подробно об этом смотрите в параграфе 6.2 настоящей диссертации.

2. Несмотря на наличие электоральной конкуренции, реальные шансы занять места в парламенте имеют только две политические партии – МНРП/МНП и ДП. К основной причине подобной ситуации следует отнести наличие мажоритарной избирательной системы. Это, в свою очередь, привело к эффекту картелизации, при которой две партии кулуарно решают ключевые общественные проблемы, игнорируя мнение иных политических сил. Следствием картелизации стало снижение доверия граждан Монголии к парламентским выборам как легальной процедуре волеизъявления, а также самому парламенту и политическим партиям как институтам, способным решить актуальные проблемы страны.

3. Стремясь решить задачу демократизации политической системы, монгольские политические элиты сформировали конституционный дизайн, для которого характерно отсутствие сбалансированных отношений между основными институтами власти и нарушение принципа разделения властей. Данное обстоятельство определило постоянно возникающие конфликты между парламентом, правительством и президентом по поводу властных полномочий. Это породило комплекс проблем, значительно снижающих эффективность системы государственного управления.

4. Основными следствиями низкой эффективности деятельности парламента и формируемого им правительства является снижение общественного доверия к данным институтам и популяризация идеи введения президентского правления путем наделения главы государства функцией формирования правительства. Именно с фигурой президента как национального лидера связываются основные надежды монгольской общественности. Однако, несмотря на высокий уровень общественной поддержки президентской формы правления, реформа конституционного устройства Монголии проблематична в силу таких причин как сложность процедуры внесения изменений в основной закон, оппозиция со стороны парламентских партий, возможная негативная реакция западного сообщества.

Глава 5. Неформальные институты в политическом процессе Монголии

5.1. Внутрипартийные группы как субъекты монгольского политического процесса

Политический процесс в современном мире не может быть объяснен исключительно функционированием формальных институтов. Согласно широко распространенному в научном сообществе неинституционалистскому подходу, объектами для исследования наряду с формальными, должны быть неформальные институты⁵¹⁹. Согласно позиции классика неинституционализма Д. Норта, «эффективность формально закрепленной нормы зависит от того, насколько данная норма отвечает требованиям общества»⁵²⁰. Иными словами, если существующие формальные институты не обеспечивают эффективность функционирования политической системы, то появляются альтернативные институты, действующие на основе собственных неформальных правил. Деятельность политических акторов зачастую развивается не только в рамках правовых норм, но и на основе неформальных правил игры (например, патрон-клиентских, земляческих и иных связей), способных определять политическую ситуацию. Более того, при определенных обстоятельствах неформальные институты могут оказывать значительное влияние на функционирование формальных институтов.

Одни авторы склонны интерпретировать наличие и широкое распространение неформальных институтов условиями становления новой политической системы, в рамках которой первое время господствуют неформальные отношения и связи. В первые годы формальная система и законы не работают, поскольку смысл и порядок их работы для многих обывателей являются загадкой, именно поэтому в системе доминируют

⁵¹⁹ New Institutionalism: Theory and Analysis / Edited by Andre Lecours. - Toronto: University of Toronto Press. 2005. – 380 p.

⁵²⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – С. 6.

неформальные связи и отношения⁵²¹. Другие объясняют этот феномен влиянием традиционной политической культуры. В случае с Монголией, по мнению Э.Д. Дагбаева, в политическом плане культура организации кочевого общества и в современных условиях требует широкого спектра неформальных институтов⁵²².

На наш взгляд, важнейшим источником широкого распространения неформальных институтов в политической сфере Монголии является низкая эффективность и слабость формальных институтов, в первую очередь, парламента и правительства, чья деятельность в значительной степени подчинена интересам лидеров ведущих политических партий. Именно политические партии в силу действующего законодательства аккумулируют в себе основные политические силы страны. По мнению У. Баркмана, политические партии стали выполнять особую функцию по формированию политической элиты Монголии⁵²³. Однако и сами политические партии, являя собой формальные институты, подвержены сильному влиянию неформальных институтов.

История МНРП/МНП и ДП после 1990 г. показывает, что наряду с формальными органами управления этими партиями, внутри них существуют и играют заметную роль фракции, т.е. неформальные группы, оказывающие значительное влияние на процесс принятия общепартийных решений.

В социалистический период в условиях однопартийной системы, существовавшие противоречия внутри МНРП по поводу ключевых вопросов общественного развития находили свое проявление во внутривнутрипартийных группах (т.н. «левый» и «правый» уклоны в 1920-х гг., выступления различных партийных функционеров против Ю. Цэдэнбала в 1950-1960-х гг.). Впервые о

⁵²¹ Селингмен Б. Основные течения современной экономической мысли. - М.: Прогресс, 1968. - С. 80.

⁵²² Дагбаев Э.Д. Указ. соч. - С. 260.

⁵²³ Баркман У. Монгол улсын шилжилтийн үеийн улс төрийн элитийн тухай (УИХ дахь МАХН-ын бүлгийн гишүүдийн жишгээр. 1992-2005) (О политической элите Монголии переходного периода (на примере членов МНРП в ВГХ. 1992-2005 гг.)) // Mongolica. 2006. Vol. 18(39). - P. 106.

наличии фракций внутри МНРП/МНП постсоциалистического периода стали говорить, когда в 1996-1997 гг. Н. Энхбаяр, поддержанный частью однопартийцев, стал претендовать на пост председателя партии. Основным оппонентом Н. Энхбаяру стал избранный в 1997 г. президентом Монголии, Н. Багабанди⁵²⁴. Проявлением противостояния групп Н. Энхбаяра и Н. Багабанди стали открытые дискуссии по вопросу о совмещении депутатских и министерских должностей в начале 2000 г. В результате этих событий в МНРП/МНП стали выделять неформальные фракции Н. Энхбаяра и Н. Багабанди⁵²⁵. В 2006 г. на VI партконференции МНРП/МНП де-факто были обозначены уже 4 внутрипартийные группы, объединившиеся вокруг сильных лидеров: группа действовавшего на тот момент президента Н. Энхбаяра, группа премьер-министра М. Энхболда (т.н. «столичные»), группа спикера ВГХ Ц. Нямдоржа (главным образом выходцы из западного аймака Увс) и группа генсека МНРП/МНП С. Баяра⁵²⁶.

Пожалуй, самым ярким примером открытого противостояния внутри партии, приведшего в конечном итоге к ее расколу, стали обстоятельства президентской кампании 2009 г. Тогда официально выдвинутую от МНРП/МНП кандидатуру Н. Энхбаяра фактически саботировал председатель партии С. Баяр. Эти обстоятельства сыграли не последнюю роль в конечном проигрыше Н. Энхбаяра на президентских выборах. Спустя год XXV партийный съезд поддержал инициативу генерального секретаря партии У. Хурэлсуха о возвращении ей прежнего названия – Монгольская народная партия (МНП)⁵²⁷. Однако Н. Энхбаяр и его сторонники выступили против

⁵²⁴ N. Enkhbayar vs N. Bagabandi [Электронный ресурс] URL: <http://www.business-mongolia.com/mongolia/2011/01/18/political-parties-in-mongolia/> (дата посещения 31.01.2018)

⁵²⁵ Severinghaus S. Указ .соч. - P. 65.

⁵²⁶ Why the MPRP wants to change its name? [Электронный ресурс] URL: http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=5359&Itemid=41 (дата посещения 31.01.2018)

⁵²⁷ У. Хурэлсух объяснил смену партийного названия ссылкой на то, что «мировое сообщество не должно путать нас с коммунистической партией» (Кажется, С.Баяр, С.Батболд и У.Хурэлсух объявили о том, что объединяют свои силы // Монголия сегодня, 30.09.2014)

данного решения и в 2011 г. образовали новую партию под прежним названием - Монгольская народно-революционная партия (МНРП)⁵²⁸.

ДП, как и МНРП/МНП, также не избежала фракционности. Более того, в сравнении со своим основным политическим оппонентом ДП являет собой пример перманентной борьбы между внутрипартийными группировками. Отправной точкой в процессе создания ДП стали события 1990 г., когда молодые интеллектуалы объединились в «Монгольский демократический союз» и вскоре, на его основе, официально зарегистрировали ДП. Проигрыш на парламентских выборах 1992 г. подвиг ДП на объединение с идеологически близкой ей МПНП для участия в выборах 1996 г. под названием «Монгольская национально-демократическая партия» (МНДП). Именно внутри МНДП начали открыто заявлять о себе фракции, образовывавшиеся также как в МНРП/МНП вокруг сильных лидеров. Основное противостояние в 1996-2000 гг. было между группой сторонников М. Энхсайхана (бывшего премьер-министром в 1996-1998 гг.) и Ц. Элбэгдоржа (на тот момент бывшего председателем МНДП). В результате партия де-факто распалась, а очередные парламентские выборы выиграла МНРП/МНП.

6 декабря 2000 г., когда 5 оппозиционных МНРП/МНП политических партий объединились в единую партию, была повторно образована ДП. Председателем партии стал один из лидеров демократического движения Д. Дорлигжав. Именно на основе прежних партий, образовавших ДП, внутри нее были сформированы фракции, играющие ключевую роль. Одной из наиболее многочисленных и влиятельных фракций внутри ДП является «Полярная звезда» (монг. «Алтан гадас»), созданная на основе МСДП. Другой влиятельной фракцией выступает «Монгольский демократический союз» (монг. «Монголын ардчилсан холбоо») - бывшая МНДП. Фракция «Национального прогресса» является продолжением бывшей МПНП. Еще

⁵²⁸ Переименование старейшей политической партии Монголии все-таки привело к ее расколу [Электронный ресурс] URL: <http://baikal24.ru/page.php?action=showItem&type=news&id=47049> (дата посещения 31.01.2018)

одной влиятельной фракцией внутри ДП можно назвать «Сокол» (монг. «Шонхор»), которую возглавляет спикер ВГХ шестого созыва (2012-2016 гг.) З. Энхболд.

Именно постоянную борьбу данных фракций между собой можно назвать одной из ярких черт современной ДП, что нередко приводит к общепартийным поражениям и негативно сказывается на имидже всей партии. Так, результатом межфракционной борьбы стала отставка в январе 2006 г. с поста премьер-министра Ц. Элбэгдоржа и назначение на этот пост представителя МНРП/МНП М. Энхболда, чья кандидатура, что характерно, была поддержана частью ДП⁵²⁹. Другой пример – это отставка в ноябре 2014 г. правительства Н. Алтанхуяга, также инициированная депутатами-членами ДП⁵³⁰. В связи с этим не удивителен тот факт, что ни один премьер-министр от ДП, когда-либо возглавлявший правительство, не смог отработать весь четырехлетний цикл⁵³¹.

Фактором, обусловившим институционализацию и регулярное воспроизводство внутрипартийных фракций и группировок в политическом процессе Монголии, является их тесная связь с крупным бизнесом. Высокий политический статус, дарованный политическим партиям конституцией и другими нормативными актами Монголии, делает их привлекательными для различных бизнес-группировок. Доступ к процессу принятия значимых решений, возможность лоббировать собственные коммерческие интересы и правовой иммунитет являются ключевыми мотивами для богатейших людей страны избираться в парламент и становиться членами правительств. Более того, зачастую лидеры политических партий сами возглавляют эти группировки, концентрируя в своих руках административные и

⁵²⁹ Правительство Монголии отправлено в отставку // Информ полис, 18.01.2006

⁵³⁰ Премьер-министра Н.Алтанхуяга отправили в отставку [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/05_11_01.html (дата посещения 31.01.2018)

⁵³¹ Справедливости ради стоит отметить, что практика отставки правительства усилиями оппозиции свойственна и для МНРП/МНП. В сентябре 2017 г. правительство, состоящее из членов правящей МНП/МНРП во главе с Ж. Эрдэнэбатом, было отправлено в отставку большинством голосов парламентариев от собственной партии: Ж.Эрдэнэбатын засгийн газар огцров (Правительство Ж. Эрдэнэбата ушло в отставку) [Электронный ресурс] URL: <https://www.news.mn/c/1?id=9112> (дата посещения 31.01.2018)

экономические ресурсы. В монгольском обществе данные политики неофициально именуется «олигархами» (монг. «олигархчууд»). Монгольский эксперт О. Мунхбат даже склонен рассматривать партийное разделение как групповую бизнес-дифференциацию, утверждая, что для богатых людей партии есть «механизм защиты экономических интересов, а также возможность контролировать государственные ресурсы»⁵³².

Иными словами, организационно бизнес-группировки, как правило, оформляются в виде внутрипартийных фракций, каждая из которых заинтересована в продвижении своих членов в состав правительства и другие государственные органы. В 2008 г. в рамках коалиционного правительства, возглавляемого С. Баяром, председатель ДП Н. Алтанхуяг, пытаясь сохранить внутрипартийный баланс, пригласил на министерские должности представителей всех ведущих фракций. Спустя два года, уже при формировании собственного кабинета министров Н. Алтанхуяг впервые в истории современной Монголии довел количество министров до 17 человек. Это также было обусловлено необходимостью удовлетворить все требования и амбиции многочисленных фракций внутри победившей на выборах ДП.

Представление об уровне сращивания политической власти и крупного бизнеса страны дают следующие цифры. По итогам парламентских выборов в 2004 г. вновь сформированный ВГХ на 42% состоял из выходцев из бизнес-среды⁵³³. Общее состояние всех членов ВГХ шестого созыва в 2012 г. могло быть приравнено к 7,6% ВВП страны⁵³⁴. В неофициальном списке 100 долларовых миллионеров Монголии, опубликованном монгольским

⁵³² Цит. по: *Дагбаев Э.Д.* Указ.соч. - С. 258.

⁵³³ 1990-2016 онуудад сонгогдсон Улсын Бага, Их хурлын гишүүдийн нэрсийн жагсаалт (Список депутатов Великого и Малого Хурала в период с 1990 по 2016 гг.) [Электронный ресурс] URL: <http://www.mglnews.mn/content/read/60846.htm> (дата посещения 31.01.2018)

⁵³⁴ *White B.* The Wealth of Parliament Redux: What's It Worth? [Электронный ресурс] URL: <http://www.themongolist.com/blog/parliament/79-the-wealth-of-parliament-redux.html> (дата посещения 31.01.2018)

общественно-информационным сайтом 24tsagt.mn, больше половины либо бывшие, либо действующие члены парламента и правительства⁵³⁵.

Многие члены правительства и парламента являются выходцами из крупного бизнеса. Например, С. Батболд (экс-председатель МНРП/МНП), глава коалиционного правительства в период с октября 2009 по август 2012 гг., долгое время был генеральным директором крупной компании, имевшей активы в золотодобывающем, текстильном и гостиничном бизнесе, считается одним из самых богатых людей Монголии⁵³⁶. Х. Баттулга, избранный президентом Монголии в июле 2017 г., в разные годы входивший в состав правительства и неоднократно избиравшийся в ВГХ, также известен как крупный бизнесмен и обладатель большого состояния (по неофициальным данным, более 1 млрд. долл.)⁵³⁷. Другие партии, помимо МНРП/МНП и ДП, тоже могут быть средством для вхождения во власть богатых людей. Б. Эрдэнэбат, основатель и лидер партии «Родина» (монг. «Эх Орон нам»), прошедшей в парламента на выборах 2004 г., известен также как владелец группы компаний, специализирующейся на добыче золота, банковской и строительной деятельности⁵³⁸. Другой пример - Б. Жаргалсайхан, председатель «Республиканской партии» (монг. «Бугд найрамдах нам»), сделавший свою бизнес-карьеру в качестве главы крупной торговой компании и неофициально именуемый «первым миллионером»⁵³⁹.

Связь политических партий и крупного бизнеса во многом обеспечивается благодаря несовершенству законодательства в сфере финансирования политических партий. Хотя в Концепции национальной

⁵³⁵ "Монголын топ 100 тэрбумтан" баячуудын жагсаалт (Список богатей: «Топ-100 монгольских миллиардеров») [Электронный ресурс] URL: <http://www.24tsag.mn/content/19105.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

⁵³⁶ Ажилтан, ганзгын наймаачин, компаний захирал, тэрбумтан, намын дарга, Ерөнхий сайд С. Батболдын намтар (Биография С. Батболда, работника торговли, директора компании, миллиардера, главы партии, премьер-министра) [Электронный ресурс] URL: <http://www.24tsag.mn/content/20839.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

⁵³⁷ Халтмаагийн Баттулга: яркий, богатый, опасный [Электронный ресурс] URL: <http://asiarussia.ru/news/4710/> (дата посещения 31.01.2018)

⁵³⁸ Political parties 101 [Электронный ресурс] URL: <http://english.esdalanzurgaa.com/2010/11/08/political-parties-101/> (дата посещения 31.01.2018)

⁵³⁹ Саятан анхны Б.Жаргалсайхан (Первый миллионер Б.Жаргалсайхан) [Электронный ресурс] URL: <http://bidnar.mn/index.php/tsag-uy/item/213-anhni-sayatan-jargalsaihan> (дата посещения 31.01.2018)

безопасности Монголии (в редакции 2010 г.) прописана задача контроля над финансовой деятельностью политических партий⁵⁴⁰, на практике ситуация выглядит иначе. Финансирование партий в предвыборный период регулируется законом «О выборах», а в период между избирательными кампаниями – законом «О политических партиях». И если закон «О выборах» четко лимитирует размер денежных средств для ведения избирательной кампании и описывает процедуру финансовой отчетности (статья 60, пункты 1-6)⁵⁴¹, то закон «О политических партиях» не содержит в себе конкретных требований по финансовой отчетности партий, ограничиваясь необходимостью проведения внутрипартийного аудита (статья 20, пункт 1)⁵⁴². Поэтому политические партии равнодушно относятся к отчетам о своем финансировании между избирательными кампаниями. По данным монгольского политического аналитика Э.Гэрэлт-Ода, невозможно определить, какова доля пожертвований от частных лиц в общем перечне доходов политических партий... так как ни одна из них ни разу не выполнила требование закона «О политических партиях» предоставлять общественности раз в год финансовую отчетность⁵⁴³. В результате реальный объем средств, расходуемый партиями на избирательную кампанию, как правило, существенно превосходит официально заявленный. Незадекларированная разница, как правило, тратится на нелегитимное приобретение электоральной поддержки, в том числе прямую покупку голосов, а сама борьба на выборах зачастую сводится к финансовому противостоянию богатых людей. Как итог, практически никак не контролируемое финансирование богатыми гражданами собственной избирательной кампании или кампаний своих друзей и деловых

⁵⁴⁰ Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии]. См.: Официальный сайт министерства иностранных отношений Монголии [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=14968> (дата посещения 31.01.2018).

⁵⁴¹ Сонгуулийн тухай хууль (Закон о выборах) [Электронный ресурс] URL: <http://gec.gov.mn/details/1259> (дата посещения 31.01.2018).

⁵⁴² Улс төрийн намын тухай хууль (Закон о политических партиях) [Электронный ресурс] URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/508> (дата посещения 31.01.2018).

⁵⁴³ Улс төрийн намууд хаанаас санхүүждэг вэ? (Откуда финансируются политические партии?) [Электронный ресурс] URL: <https://www.ulstor.mn/post/3105.html> (дата посещения 31.01.2018)

партнеров становится основным механизмом формирования и воспроизводства политических бизнес-группировок в высших органах власти.

Известный монгольский эксперт и общественный обозреватель Д. Жаргалсайхан называет вопрос об открытости финансирования деятельности политических партий «самой насущной проблемой монгольской демократии»⁵⁴⁴. В целом, в монгольском обществе сложилась атмосфера крайнего недоверия к честности и прозрачности предвыборных кампаний кандидатов в депутаты парламента. Монгольский эксперт Б. Эрдэнэдалай со ссылкой на данные социологического опроса Фонда «Сант Марал» приводит следующие цифры: 87,5% респондентов в 2014 г. полностью согласились с тем, что «крупные доноры имеют очень сильное влияние на политиков», а впоследствии, избранные представители, вместо того, чтобы служить своим избирателям, служат интересам доноров. 91% опрошенных заявили, что не видели финансовый отчет политических партий в период между выборами⁵⁴⁵.

Помимо недостатков в законодательстве, регулирующем финансирование политических партий, фактором переплетения политики и бизнеса в Монголии нужно признать сложившуюся практику использования государственных должностей и активов в собственных интересах. Значительную часть современной монгольской экономики составляют госпредприятия, находящиеся в прямом ведении отраслевых министерств. Таким, например, является горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», 51% акций в котором принадлежит монгольскому государству⁵⁴⁶. На протяжении многих лет «Эрдэнэт» представляет собой одну из основ монгольской экономики, обеспечивая ежегодно около 20% от всех валютных поступлений в госбюджет⁵⁴⁷. По данным исполнительного директора «Эрдэнэта» Ц.

⁵⁴⁴ Д. Жаргалсайхан: Монголчууд ямар намыг үгүйлж байна вэ? (В какой политической партии нуждаются монголы?) [Электронный ресурс] URL: <http://www.ikon.mn/n/eom> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁴⁵ Эрдэнэдалай Б. Скучное регулирование политических финансов [Электронный ресурс] URL: <http://mongolnow.com/politis-finance.html> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁴⁶ В июне 2016 года была заключена сделка по продаже 49% акций, принадлежавших российской стороне. Покупателем выступила частная монгольская компания «Монгол зэс».

⁵⁴⁷ Галбаатар Д. Доля совместного предприятия «Эрдэнэт» в развитии экономики Монголии // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2008. №1. - С. 3.

Даваацэрэна, в 2013 г. в госбюджете компания предварительно централизовала 110 млн. долларов, в 2014 г. – 70 млн. долларов, в 2015 г. – 70 млрд. тугриков... Компания выдает зарплату 6092 своим работникам⁵⁴⁸. Другой пример крупного госпредприятия - АО «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД), фактический монополист в сфере железнодорожного транспорта страны, находящийся в совместном ведении России и Монголии. В собственности государства также находятся такие предприятия как «Эрдэнэс Монгол», владеющее крупнейшими месторождениями угля (Таван Толгой) и меди (Оюу Толгой), «МИАТ» - национальная авиакомпания и ряд других. По негласной традиции, сложившейся с 1990-х гг., главами всех крупных госпредприятий назначаются ставленники победившей на выборах партии. Соответственно, от исхода борьбы между внутрипартийными фракциями зависит ответ на вопрос о том, представители какой бизнес-группы возглавят ведущие государственные предприятия.

Контроль над крупными госпредприятиями дает политическим партиям ряд преимуществ. Во-первых, это административный ресурс, особенно значимый в предвыборные периоды. Например, тот, кто контролирует ГОК «Эрдэнэт» фактически управляет одноименным вторым по численности городом Монголии (около 90 тыс. жителей), а также ближайшими населенными пунктами. Во-вторых, финансовые и материальные ресурсы предприятий нередко используются для ведения предвыборных кампаний. По свидетельству железнодорожного инженера О. Сурэна, «должность начальника дороги (УБЖД – прим. дисс.) стала «лакомым куском пирога», который группировка, контролирующая кресло министра дорог и транспорта, презентует своим людям... Вполне возможно, что кресло начальника хотят занять с целью сбора денег для предвыборной агитации группировок»⁵⁴⁹. В-

⁵⁴⁸ Ц. Даваацэрэн: “Эрдэнэт” үйлдвэрийн 49 хувийн эзэмшигч өөрчлөгдсөн ч үйл ажиллагаанд өөрчлөлт ороогүй (Ц. Даваацэрэн: «Изменился владелец 49 % акции КОО «Предприятие Эрдэнэт», но не изменилась деятельность») [Электронный ресурс] URL: <http://www.itoim.mn/index.php/site/news/6665> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁴⁹ О. Сурэн: Хөгжлийн түүчээ явсан төмөр зам хөгжлийн түгжээ болоод зогсчихлоо (О. Сурэн: Железнодорожная отрасль катится вниз) [Электронный ресурс] URL: <http://www.itoim.mn/index.php/site/news/4047> (дата посещения 31.01.2018)

третьих, доверительные отношения с руководством госпредприятий позволяют беспрепятственно выигрывать конкурсы на поставку различных товаров и предоставление всевозможных услуг.

Помимо командных постов на госпредприятиях, не менее значимыми стратегическими местами являются правительственные ведомства, ответственные за управление природными ресурсами. Особенно острый характер борьба за доступ к этим ключевым государственным постам приняла в 2000-х гг., когда монгольская экономика начала переживать бум, связанный с развитием горнорудной отрасли. Рост мировых цен на уголь, медь, золото стимулировал приток в экономику страны значительных инвестиций и увеличение доходов от экспорта минеральных ресурсов. Это резко подняло значимость государственных институтов, отвечающих за распределение и перераспределение бюджетных средств, налоговые сборы, выдачу лицензий и проведение тендеров⁵⁵⁰. Не случайно, что, согласно данным, полученным в рамках социологического исследования «Оценка и отчет о состоянии коррупции в Монголии» в 2007 г., одним из наиболее коррумпированных государственных институтов признается геологическая горная кадастровая служба при Департаменте нефти и полезных ископаемых⁵⁵¹. Другое социологическое исследование, проведенное Фондом «Сант Марал» в 2012-2014 гг., также показало, что большинство опрошенных воспринимает в качестве одной из самых коррумпированных горнодобывающую отрасль⁵⁵². В целом, институционализация фракций во многом стала возможной по причине превращения политики в главный канал социальной мобильности и личного обогащения.

Наряду с бизнес-интересами не менее важным каналом формирования и воспроизводства фракций выступают кланово-родственные и земляческие

⁵⁵⁰ Согласно широко распространенным слухам в монгольском обществе, председатель МНРП/МНП Н. Энхбаяр, возглавив в 2000 г. правительство, ввел неформальную практику продаж министерских должностей.

⁵⁵¹ Данные по: Болд Р. Социальные конфликты переходного периода Монголии // Социс. 2008. №4. - С. 39.

⁵⁵² Госучреждения наиболее подвержены коррупции [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/03_11_01.html (дата посещения 31.01.2018)

связи. В монгольском политическом пространстве четко прослеживается кооперация тех или иных политиков на основе общего регионального происхождения. Например, выделяют т.н. «ховдскую группу», т.е. выходцев из Ховдского аймака Монголии, расположенного на западе страны, в числе которых четвертый президент Ц. Элбэгдорж (2009-2017 гг.), спикер ВГХ с 2008 по 2012 гг. Д. Дэмбэрэл, бывший премьер-министр Р. Амаржаргал, ряд известных предпринимателей. Также выделяют выходцев из Завханского аймака (например, первый и второй президенты Монголии П. Очирбат и Н. Багабанди), Архангайского (лидеры ДП Р. Гончигдорж, Н. Батбаяр)⁵⁵³.

Каждый сомон (административная единица, составляющая аймак) имеет собственный «местный совет» (монг. «нутгийн зөвлөл»), представленный в городах Монголии – Улан-Баторе, Эрдэнэте, Дархане. По большому счету данные советы являются организационными формами региональных диаспор. Основной задачей советов является поддержка своего сомона через консолидацию выходцев из него, занимающих заметные позиции в политике, бизнесе, науке, культуре, спорте. Данные социальные сети обеспечивают материальную и моральную поддержку землякам, включая помощь в продвижении по государственной службе и в предвыборной борьбе. По мнению монгольской исследовательницы Ш. Туяа, «местные советы» можно рассматривать в качестве культурных форм, посредством которых происходит политическая мобилизация⁵⁵⁴.

Здесь особенно важно подчеркнуть, что расцвет и укоренение подобных социальных сетей, основывающихся на территориальных и родственных связях, стало результатом приспособления населения Монголии к реалиям постсоциализма. Разрушение механизмов государственной поддержки в начале 1990-х гг. привело к резкому ухудшению социального самочувствия жителей сельской местности. В этих условиях институт «местных советов»

⁵⁵³ *Chingis G.* Some powerful local groups in Mongolia // Ulaanbaatar Post, 16.11.2010.

⁵⁵⁴ *Туяа Ш.* Нутгийн зөвлөл ба улс төрийн албан бус хүч (Местные советы и неформальные политические институты) [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.ucl.ac.uk/mongolian-economy/2015/12/18/нутгийн-зөвлөл-ба-албан-бус-улс-төрийн/> (дата посещения 31.01.2018)

стал компенсаторным механизмом, помогающим частично восполнить потери за счет помощи со стороны «своих людей» в органах власти и бизнесе.

Определенную роль в политической консолидации и группировании играет культурно-региональный фактор. Например, политики и бизнесмены, являющиеся выходцами из западных аймаков (районов) страны, как правило относятся к таким этнографическим группам Монголии как баяты, дербеты, захчины и другие. Распространенным является представление о том, что эти группы в силу особенности характера более сплочены и корпоративны. По подсчетам У. Баркмана, в парламентах первых четырех созывов выходцы из западных регионов страны составляли от 30 до 50%⁵⁵⁵, при том, что доля населения из этих регионов составляет около 13%⁵⁵⁶.

Не последнее место в деле формирования фракций занимают школьные и университетские узлы политиков. Так, МСДП, на основе которой появилась фракция в ДП «Алтан гадас», возникла из числа университетских преподавателей математики и физики.

Прямым следствием господства в политическом пространстве Монголии интересов фракций, структурированных на основе деловых, земляческих, кланово-родственных и приятельских связей, является регулярное использование ими практики «чистки» государственно-административного аппарата по партийному принципу. В случаях, когда по результатам выборов формировалось однопартийное правительство, либо правительство коалиционное, но при явном доминировании одной партии, назначенные вновь избранным парламентом высшие чиновники во главе с премьер-министром начинали заниматься «чисткой» всего государственного аппарата от «инопартийных» или просто «не своих» работников. Если же исход выборов не давал возможности какой-либо партии единолично сформировать правительственный кабинет, то образовывалось коалиционное

⁵⁵⁵ Баркман У. Монгол улсын шилжилтийн үеийн улс төрийн элитийн тухай. - Р. 107-108.

⁵⁵⁶ Хүн амын, орон сууцны 2010 оны улсын толлоогын үр дүн (Население и домохозяйства по итогам переписи 2010 года). – Улаанбаатар, 2011. - Х. 10-11.

правительство, которое также в первую очередь «расчищало» государственные службы для членов собственных партий, договаривающихся о соответствующей пропорции. Подобная практика отмечается, начиная с парламентских выборов 1996 г., когда правительство М. Энхсайхана инициировало массовые увольнения госслужащих и замену их новыми аффилированными с ДП людьми⁵⁵⁷. В 2000 г., победившая на выборах МНРП/МНП, полностью повторила данную процедуру⁵⁵⁸.

Данный механизм замещения чиновничьих должностей породил стремление государственных служащих различных рангов искать партийной защиты и опеки, что делает второстепенными собственно профессиональные качества людей при определении их на работу. Как следствие, значительная часть государственных должностей (начиная с министерских и заканчивая нижним звеном), занимается зачастую некомпетентными, аффилированными с победившей партией, людьми. Их основной задачей на полученных постах является лояльность собственной фракции в течение четырехлетнего парламентского цикла. Так, по информации председателя Профсоюза железнодорожников Монголии Х. Эрдэнэ, «в главном правлении монголо-российского АО «УБЖД» три представителя с монгольской стороны меняются каждый раз, как только меняется отраслевой министр. При этом только один из троих сегодняшних членов правления с монгольской стороны – отраслевой специалист»⁵⁵⁹. С середины 2000-х гг. на посту начальника АО «УБЖД» находись В. Отгондэмбэрэл, Д. Жигжиднямаа, Т. Очирхуу и Г. Сэрээнэндорж, и ни один из них не усидел на этой должности более трех лет.

О наличии данной проблемы неоднократно упоминают сами высокопоставленные политики. В одной из своих публичных лекций депутат ВГХ шестого созыва, член ДП М. Батчимэг отметила: «Сегодня в

⁵⁵⁷ *Severinghaus S.* Mongolia in 2000: the pendulum swings again // *Asian Survey*. Vol.41. №1. - P. 62.

⁵⁵⁸ Там же. - P. 61.

⁵⁵⁹ Х. Эрдэнэ: Тавантолгой-Гашуунсухайтын төмөр замын км тутмыг 700 ам.долларт багтааж барих боломжтой (Х. Эрдэнэ: Можно построить 1 км железнодорожной линии Тавантолгой-Гашуунсухайт за 700 долларов США) [Электронный ресурс] URL: <http://www.bolod.mn/News/141337.html> (дата посещения 31.01.2018)

министерстве невозможно найти специалиста, проработавшего 10 лет без перерыва. Движение человеческих ресурсов на государственной службе чрезмерно активное... стало понятно, что государственная служба состоит из окружения родственников, друзей и земляков. Но даже в коммунистические годы кадры квалифицированных специалистов для государственной службы выбирали и направляли очень тщательно, делая самый удачный выбор»⁵⁶⁰. Премьер-министр Ч. Сайханбилэг в марте 2015 г. во время встречи с членами своего правительства потребовал от них отказаться от практики назначения на должности главврачей, ректоров вузов и директоров школ по партийной принадлежности⁵⁶¹. Несколькими месяцами позже руководство ДП, обосновывая расторжение соглашения о сотрудничестве с МНРП/МНП, в качестве аргумента сослалось на массовые увольнения госслужащих министрами из этой партии⁵⁶².

На данную проблему указывают и иностранные наблюдатели. Так, представитель японского агентства международного сотрудничества «Джайка» С. Муцуми в одном из своих интервью отметил, что «в 2012 г., после парламентских выборов полностью было заменено руководство в государственных службах. Это привело к тому, что пришлось практически заново разъяснять новым начальникам суть дел. В результате было потеряно время»⁵⁶³.

Схожим образом штатный аппарат ВГХ оказался подвержен влиянию сложившегося механизма замещения должностей. Фактическое отсутствие в составе парламентских служб непартийных профессиональных работников является источником для произвольного манипулирования законодательным процессом со стороны политиков. Вместо опоры на качественный анализ

⁵⁶⁰ УИХ-ын гишүүн М. Батчимэг: Фракциудыг “үйлдвэрлэдэг” Үндсэн хуулийг өөрчлөх шаардлагата (М. Батчимэг: Необходимо изменить Конституцию, которая «производит» фракции) [Электронный ресурс] URL: <http://news.gogo.mn/r/148603> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁶¹ Ч. Сайханбилэг строго предупредил чиновников [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/25_03_04.html (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁶² Демпартия поручила своей фракции в ВГХ расторгнуть соглашение с МНП // Монголия сегодня, 06.07.2015

⁵⁶³ Сато Мүцүми: Жайка Монголын тухай дахин бодлогоо хянаж, боловсруулж эхэлсэн (Сато Мүцүми: Жайка обновляет свою политику в отношении Монголии) [Электронный ресурс] URL: <http://news.gogo.mn/r/186697> (дата посещения 31.01.2018)

ситуации и имеющуюся законодательную базу, ведущие парламентские фракции принимают те или иные законы, используя популистские лозунги. Например, начиная с 1992 г. парламент был не в состоянии провести серьезные исследования и представить общественности соответствующие доклады по основным проектам развития стратегических месторождений полезных ископаемых и инфраструктуры. Более того, даже наличие высококвалифицированных специалистов в штате аппарата управления ВГХ не является гарантией их эффективной работы, т.к. практически все они в той или иной степени связаны с партийными структурами членов ВГХ и обслуживают прежде всего партийные/групповые интересы.

Во многом в силу подобной практики «чисток» по партийному принципу оказавшиеся в оппозиции партии всю свою деятельность сводят к постоянным и не зависящим от обстоятельств попыткам отправить в отставку действующее правительство. Например, МНРП/МНП, оказавшаяся по итогам парламентских выборов 2012 г. в оппозиции, в течение двух лет работы правительства ДП во главе с Н. Алтанхуягом шесть раз поднимала вопрос об отставке того или иного члена правительства и два раза — премьер-министра. На обсуждение этих вопросов было потрачено в общей сложности 94 дня, что оказалось в 1,5 раза больше всего срока работы одной сессии парламента.

Подобные патронажно-клиентельные отношения в корне противоречат основным принципам государственного аппарата, успешность работы которого зависит от компетентности его исполнителей, стабильности работы и преемственности в исполнении принятых решений. Согласно закону «О государственной службе», госслужащий должен быть независим от политической жизни страны и работать стабильно⁵⁶⁴. Однако закон не детализировал вопросы, связанные с защитой госслужащих от произвола со стороны руководства. Зачастую «чистки» происходят под предлогом кадровым перестановок в результате смены названия государственного

⁵⁶⁴ Төрийн албаны тухай хууль (Закон о государственной службе) [Электронный ресурс] URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/487> (дата посещения 31.01.2018)

ведомства. Все это приводит к глубокой политизации деятельности государственных служб (министерств, агентств, ведомств, комитетов). Как отмечает Д. Жаргалсайхан, «кадры - это наше слабое место... потому что каждые четыре года меняется политическая сила и люди меняются. Новые назначения получают, прежде всего, самые лояльные той или иной партии, но это отнюдь не самые лучшие кадры страны. Лучшие, если до этого они работали с проигравшей выборы политической партией, иногда вообще остаются без работы. В результате правительственные институты не укрепляются, профессионалы остаются за бортом, страдает экономика и общество в целом»⁵⁶⁵.

Еще одним результатом доминирования в государственной политике интересов партийных фракций становятся регулярные неудачи при попытках реализации долгосрочной стратегии национального развития. В отношении крупных общенациональных проектов, связанных с разработкой крупных месторождений полезных ископаемых, модернизацией транспортной и энергетической системы, со стороны фракций наблюдается тактика взаимных «подножек», тормозящая какие-либо конструктивные действия по реализации данных проектов. Объясняется это их нежеланием допустить к наиболее экономически значимым ресурсам страны кого-либо из своих конкурентов. Подобная модель взаимоотношений между фракциями используется и в отношениях с иностранными инвесторами, регулярно получающими неверные и даже заведомо ложные сигналы от монгольской стороны по вопросам реализации крупных экономических проектов. Более того, чтобы аннулировать ранее заключенные договоренности с иностранцами, активно используются геополитические и патриотические лозунги, призванные убедить общественное мнение в правильности действий.

Пожалуй, самым ярким примером неудачной политики в сфере крупных экономических проектов следует признать ситуацию вокруг крупнейшего

⁵⁶⁵ Интервью с Д. Жаргалсайханом [Электронный ресурс] URL: <http://www.mongolnow.com/Saidukova.html> (дата посещения 31.01.2018)

угольного месторождения Монголии Таван Толгой. Это месторождение, подтвержденные запасы которого исчисляются 6,5 млрд. т. угля, привлекло к себе внимание во второй половине 2000-х гг. по мере роста мировых цен на уголь. Пересмотрев в 2008 г. закон «О полезных ископаемых», правительство С. Баяра вернуло в государственную собственность лицензии на разработку данного месторождения, ранее принадлежавшие частным компаниям⁵⁶⁶. Однако в силу отсутствия должных финансовых, технических и кадровых ресурсов монгольская сторона инициировала подключение к проекту по разработке Таван Толгой крупные иностранные компании.

В 2011 г. правительство С. Батболда выдвинуло предложение российско-монгольскому консорциуму во главе с ОАО «РЖД», китайской «Шенхуа Энерджи» и американской «Пибоди Энерджи» о совместном освоении этого месторождения⁵⁶⁷. Однако спустя несколько месяцев данное решение было пересмотрено и Таван Толгой было включено в число стратегически значимых месторождений, 51% акций в котором должен принадлежать государству, а 20% - всем гражданам Монголии⁵⁶⁸.

Накануне парламентских выборов 2012 г. правительство С. Батболда взяло кредит в размере 350 млн. долл. у китайской добывающей компании «Чалко» в счет будущих поставок угля Таван Толгой. Однако победившая на выборах ДП сформировала новое правительство во главе с Н. Алтанхуягом, которое пересмотрело ранее заключенные соглашения с китайской стороной, подвергнув критике своих предшественников⁵⁶⁹.

Наконец, в 2015 г. уже правительство Ч. Сайханбилэга, проведя переговоры с «Шенхуа Энерджи» и японской компанией «Сумитомо»,

⁵⁶⁶ Таван Толгой возвращен государству [Электронный ресурс] URL: http://owasia.ru/m_digest.html (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁶⁷ China (40%), Peabody (24%), Russia (18%) to own Tavan Tolgoi [Электронный ресурс] URL: <http://www.business-mongolia.com/mongolia/2011/07/05/tavan-tolgoi-investors-agreed-to-pay-1-billion-to-mongolian-government/> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁶⁸ Tavantolgoi draft proposal rejected [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/79956.shtml> (дата посещения 31.01.2018); Монголия может начать разработку месторождения Таван Толгой самостоятельно [Электронный ресурс] URL: http://www.vedomosti.ru/companies/news/1674721/mongoliya_mozhet_razrabatyvat_tavan_tolgoj_samostoyatelno_ixzz1uQoTaObO (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁶⁹ Ухудшилась перспектива Таван Толгой? // Монголия сегодня, 28.03.2013

договорилось о совместном строительстве железной дороги от Таван Толгой до китайской границы. Иностранные инвесторы взамен финансового содействия должны были получить доступ к разработке Таван Толгой. И в этом случае в самый последний момент решением парламентского большинства соглашение было отклонено и проект уже в очередной раз оказался заморожен⁵⁷⁰. В итоге, на фоне падения мировых цен на уголь и дискредитации монгольской стороны в глазах иностранных партнеров вопрос о разработке Таван Толгой так и остался неразрешенным.

Другим наглядным примером неудач в области крупных инвестиционных проектов с потенциальным участием иностранного капитала является ситуация в железнодорожной отрасли. Экономический бум в горнорудной отрасли Монголии 2000-х гг. сделал вопрос о модернизации и строительстве новых железных дорог, способных связать месторождения полезных ископаемых с рынками сбыта, одним из самых важных. Однако, как и в случае с горнорудной отраслью, железнодорожная также стала привлекательна не только для иностранных инвесторов, но и для монгольских бизнес-групп, активно использующих административно-политические рычаги. Под предлогом защиты национальных, экономических и геополитических интересов, высокопоставленные политики, лоббируя интересы бизнес-групп, препятствовали осуществлению достигнутых ранее договоренностей. Так, монгольскими политиками неоднократно тормозился вопрос о модернизации существующей Трансмонгольской железнодорожной магистрали силами РЖД. В 2008 г. монгольским правительством была создана компания «Монгольская железная дорога»⁵⁷¹, которая фактически стала прямым конкурентом УБЖД, что негативным образом отразилось на эффективности железнодорожной политики. Под предлогом борьбы с «китайской угрозой» постоянно откладывалось строительство новой железной

⁵⁷⁰ УИХ-ын дарга З. Энхболд "Тавантолгойн гэрээ"-ний тухай хэлсэн үг (Речь спикера ВГХ З. Энхболда по поводу «Договора Таван Толгой») [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zAEvp-MKXEg> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁷¹ Об учреждении акционерной госкомпании "МЖД" // Монцамэ, 06.03.2008.

дороги от крупных месторождений полезных ископаемых до границы с КНР⁵⁷².

При вынесении решения, пересматривающего ранее заключенные соглашения, монгольские политики активно используют манипулирование плюрализмом. Они объясняют свои действия плюралистической сущностью политической системы Монголии. Так, обосновывая перманентную критику правительства Н. Алтанхуяга, генсек МНРП/МНП Ж.Мунхбат сказал, что «партия лишь выполнила обязанности оппозиционной силы, которые действуют в каждой демократической стране»⁵⁷³. В подобном духе выразился советник спикера ВГХ шестого созыва А. Гансүх, комментируя решение о пересмотре соглашения с китайской и японской компаниями по строительству железной дороги от месторождения Таван Толгой⁵⁷⁴.

Д. Жаргалсайхан уверен, что «истинные виновники, из-за которых все наши проекты в железнодорожной и энергетической отрасли проваливаются – это политики. Особенно когда начинают преобладать компании, интересы которых тесно переплетены с лицами, занимающими высокие посты в стране. Проблема в том, что они, придя к власти, начинают «проваливать» проекты, которые продвигали их предшественники. В Монголии нет механизма, позволяющего призвать к ответственности таких людей. Они готовы потратить 10-20 лет, лишь бы не допустить чужаков к проектам, которые присмотрели для себя»⁵⁷⁵.

В целом, хроническое невыполнение монгольской стороной принятых на себя обязательств приводит к снижению доверия к ней со стороны иностранных партнеров. Монгольский эксперт Б. Мунхдол отметил:

⁵⁷² Шинэ төмөр зам (Новая железная дорога) [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HhInZZW-A00> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁷³ Ж.Мунхбат: Мы совсем не радуемся // Монголия сегодня, 07.11.2014.

⁵⁷⁴ А. Гансүх Тавантолгойн гэрээний талаар ноцтой баримт дэлгэлээ (А. Гансүх предоставил некоторые убедительные подробности по поводу соглашения по Таван Толгой) [Электронный ресурс] URL: <https://lag.mn/news/article67938> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁷⁵ Д. Жаргалсайхан: УБТЗ-ыг хос болгохгүйгээр, цахилгаанжуулахгүйгээр зэргэлдээх хоёр орныхоо шаардлагад хүрч чадахгүй (Д. Жаргалсайхан: Железнодорожная сеть АО «УБЖД» без ее электрификации и строительства параллельной дороги не отвечает требованиям соседних государств) [Электронный ресурс] URL: <http://sonin.mn/news/politics-economy/64404> (дата посещения 31.01.2018)

«Иностранцы считают Монголию непредсказуемой страной. По их мнению, мы часто изменяем условия и среду для иностранных инвестиций, работая над крупными проектами, зачастую не держим данное слово, поэтому они с большой осторожностью принимают бизнес-решения в отношении нас»⁵⁷⁶. Монгольские обозреватели, посредством сравнения с соседними государствами, также указывают на проблемы существующей практики взаимодействия с иностранными инвесторами. Так, по мнению монгольской журналистки М. Солонго, «приоритетным направлением в экономике Казахстана стоит формирование благоприятной инвестиционной среды. Одна из её составляющих – это равные права иностранных и отечественных инвесторов, что привлекает внимание потенциальных партнеров. Стабильная обстановка, последовательная политика государства и богатые природные ресурсы – вот составляющие стабильного роста экономики государства»⁵⁷⁷.

Не случаен тот факт, что на состоявшемся в сентябре 2016 г. в Улан-Баторе международном форуме «Invest Mongolia» одним из основных лейтмотивов выступлений иностранных гостей был вопрос о возвращении доверия монгольской стороне как ответственному экономическому партнеру. Посол Австралии в Монголии Д. Лангтри выступил за ответственность со стороны монгольского правительства, включая защиту прав инвесторов. По мнению японского посла Т. Шимизу, «из-за того, что Монголия не смогла следовать инвестиционному договору, она лишилась иностранных инвестиций. Помимо того, сильное вмешательство членов правительства и ВГХ также негативно влияет на инвестирование»⁵⁷⁸.

⁵⁷⁶ Внешний престиж Монголии // Монголия сегодня, 19.07.2016.

⁵⁷⁷ Мечта "вечного президента", или в чем секрет успеха Казахстана? [Электронный ресурс] URL: <http://asiarussia.ru/articles/8030/> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁷⁸ Монгол Улс хөрөнгө оруулагчийн төлөө юу хийж чадахаа тодорхойлох хэрэгтэй (Монголия должна четко определить, что она сможет сделать для инвесторов) [Электронный ресурс] URL: <http://itoim.mn/index.php/site/news/6299> (дата посещения 31.01.2018)

5.2. Политическая деятельность гражданских движений в контексте социально-экономического развития Монголии

Социально-экономическая ситуация в Монголии, как и в большинстве других стран, является важным фактором политического процесса. Помимо прямой зависимости между состоянием экономики и социальной сферы с одной стороны, и степенью популярности власти с другой стороны, социально-экономический фактор оказывает существенное влияние на содержание политического процесса, включая такие его аспекты как идеология, формы и методы политического участия.

Формально практически все политические партии придерживаются идеологических ценностей, прописанных в уставах, программах и иных партийных документах⁵⁷⁹. Однако на практике ситуация обстоит иным образом. ДП, в начале 1990-х гг. активно позиционировала себя в качестве партии с либеральной идеологией, акцентируя внимание электората на необходимости расширения гражданских и экономических свобод. Социальной базой партии традиционно рассматривалось городское население, более молодая и космополитично настроенная часть монгольского общества. Не случайно, что именно горожане, главным образом жители Улан-Батора, были социальной базой процесса демократизации в начале 1990-х гг. МНРП/МНП в 1990-е гг. в своих предвыборных обещаниях в большей степени, нежели ДП, уделяли внимание социальным обязательствам государства, позиционируя себя в качестве социал-демократической партии. Лидеры МНРП/МНП, в противоположность ДП, пытались использовать ресурс консервативных и критичных в отношении либеральных реформ настроений, широко распространенных в сельской местности. Преимущественно социальными факторами объясняется тот факт, что кандидаты от ДП получали большинство голосов в основном в Улан-Баторе и

⁵⁷⁹ Э.Д. Дагбаев выделяет три идеологических направления монгольских партий: либеральное, консервативное и социал-демократическое, хотя и отмечает, что это деление является достаточно условным (Дагбаев Э.Д. Указ. соч. - С. 256).

урбанизированных центрах Монголии, в то время как сельская периферия, стабильно голосовала за МНРП/МНП. Например, по итогам выборов 1996 г. кандидаты от ДП победили в 17 из 20 округов Улан-Батора, в то время как кандидаты, выдвинутые МНРП/МНП, взяли 22 из 25 парламентских мест благодаря победам в провинциальных округах⁵⁸⁰. Иными словами, обе лидирующие партии стремились к аккумуляции и актуализации интересов конкретных социальных слоев и отдельных социальных групп, разрабатывая соответствующие политические идеологии и формулируя политические доктрины.

С течением времени указанная схема перестала действовать. По мере изменений в социально-экономической сфере Монголии многие граждане утратили связь со своими изначальными политическими партиями. Во-первых, структурные изменения в экономике, связанные с уменьшением доли населения, занятого в промышленном производстве и сельском хозяйстве, и рост населения, задействованного в иных сферах, привели к сегментации привычной социальной структуры.

Таблица 9. Занятость населения по сферам экономики (%)⁵⁸¹

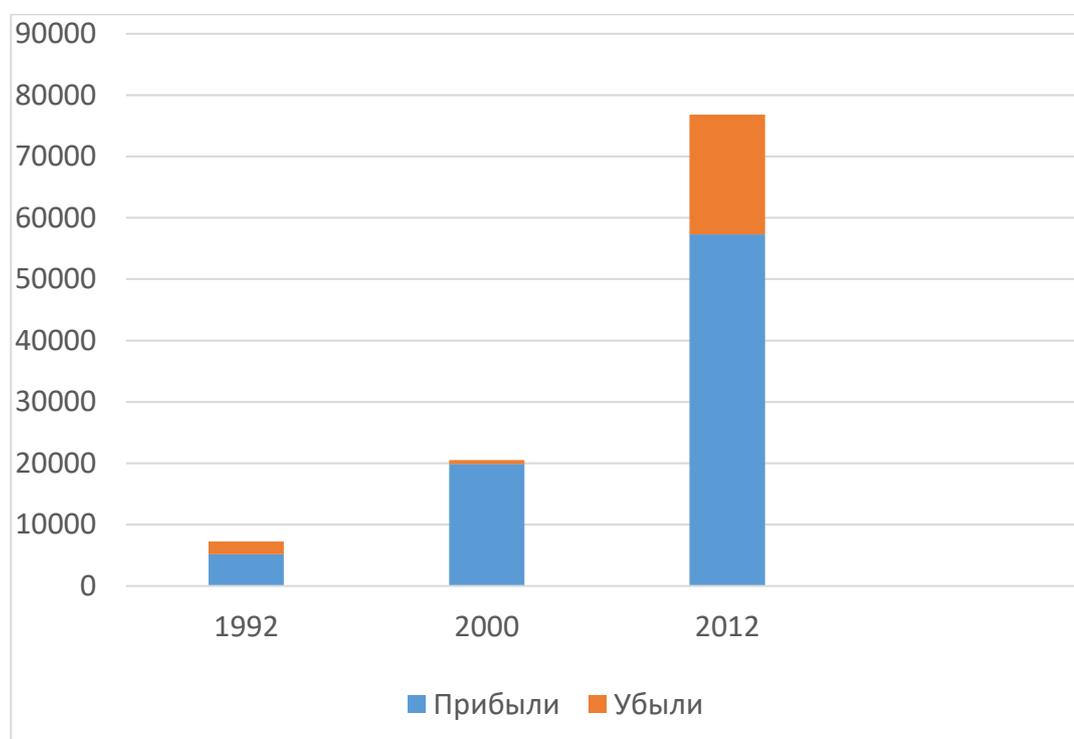
Годы	С/х	Пром-ть	Транспорт	Стр-во	Торговля	Другое
1992	38.3	52.4	2.3	3.4	3.6	-
2010	33.5	11.5	8.8	4.7	14.1	27.4
2011	33.0	10.7	7.3	5.0	14.7	29.3
2012	35.0	10.5	5.3	5.6	12.4	31.2
2013	29.8	11.9	6.0	6.6	14.1	31.6
2014	27.9	11.4	6.3	7.3	15.3	31.8

⁵⁸⁰ УИХ-н Сонгууль 1996 он (Выборы в ВГХ 1996 года). Официальный сайт Центризбиркома Монголии[Электронный ресурс] URL: http://gec.gov.mn/parliamentary_election/7 (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁸¹ Данные по: Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2014. (Статистический сборник Монголии 2014). - Улаанбаатар, 2015. - X. 57.

Во-вторых, изменилась территориальная структура расселения жителей страны. Под давлением социально-экономических (бедность, безработица, низкий уровень социальной инфраструктуры) и экологических (деградация пастбищ, загрязнение водоемов)⁵⁸² проблем значительная часть сельского населения вынуждена мигрировать в Улан-Батор и иные урбанизированные центры. В 1990 г. в Улан-Батор прибыли 5157 чел., убыли – 2102 чел., в 2000 г. – 19918 и 592 чел. соответственно, а в 2012 г. эти показатели составили 57300 чел. и 19500 чел. соответственно⁵⁸³. В результате, в столице Монголии оказалось сосредоточена почти половина населения страны⁵⁸⁴.

Диаграмма 2. Миграционная динамика г. Улан-Батора (кол-во чел.)

Большинство переселившихся в Улан-Батор становятся жителями пригорода, т.н. «юрточных микрорайонов» (монг. «гэр хороо»). По данным российского социолога Д.Д. Бадараева, 79,5% прибывших из сельской

⁵⁸² Янзен Й. Экономические перемены в монгольском скотоводстве в период трансформации // Этнографическое обозрение. 2016. №2. - С. 76.

⁵⁸³ Базаров Б.В., Балдано М.Н., Бадараев Д.Д. Соотношение миграционных векторов и номадизма в современном монгольском обществе // Власть. 2015. №10. - С. 214.

⁵⁸⁴ Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2015. (Статистический сборник Монголии 2015). – Улаанбаатар, 2016. - Х. 30.

местности мигрантов живет в «юрточных микрорайонах»⁵⁸⁵. Многие из них зачастую не имеет постоянного места работы и полноценного доступа к социальной инфраструктуре столицы. Все это маргинализирует социальный статус этих людей и, соответственно, делает их политические предпочтения менее стабильными. Подобная обстановка в столице Монголии является частью общей тяжелой социально-экономической ситуации в стране, характеризующейся прежде всего высоким уровнем бедности. По данным Национального комитета по статистике Монголии и Всемирного Банка, уровень бедности в стране вырос с 21,6% в 2014 г. до 29,6% в 2016 г.⁵⁸⁶. Как результат, монгольский электорат в значительной степени представлен гражданами, руководствующимися не собственными устойчивыми экономическими и социальными интересами, а краткосрочными желаниями, предрассудками и стереотипами. Иными словами, значительный сегмент избирателей представляет собой фрагментированную и разнородную по своим предпочтениям массу, что обусловлено неустойчивой социальной структурой общества.

Данные обстоятельства стимулируют политические партии отказаться от ориентации на конкретную социальную группу и расширить электоральную базу за счет апелляции к интересам различных категорий избирателей. Это не могло не сказаться на партийной идеологии. Фактически большинство политических партий Монголии, регулярно принимающих участие в выборах, отказалось от конкретной идеологии, стремясь получить максимальное количество голосов от всех избирателей, вне зависимости от их собственной идейно-политической ориентации. Иными словами, политические партии Монголии трансформировались в то, что американские политологи Р. Кац и П. Мэйр назвали «лови-всех-партии» (catch-all-parties)⁵⁸⁷.

⁵⁸⁵ *Бадараев Д.Д.* Миграционные процессы в монгольском обществе в зеркале магистралей культур // Известия Восточного института. 2015. №3. - С. 91.

⁵⁸⁶ Монголын ядуурлыг олон улстай харьцуулахад хүндхэн байна (По сравнению с другими странами в Монголии высокий уровень бедности) [Электронный ресурс] URL: <http://www.itoim.mn/index.php/site/category/5> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁸⁷ *Katz R., Mair P.* Changing Models of Party Organization and Party Democracy: the Emergence of the Cartel Party // Party Politics. 1995. Vol.1. № 1. - P. 6.

Отсутствие устойчивых идеологических ориентиров среди широких масс населения Монголии создает возможность для широкого использования популизма и методов политического подкупа избирателей в период предвыборных кампаний. Для представителей монгольской политической элиты характерно возрастающее отчуждение от гражданского общества и конъюнктурная природа взаимодействия с электоратом, основанная на популизме и мало связанной с реальными социальными проблемами риторике.

На этом фоне идейно-политические различия между ведущими партиями Монголии нивелируются, превращаясь в символические. Формально продолжая позиционировать себя в качестве «левых», «правых», «центристов», они зачастую отличаются друг от друга только методами проведения предвыборных PR-кампаний. Анализ предвыборных программ МНРП/МНП и ДП в 2008 г. показывает, что по большинству основных общественных вопросов обе партии не имели принципиальных расхождений. Накануне данных выборов ключевым общественно значимым вопросом был вопрос о распределении доходов от добычи полезных ископаемых. Обе партии сделали упор на обещаниях раздачи денежных средств населению страны, полученных в результате разработки крупных месторождений угля, меди, золота. В программе МНРП/МНП данный проект был назван «Дары Родины»⁵⁸⁸, в программе ДП – «Драгоценная доля»⁵⁸⁹.

Избирательные кампании в ВГХ в 2008, 2012 и 2016 гг. были отмечены очевидными попытками «заигрывания» с массами, в том числе с использованием механизмов политического подкупа. В 2008 г. МНРП/МНП обещала выплатить по 1,5 млн. тугриков на человека, ДП — по 1 млн. тугриков⁵⁹⁰. Другим примером электорального манипулирования в ходе

⁵⁸⁸ УИХ-ын 2008 оны сонгуульд МАХН-аас оролцох мөрийн хөтөлбөр (Предвыборная программа МНРП на выборах 2008 года в ВГХ) [Электронный ресурс] URL: http://www.forum.mn/p_pdf.php?obj_id=2106 (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁸⁹ Ардчилсан намын Улсын Их Хурлын 2008 оны сонгуулийн мөрийн хөтөлбөр (Предвыборная программа Демократической партии на выборах 2008 года в ВГХ) [Электронный ресурс] URL: http://www.forum.mn/p_pdf.php?obj_id=2136 (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁹⁰ УИХ-ын 2008 оны сонгуульд МАХН-аас оролцох мөрийн хөтөлбөр (Предвыборная программа МНРП на выборах 2008 года в ВГХ) [Электронный ресурс] URL: http://www.forum.mn/p_pdf.php?obj_id=2106 (дата посещения 31.01.2018); Ардчилсан намын Улсын Их Хурлын 2008 оны сонгуулийн мөрийн хөтөлбөр

парламентской избирательной кампании 2012 г. стала раздача действовавшим на тот момент правительством С. Батболда каждому гражданину Монголии по 21 тыс. тугриков (около 16 долл.) в месяц из средств фонда «Развитие человека»⁵⁹¹. Наконец, в преддверии выборов 2016 г. ВГХ и правительство Ч. Сайханбилэга, несмотря на серьезные проблемы с бюджетом, приняли решение выплатить каждому ребёнку страны по 20 тыс. тугриков в месяц вплоть до окончания предвыборного периода⁵⁹². Кроме того, за две недели до дня выборов правительство объявило о возможности для граждан страны обналичить 30% своих акций госкомпании «Эрдэнэс Таван Толгой» на общую сумму 300 тыс. тугриков⁵⁹³. По данным монгольского эксперта Б. Батбаяра, приведенным им в ходе доклада на саммите АСЕМ в Улан-Баторе в июле 2016 г., за последние 7 лет государство раздало населению наличными в общей сложности 4 млрд. долларов США⁵⁹⁴.

Данные шаги, помимо дискредитации идеи добросовестной электоральной конкуренции и стимулирования иждивенческих настроений, подхлестывают инфляцию, делают невозможным создание резервного фонда, способного стабилизировать национальную экономику.

В целом, избирательные программы партий и блоков все больше имеют популистский характер слабо связаны с реальной жизнью, не направлены на решение конкретных политических и социально-экономических проблем. Как следствие, после победы на выборах такая программа не может служить основной для проведения реальной политики. Большинство дебатов и дискуссий по важным общественно-политическим проблемам проходят без опоры на серьезные исследования. В результате действия членов

(Предвыборная программа Демократической партии на выборах 2008 года в ВГХ) [Электронный ресурс] URL: http://www.forum.mn/p_pdf.php?obj_id=2136 (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁹¹ До распределения акции Таван Толгой нужно создать Инвестиционный фонд // «Монголия сегодня», 09.03.2012.

⁵⁹² Социальное решение о выплате на каждого ребёнка по 20 тысяч тугриков в месяц [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/11_01_002.html (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁹³ В погоне за обналичиваем своих акций АК “Эрдэнэс Тавантолгой” [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/13_06_007.html (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁹⁴ Б. Батбаяр: Ардчилсан тогтолцооны Монгол хувилбар (Монгольский вариант демократической структуры) [Электронный ресурс] URL: <http://baabar.niitelch.mn/content/7921.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

правительства и депутатов как правило носят стихийный, во многом любительский характер, диктуется лишь текущими обстоятельствами.

Пришедшие к власти откровенные популисты своей деятельностью дискредитируют властные институты и подрывают демократические принципы. Не случаен тот факт, что в рейтингах популярных политиков одни из первых мест занимают те, кто особенно увлекаются популизмом. Например, результаты социологического опроса фонда «Сант Марал», проведенного в апреле 2013 г., показали, что четверть респондентов (25,8%) посчитали самым значимым политиком депутата парламента шестого созыва (2012-2016 гг.) С. Ганбаатара, основывающего свою политическую программу на требования национализации крупнейшего медного месторождения Монголии Оюу Толгой⁵⁹⁵. Откровенно популистские высказывания характерны не только для самовыдвиженцев и относительно молодых политиков. Л. Болд, один ветеранов демократического движения Монголии, неоднократно избиравшийся в ВГХ и занимавший различные министерские должности, в интервью телекомпании CNN высказался следующим образом: «Всего несколько месторождений нашей страны оцениваются в несколько триллионов долларов. И если поделить их на 3 миллиона населения, то каждый человек может стать миллионером. Поэтому нищета – это первая проблема, которую нам предстоит решить. Только так мы сможем изменить нашу страну. Думаю, что для этого потребуется менее 10 лет»⁵⁹⁶.

Хотя в монгольских властных структурах (парламенте, правительстве) отсутствуют представители партий, возникших в качестве правоконсервативных и националистических, данный сегмент идейно-политического пространства страны по мере того, как на него увеличивался общественный запрос, успешно заняли две лидирующие партии –

⁵⁹⁵ По данным социологических опросов Фонда «Сант Марал» [Электронный ресурс] URL: <http://www.santmaral.mn/en/publications> (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁹⁶ Сайд Л.Болд CNN-д ярилцлага өгөв (Министр Л.Болд дал интервью CNN) [Электронный ресурс] URL: <http://www.news.mn/r/140597> (дата посещения 31.01.2018)

МНРП/МНП и ДП, активно использовавшие национально-патриотическую риторику и антииностранные настроения.

Темой, активно используемой политиками в своих интересах, является патриотизм, зачастую принимающий формы т.н. «ресурсного национализма». Неофициальным слоганом ДП и сочувствующих ей организаций в преддверии парламентских выборов 2012 г. стала фраза «Монголия для монголов», что подразумевало изгнание иностранных инвесторов из крупных горнодобывающих проектов и замена их исключительно монгольскими компаниями. В частности, выразителем подобных идей был консорциум «Монгол 999», действовавший под негласным руководством ДП⁵⁹⁷. Красноречиво в этом плане прозвучали слова представителя консорциума «Монгол 999» Д. Бат-Эрдэнэ по поводу присутствия иностранных инвесторов в добывающем секторе страны: «Все, что хотят иностранцы, это ослабить нас как единую нацию»⁵⁹⁸. В целом, «ресурсный национализм», предполагающий полное или частичное освобождение от участия иностранного капитала в горнорудном секторе страны, в последние 10 лет стал лейтмотивом выступлений многих монгольских политиков и общественных деятелей, подыгрывающим общественным настроениям.

Таблица 10. Каково должно быть соотношение доли монгольских и иностранных компаний в стратегических месторождениях полезных ископаемых? (%)⁵⁹⁹

Варианты ответов	2013	2014	2015	2017
100% у монгольских	24.7	24.6	21.7	25.7

⁵⁹⁷ Mongol-999 Consortium Calls TT Partnership [Электронный ресурс] URL: http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=4957&Itemid=40 (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁹⁸ D. Bat-Erdene: We Will Develop Tavan Tolgoi on Our Own Resources [Электронный ресурс] URL: http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=4845&Itemid=40 (дата посещения 31.01.2018)

⁵⁹⁹ Sant Maral Foundation [Электронный ресурс] URL: <http://www.santmaral.mn/en/publications> (дата посещения 31.01.2018)

51% и более у МОНГОЛЬСКИХ	59.6	55.8	61.8	58.2
50 на 50%	6.9	8.7	10.4	10.2
51% и более у ИНОСТРАННЫХ	0.5	0.8	0.5	0.5
100% у ИНОСТРАННЫХ	0.1	0.3	0.2	0.3
Не знаю/нет ответа	8.4	10.0	5.5	5.2

Апеллируя к патриотическим чувствам населения, политики активно используют легислативное манипулирование, т.е. избирательное конъюнктурное принятие законов и иных правовых норм, вольное обращение с законами и процедурами законодательного процесса. Наглядным примером данного вида манипулирования является случай с принятием весной 2012 г. ВГХ Закона «О регулировании иностранных инвестиций в стратегические отрасли». Поводом к принятию данного закона стал случай с попыткой покупки китайской компанией «Чалко» контрольного пакета акций канадской компании «Саус Гоби», владевшей лицензией на разработку крупного угольного месторождения Нарийн Сухайт. Монгольская общественность резко негативно отреагировала на этот случай, потребовав от властей пресечь данную сделку⁶⁰⁰. Стремясь подыграть общественным настроениям, депутаты ВГХ, в преддверии очередных парламентских выборов, приняли данный закон. Согласно его условиям, монгольское государство становилось основным участником во всех крупных горнорудных проектах⁶⁰¹. В результате, преследуя сиюминутные политические цели, монгольские

⁶⁰⁰ Продажу «Саус Гоби» китайцам можно остановить // Монголия сегодня, 16.04.2012

⁶⁰¹ The law on foreign investment regulation to be amended [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/104744.shtml> (дата посещения 31.01.2018).

политики приняли закон, который в значительной мере ухудшил инвестиционную среду, ужесточив требования к иностранным компаниям⁶⁰².

Зачастую высокопоставленные политики, ведя полемику со своими оппонентами, говорят о моральных принципах и выражают на публике свои патриотические чувства. Один из лидеров ДП и действующий президент Монголии Х. Баттулга, будучи министром промышленности и сельского хозяйства в правительстве Н. Алтанхуяга, провел агрессивную кампанию в СМИ против сторонников строительства новых железных дорог Монголии по узкоколейному стандарту (1435 мм), обвинив их в отстаивании интересов Китая, а не своей страны⁶⁰³. При этом сам Х. Баттулга, ранее занимая должность министра транспорта в правительстве С. Батболда, активно лоббировал проект строительства железной дороги в северо-восточном направлении, заключив тайное соглашение с южнокорейской компанией⁶⁰⁴.

Другим примером, демонстрирующим низкую эффективность существующей политической системы, является процесс борьбы с коррупцией. Данная тема с регулярным постоянством поднимается и используется в политическом процессе постсоциалистической Монголии. С начала 1990-х гг. проблема коррупции в высших эшелонах власти стала одним из самых болезненных вопросов монгольского общества. В рамках закона «О приватизации», принятого в 1991 г., 44% государственных предприятий и учреждений были приватизированы посредством раздачи ваучеров населению страны. В то же время судьба оставшихся 56% госсобственности осталась неизвестной⁶⁰⁵. Директор Института философии Академии наук Монголии Г. Чулуунбатор откровенно оценивает приватизационный процесс в Монголии

⁶⁰² Mongolia: mine ownership gets political [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/105770.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁰³ Х. Баттулга: Если выбрать узкоколейную железную дорогу, то богатства будут бесконтрольно вывозиться в КНР // Монголия сегодня, 17.01.2013

⁶⁰⁴ Ц. Нямдорж Женко сайд Х. Баттулгын илчиллээ булхайг (Ц. Нямдорж выявил мошенничество министра Х. Баттулги-Женко) [Электронный ресурс] URL: <http://www.shuud.mn/content/read/78731.htm> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁰⁵ *Choikhand J.* Economic and political liberalization in Mongolia // *The Mongolian journal of international affairs.* 2006. №13. - P. 28.

начала 1990-х гг. как неэффективный и коррупционный⁶⁰⁶. Громкий общественный резонанс вызвало дело о тайных долгосрочных концессионных соглашениях, заключенных монгольским правительством П. Жасрая с иностранными компаниями в 1995 г. По условиям первого соглашения, иностранная компания «Ibex group partnership» получала эксклюзивный доступ к горнорудной отрасли и другим секторам экономики Монголии на период 99 лет. Второе соглашение предполагало передачу прав другой иностранной компании «Molam corporation joint venture» на использование телефонной системы Монголии в течение 40 лет⁶⁰⁷. Подобные условия для иностранных компаний недвусмысленно намекали на коррупционную составляющую при заключении соглашений. Только под давлением общественности соглашения были аннулированы. При этом никто из высокопоставленных чиновников не понес соответствующее наказание. Коррупционные скандалы второй половины 1990-х гг. сотрясали правительства, формируемые демократической коалицией. Так, три депутата ВГХ второго созыва даже были осуждены по обвинению в различных коррупционных преступлениях⁶⁰⁸.

Лозунги борьбы с коррупцией стали общим местом в программах кандидатов в президенты и члены парламента. Предвыборная программа кандидата от ДП М. Энхсайхана на президентских выборах 2005 г. была построена на антикоррупционной риторике. В частности, он обвинил своего конкурента на выборах Н. Энхбаяра в махинациях при реструктуризации монгольского долга России⁶⁰⁹. Обещания последовательной борьбы с коррупцией стали главной составляющей агитационной кампании Ц.

⁶⁰⁶ Chuluunbaatar G. Указ. соч. - P. 11.

⁶⁰⁷ Severinghaus S. Mongolia in 1995: gearing up for the 1996 elections // Asian Survey. 1996. Vol.36. №1. - P. 96.

⁶⁰⁸ Chuluunbaatar G. Указ. соч. - P. 14.

⁶⁰⁹ Монголия хочет заплатить России 11 млрд. долларов // Версия, 22.05.2005.

Элбэгдоржа на президентских выборах в 2009 г.⁶¹⁰. В 2017 г. все три кандидата в президенты поставили во главу угла задачу противодействия коррупции⁶¹¹.

Однако, как и в случае с рядом других государственных институтов, специализированное подразделение по борьбе с коррупцией – Анतिकоррупционное агентство - стало лишь инструментом, используемым в интересах отдельных политиков и политических групп. Согласно экспертным оценкам, Ц. Элбэгдорж, став в 2009 г. президентом Монголии, ввел неформальную практику активного использования Анतिकоррупционного агентства для борьбы с политическими оппонентами⁶¹². Самым резонансным событием, связанным с обвинением в коррупции, стало дело экс-президента Монголии Н. Энхбаяра. В апреле 2012 г., незадолго до парламентских выборов, сотрудники Анतिकоррупционного агентства арестовали Н. Энхбаяра по обвинению в злоупотреблении государственными полномочиями. Политическая подоплека этого дела состояла в том, что Н. Энхбаяр рассматривался в качестве серьезного конкурента Ц. Элбэгдоржа на предстоящих президентских выборах 2013 г. Общественное мнение Монголии было в массе своей согласно с обвинениями в отношении Н. Энхбаяра. В то же время также конвенциональной была позиция по поводу того, что многие другие монгольские политики не менее вовлечены в коррупционные сделки и схемы, нежели бывший президент Монголии. Однако, ни один высокопоставленный политик, относящийся к правящим на тот момент кругам, не оказался осужден по коррупционным делам. Вице-спикер ВГХ шестого созыва С. Баярцогт (член ДП), уличенный в наличии незадекларированных зарубежных счетов, был лишь снят со своего поста,

⁶¹⁰Ганжуров А.В. Избирательная кампания президента Монголии в свете предстоящего визита В.В. Путина // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. Выпуск 8. - С. 184.

⁶¹¹ Ардчилсан Намаас нэр дэвшигч Х.Баттулгын мөрийн хөтөлбөр (Программа кандидата от Демократической партии Х. Баттулги) [Электронный ресурс] URL: <http://gec.gov.mn/details/2137> (дата посещения 31.01.2018); Монгол Ардын Хувьсгалт Намаас нэр дэвшигч С.Ганбаатарын мөрийн хөтөлбөр (Программа кандидата от Монгольской народно-революционной партии С. Ганбаатара) [Электронный ресурс] URL: <http://gec.gov.mn/details/2138> (дата посещения 31.01.2018); Монгол Ардын Намаас нэр дэвшигч М.Энхболдын мөрийн (Программа кандидата от Монгольской народной партии М. Энхболда) хөтөлбөр [Электронный ресурс] URL: <http://gec.gov.mn/details/2136> (дата посещения 31.01.2018)

⁶¹² Сабиров Р.Т. Арест экс-президента Н. Энхбаяра и нетипичная демократия в Монголии // Восток. Афро-азитаские исследования. 2014. №1. – С. 79-89.

сохранив за собой депутатский статус⁶¹³. Основная часть антикоррупционных дел касалась членов оппозиционных ДП партий и близким к ним лиц. Например, в 2012 г. на заседании партконференции МНРП/МНП было принято решение выдвинуть кандидатуру Ц. Анандбазара для участия в парламентских выборах. Однако сотрудники Антикоррупционного агентства арестовали его непосредственно перед выборами и выпустили вскоре после их завершения⁶¹⁴.

Эти обстоятельства породили глубокое сомнение в искренности и последовательности антикоррупционной политики правящих кругов. Случай с делом Н. Энхбаяра, как и другие дела, показал, что использование государственных непартийных структур (в данном случае Антикоррупционного агентства) является действенным способом ведения политической борьбы с оппонентами. Весьма показательным в этом плане стал тот факт, что после своей победы на парламентских выборах 2016 г. руководство МНРП/МНП первым делом решило вопрос о новом главе этого ведомства⁶¹⁵.

Институтом гражданского общества, призванным обеспечивать общественный контроль над властью, традиционно считаются СМИ. В Монголии наличие независимых СМИ и свободы слова многими признается важным атрибутом демократического процесса. Л. Болд называет свободу слова «душой монгольской демократии... которая объединила монголов, помогла им прийти к взаимопониманию, родила и укрепила демократию»⁶¹⁶. По словам четвертого президента Ц. Элбэгдоржа, «Монголия занимает первое место в мире по количеству СМИ на душу населения»⁶¹⁷. В то же духе

⁶¹³ Монгольский политик возглавил список ведущих владельцев тайных счетов [Электронный ресурс] URL: <http://asiarussia.ru/news/11969/> (дата посещения 31.01.2018)

⁶¹⁴ Ц. Анандбазарыг яагаад баривчлав (Почему арестовали Ц. Анандбазара) [Электронный ресурс] URL: <http://www.shuurhai.mn/21385> (дата посещения 31.01.2018)

⁶¹⁵ Х. Энхжаргал становится главой Антикоррупционного управления // Монцамэ, 08.07.2016

⁶¹⁶ Вопросы прав человека в Монголии. Доклад Л. Болда на сессии ПА ОБСЕ, Улан-Батор, 15-18 сентября 2015 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.oscepa.org/meetings/autumn-meetings/2015-mongolia> (дата посещения 31.01.2018)

⁶¹⁷ Монгол улсын Ерөнхийлогч Цахиагийн Элбэгдоржийн Европын парламентын чуулганд хэлсэн үг (Выступление Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа на заседании Европейского парламента) [Электронный ресурс] URL: www.president.mn/content/1164 (дата посещения 31.01.2018)

рассуждают эксперты, называя «свободные СМИ неотъемлемой составляющей гражданского общества Монголии»⁶¹⁸.

Однако СМИ современной Монголии трудно назвать серьезными факторами, препятствующими злоупотреблениям властей. Во-первых, по общему признанию монгольские масс-медиа остаются структурами с низким уровнем журналистской культуры, в своих репортажах часто опираются на слухи и непроверенную информацию, практически не содержат аналитики. Такая социально значимая проблема как коррупция большинством монгольских СМИ подается в стиле бульварной прессы и редко подкрепляется достоверными фактами. Во-вторых, большинство ведущих газет, телеканалов и информационных интернет-сайтов Монголии принадлежат тем или иным ведущим политикам и бизнесменам. Так, большинство влиятельных монгольских политиков являются владельцами различных телеканалов, газет, журналов, интернет-порталов⁶¹⁹. Это заставляет усомниться в беспристрастности и независимости позиций, выражаемых монгольскими масс-медиа и превращает их в обычные орудия политической борьбы, лишая объективности подаваемой информации.

Отсутствие иных форм обратной связи помимо выборов между депутатами и избирателями значительно ограничивает ответственность членов парламента. Законодательно не предусмотрен механизм отзыва избранных со своих должностей. Как следствие, заметным явлением политической жизни Монголии последних 15 лет стали альтернативные выборам формы гражданского политического участия - массовые митинги, петиции, манифестации, общественные дискуссии. Организационной формой этих акций стали различные гражданские движения (монг. иргэний хөдөлгөөн) самого разного профиля – профсоюзные, экологические, женские, националистические и пр. Иными словами, гражданский активизм в Монголии

⁶¹⁸ Schmücking D., Adiyasuren J. Five Reasons Why Democracy in Mongolia is Working [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2017/five-factors-in-functioning-democracy/> (дата посещения 31.01.2018)

⁶¹⁹ Монголия находится в первой десятке по числу СМИ на душу населения // Монголия сегодня, 27.07.2016

представляет собой комплексное явление, выражающееся в различных формах и социальных группах.

С 1992 г. количество неправительственных организаций (НПО) в Монголии стремительно росло, достигнув уже к 2000 г. отметки 1800, а к 2005 г. - 4800 зарегистрированных организаций⁶²⁰. Закон «О неправительственных организациях» 1997 г. упростил процесс регистрации НПО, что спровоцировало их рост. Чисто внешне большое количество НПО и акций с их участием свидетельствует о развитости гражданского общества в Монголии. Люди, лишённые надежды на стабильное будущее и разуверившиеся в институте выборов, находят выход в наиболее доступных для них формах политической активности – митингах, петициях, протестных движениях. Причины, по которым люди отворачиваются от привычных форм политического участия (выборов) заключаются не столько в новых ценностях и настроениях, сколько в тех изменениях, что происходят с основными институтами власти (безответственность власти, коррупция, nepotизм, приводящие к низкой эффективности государственной политики).

Как отмечает монгольский исследователь Ч. Мунхбаяр, расцвет гражданских движений в Монголии пришелся на середину 2000-х гг., когда общественное движение под названием «Здоровое общество» во главе с Ж. Батзанданом, О. Магнаем и С. Ичинноров, никому на тот момент не известными людьми, выступило с критикой правительства Н. Энхбаяра⁶²¹. В дальнейшем данное движение протестовало против условий соглашения правительства Монголии с канадскими инвесторами по поводу разработки крупнейшего месторождения меди Оюу Толгой. Нередким явлением в этих случаях является присоединение к акциям протеста пострадавших вкладчиков банков, пенсионеров, работников бюджетной сферы.

⁶²⁰ *Enkhsaikhan J.* Promotion of democracy and civil society in Northeast Asia [Электронный ресурс] URL: https://www.apu.ac.jp/rcaps/uploads/fckeditor/publications/journal/RJAPS_V26_Jargalsaikhan.pdf (дата посещения 31.01.2018)

⁶²¹ *Мунхбаяр Ч.* Гражданские движения Монголии – четыре волны [Электронный ресурс] URL: <http://asiarussia.ru/articles/8435/> (дата посещения 31.01.2018)

Гражданские активисты, наряду с легальными и мирными методами протеста, периодически используют в своей деятельности силовое давление. Например, акция протеста против действий членов МНРП/МНП по отставке правительства Ц. Элбэгдоржа зимой 2006 г., завершилась закидыванием камнями Дома правительства и штаб-квартиры МНРП/МНП. Но наиболее резонансным событием с участием представителей гражданского движения стали массовые беспорядки 1 июля 2008 г. Выразив несогласие с результатами выборов в ВГХ 6 созыва и поддержав призыв руководства проигравшей ДП выйти с акцией протеста, ряд гражданских активистов приняли участие в разгроме и сожжении штаб-квартиры победившей на выборах МНРП/МНП. В результате столкновений с полицией погибло 5 человек, ранены около 300, арестовано 760, а в стране на несколько дней было введено чрезвычайное положение⁶²².

События 1 июля 2008 г. продемонстрировали два важных обстоятельства. Во-первых, это подконтрольность ряда гражданских движений политическим партиям, использующим активистов в качестве радикальной силы при разрешении конфликтных ситуаций с оппонентами. Во-вторых, последовавшие за беспорядками шаги победившей на выборах МНРП/МНП продемонстрировали определенную действенность силовых акций протеста для достижения политических целей. Несмотря на отказ ЦИК Монголии пересмотреть результаты выборов, председатель МНРП/МНП С. Баяр во многом под влиянием событий 1 июля был вынужден пойти на формирование коалиционного правительства с ДП.

В дальнейшем использование силовых акций продолжилось. В последние десять лет акцент в деятельности многих гражданских движений сместился в сторону экологических и природоохранных акций. Важной предпосылкой для этого является неспособность властей регулировать деятельность добывающих компаний, по закону обязанных применять экологически чистые

⁶²² Гольман М.И. Монголия. долгое эхо бурного лета 2008-го // Азия и Африка сегодня. 2009. №9. - С. 44.

технологии и проводить рекультивацию почв. Выступая в качестве защитников народа и родной страны от недобросовестных добывающих фирм, монгольские экологи своей деятельностью пытаются компенсировать слабость государства в этой сфере. Как следствие, многие монгольские «зеленые» пользуются широкой общественной поддержкой. Когда в 2010 г. один из лидеров экологического движения «Огненная нация» (монг. «Гал ундэстэн») Ц. Мунхбаяр обстрелял из ружья трактор, принадлежащий частной золотодобывающей компании, попытка привлечь его к уголовной ответственности привела к массовой манифестации скотоводов Монголии в центре Улан-Батора, и виновник происшествия сумел избежать ответственности⁶²³.

Популярность экологической тематики приводит к вовлечению в природоохранную деятельность самых различных политических сил и групп. Например, националистическая группа «Белая свастика» (монг. «Цагаан хас») объявила себя природоохранной организацией, целью которой является проверка шахт и мест выработки полезных ископаемых на предмет соблюдения добывающими компаниями экологических норм. Принимая во внимание тот факт, что многие добывающие компании являются иностранными, лозунги борьбы за экологию тесно переплетаются с ксенофобией и антииностранной риторикой, иногда становясь лишь политкорректным прикрытием для экстремистской деятельности. Таким образом, проблемы экологии в современной Монголии существуют в тесной связи с политическими процессами в этой стране.

Многие общественные движения и гражданские активисты со временем склонны перенимать опыт политических партий и высокопоставленных чиновников в деле манипулирования общественным мнением, прибегая к популизму. Нередкими являются случаи, когда лидеры подобных движений, используют заработанную популярность в личных целях, занимая

⁶²³ Представители гражданского движения построили юрты на площади Сухэ-Батора // Монцамэ, 20.04.2011

государственные посты и депутатские кресла. Один из лидеров движения «Здоровое общество» О. Магнай спустя несколько лет после своего появления на политической арене стал членом ДП, избрался в ВГХ и возглавил Агентство по контролю за соблюдением справедливой конкуренции.

Проведенные в 5 главе исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Наряду с формальными политическими институтами (парламентом, правительством, президентом, судами, политическими партиями) в монгольском политическом пространстве широко представлены неформальные институты. Ведущую роль в определении деятельности основных формальных институтов Монголии играют внутрипартийные группы, как правило, выступающие организационными формами борьбы представителей крупного бизнеса за политические и экономические ресурсы. Появление и регулярное воспроизводство внутрипартийных групп стало возможно благодаря несовершенству законодательства в сфере финансирования политических партий, а также устойчивой практики использования государственных должностей в интересах частного бизнеса.
2. Прямым следствием господства интересов отдельных внутрипартийных групп и стоящих за ними крупных бизнес-структур, земляческих и родственных сетей стала практика назначения сотрудников государственного аппарата преимущественно по принципу личной преданности и партийной принадлежности. Подобное проявление nepотизма и патронажно-клиентельных отношений при осуществлении государственной политики приводит к низкому качеству государственного управления, неспособности реализовать крупные экономические проекты и отсутствию принципов преемственности при исполнении ранее принятых на себя обязательств, в том числе перед иностранными партнерами.
3. Тенденцией развития политического процесса в Монголии может быть названа деидеологизация ведущих политических партий. Факторами, обуславливающими эту тенденцию, являются изменения социально-

экономического характера – сегментация социальной структуры, миграция из сельской местности в города, высокий уровень бедности и безработицы, общий низкий уровень жизни населения страны. Все это создало условия для господства популизма (включая национализм и ксенофобию) как главного принципа в деятельности монгольских политиков и партий, подменяющего собой иные идеологические принципы. В свою очередь, доминирование популистов не приводит к решению реальных политических и социально-экономических проблем, государственная политика, как правило, носит стихийный характер, диктуется лишь текущими обстоятельствами.

4. Другой тенденцией в политической жизни Монголии является высокий уровень политической активности масс помимо участия в выборах. Ведущей формой такого участия стали оппозиционные власти гражданские движения, претендующие на статус альтернативной государственным и партийным структурам силы. Не случаен тот факт, что основными направлениями в деятельности подобных гражданских движений являются такие актуальные для монгольского общества задачи как противодействие коррупции, справедливость избирательного процесса, защита окружающей среды. Однако, общий низкий уровень жизни населения Монголии является предпосылкой для активного использования гражданскими движениями радикальных методов и форм борьбы, замещенных на популизме и ксенофобии. Кроме того, доминирование внутрипартийных групп и стоящих за ними деловых и родственно-земляческих сетей, приводит к снижению роли гражданских движений, нередко используемыми в качестве инструмента для решения текущих политических задач. В целом, как показывает практика, активность гражданских движений за редким исключением мало влияет на принятие стратегических решений и решение насущных проблем общества.

Глава 6. Международно-политический контекст политического процесса в Монголии

6.1. Политический процесс в постсоциалистической Монголии и отношения с Китаем

Китай, наряду с Россией, является значимым внешним фактором политического процесса в Монголии. Именно Китай, общая граница с которым у Монголии равна 4677 км, исторически самый давний и вместе с тем противоречивый сосед Монголии.

С древних времен кочевые племена Внутренней Азии контактировали с Поднебесной. Характер контактов варьировался от дипломатических и торговых до взаимных военных агрессий. Достаточно напомнить о том, что в XIII в. Китай был завоеван монгольским правителем Чингисханом, а его внук Хубилай основал монгольскую династию Юань, просуществовавшую в Китае до 1368 г. В свою очередь, в XVII в. маньчжурская династия Цин покорила южные и северные монгольские ханства, на несколько веков инкорпорировав Монголию в состав Китая. В рамках Цинской империи монгольские земли были поделены на Внутреннюю Монголию (ныне - Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) в составе КНР) и Внешнюю Монголию (современная независимая Монголия).

Именно борьба за независимость против Цин, а затем и против республиканского Китая стала основой политического развития Монголии в первой половине XX в. Вплоть до 1946 г. официальные власти Китая не признавали монгольский суверенитет, рассматривая страну в качестве неотъемлемой части собственной территории. Более того, китайская сторона предпринимала попытки военным путем восстановить свой суверенитет над Монголией. В 1919 г. китайские войска под командованием Сюй Шучжэна оккупировали Внешнюю Монголию, отрешили от власти Богдо-гэгэна и ликвидировали независимость страны. Прямым следствием китайской оккупации Монголии стало превращение страны в колонию. В 1919-1921 гг.

значительно увеличилось количество китайских поселенцев в Монголии, поставивших под контроль финансово-торговую сферу⁶²⁴, все монгольские чиновники были заменены китайскими⁶²⁵. Лишь в результате последовавших за этим событий, связанных с вторжением из России белогвардейского барона Р. Унгерна и военной помощью со стороны большевистского правительства, Монголия сумела восстановить национальную независимость.

Фактор китайской угрозы монгольской независимости сыграл важнейшую роль в процессе образования советско-монгольского военно-политического союза. Поэтому не случайно то, что при прямом содействии СССР, оказавшего давление на правительство Чан Кайши, официальный Пекин был вынужден признать независимость МНР в январе 1946 г. Однако, в последующие годы правительство Чан Кайши возвращалось к идее возвращения Монголии в состав Китая, вплоть до наших дней на Тайване продолжает действовать Комиссия по делам Монголии и Тибета, обладающая полномочиями министерства⁶²⁶.

После утверждения в 1949 г. в Китае дружественного (на тот момент времени) СССР коммунистического режима отношения Улан-Батора и Пекина получили новое наполнение. Статус фактически союзного Москве китайского государства (согласно условиям советско-китайского договора о Дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г.⁶²⁷) способствовал установлению довольно тесных монголо-китайских контактов. Китайское коммунистическое руководство, несмотря на периодические высказывания своих представителей по вопросу о восстановлении в дальнейшем своего суверенитета над Внешней Монголией⁶²⁸, в 1950 г. подтвердило независимый статус Монголии, во

⁶²⁴ *Murphy G. Soviet Mongolia. A Study of the Oldest Political Satellite.* - Berkley: University of California Press. 1966. - P. 59.

⁶²⁵ *Белов Е.А.* Как была ликвидирована автономия Внешней Монголии // *Азия и Африка сегодня.* 1997. №5. - С. 68.

⁶²⁶ Official Site of Mongolian and Tibetan Affairs Commission [Электронный ресурс] URL: <http://www.mtac.gov.tw/emain.php> (дата посещения 31.01.2018)

⁶²⁷ Системная история международных отношений. Документы. Т.4. – С. 138.

⁶²⁸ Попытки «вернуть» Монголию в состав Китая предпринимались неоднократно. Весной 1949 г. Мао обратился к советскому руководству с просьбой изложить свое мнение о возможности присоединения МНР к Китаю, на что получил отрицательный ответ Сталина (*Галенович Ю.М.* Китайские претензии: Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая. - М.: Русская панорама, 2015. - С. 438-439.). Позднее, в

многим улучшив климат двусторонних отношений⁶²⁹. Хотя, как указывает специалист по китайской внешней политике Е.Д. Степанов, это «признание было подтверждено опосредованно – фактом установления с ней дипломатических отношений»⁶³⁰.

На смену фактической изоляции Монголии от своего южного соседа пришла политика сотрудничества в различных областях – политической, социально-экономической, общественно-культурной. В мае 1960 г. был подписан монголо-китайский Договор о дружбе и взаимной помощи⁶³¹, в декабре 1962 г. – Договор о монголо-китайской границе, согласно которому МНР отходил ряд спорных территорий⁶³². В июне 1956 г. китайское правительство предоставило МНР безвозмездную помощь в размере 160 млн. руб⁶³³. По данным С. Радченко, МНР была третьей страной после КНДР и Северного Вьетнама по объемам экономической помощи, полученной от КНР в этот период⁶³⁴. Пекин направил в Монголию около 17-18 тыс. китайских рабочих, построивших промышленные объекты и жилые кварталы в стране⁶³⁵. В 1956 г. была сдана в эксплуатацию железнодорожная линия Улан-Батор – Цзилин, позволившей МНР за счет транзитных перевозок получить 18,3 млн. руб⁶³⁶.

Однако, в силу ряда причин монголо-китайские добрососедские отношения продлились недолго, и уже к середине 1960-х гг. трансформировались в конфронтационные. Улан-Батор, связанный давними межпартийными связями с Москвой, полностью поддержал ее в противостоянии с Пекином, когда в декабре 1963 г. на пленуме ЦК МНРП

1954 г. во время празднования в Пекине 5-летия КНР, данный вопрос был вновь поднят китайской стороной в разговоре с представителями СССР и МНР (*Галенович Ю.М.* Указ. соч. - С.336.).

⁶²⁹ *Яскина Г.С.* Монголия и внешний мир. – С. 161.

⁶³⁰ *Степанов Е.Д.* Пограничная политика КНР // Китай в мировой политике. – М.: МГИМО, 2001. – С. 151.

⁶³¹ *Капица М.С.* На разных параллелях. Записки дипломата. – М., 1996. - С. 107.

⁶³² *Степанов Е.Д.* Пограничная политика КНР. – С. 153.

⁶³³ *Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т.2 (1958-1976 годы).* – М.: Международные отношения, 1976. – С. 34.

⁶³⁴ *Radchenko S. S.* The Soviets' best friends in Asia: the Mongolian Dimension of the Sino-Soviet Split. – Woodrow Wilson International Centre for Scholars. Working Paper №42. – Washington D.C. November. 2003. – P. 3.

⁶³⁵ По данным Р. Рупена, Мао Цзэдун предлагал монгольской стороне до 300 тысяч рабочих (*Rupen R.* The fiftieth anniversary of the Mongolian People's Republic: 1921-1971 // *Asian Survey.* 1973. №5. - P. 467.)

⁶³⁶ *История Монголии. XX век.* - С. 251.

было принято заявление «О попытке руководства КПК внести раскол в мировое коммунистическое движение и политику МНРП»⁶³⁷. Более того, именно монгольская сторона, имея собственные, привнесенные историей причины подозрительного отношения к южному соседу, нередко выдвигала антикитайские инициативы. С началом «культурной революции» в КНР, в ходе которой хунвэйбины выдвинули лозунги о возвращении Монголии в состав Китая, руководство МНР обратилось к Москве с официальной просьбой о размещении на монгольской территории советских войск⁶³⁸. Также крайне болезненно монгольская общественность реагировала на репрессии в отношении монголов в АРВМ периода «культурной революции», во время которой 22900 человек было убито, 120000 человек – покалечено, 790000 человек - арестовано⁶³⁹.

Фактор советско-китайского противостояния стал активно использоваться монгольскими лидерами во внутривластной борьбе. Так, Ю. Цэдэнбал выставлял все внутривластные разногласия в качестве инспирированных китайской стороной акций по расколу советско-монгольской дружбы. На партийном Пленуме в декабре 1964 г. он открыто обвинил часть однопартийцев - т.н. «антипартийную группу» во главе с Ц. Лоохуузом, Х. Нямбуу и Б. Сурмаажавом, критиковавших его за слишком просоветский курс - в симпатиях к КНР. Этого было достаточно для того, чтобы объявить их «китайскими шпионами»⁶⁴⁰. По мнению С. Радченко, критики Ю. Цэдэнбала не были китайскими шпионами, и в конечном итоге, являлись «лишь монгольскими националистами... которые не хотели видеть свою страну китайским сателлитом»⁶⁴¹. Однако вопрос о том, насколько оппоненты Цэдэнбала являлись менее просоветски настроенными силами (и являлись ли таковыми в принципе), остается открытым. Возможно, что

⁶³⁷ Там же. - С. 253.

⁶³⁸ Там же. - С. 245.

⁶³⁹ *Sneath D.* Changing Inner Mongolia: pastoral Mongolian society and the Chinese state. - Oxford: Oxford University Press, 2000. - P. 114-115.

⁶⁴⁰ *Radchenko S. S.* The Soviets' best friends in Asia. - P. 18.

⁶⁴¹ Там же.

критика политики Ю. Цэдэнбала по сближению с Москвой была простым политическим маневром его соперников, нежели их стремлением проводить менее лояльную Москве внешнеполитическую линию.

В годы конфронтации с КНР во внутренней и внешней политике МНР активно культивировалась антикитайская линия. В научно-исторических работах и художественных произведениях, в газетах и журналах рисовался крайне негативный образ Китая и китайцев, изображаемых как главных истинных врагов Монголии, стремящихся разными способами поработить и ассимилировать монголов⁶⁴². Граждане МНР китайского происхождения нередко были вынуждены скрывать свою национальность, так как зачастую могли быть обвинены в шпионаже в пользу Китая и подвергнуться дискриминации при приеме на работу или получении образования⁶⁴³. Все экономические, культурные и образовательные контакты с южным соседом были сведены к минимуму.

КНР, в свою очередь, вплоть до конца 1980-х гг. проецировала свою военно-политическую мощь на дальневосточные границы СССР и границы МНР, оказывая постоянное давление на Монголию. Вдоль монголо-китайской границы были сосредоточены многочисленные дивизии НОАК, в течение только одного 1963 г. Пекин провел более тысячи военных учений. В 1965 г. в китайской провинции Ганьсу стал сооружаться полигон для запуска баллистических ракет и ракетносителей⁶⁴⁴. О том, что для китайской стороны роль Монголии во внешнеполитической стратегии являлась серьезным фактором, свидетельствует включение Пекином в перечень необходимых условий для нормализации отношений с Москвой (т.н. «четыре препятствия») вывод советских войск с территории МНР⁶⁴⁵.

⁶⁴² *Rupen R.* How Mongolia is really ruled: a political history of the Mongolian People's Republic, 1900-1978. - Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University, 1979. - P. 92-100.

⁶⁴³ *Radchenko S.* Mongolian politics in the shadow of the Cold War: the 1964 coup attempt and the Sino-Soviet split // *Journal of Cold War studies.* 2006. - P. 95-119.

⁶⁴⁴ *Яскина Г.С.* Монголия и внешний мир. - С. 166.

⁶⁴⁵ *Системная история международных отношений.* Т.3. – С. 478.

Нормализация советско-китайских отношений в конце 1980-х гг. способствовала улучшению общего климата взаимоотношений Монголии со своим южным соседом. На рубеже 1980-1990-х гг. был дан импульс развитию торгово-экономического сотрудничества. В 1986 г., спустя два десятилетия, было заключено монголо-китайское торговое соглашение сроком на 5 лет, 26 августа 1991 г. – соглашение о транзите монгольских товаров через территорию Китая и открытие порта Тяньзинь для монгольского судоходства⁶⁴⁶. В эти же годы стороны совершили дипломатический прорыв, урегулировав политические отношения. Двусторонние официальные визиты на высшем уровне, контакты между руководством правящих МНРП и КПК стали осуществляться регулярно. В апреле 1989 г. произошел официальный визит в КНР главы МИД МНР Ц. Гомбосурэна. В 1990 г. председатель ВНХ П. Очирбат нанес первый за 28 лет официальный визит в КНР; в феврале 1991 г. уже председатель КНР Ян Шанькун посетил с официальным визитом Монголию.

Логическим итогом окончательной нормализации отношений стал официальный визит в Монголию в апреле 1994 г. главы госсовета КНР Ли Пэна, в ходе которого был подписан «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве». В первую очередь, стороны подтвердили свое уважение к суверенитету, независимости и территориальной целостности (статья 1)⁶⁴⁷, что было крайне важно прежде всего для монгольской стороны. Данное положение, по мнению монгольского дипломата Х. Олзвоя, существенно отличало Договор 1994 г. от монголо-китайского Договора «О дружбе и взаимной помощи» 1960 г., в котором слово «независимость» не было зафиксировано⁶⁴⁸. Кроме того, Улан-Батор и Пекин обязались не участвовать в каких-либо военно-политических союзах, направленных друг против друга

⁶⁴⁶ Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. - М.: ИВ РАН, 2009. - С. 103-104.

⁶⁴⁷ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. - С. 341-343.

⁶⁴⁸ *Olzvoy Kh.* Mongolia and China: Friendship and Friendly Relations Treaties (a Researcher's Analysis) // Алтан аргамж. 2000. №1. - Р. 57.

(статья 4)⁶⁴⁹, что, в свою очередь, отвечало интересам китайской стороны, не желавшей возрождения российско-монгольского военного союза. Монгольский президент П. Очирбат по итогам визита Ли Пэна даже заявил, что «между Монголией и Китаем нет больше нерешенных принципиальных проблем»⁶⁵⁰.

В дальнейшем китайские руководители, дабы подтвердить свои дружественные намерения, неоднократно подчеркивали признание монгольского суверенитета. В монголо-китайской декларации, подписанной по итогам официального визита в августе 2014 г. в Монголию председателя КНР Си Цзиньпина было отдельно прописано, что «стороны уважают суверенитет, равноправие и территориальную целостность друг друга»⁶⁵¹. Двумя годами позже эту же позицию подтвердил член ЦК КПК Лю Юншань, заявив во время встречи с Ц. Элбэгдоржем, что «китайская сторона с уважением относится к независимости и территориальной целостности Монголии»⁶⁵². Смысл данных заявлений сводится к тому, чтобы поддерживать высокий уровень взаимного доверия сторон, дефицит которого был ощутим в 1960-1970-е гг.

Поступательное развитие отношений на высшем уровне продолжилось и после подписания Договора «О дружественных отношениях и сотрудничестве». В 1998 г. состоялся первый в истории монголо-китайских отношений визит президента Монголии Н. Багабанди в КНР, длившийся в течение 6 дней. На следующий год с ответным визитом Монголию посетил председатель КНР Цзян Цзэминь. Свидетельством особой значимости Монголии для китайского руководства стал тот факт, что председатель КНР

⁶⁴⁹ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. - М.: ИВ РАН, 2002. - С. 341-343.

⁶⁵⁰ Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. - М.: ИВ РАН, 2009. - С. 109.

⁶⁵¹ БНХАУ-ын дарга Си Цзиньпиний Монгол улсад хийж буй төрийн айлчлалын үеэр гарын үсэг зурсан баримт бичгүүд (Документы, подписанные во время визита в Монголию главы КНР Си Цзиньпина) [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.mn/content/4110> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁵² Монгол Улсын Ерөнхийлөгчид БНХАУ-ын ХКН-ын Төв хорооны УТТ-ны Байнгын хорооны гишүүн Лю Юньшань бараалхав (Член Политбюро ЦК КПК Лю Юньшань нанес визит Президенту Монголии Ц.Элбэгдоржу) [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.mn/content/12272> (дата посещения 31.01.2018)

Ху Цзиньтао после своего избрания на этот пост в 2003 г. включил Монголию в свое первое заграничное турне⁶⁵³.

Особенно интенсивными стали межгосударственные контакты в последние годы. В ходе официального визита в июне 2011 г. премьер-министра Монголии С. Батболда в КНР стороны провозгласили установление отношений стратегического партнерства⁶⁵⁴. Это поставило Пекин в его взаимоотношениях с Улан-Батором на один дипломатический уровень с Москвой, которая с 2006 г. также развивает стратегическое партнерство с монгольской стороной. Во время официального визита в августе 2014 г. в Монголию председателя КНР Си Цзиньпина стороны обязались продвигать всестороннее стратегическое партнерство, развивая все сферы отношений⁶⁵⁵.

Наряду с официальными межгосударственными контактами начиная с 1990-х гг. регулярными стали взаимоотношения между руководством МНРП/МНП и КПК, ставшие дополнительным каналом монголо-китайского сотрудничества. В ходе визита в КНР в январе 1991 г. председатель МНРП Г. Очирбат провел деловую встречу с генсеком КПК Цзян Цзэмином. Месяц спустя член ЦК КПК АРВМ Ван Цюань посетил XX съезд МНРП, посвященный 70-летию со дня образования партии. В феврале 1995 г. делегация МНРП во главе с председателем партии Б. Даш-Ёндоном посетила КНР по приглашению руководства КПК⁶⁵⁶. В целом, канал межпартийных связей, дополняя межгосударственные, играет заметную роль в развитии монголо-китайского сотрудничества.

Значительно расширилась сфера гуманитарных отношений между странами. Уже к началу 2003 г. в Монголии около 2000 студентов изучали китайский язык⁶⁵⁷. В 2002-2003 гг. в КНР обучалось 100 монгольских

⁶⁵³ Алтанцэцэг Н. Монголо-китайские отношения в эпоху глобализации // Олон улсын харилцаа. 2003. №2. – С.51.

⁶⁵⁴ Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Монголии [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7413719.html> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁵⁵ Председатель КНР Си Цзиньпин выразил свою позицию // Монцамэ, 22.08.2014

⁶⁵⁶ Наран Э. Хятад, Монголын нам хоорондын харилцааны хөгжил (Развитие взаимоотношений между монгольской и китайской партиями) // Олон улс судлал. 2009. №3-4. - X. 95-96.

⁶⁵⁷ E-mail daily news, 10.07.2003.

студентов и 80 специалистов на средства, выделяемые китайским правительством. Министр образования, культуры и науки Л. Гантимур и Посол Китая в Монголии Ван Сяолун 22 апреля 2015 г. подписали меморандум о приёме на учёбу в КНР в последующие 5 лет 1000 монгольских юношей и девушек за счет китайской стороны⁶⁵⁸. Начиная с 2007 г. в Улан-Баторе действует институт Конфуция⁶⁵⁹, чья деятельность прежде всего направлена на популяризацию китайского языка и культуры среди местного населения и, как следствие, улучшение образа Китая в Монголии. Китайская сторона установила облегченный визовый режим для монгольских граждан, желающих въехать на территорию КНР. Это привело к тому, что ежегодно около 250-370 тыс. монгольских граждан начали посещать Китай, в 2014 г. монголо-китайскую границу в районе г. Эрлянь пересекло почти 2 млн. человек, 522 тысячи автомобилей и 400 тыс. вагонов⁶⁶⁰. Как отмечает Ф. Билле, «Китай для многих монголов является местом, где можно реализовать собственные возможности и идеи, сложно реализуемые в своей стране»⁶⁶¹.

На фоне ощутимых позитивных изменений в монголо-китайских отношениях руководство КНР подчеркнуто дистанцируется от каких-либо попыток вмешательства во внутривластный процесс в Монголии. Пекин избегает каких-либо комментариев по поводу парламентских и президентских выборов, других значимых событий политической жизни Монголии. Китайские государственные и партийные функционеры сотрудничают с обеими ведущими политическими партиями, не отдавая особого приоритет ни одной из них. Во время рабочего визита в Монголию в октябре 2016 г. член Политбюро ЦК КПК Лю Юаньшань подчеркнул, что «Китай уважает выбор

⁶⁵⁸ Меморандум о приёме на учёбу в КНР [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/23_04_03.html (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁵⁹ В Улан-Баторе будет институт Конфуция [Электронный ресурс] URL: <http://zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=28821> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁶⁰ Организация Свободной экономической зоны между Монголией и Китаем [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/12_08_02.html (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁶¹ *Bille F.* Indirect interpellations: hate speech and “bad subjects” in Mongolia // *Asian Anthropology*. 2013. Vol 12. №1. - P. 8.

монгольским народом своего пути развития... КПК будет выступать за развитие отношений со всеми политическими партиями Монголии»⁶⁶².

Поставив прагматический подход в основу двусторонних отношений, КНР с начала 1990-х гг. основной упор в отношениях с Монголией делает на экономические связи. Именно в торгово-экономической сфере за последние два десятилетия произошли наиболее существенные изменения. Торговые связи между странами возросли с 2% в 1990 г. до 63,9% в 2017 г. от общего объема внешней торговли Монголии⁶⁶³. Начиная с 1999 г. КНР является лидером во внешнеэкономических связях с Монголией, впервые за многие десятилетия опередив Россию – 29,5% доля КНР и 22,7% доля РФ в 1999 году⁶⁶⁴. С 1991 г. действует двустороннее Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций. Китайские компании составляют порядка 50% от всех иностранных инвесторов, ведущих свою хозяйственную деятельность в Монголии⁶⁶⁵. По данным монгольского эксперта Б. Баясгалана, в Монголии действует около 7 тысяч китайских компаний⁶⁶⁶. Кроме этого, Пекин с 1991 г. регулярно предоставляет крупные финансовые кредиты монгольскому правительству. В 2003 г. китайская сторона предоставила Монголии кредит на сумму 300 млн. долл⁶⁶⁷. В 2011 г. сумма нового китайского кредита уже составила 500 млн. долл⁶⁶⁸. Наконец, в 2015 г. Пекин выделил 1 млрд. долл. в качестве долгосрочного кредита⁶⁶⁹. По словам профессора института

⁶⁶² Монгол Улсын Ерөнхийлөгчид БНХАУ-ын ХКН-ын Төв хорооны УТТ-ны Байнгын хорооны гишүүн Лю Юньшань бараалхав (Член Политбюро ЦК КПК Лю Юньшань нанес визит Президенту Монголии Ц.Элбэгдоржу) [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.mn/content/12272> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁶³ Монголын улсын статистикийн эмхтгэл 2017 (Статистический сборник Монголии 2017). - Улаанбаатар, 2018. - X. 286.

⁶⁶⁴ Алтанцэцэг Н. 90-ээд оноос хойшхи үеийн Орос-Монгол, Хятад-Монголын харилцаа (Российско-монгольские и китайско-монгольские отношения с начала 1990-х гг.) // Олон улсын харилцаа. 2002. №2. – С. 93-95.

⁶⁶⁵ Jargalsaikhan M. Lingering anti-Sinic sentiments in post-Communist Mongolia: why dislike the Chinese? // Voices from Central Asia. №19. January 2015. - P. 12.

⁶⁶⁶ Баясгалан Б. Монголия в тисках ее соседей. Суровые испытания и благоприятные возможности. - Берлин: LAP, 2014. – С. 47.

⁶⁶⁷ Монголия и КНР выходят на качественно новый уровень отношений // РИА «Новости», 05.06.2003.

⁶⁶⁸ Парламенту представят законопроект о ратификации [Электронный ресурс] URL: http://www.montsame.mn/index.php?option=com_news&mt=normal_news&tab=201106&task=news_detail&ne=884 (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁶⁹ Предоставление Монголии кредита на 1 млрд. долларов [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/04_11_005.html (дата посещения 31.01.2018)

международных отношений Монгольского государственного университета Н. Алтанцэцэг, Китай «занял место России в качестве основного патрона в сфере экономической помощи»⁶⁷⁰.

Доминирование Китая во внешнеэкономической деятельности Монголии основано на ряде причин. Географическая близость стран делает сравнительно низкими транспортные издержки в области товарообмена. Сложившаяся структура региональных хозяйственных комплексов способствует постоянному увеличению товарооборота. Это выражается в том, что монгольская экономика, ориентированная прежде всего на развитие добывающего сектора, тесно связана с перерабатывающей промышленностью регионов севера-востока КНР, являющихся крупнейшими потребителями монгольского угля, меди, молибдена, золота. Значимым фактором активности китайского бизнеса на монгольском направлении можно назвать политику китайского государства. Д. Ривс относит Монголию к одной из первых стран, в отношении которых КНР стала проводить политику «Идти вовне»⁶⁷¹. Пекин стимулирует китайские компании импортировать монгольские полезные ископаемые, предоставляя соотечественникам льготные кредиты и облегчая правила таможенного досмотра. Наконец, не последнюю роль играет фактор этнокультурной близости между населением Монголии и АРВМ КНР, также облегчающий приграничный взаимообмен между странами.

Можно сделать вывод, что экономика современной Монголии теснейшим образом привязана к Китаю, и любые, даже незначительные изменения в китайском хозяйстве прямым образом сказываются на макроэкономической ситуации в стране. Так, замедление темпов роста экономики КНР в 2012-2015 гг. привело к снижению макроэкономических показателей Монголии.

⁶⁷⁰ Алтанцэцэг Н. 90-ээд оноос. – Х. 95.

⁶⁷¹ Reeves J. Mongolia's environmental security. Chinese unconscious power and Ulaanbaatar's state weakness // Asian Survey. 2011. Vol.51. №3. - P. 454.

Таблица 11. Динамика темпов роста ВВП Монголии и Китая (%)⁶⁷²

Годы	2011	2012	2013	2014	2015
Рост ВВП Монголии	17.3	12.3	11.6	7.9	2.3
Рост ВВП Китая	9.5	7.9	7.8	7.3	6.9

Таким образом, за последние два десятилетия Китай превратился в безусловного лидера в торгово-экономических отношениях с Монголией, значимого партнера по целому ряду аспектов двусторонних отношений. В то же время существуют причины, по которым Китай не может рассматриваться в качестве самого лучшего и желанного партнера для Монголии. Более того, образ Китая и китайцев в общественно-политическом дискурсе все чаще рисуется в качестве главной угрозы национальной безопасности страны.

Данные опроса общественного мнения, ежегодно проводимые фондом «Сант Марал», свидетельствуют о крайне низком уровне позитивного восприятия КНР среди монгольского населения.

Таблица 12. Какая из стран является лучшим партнером для Монголии? (%)⁶⁷³

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
КНР	3.0	2.0	-	0.7	1.2	1.3	1.6	0.6

Помимо результатов монгольского опроса не менее показательными являются данные международных социологических исследований. Так, согласно результатам опроса, проведенного в течение 2013-2014 гг. организацией «Asian barometer survey», наиболее низкий процент позитивного восприятия китайского влияния среди его азиатских соседей оказался в Монголии (28% и 29% соответственно), Японии (23% в 2013 г.) и Мьянме

⁶⁷² Данные по: Монголын улсын статистикийн эмхтгэл 2015 (Статистический сборник Монголии. 2015). – Улаанбаатар, 2016. - X. 211, 286; Global Economic Prospects. A Fragile Recovery. A World Bank Group Flagship Report. June 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/26800/9781464810244.pdf#page=16> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁷³ Sant Maral Foundation [Электронный ресурс] URL: <http://www.santmaral.mn/en/publications> (дата посещения 31.01.2018)

(31% в 2014 г.)⁶⁷⁴. Данные другого социологического опроса, представленные компанией «Gallup International» в сотрудничестве с российской компанией «РОМИР», также свидетельствуют о преимущественно негативном восприятии Китая населением Монголии: 76% монгольских респондентов негативно оценили сотрудничество с КНР в экономической сфере⁶⁷⁵.

Подобные настроения служат серьезным препятствием для КНР в деле распространения своего влияния в Монголии посредством культуры и языка, направленных прежде всего на широкие массы населения. Особенно низкая популярность Китая видна на фоне симпатий монгольского населения в отношении России⁶⁷⁶. Как указывает немецкий монголовед У. Баркман, «нет в мире народа, кроме русского, с которым бы монголы были так тесно связаны в XX столетии. В отношении же к своим южным соседям – китайцам – сохранились настороженность и стремление держать дистанцию, что имеет древние исторические корни»⁶⁷⁷.

К факторам, обусловившим подобное восприятие Китая в Монголии можно отнести следующие.

Особое место при анализе монголо-китайских отношений занимает проблема исторической памяти, которая подпитывает националистические настроения, взаимные подозрения и чувства уязвленности. В образе Китая и китайцев в исторических и современных представлениях как рядовых монголов, так и большинства представителей политической и интеллектуальной элиты преобладает негативная сторона. Ряд западных авторов отмечают, что антикитайские настроения являются составляющей национального самосознания монголов⁶⁷⁸. Причины этого лежат как в далеком

⁶⁷⁴ How do Asians View a Rising China? [Электронный ресурс] URL: <http://www.asianbarometer.org/survey/survey-results> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁷⁵ Китай любят в России и не любят в Иране [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3312694> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁷⁶ Подробнее об этом в параграфе 7.2 диссертации.

⁶⁷⁷ Цит. по: Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. - М.: ИВ РАН, 2009. - С. 106.

⁶⁷⁸ См., например: Bille F. Sinophobia. Anxiety, Violence, and the Making of Mongolian Identity. - Honolulu: University of Hawaii Press, 2015; Bulag U. Nationalism and Hybridity in Mongolia. - Oxford: Clarendon Press, 1998; Delaplace G. Parasitic Chinese, Vengeful Russians: Ghosts, Strangers and Reciprocity in Mongolia // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2012. №18. - P.131-144.

историческом прошлом монголо-китайских отношений, так и в относительно недалеких событиях советско-китайской конфронтации. Как уже было показано выше, за многовековой период существования китайского и монгольского социумов обе стороны неоднократно совершали агрессию по отношению друг к другу. Вполне естественно, что такой глубинный пласт «исторической памяти» не мог не породить у китайского и монгольского народов сложного психологического комплекса взаимного восприятия. Сам факт образования в XX в. независимого монгольского государства стал возможен благодаря борьбе монголов за отделение от Цинской империи, а затем и от Китайской республики. В связи с этим многие значимые национальные праздники и герои напрямую связаны с борьбой и обретением независимости в борьбе против южного соседа.

Охлаждение монголо-китайских отношений с началом конфронтации между Москвой и Пекином оказывало прямое влияние на формирование негативного образа Китая в официальной монгольской историографии. В этот период монгольская политическая и интеллектуальная элита стремилась активизировать те слои исторической памяти, которые содержали воспоминания об ущемлении политических и экономических прав монголов в период Цинского господства, т.е. негативные стороны образа южного соседа. Именно в социалистический период была оформлена историческая концепция «маньчжуро-китайского ига»⁶⁷⁹, которая практически никак не была пересмотрена в последние два десятилетия. В результате в массовом сознании сложился образ врага в лице Китая. Кроме того, фактическое отсутствие каких-либо экономических и научно-культурных контактов между МНР и КНР во 2 половине 1960 – 1970-х гг. во многом явилось причиной приписывания китайскому государству и ханьскому населению абсолютно отрицательной исторической роли в судьбе монголов. Большинство монгольских историков, описывая историю взаимоотношений Цинского

⁶⁷⁹ См., например: История Монгольской Народной Республики. 3-е изд-е. - М.: Наука, 1983. - С. 211-256.

Китая и монголов, не имели доступа к аутентичным китайским источникам, опираясь лишь на собственно монгольские и вторичные китайские источники, переведенные и интерпретированные соответствующим образом в СССР.

С нормализацией двусторонних отношений некоторые страхи монголов перестали быть первостепенными (в частности, представления о прямом военном вторжении КНР). Однако общий фон настороженного восприятия Китая остается и играет значительную роль в современных отношениях. В частности, представители оппозиционных МНРП/МНП партий сразу после подписания монголо-китайского Договора «О дружественных отношениях и сотрудничестве» 1994 г. указали на отсутствие механизма решения спорных вопросов и положения о неприкосновенности государственной границы⁶⁸⁰.

В свою очередь восприятие Монголии и монголов в Китае также является источником для подозрений и настороженности в двусторонних отношениях. Официальная китайская историография придерживается той точки зрения, что «китайский мир» всегда простирался в глубины Центральной Азии и включал «семью» наций, которые оказывали влияние друг на друга. Китайского империализма никогда не существовало, а имели место периодическое перераспределение центров силы среди отдельных компонентов. Даже в монгольский и маньчжурский периоды истории Китая, нельзя говорить о захватчиках. Было лишь подобие гражданской войны⁶⁸¹. Поэтому земли, некогда входившие в состав китайского государства или находившиеся в любой степени зависимости от него, считались частью его территории. Если в процессе исторического развития эти земли приобретали самостоятельность или входили в состав других государств, то они рассматривались в качестве «утраченных» территорий⁶⁸².

Нельзя сказать, что в китайском обществе наличествует только одна консолидированная точка зрения на отношения с Монголией, историю и

⁶⁸⁰ Бойкова Е.В. О внешних гарантиях национальной безопасности Монголии. - С. 71.

⁶⁸¹ Об этом подробнее см.: *Rossabi M.* China and Inner Asia. From 1368 till Nowadays. – New York.: Pica-Press, 1975.

⁶⁸² Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР. – С. 149.

современность китайско-монгольских связей. Во-первых, существует официальная позиция Пекина, выраженная в соответствующих документах, заявлениях государственных и партийных представителей КНР. Суть данной позиции сводится к полному признанию и уважению независимости и суверенитета современной Монголии, с которой китайская сторона намерена выстраивать отношения в духе добрососедства и партнерства. Помимо официальных лиц восприятие Монголии как важного и в то же время независимого партнера КНР отражена в работах ряда китайских историков и политологов. Например, китайский политолог Ван Пейран отмечает, что «все, что затрагивает вопросы сотрудничества Монголии в области безопасности неизменно имеет отношение к Китаю, вне зависимости от того, осуществляется ли это сотрудничество с США или Россией. Держа в уме уроки периода «холодной войны», Пекин не потерпит, чтобы Монголия еще раз стала «военной базой», используемой с целью угроз безопасности севера, северо-востока и северо-запада Китая»⁶⁸³.

Иной позиции придерживаются китайские исследователи, скептически относящиеся к истории обретения Монголией независимости. Монгольский исследователь Д. Шурхуу, проанализировав китайскую и тайваньскую историографию «монгольского вопроса», приходит к выводу о том, что «основную причину независимости Монголии китайские исследователи связывают исключительно с раздробленностью Китая, его неспособностью к управлению»⁶⁸⁴. В частности, еженедельный гонконгский журнал «Фэнхуан», чей выпуск №32 за 2010 г. был посвящен монгольской тематике, опубликовал статью под названием «Начало и конец монгольской независимости». Автор этой статьи утверждает, что «немало китайцев близко к сердцу принимают независимость Внешней Монголии, задаются вопросом о возможности

⁶⁸³ Wang Peiran. Mongolia's Delicate Balancing Act // China Security, 2009. Vol.5. №2. - P. 73.

⁶⁸⁴ Шурхуу Д. Монгол ундэсний эрх чолооний хувьсгал ба Хатяд, Тайваний туух бичлэг дэх зарим асуудал (Монгольская национально-освободительная революция и некоторые вопросы исторических работ Китая и Тайваня) // Олон улс судлал. 2011. №4. - X. 103.

возвращения Монголии в состав Китая»⁶⁸⁵. Другой китайский историк Тан Цисянь считает, что, «границами Китая следует признать те, которые были перед «опиумной войной». Соответственно территории внутри границ были незаконно отторгнуты»⁶⁸⁶. Наибольший резонанс вызвала вышедшая в 1993 г. в Пекине книга «Тайные истоки независимости Внешней Монголии», в которой отрицалась роль монголов как самостоятельных субъектов освободительного движения начала XX в., а единственными инициаторами этого процесса объявлялись Россия и Япония. Фактически в этой книге давалось понять, что независимость современной Монголии лишь результат интриг внешних сил, и сами монголы никогда не стремились к отделению от Китая⁶⁸⁷.

В целом, по мнению большинства китайских историков, основная причина достижения независимости Монголии не связана со стремлениями самих монголов, а стала результатом агрессивной колониальной политики царской, а затем и советской России. Как отмечает российский китаист Ю.М. Галенович, «в современной КНР полагают, что мы (российская сторона – **прим. дисс.**) дескать, спровоцировали монголов на отделение от Китая, а Китаю не удалось «вернуть» Монголию в свой состав только из-за противодействия с нашей стороны»⁶⁸⁸.

По мнению С.Г. Лузянина, в рамках осуществляемой Китаем трансформации региональной системы отношений он добивается и такой стратегической цели как фактическое признание остальными странами его «особых отношений» с Монголией⁶⁸⁹. Как отмечает Х. Олзвой, «хотя дипломатически у Монголии с КНР все нормально, необходимо быть

⁶⁸⁵ Цит по: *Шурхуу Д.* Указ. соч. - X. 102.

⁶⁸⁶ Там же. - X. 105.

⁶⁸⁷ По изложению: *Bulag U., Humphrey C.* Some diverse representations of the Pan-Mongolian Movement in Dauria // *Inner Asia*. 1996. №1. – P. 1-23.

⁶⁸⁸ *Галенович Ю.М.* Китайские претензии: Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая. - М.: Русская панорама, 2015. - С. 157.

⁶⁸⁹ *Лузянин С.Г.* Китай, Россия и Центральная Азия. - С. 310-321.

бдительными в наших отношениях с Китаем и внимательно следить за изменениями в его стратегической и геополитической установках⁶⁹⁰.

Монгольская общественность крайне чувствительна по отношению к любому высказыванию официальных лиц КНР в связи с монгольской тематикой. Во время своего официального визита в Монголии в августе 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпинь процитировал стих знаменитого монгольского поэта Д. Нацагдоржа «Моя Родина», чем вызвал подозрения у монгольских блоггеров. Представители монгольской общественности увидели в этом тайный намек Си Цзиньпиня на политические притязания Китая на Монголию⁶⁹¹.

Помимо исторических сюжетов и нарративов, не менее актуальной угрозой для национальной безопасности Монголии, многими признается демографическое и, связывающееся с этим, этнокультурное давление южного соседа. Большинство иностранцев в стране составляют китайские граждане. Согласно официальным данным, количество китайских граждан в Монголии неуклонно растет, начиная с 2000-х гг.: 2001 г. – 2307 чел., 2005 г. – 12678 чел., 2009 г. – 13897 г. Согласно некоторым неофициальным оценкам, в Монголии постоянно находятся до 100 тыс. китайцев⁶⁹². По данным М. Педерсена, в населенных пунктах Дорнодского аймака Монголии китайское население численно уже превосходит монгольское⁶⁹³. Наличие большого количества китайцев многими в Монголии видится как прямая угроза этнокультурной безопасности страны, когда трехмиллионное население страны может быть ассимилировано, в том числе посредством браков с китайскими гражданами. Пример Автономного района Внутренней Монголии, в котором подавляющим большинством (около 80% населения) является ханьское население, лишь

⁶⁹⁰ *Olzоюу Kh.* Mongolia and China. - P. 58.

⁶⁹¹ Си Цзиньпин “Миний нутаг” шүлгийн хэсгээс уншив (Си Цзиньпин прочитал стихотворение «Моя Родина») [Электронный ресурс] URL: <http://www.youtube.com/watch?v=9Znljy3kgFk> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁹² *Галиймаа Н.* Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодики // Диаспоры. 2011. №1. - С. 173-182.

⁶⁹³ *Pedersen M.* Awkward encounters and unexpected intimacies: towards a comparative ethnography of Chinese resource investments in Mongolia // Forth annual ACMS Conference. Ulaanbaatar, Mongolia. 2012.

подогревает страхи монголов по поводу демографической и этнокультурной угрозы со стороны китайцев.

Под давлением общественного мнения, монгольские власти принимают законы, призванные ограничить количество иностранцев (прежде всего, китайцев) в стране. Закон «О правовом статусе иностранцев» устанавливает лимиты на количество мигрантов-иностранцев в стране, общее количество которых не должно превышать 0,5% от всего населения Монголии⁶⁹⁴. В принятой в 2010 г. новой редакции Концепции национальной безопасности в качестве важного аспекта генетической безопасности страны называется усиление контроля за иностранной миграцией⁶⁹⁵. На индивидуальном уровне антикитайские настроения обычно выражаются в недовольстве низким качеством товаров массового потребления, импортируемых из Китая, что порождает массовые слухи о тайном плане китайцев по нанесению вреда здоровью монгольской нации. Для существующих в Монголии националистических организаций именно китайцы (преимущественно рабочие и бизнесмены) являются главными объектами для нападений и символической агрессии (антикитайские митинги, порча имущества, китаефобские граффити на улицах Улан-Батора)⁶⁹⁶. В современном монгольском бытовом и общественно-политическом лексиконе нередким является употребление оскорбительных для китайцев слов («хужаа», «луухаан», «эрлийз»).

Из всего выше сказанного следует, что современная монгольская идентичность базируется на противопоставлении Китаю и китаизации, поэтому массовое распространение китайской культуры в политическом дискурсе Монголии рассматривается как цивилизационная угроза или попытка ассимиляции.

⁶⁹⁴ Law Of Mongolia On The Legal Status Of Foreign Nationals [Электронный ресурс] URL: https://mongolia.usembassy.gov/root/media/pdf/law-of-mongolia-on-the-legal-status-of-foreign-nationals_eng.pdf (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁹⁵ National security concept of Mongolia [Электронный ресурс] URL: <http://www.nsc.gov.mn/sites/default/files/images/National%20Security%20Concept%20of%20Mongolia%20EN.pdf> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁹⁶ Delaplace G. Chinese Ghosts in Mongolia // Inner Asia. 2010. №12. - P. 127-142.

Чувствительным элементом для монголо-китайских отношений является правовое положение здесь китайских рабочих, в отношении которых нередко применяются противоправные действия. В 2015 г. в Монголии официально работали 6800 тысяч иностранцев, из которых около 2400 тысяч человек (или 35,4%) составляли китайцы⁶⁹⁷. Учитывая высокий уровень бедности и безработицы в Монголии, отношение к китайским гастарбайтерам, помимо национальной неприязни подогревается социальными причинами. Самопровозглашенный лидер водителей грузовых автомобилей в ноябре 2015 г. во время пресс-конференции в знак протеста против продажи монгольской транспортной компании китайской фирме произвел акт самосожжения⁶⁹⁸.

Помимо внутримонгольской тематики в современных монголо-китайских отношениях присутствуют и международно-политические проблемы. Острыми, хотя и открыто не афишируемыми, проблемами в монголо-китайских отношениях являются «внутримонгольский» и «тибетский» вопросы.

Во-первых, источником определенного беспокойства для Китая является АРВМ, значительную часть населения которого составляют монголы (около 4,5 млн. человек). Данный район считается не вполне благополучным в плане межнациональных отношений. Негативно настроенные по отношению к китайскому государству монголы в АРВМ нередко пытаются найти моральную и политическую поддержку у официального Улан-Батора. Часть монгольской общественности периодически протестует в связи с нарушениями прав монгольского меньшинства в КНР. Например, в феврале 1996 г. напротив китайского посольства в Улан-Баторе прошли акции протеста, участники которых осуждали Пекин за нарушение прав человека во Внутренней Монголии⁶⁹⁹. Официальные монгольские власти, постоянно

⁶⁹⁷ Статистика по иностранным рабочим в Монголии [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/12_02_001.html (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁹⁸ Монгольский шахтер поджег себя на пресс-конференции [Электронный ресурс] URL: <http://www.baikal-media.ru/news/incidents/310561/> (дата посещения 31.01.2018)

⁶⁹⁹ Ginsburg T. Mongolia in 1996: fighting fire and ice // Asian Survey. 1997. Vol. 37. №1. - P. 63.

демонстрируя приверженность принципам территориальной целостности КНР, не могут быть полностью равнодушны к судьбе монголов, проживающих в АРВМ. В конце 2011 г. монгольский президент Ц. Элбэгдорж обратился к монголам мира (прежде всего, к монголам в Китае и России) с призывом «возвращаться в Монголию и работать на благо Родины⁷⁰⁰. Во время официальных визитов в Китай монгольские политики как правило посещают районы компактного проживания монголов, демонстрируя свое внимание к их судьбе. Тем самым Монголия становится своеобразным актором в сложных внутренних перипетиях своего южного соседа.

Во-вторых, не менее серьезным источником раздражения Пекина являются тесные религиозно-культурные связи Монголии с Тибетом, и, в первую очередь, с духовным лидером буддистов Далай-ламой XIV, пользующегося особой популярностью среди монгольского населения. Китайское правительство предпринимает усилия для воспрепятствования визитам Далай-ламы в Монголию, оказывая дипломатическое давление на страны, через воздушные пространства которых он может добираться до этой страны. Например, в 2002 г. визит Далай-ламы в Монголию был отменен из-за того, что власти России и Южной Кореи, под давлением КНР, лишили его возможности следовать через свою территорию транзитом⁷⁰¹. Также в 2002 г. во время очередного визита верховного буддийского иерарха в Монголию китайская сторона на несколько дней перекрывала железнодорожное сообщение с Монголией, создав ей значительные экономические трудности⁷⁰². Наконец, по итогам визита Далай-ламы в Монголию в ноябре 2016 г. Пекин выразил свой решительный протест в адрес монгольских властей и временно

⁷⁰⁰ Президент Монголии пригласил монголов [Электронный ресурс] URL: <http://www.newbur.ru/articles/5785> (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁰¹ Москва и Сеул вынудили Далай-ламу отменить поездку в Монголию [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2002/08/30/dalailama/> (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁰² Его Святейшество Далай-лама продолжает даровать Учение в Монголии [Электронный ресурс] URL: <http://khurul.ru/?p=8811> (дата посещения 31.01.2018)

приостановил реализацию ряда совместных экономических и культурно-образовательных проектов⁷⁰³.

Растущая с каждым годом экономическая зависимость от южного соседа называется не менее значимым источником угрозы для Монголии, нежели территориальные, исторические и социальные вопросы. У современной Монголии крайне узкий ассортимент источников для экономического развития. Горнорудная отрасль выступает главной и по существу безальтернативной опцией для экономического развития страны. В этой стратегии основным партнером Монголии выступает китайская сторона. В 2014 г. 87,9% всего монгольского экспорта пришлось на китайское направление, а основными видами экспортируемой в Китай продукции выступают уголь, медь, железная руда, золото, сырая нефть⁷⁰⁴. Главными направлениями инвестиционной деятельности КНР в Монголии также являются разработка полезных ископаемых, энергетика, торговля и строительство. При этом необходимо отметить характер и основную направленность экономической политики КНР. Стратегия большинства китайских компаний в сфере добывающей промышленности нацелена на покупку крупных месторождений полезных ископаемых в зарубежных странах (включая Монголию) с целью дальнейшей добычи и транспортировки для переработки на своей территории. Наиболее предпочтительным вариантом для КНР является прямой доступ к сырьевым активам (природным ресурсам и объектам инфраструктуры) через получение лицензий на геологическое изучение, разведку и добычу сырья, участие в капитале компаний в нефтяной, урановой, угольной и других отраслях. Китайская «Petro China» занимается добычей нефти в местности Тамцаг, «CNNC» владеет лицензией на разработку урановых месторождений Гурван Булаг, и вся продукция данных месторождений в сыром виде отправляется в Китай. В

⁷⁰³ Китайская сторона перенесла Монголо-китайское межправзаседание [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/25_11_0001.html (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁰⁴ Монголын улсын статистикийн эмхтгэл 2014 (Статистический сборник Монголии 2014). - Улаанбаатар, 2015. - X. 330.

результате подобной практики Монголия превращается в сырьевой придаток китайской экономики. По мнению С. Джексона, для монголов участие китайского капитала именно в добывающей сфере является одной из главных угроз национальной безопасности и независимости страны⁷⁰⁵. Как пишет А.С. Железняков, «если нынешняя динамика роста его (Китая – прим. дисс.) присутствия в хозяйстве Монголии продолжится, ему придется примерить на себя роль СССР, бывшего в свое время патроном монгольской экономики»⁷⁰⁶.

И хотя Пекин подчеркнуто устраняется от монгольской внутривластной тематики, сосредотачивая внимание исключительно на экономических интересах, подозрения монгольской общественности по поводу политических последствий от превращения в сырьевой придаток Китая не снижаются. Подобную ситуацию, характеризующую высокую зависимость экономики Монголии от Китая, Дж. Ривс называет «неосознанной властью» южного соседа⁷⁰⁷. Согласно логике экономического детерминизма, за экономической зависимостью рано или поздно должна прийти политическая, и у монгольского руководства не останется иного выбора, кроме как стать союзником Китая.

Опасения по поводу китайского экономического доминирования в Монголии активно используются в политических дискуссиях монгольских политиков. Например, противники строительства узкоколейных железных дорог (китайский стандарт) от крупнейшего монгольского месторождения угля Таван Толгой до китайской границы аргументируют свою позицию прежде всего геополитическими соображениями. В частности, по мнению Х. Баттулги, это может привести к бесконтрольному вывозу полезных ископаемых из Монголии в Китай⁷⁰⁸.

⁷⁰⁵ Jackson S., Dear D. Resource extraction and national anxieties: China's economic presence in Mongolia // *Eurasian geography and economics*. 2016. Vol.57. - P. 348.

⁷⁰⁶ Железняков А.С. Преференции и проблемы России в Монголии // Место России и Монголии в современной региональной конфигурации. Сборник докладов. - М., 2012. - С. 63.

⁷⁰⁷ Reeves J. Mongolian State Weakness, Foreign Policy, and Dependency on the People's Republic of China. - London: Department of International Relations of the London School of Economics, January 2010. - P. 247.

⁷⁰⁸ Төмөр замын дайн (Железнодорожная война) // *Өнөөдөр*, 26.07.2014

Монгольские власти и общественность опасаются, что китайские компании, намеревающиеся внедриться в горнорудную отрасль страны, будут поставлять полезные ископаемые на китайский рынок по заниженным ценам, что приведет к окончательной экономической зависимости Монголии от южного соседа. В частности, экспорт полезных ископаемых из Монголии в Китай в сыром виде в корне противоречит принятой в 2011 г. новой Концепции внешней политики Монголии, в которой поставлена задача добиться полной переработки горнорудного и сельскохозяйственного сырья, выпуска конечной продукции с добавленной стоимостью, производства импортозамещающей продукции⁷⁰⁹. В связи с этим многие монгольские предприниматели, активно используя общую атмосферу китаефобии, выступают с требованиями к властям ограничить присутствие на монгольском рынке китайских товаров, проводить протекционистскую политику в отношении отечественных производителей.

Одним из самых ярких примеров государственной антикитайской политики в сфере добывающей промышленности является принятие в мае 2012 г. Закона «Об иностранных инвестициях в стратегические отрасли». Согласно его условиям, монгольское правительство было обязано отдельно рассматривать любую иностранную инвестицию в экономические отрасли, обозначенные в качестве «стратегически значимых», включая добывающую отрасль, банки и СМИ. Подробные критерии для данного рассмотрения не были прописаны в законе, что создавало широкое поле для спекуляций и волюнтаристских решений. Данный закон был направлен прежде всего против попытки китайской государственной алюминиевой компании «Chalco» приобрести контрольный пакет акций у канадской компании «South Gobi Resources», занимавшейся разработкой угольного месторождения Овоот Толгой. В результате сделка не состоялась, а рыночная стоимость канадской

⁷⁰⁹ Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии) // Официальный сайт правительства Монголии [Электронный ресурс] URL: <http://www.pmis.gov.mn> (дата посещения 31.01.2018).

компания резко понизилась, оказав общее негативное влияние на инвестиционную среду в Монголии⁷¹⁰.

Практика принятия законов, направленных на ограничение активности китайских инвесторов, как правило, приводит к общему ухудшению инвестиционного климата. Случай с принятием Закона «Об иностранных инвестициях в стратегические отрасли» ярко продемонстрировал, что невозможно применять одни и те же нормы избирательно, по отношению к отдельно взятой стране или компании. Исключая китайские компании в качестве потенциальных покупателей акций горнорудных компаний, монгольская сторона автоматически снижает рыночную стоимость этих компаний и месторождений полезных ископаемых. Иностранные инвесторы как правило опасаются иметь дело с активами, которые не могут продаваться свободно. Более того, китайские компании в сравнении с российскими и западными конкурентами гораздо меньше опасаются законодательных ограничений со стороны монгольских властей, нередко прибегая к неформальным договоренностям при опоре на коррупционные схемы. В результате, стремясь ограничить присутствие китайского капитала, монгольская сторона получает обратный результат.

Фактором, который также периодически используется монгольскими политиками для символического дистанцирования от Китая, является идеология. КНР, власть в которой полностью сосредоточена в руках КПК, противопоставляется монгольской многопартийности и гражданскому обществу. Президент Ц. Элбэгдорж, выступая на международном семинаре «Демократические преобразования в Азии», подчеркнул, что «в соседнем Китае считают, что власть должна быть сильной, чтобы народ был могущим. А в Монголии считают, что государство будет сильным, если сильным будет

⁷¹⁰ Cirtics blast SouthGobi sale to Chalco [Электронный ресурс] URL: <http://mongoliaeconomy.blogspot.ru/2012/04/cirtics-blast-southgobi-sale-to-chalco.html> (дата посещения 31.01.2018)

народ»⁷¹¹. В результате, исторический образ Китая как главного источника угрозы национальной независимости Монголии сливается с современным образом КНР, чьи политические ценности не совпадают с ценностями демократической Монголии.

Все выше описанное является объяснением того факта, что ни одна политическая сила в Монголии не является открытым сторонником прокитайски ориентированной внешней политики и не будет иметь серьезной поддержки среди населения страны. Как указывает монгольский политолог М. Жаргалсайхан, «если некоторые монгольские интеллектуалы еще могут позволить себе отменить позитивные моменты в отношениях с Китаем, то для политиков подобные шаги будут сродни самоубийству»⁷¹². Более того, обвинение своего политического оппонента в симпатиях к Китаю и/или наличии у него китайских корней является одним из наиболее действенных и часто применяемых приемов в период предвыборных кампаний в Монголии. Попытки разыграть «китайскую карту» в преддверии выборов начались с самого начала 1990-х гг. В период предвыборной кампании 1992 г. оппозиционные МНРП/МНП силы подвергли ее руководство критике за поддержание тесных связей с КПК. В частности, критиковался факт получение МНРП/МНП от китайских коллег 500 тонн бумаги, а также планы по подготовке своих членов в партийных школах КПК⁷¹³. В ходе президентских кампаний 1993, 1997, 2005, 2009 и 2017 гг. в отношении некоторых кандидатов распространялись слухи о наличии у них китайских корней⁷¹⁴. В периодически всплывающих шпионских скандалах с участием монгольских политиков одной из сторон неизменно называется Китай, на который, якобы работал тот или иной фигурант скандала. Так, в сентябре 2015 г., незадолго до очередных

⁷¹¹ Прошел международный семинар «Демократические преобразования в Азии» // Монголия сегодня, 24.03.2016

⁷¹² *Jargalsaikhan M. Lingering anti-Sinic sentiments in post-Communist Mongolia: why dislike the Chinese?* // *Voices from Central Asia*. 2015. №19. - P. 10.

⁷¹³ *Batbayar Ts. Mongolia in 1992: back to one-party rule* // *Asian Survey*. 1993. Vol.33. №1. - P. 62.

⁷¹⁴ Кульминацией этих историй стало выступление за несколько дней до выборов в 2009 г. по национальному телевидению Ц. Элбэгдоржа, где он со слезами на глазах попросил свою мать подтвердить то, что его отец не был китайцем (*Jargalsaikhan M. Lingering anti-Sinic sentiments in post-Communist Mongolia: why dislike the Chinese?* // *Voices from Central Asia*. 2015. №19. - P. 2).

парламентских выборов в СМИ появилась информация о том, что советник депутата ВГХ М. Батчимэг заподозрена в шпионаже в пользу КНР⁷¹⁵.

6.2. Внерегиональные страны как новый фактор политического процесса в Монголии

В отличие от отношений с Россией и Китаем, насчитывающих столетия, взаимодействие Монголии с внерегиональными странами можно признать относительно недавним явлением. Неудачными были попытки правительства Богдо-гэгэна, а затем и народного правительства установить официальные дипломатические отношения с США, Японией, Великобританией, Францией, которые рассматривали Монголию как часть Китайской республики⁷¹⁶. В 1930-х гг., с началом оккупации Маньчжурии, в регионе усилилось влияние Японии, которая рассматривала монгольскую территорию в качестве важного стратегического плацдарма на случай войны с СССР и Китаем⁷¹⁷. В послевоенный период МНР сумела добиться значительных успехов в деле расширения внешних связей и международного признания. Первыми государствами, помимо СССР и Китайской республики, официально признавшими монгольское государство, стали страны социалистического блока – Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания, Югославия, КНДР. В 1960-е гг. МНР устанавливает дипломатические связи со странами Западной Европы – Великобританией, Францией, Грецией, Австрией, Норвегией, Данией, Финляндией, а также с азиатскими государствами несоциалистической ориентации – Индией, Ираном, Египтом, Алжиром. В 1972 г. были установлены официальные отношения между Улан-Батором и Токио⁷¹⁸. Наконец, в 1987 г., в период монгольской «перестройки»,

⁷¹⁵ «Цаг үе, үзэл бодол» УИХ-ын гишүүн М.Батчимэг («Время и взгляды» с членом парламента М. Батчимэг) [Электронный ресурс] URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VZH3oHx5L1s> (дата посещения 31.01.2018)

⁷¹⁶ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. - С. 231-233.

⁷¹⁷ Подробнее об этом см.: Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. - Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2002.

⁷¹⁸ История Монголии. XX век. - С. 256-257.

состоялось взаимное признание Улан-Батора и Вашингтона. Столь позднее установление официальных монголо-американских отношений объясняется двумя основными причинами. Во-первых, по выражению М.И. Гольмана, отношения двух стран были «заложниками» советско-американского противостояния. Во-вторых, долгое время Тайвань выступал противником официального признания американцами МНР⁷¹⁹.

Таким образом, к концу 1980-х гг. МНР поддерживала дипломатические отношения с 83 странами мира, состояла в таких международных организациях как ООН, СЭВ, Движение неприсоединения и ряд других. Однако, несмотря на формально разветвленные международные связи, основной вес внешних контактов МНР приходился на СССР и его восточноевропейских союзников. В 1990 г. свыше 90% всей внешней торговли МНР приходилось на страны-члены СЭВ⁷²⁰. Связи со странами, не входившими в социалистический блок, оставались крайне незначительными.

С распадом СССР и стремительным сокращением интенсивности российско-монгольских взаимоотношений в начале 1990-х гг., для Монголии исчезли прежние гарантии военной и экономической безопасности. Одновременно с этим основным источником потенциальных вызовов и угроз для страны по-прежнему воспринимался Китай, который, как считали многие в Монголии, способен экономически (а потенциально, и политически) поглотить Монголию⁷²¹. В сложившейся ситуации Улан-Батор, провозгласив стратегию «многоопорной» внешней политики, сделал акцент на увеличение контактов с ведущими внерегиональными державами⁷²². Определенная эйфория от провозглашенного перехода на путь демократии и свободного рынка основывалась на убежденности значительной части политической элиты страны в том, что государства Запада и его союзники способны

⁷¹⁹ Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. - С. 112.

⁷²⁰ История Монголии. XX век. - С. 372.

⁷²¹ См., например: Цэнгэлт Г. Возможно, в ближайшие 10 лет Китай завоюет Монголию // Ардчилал, 1993. №17.

⁷²² Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии). Официальный сайт правительства Монголии [Электронный ресурс] URL: <http://www.pmis.gov.mn> (дата посещения 31.01.2018)

обеспечить политическую и экономическую безопасность Монголии⁷²³. В одном из своих выступлений глава МИД Монголии Л. Болд заявил, что «демократические принципы нашей страны прочно встроены в нашу национальную безопасность»⁷²⁴.

В рамках данной стратегии ключевым стал термин «третий сосед» (монг. «гуравдагч хөрш») ⁷²⁵. Суть стратегии «третьего соседа» сводится к попытке уравновесить влияние на Монголию двух ее географических соседей – России и КНР за счет третьих стран. По мнению монгольского эксперта Д. Уламбаяра, стратегия «третьего соседа» носит геополитический характер и основана на принципе баланса сил между двумя географическими соседями Монголии и ее внерегиональными партнерами ⁷²⁶.

Термин «третий сосед» появился в монгольском общественно-политическом дискурсе в начале 1990-х гг., когда во время своего визита в Улан-Батор в июле 1991 г. американский госсекретарь Дж. Бейкер назвал США «третьим соседом Монголии, на которого она может полностью полагаться»⁷²⁷. Вскоре данный термин стал включать в себя множество стран. Наиболее часто называемыми «третьими соседями» Монголии являются

⁷²³ См., например: *Олзвой Н.* Mongolian View on Economic Development and Cooperation in North-East Asia // The Mongolian Journal of International Affairs. 1996. №3. - С. 65-66; *Tumurchuluun G.* Mongolia's foreign policy revisited: relations with Russia and the PRC into the 1990s // Mongolia in the Twentieth century. Landlocked cosmopolitan / Ed. by S. Kotkin, B. Elleman. - New York: M.E. Sharpe, 1999. - P. 286.

⁷²⁴ Л. Болд: Democratic Values of Mongolia [Электронный ресурс] URL: <http://ubpost.mongolnews.mn/?p=13521> (дата посещения 31.01.2018)

⁷²⁵ Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (Концепция национальной безопасности Монголии) – Официальный сайт министерства иностранных отношений Монголии [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfat.gov.mn> (дата посещения 31.01.2018)

⁷²⁶ *Ulambayar D.* Mongolia's "Third Neighbor" Policy: Nature and Purpose // World Affairs. 2015. №2 (31). - P.48.

⁷²⁷ *Олзвой, Х. Ж.* Бейкерийн айлчлал хийгээд «гуравдахь түнш»-ийн асуудалд (Визит Дж. Бейкера и вопрос о «третьем соседе») / Х. Олзвой // Олон улсын харилцаа. 2002. №1. - Х. 166–168.

США⁷²⁸, Япония⁷²⁹, Республика Корея⁷³⁰, страны-члены ЕС⁷³¹, Канада⁷³², Австралия⁷³³, Турция⁷³⁴, Индия⁷³⁵. В связи с этим можно заключить, что «третий сосед» подразумевает не одну конкретную страну, а целую группу стран, имеющих тесные связи с Монголией.

Помимо международно-политической подоплеки, политика «третьего соседа» в начале 1990-х гг. имела и внутримонгольский, главным образом, экономический аспект. К 1991 г. экономика страны оказалась в состоянии коллапса, что напрямую отразилось на социальном самочувствии населения. По признанию академика Т. Намжима, население Монголии в этот период столкнулось с проблемой нехватки продовольствия⁷³⁶. В этих суровых условиях обращение Улан-Батора за помощью к различным международным организациям и экономически развитым государствам стало практически единственно возможным выходом из сложившейся ситуации. В условиях резкого прекращения внешнего финансирования из СССР и сложившегося в связи с этим критического социально-экономического положения в стране, провозглашение Монголией курса на построение демократического общества гораздо в большей мере, нежели в иных постсоциалистических странах, выполняло функцию «рекламного проекта», при помощи которого можно было привлечь финансовые средства в форме льготных кредитов и

⁷²⁸ Монгол-АНУ-Японы гурван талт анхдугаар уулзалт болов (Состоялась первая трехсторонняя монголо-американо-японская встреча) [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=28840> (дата посещения 31.01.2018)

⁷²⁹ Сайд Мөнх-Оргил Япон, БНСУ-д айлчилна (Министр Мунх-Оргил посетил Японию и Республику Корея) [Электронный ресурс] URL: <http://www.mnb.mn/i/97034> (дата посещения 31.01.2018)

⁷³⁰ Б. Ганболд: Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн KBS телевизэд өгсөн ярилцлага үзэгчдийн тоогоор дээд амжилт тогтоосон (Б. Ганболд: Интервью Президента Монголии телеканалу KBS посмотрело рекордное количество зрителей) [Электронный ресурс] URL: <https://www.news.mn/r/303992> (дата посещения 31.01.2018)

⁷³¹ Совместное заявление Президента Монголии и Президента Франции Франсуа Олланда [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/20_11_001.html (дата посещения 31.01.2018)

⁷³² Монголия и Канады доведут отношения до уровня Комплексного партнерства // Монголия сегодня, 09.09.2016.

⁷³³ *Batbayar Ts.* The Third Neighbor Policy and Australia // *The Mongolian Journal of International Affairs.* 2014. Vol.19. - P. 3-12.

⁷³⁴ Turkish Prime Minister visits Mongolia [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/140368.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

⁷³⁵ Нарендра Моди: Географическое положение Монголии не должно быть ей преградой в свободе выбора партнера // Монголия сегодня, 18.05.2015

⁷³⁶ *Namjim T.* The Economy of Mongolia: From Traditional Times to the Present. Occasional Papers of the Mongolia Society (W. Rozycki, ed). - Bloomington: The Mongolia Society, Inc., 2000. - P. 83-84.

безвозмездной помощи со стороны западных демократий. Как отметили Г. Стейнер-Хамси и И. Столпе, «монгольские власти периодически использовали децентрализацию системы управления в качестве флага для привлечения внешнего финансирования»⁷³⁷. Э.Д. Дагбаев склонен считать, что «монгольская многопартийность это дань требованию Запада»⁷³⁸. В этой связи провозглашенная многоопорная внешняя политика Монголии виделась составляющей демократических изменений в стране⁷³⁹.

В этом смысле процесс демократических преобразований в постсоциалистической Монголии, ставший главной характеристикой ее политического развития в начале 1990-х гг., реализовывался не только за счет эндогенных факторов (конституционный дизайн, социально-экономические процессы, идейные установки и т.п.), но и благодаря экзогенным по отношению к ней факторам, т.е. международной среды, побуждавшей к этим демократическим преобразованиям.

Провозглашенный в начале 1990-х гг. курс на демократическое развитие стал важным источником для привлечения внешней финансово-экономической помощи. США, Япония, страны Западной Европы, желая поддержать «зарождающуюся демократию в центре Азии», начали оказывать Монголии материально-техническую помощь. 12 марта 1991 г. обе палаты Конгресса США принимают резолюцию, в которой американская сторона обязывалась оказать максимальное содействие преобразованиям в Монголии⁷⁴⁰. Вашингтон поддержал Монголию при ее вступлении в международные торгово-экономические и финансовые организации. В феврале 1991 г. Монголия стала членом МВФ и ВБ, в январе 1997 г. вступила в ВТО. Япония выступила инициатором движения стран-доноров в поддержку демократических преобразований в Монголии и перехода ее к рыночной

⁷³⁷ Steiner-Khamsi Z., Stolpe I. Decentralization and recentralization in Mongolia: tracing the swing of pendulum // Comparative Education. 2004. Vol.40. №1. - P. 29.

⁷³⁸ Дагбаев Э.Д. Указ соч. - С. 273.

⁷³⁹ Chuluunbaatar G. Указ. соч. - P. 6.

⁷⁴⁰ Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. - С. 115.

экономике. 5-6 сентября 1991 г. японское правительство организовало Международное совещание с участием 7 стран и 3 международных организаций с целью оказания донорской помощи Монголии⁷⁴¹. Только в период с 1993 по 1997 гг. японская помощь составила в сумме 507 млн. долл⁷⁴². Согласно оценке М. Россаби, на долю Японии в период с 1991 по 1996 гг. пришлось 65,6% от всей иностранной помощи⁷⁴³. В общей сложности западные и японские доноры по состоянию на конец 1992 г. предоставили финансовую помощь Монголии на общую сумму 168 млн. долл., что равнялось 11% от ВВП страны⁷⁴⁴. Финансовая помощь международных доноров и кредиторов в 2000 г. уже равнялась 17,5% от ВВП страны⁷⁴⁵. Начиная с 1991 г. и по настоящее время, Япония остается крупнейшим международным донором Монголии, а японское Международное агентство по сотрудничеству управляет большинством программ японской помощи Монголии. С 1990 по 2016 гг. общая сумма японских кредитов и помощи составила около 3 млрд. долл⁷⁴⁶.

Для ряда внерегиональных партнеров Монголии, в первую очередь для США, эта страна представляла интерес прежде всего из-за ее геополитического местоположения между Россией и Китаем. Как отмечает американский дипломат А. Кэмпби, на рубеже 1980-1990-х гг. для американской стороны Монголия представляла интерес как «окно наблюдения за китайско-советскими отношениями и процессами гласности и перестройки»⁷⁴⁷. В дальнейшем, по мере развития и углубления монголо-американских отношений, предположения о приоритете геополитического интереса Вашингтона к Монголии лишь крепки. На официальном сайте Агентства США по международному развитию было сказано, что «основной

⁷⁴¹ Там же. - С. 125.

⁷⁴² *Batbayar Ts.* Mongolia's Foreign Policy at the Beginning of XX Century: New Identity and New Challenges // *RSIM*. 2002. №17. - P. 203.

⁷⁴³ *Rossabi M.* Modern Mongolia. - P. 215.

⁷⁴⁴ *Boone P.* Указ. соч. - P. 344.

⁷⁴⁵ World Bank. Mongolia public expenditure and financial management review. Bridging thee public expenditure management gap. Washington DC. 2002.

⁷⁴⁶ Япония предоставит Монголии льготный кредит в 850 млн. долларов // Монголия сегодня, 29.03.2017.

⁷⁴⁷ *Campi A.* US policy towards Mongolia since diplomatic recognition in 1987. - New Delhi, 2007. - P. 1

интерес к Монголии обусловлен ее стратегическим положением между Россией и Китаем, двумя традиционными соперниками, которые являются ядерными державами и важными глобальными игроками»⁷⁴⁸. На протяжении 1990-2000-х гг. даже возникали слухи о возможности создания на территории Монголии американских военных баз. По данным американского политолога Р. Каплана, в начале 2000-х гг. США серьезно рассматривали возможность реконструкции бывших советских авиабаз в Монголии с целью их дальнейшего использования для собственных самолетов⁷⁴⁹. Другой американский эксперт Р. Розофф убежден в том, что «Монголия – это оптимальное место для развертывания американской военной разведки (наземной, воздушной и спутниковой) для слежения за Китаем и Россией одновременно»⁷⁵⁰. Слова Дж. Буша-мл. о готовности США «оказать помощь Монголии... в случае военных действий со стороны других государств», произнесенные им накануне своего официального визита в Монголию в ноябре 2005 г.⁷⁵¹, лишь усилили подозрения обозревателей по поводу далеко идущих планов Вашингтона.

Кроме геополитического интереса в начале 1990-х гг. довольно явственно просматривалась заинтересованность западных стран в содействии продвижению в Монголии демократических и рыночных реформ. Бывшая страна социалистического блока, долгое время следовавшая в фарватере советской политики, должна была стать своеобразным полигоном для внедрения методов и принципов демократического транзита. Профессор военно-воздушной академии США Ф. Пилч откровенно называет Монголию «лабораторией демократии»⁷⁵². Именно под «экспорт» новых политических и

⁷⁴⁸ USAID. Mongolia (2004) [Электронный ресурс] URL: www.usaid.gov/policy/budget/cbj2004/asia_near_east/Mongolia.pdf (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁴⁹ Цит. по: *Telford S.* To what extent does post-1990 Mongolia pursue an independent foreign policy? // UNISCI discussion papers. October 2004. - P. 9.

⁷⁵⁰ *Rozoff R.* Mongolia: The Pentagon's Trojan Horse. US-NATO Partner Wedged Between China And Russia [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalresearch.ca/mongolia-the-pentagon-s-trojan-horse-us-nato-partner-wedged-between-china-and-russia/18423> (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁵¹ Президент США пообещал Монголии помощь в случае военных действий // ИА REGNUM, 11.11.2005.

⁷⁵² Dr. Fran Pilch: Mongolia is a country that is a laboratory of democracy [Электронный ресурс] URL: <http://www.mongoliaeconomy.com/dr-fran-pilch-mongolia-is-a-country-that-is-a-laboratory-of-democracy/> (дата посещения 31.01.2018)

экономических институтов Монголии были выданы многомиллиардные кредиты и оказана безвозмездная помощь по линии МВФ, Всемирного Банка, Азиатского банка, а также отдельными развитыми странами - Японией, Республикой Корея, США⁷⁵³. Как пишет К. Лехи, «Монголия, как бывшая коммунистическая страна в Азии, вставшая на путь демократии, стала мальчиком с обложки для Запада»⁷⁵⁴. Учитывая характерные для западных элит мессианские настроения в деле распространения демократии, подобный интерес к Монголии был не случайным.

Окончательная институционализация политики «третьего соседа» произошла через включение этого термина в официальные документы, касающиеся внешней политики и безопасности Монголии. Термин «третий сосед» впервые был документально зафиксирован в обновленной в 2010 г. Концепции национальной безопасности Монголии, в тексте которой указывается, что «развитие стратегии «третьего соседа», двустороннего и многостороннего сотрудничества с высоко развитыми демократиями в политической, экономической, культурной и гуманитарной сферах будет приоритетом»⁷⁵⁵. В 2011 г. в новой редакции «Концепции внешней политики» также было упомянуто о «третьем соседе»: «Развитие стратегии «третьего соседа», партнерские отношения и сотрудничество со странами Запада и Востока и объединениями, такими как США, Япония, Европейский союз, Индия, Республика Корея, Турция, будет приоритетом»⁷⁵⁶.

Другой нормативной составляющей политики «третьего соседа» являются базовые соглашения, заключенные Монголией с ведущими внерегиональными державами. К настоящему моменту Монголия заключила соглашение «О расширенном партнерстве» с Канадой (2004 г.), соглашение

⁷⁵³ Гармаева И. Б. Особенности демократизации Монголии – С. 131.

⁷⁵⁴ Leahy C. Mongolia's uncertain future. Despite some harsh statistics there are signs of hope in Mongolia // Euromoney. 2003. September. - P. 272.

⁷⁵⁵ National security concept of Mongolia [Электронный ресурс] URL: <http://www.nsc.gov.mn/sites/default/files/images/National%20Security%20Concept%20of%20Mongolia%20EN.pdf> (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁵⁶ Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии) // Официальный сайт правительства Монголии [Электронный ресурс] URL: <http://www.pmis.gov.mn> (дата посещения 31.01.2018).

«О комплексном партнерстве» с США (2005 г.), соглашение «О комплексном партнерстве» с Турцией (2007 г.), соглашение «Об углубленном партнерстве» с Австралией (2007 г.), соглашение «О комплексном партнерстве» с Германией (2008 г.), соглашение «О комплексном партнерстве» с Индией (2009 г.), соглашение «О стратегическом партнерстве с Японией» (2010 г.), соглашение «О комплексном партнерстве» с Республикой Корея (2011 г.) соглашение «О партнерстве и сотрудничестве» с ЕС (2013 г.).

Устанавливая тесные связи с ведущими экономическими странами мира, Улан-Батор рассчитывал на значительное расширение торгово-экономического сотрудничества с ними. В первое постсоциалистическое десятилетие экономическое присутствие ведущих внерегиональных стран в Монголии относительно быстро увеличилось.

Таблица 13. Динамика внешней торговли Монголии с рядом внерегиональных стран с 1990 по 2000 гг. (%)⁷⁵⁷

Годы \ Страны	1990	1995	1999	2000
США	0.06	4.5	8.9	11.2
Япония	1.09	10.3	14.5	7.5
Р. Корея	0.04	5.3	4.4	5.4
Германия	3.2	2.9	3.0	3.0
Франция	0.3	0.2	1.1	0.9

Компании этих стран проявили заинтересованность в разведке и добыче нефти, медных и угольных залежей, в инвестировании в предприятия легкой промышленности, в сферу обслуживания и информационных технологий. В конце 1990-х гг. в стране насчитывалось около 50 монголо-американских⁷⁵⁸ и более 50 монголо-японских компаний⁷⁵⁹. Особую роль для экономики

⁷⁵⁷ Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2000 (Статистический сборник Монголии 2000). - Улаанбаатар, 2001. - X. 177.

⁷⁵⁸ Campi A. Mongolia in Northeast Asia – the New Realities // Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. – Taipei: Chinese Culture University, 2004. – P. 273.

⁷⁵⁹ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. – С. 223.

Монголии с начала 1990-х гг. стала играть Республика Корея. По данным Ю.Г. Григорьевой, ежегодные денежные переводы монгольских граждан, трудящихся в Корее, составляют около 7% ВВП Монголии⁷⁶⁰.

Однако, в начале 2000-х гг. ситуация с реальными экономическими возможностями и интересами «третьего соседа» Монголии стала более ясной. Доля во внешней торговле Монголии с этими странами не только не росла, но и постепенно стала падать на фоне стремительного роста монголо-китайского торгового оборота.

Таблица 14. Доля основных внешнеторговых партнеров Монголии⁷⁶¹

Годы \ Страны	2008	2012	2014	2015	2017
США	3.4	4.8	2.2	1.5	2.1
Япония	4.6	4.5	3.5	3.5	3.6
Р. Корея	3.9	4.3	3.3	3.8	1.9
Германия	1.8	2.3	1.6	1.6	1.3
Франция	1.1	0.6	0.6	0.4	0.4

Прямые американские и японские инвестиции с 1991 по 2008 гг. составили всего 3,6% и 5,0% соответственно от общего объема⁷⁶². В июне 2015 г. в ходе беседы с американскими официальными лицами премьер-министр Ч. Сайханбилэг отметил, что монгольская сторона хотела бы развития активного сотрудничества с США в торгово-экономической области, намекая на неудовлетворительный текущий уровень⁷⁶³.

С одной стороны, за последние два с половиной десятилетия западные, японские и южнокорейские торговые партнеры и инвесторы стали играть не

⁷⁶⁰ Григорьева Ю.Г. Эволюция отношений Монголии и Республики Корея на современном этапе (1990-2015 гг.). Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. - Улан-Удэ, 2017. - С. 131.

⁷⁶¹ Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2017 (Статистический сборник Монголии 2017). - Улаанбаатар, 2018. - Х. 286.

⁷⁶² Гадаадын шууд хөрөнгө оруулалтын бүтэц, улсаар (1990-2008). (Распределение прямых иностранных инвестиций). [Электронный ресурс] URL: (<http://www.mit.pmis.gov.mn/modules.php?name=News&file=article&sid=38> (дата посещения 31.01.2018).

⁷⁶³ Премьер-Министр Ч.Сайханбилэг: Монголия будет надежным партнером // Монголия сегодня, 29.06.2015

последнюю роль в развитии монгольской экономики. С другой стороны, внерегиональные государства в силу ряда объективных причин (географическая удаленность Монголии и отсутствие выхода к морю, плохое состояние коммуникаций, узкий внутренний рынок) так и не смогли дорасти до уровня стабильных внешнеэкономических партнеров Монголии, образовать в долгосрочной перспективе третий равноценный экономический полюс влияния в регионе.

Также стоит отметить, что большинство западных компаний, инвестирующих в горнорудную отрасль Монголии, рассматривают в качестве потенциального рынка сбыта своей продукции только китайское направление. Например, американская компания «Peabody Energy» создала совместное предприятие с китайской транспортной компанией «Winsway Coking Coal» для добычи монгольского угля и дальнейшей его продажи в Китай. Канадско-австралийский тандем «Ivanhoe Mines» и «Rio Tinto» продукцию медного месторождения Оюу Толгой также намеревается реализовывать на китайском рынке. Другая группа западных компаний, ведущих экономическую деятельность в Монголии, представляет из себя международных спекулянтов, скупающих по низким ценам права на разработку месторождений полезных ископаемых с целью их дальнейшей перепродажи по более высоким ценам. Подтверждением этому может служить случай с канадской компанией «Western Prospector Group», с 1990-х гг. владевшей лицензиями на разработку урановых месторождений Гурван Булаг и вскоре продавшей свои акции китайской компании «CNNC». Схожий сюжет – продажа американскими компаниями «Soco International Inc» и «ROC Oil Company Ltd» прав владения лицензиями по разработке нефтяных месторождений Тамсаг и Зуунбаян китайским компаниям «Petro China Dachin Tamsag Mongol» и «Доншен» соответственно. По сути, западные компании выступают естественными партнерами и даже экономическими агентами Китая в его политике по замыканию на себя рынка полезных ископаемых Монголии.

Пространственная замкнутость Монголии между Россией и Китаем и ее территориальная удаленность от ведущих стран Запада и его союзников обусловила использование третьими странами методов и форм косвенного влияния на политический процесс в этой стране. Основным фактором подобного влияния стала совокупность «мягких» политических методов и технологий, трудно уловимых для широкой публики.

Важнейшей составляющей «мягкого» влияния «третьих соседей» Монголии выступает идеология. Говоря о «третьем соседе», необходимо понимать, что в эту категорию попадают не все внерегиональные страны, с которыми Улан-Батор поддерживает отношения, а только страны Запада и его союзники, традиционно маркированные как члены мирового демократического сообщества. В этой связи в политических взаимоотношениях Монголии с «третьим соседом» идеологический фактор с самого начала играл значимую роль.

В ходе официальных встреч и переговоров монгольских руководителей с американскими, европейскими, японскими, южнокорейскими партнерами неотъемлемым атрибутом выступает указание на общность демократических ценностей и поддержку развития демократии в Монголии. Например, во время официального визита в США в июне 2011 г. президента Монголии Ц. Элбэгдоржа американским президентом Б. Обамой была подчеркнута «взаимная заинтересованность двух стран в защите прав человека, демократии и свободы», а сама Монголия была названа «моделью демократических реформ в регионе»⁷⁶⁴. В ходе официальных переговоров главы МИД Монголии Л. Болда и вице-президента Европейской Комиссии К. Эштон было особо отмечено, что сотрудничество Монголии со странами ЕС основаны на демократических ценностях⁷⁶⁵. Об «образцовости монгольской демократии»

⁷⁶⁴ США и Монголия будут сотрудничать в сфере экономики и развития демократии. 17 июня 2011 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.inright.ru/news/economy/20110617/id_7598/ (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁶⁵ Отношения Монголия с 27 странами-членами ЕС поднялись на партнерский уровень // Монголия сегодня, 02.05.2013.

неоднократно высказывались госсекретарь США Х. Клинтон⁷⁶⁶, вице-президент США Д. Байден⁷⁶⁷ президент Республики Корея Ким Дэ Чжун⁷⁶⁸, президент Германии И. Гаук⁷⁶⁹. В частности, в ходе визита в Монголию в июле 2012 г. Х. Клинтон дала высочайшую оценку монгольской демократии, отметив, что «если вы хотите увидеть демократию в действии, если вы хотите увидеть прогресс, достигнутый лидерами, которые больше озабочены нуждами своего народа, нежели пополнением своих банковских счетов, приезжайте в Монголию»⁷⁷⁰. В целом, сотрудничество Монголии с Западом тесно увязывается с ее приверженностью демократическим ценностям, подтверждением чему может служить фраза американского посла в Монголии Д. Эддлтона о том, что «демократия один из пяти столпов американо-монгольских отношений»⁷⁷¹.

Помимо общего фона отношений с «третьим соседом» демократия видится фактором экономической безопасности Монголии. Интересы Монголии, как малой страны с крайне зависимой от внешних источников экономикой, тесно связаны с потребностью в иностранных финансовых дотациях, кредитах и инвестициях. А это, в свою очередь, по мнению ряда монгольских политиков и экспертов, имеет прямое отношение к демократическому имиджу страны. В ходе рабочего визита в США в 1993 г. премьер-министр Монголии П. Жасрай подчеркнул, что «демократия в Монголии укоренилась... и страна надеется быть для США надежным инвестиционным и торговым партнером»⁷⁷². Президент Ассоциации

⁷⁶⁶ Secretary of State congratulates Mongolians on National Day. 13.07.2012 [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/114120.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁶⁷ Biden praises Mongolia's democratic development. August 22, 2011 [Электронный ресурс] URL: <http://www.business-mongolia.com/mongolia/2011/08/22/biden-praises-mongolias-democratic-development/> (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁶⁸ Монгол улсын УИХ-д БНСУ-ын Ёрөнхийлогч Ким Дэ Жуний хэлээн үг (Выступление президента Корейской Республики Ким Дэ Чжуна в Великом государственном хурале Монголии) // Гадаад харилцаа. 1999. № 13 (63). - X. 8.

⁷⁶⁹ Германия всегда поддержит Монголию в дальнейшем пути ее развития // Монголия сегодня, 16.10.2015.

⁷⁷⁰ Clinton Praises Mongolian Democracy // Taipei Times. 10 July 2012

⁷⁷¹ "Ambassador Addelton's Remarks at the Asia Society Breakfast: Warm Relations in a Cold Place: The United States and Mongolia," Embassy of the United States in Ulaanbaatar, Mongolia, June 14, 2011. [Электронный ресурс] URL: http://mongolia.usembassy.gov/speeches_061411.html (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁷² *Batbayar Ts.* Mongolia in 1993: a fragile democracy // *Asian Survey*. 1994. Vol.34. №1. - P. 45.

финансового рынка Монголии О. Ганзориг отметил, что Монголия «сможет привлечь иностранные инвестиции только тогда, когда сможет доказать им, что она является демократической страной»⁷⁷³. В 2013 г. в ходе работы Мирового экономического форума в Давосе в рамках мини-конференции «Стратегический диалог по поводу развития Монголии» монгольский министр иностранных дел Л. Болд заявил о «важности поддержания имиджа Монголии в качестве открытой и демократической страны с точки зрения привлечения инвестиций»⁷⁷⁴.

На экономическое развитие Монголии опосредованное влияние оказывают ее оценки в различных рейтингах демократий. Главными экспертами в оценке монгольской демократии являются западные НПО. Положительные оценки, даваемые монгольской демократии этими НПО, предоставляют возможность Монголии улучшить свой имидж как демократической страны, что, в свою очередь, способно повлечь за собой экономические выгоды – новые льготные кредиты и финансовую помощь западных стран, улучшение инвестиционного климата. Например, в 2014 г. спикер З. Энхболд в своей речи на открытии осенней сессии ВГХ отдельно отметил достижения Монголии в сфере борьбы с коррупцией, увязав их с оценками международной организации «Transparency International». По словам З. Энхболда, вследствие государственной политики и деятельности по борьбе с коррупцией Монголия поднялась с 124 места на 84 место в рейтинге восприятия коррупции, составляемом данной организацией⁷⁷⁵. В 2016 г. «Freedom House» присвоил Монголии статус «свободной страны»⁷⁷⁶. Тем самым ситуация в сфере антикоррупционной политики Монголии напрямую увязывается с внешними оценками аффилированных с Западом организаций.

⁷⁷³ О. Ганзориг: На объем иностранных инвестиций, кроме правовой среды, огромное влияние имеет общественное мнение // Монголия сегодня, 08.07.2013.

⁷⁷⁴ Foreign Minister vows to boost cooperation with Davos summit [Электронный ресурс] URL: <http://www.news.mn/r/165653> (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁷⁵ Осталось менее двух лет, когда народ подведет итоги нашей работы // Монголия сегодня, 02.10.2014.

⁷⁷⁶ <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2017/mongolia> [Электронный ресурс] URL: (дата посещения 31.01.2018)

Тема «общности политических ценностей» неизменно подается «в одном пакете» с вопросами торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Монголией и западными странами. Так, в ходе беседы Ц. Элбэгдоржа и Б. Обамы (в рамках официального визита монгольского президента в США в июне 2011 г.) сторонами были отмечены «значимость защиты и развития демократии, прав и свободы человека, являющиеся общими интересами двух стран... а также важность интенсификации торгово-экономического сотрудничества»⁷⁷⁷. Американский посол в Монголии П. Кемпбелл используя демократическую риторику, откровенно лоббирует экономические интересы американских компаний в Монголии: «Когда тендерный отбор будут проводить открыто, гласно и справедливо (в Монголии – **прим. дисс.**), крупные американские компании смогут предложить свои цены и технологии, опираясь на свои сильные стороны. Например, такие как компания «Peabody Energy», которая хотела бы принять участие в проекте по разработке Таван-Толгой»⁷⁷⁸. Президент американской государственной корпорации «Фонд испытаний тысячелетия» Д. Хайд во время встречи с монгольскими официальными лицами подчеркнула прямую связь между решением предоставить финансовую помощь Монголии и укреплением в этой стране демократического правления⁷⁷⁹.

Идеологический фактор используется и для того, чтобы оказать влияние на отношения Монголии с ее географическими соседями. Рассуждая о демократии в Монголии, западные политики и эксперты указывают на ее принципиальные отличия от России и Китая. При этом статус демократической страны, по замыслу авторов подобных заявлений, должен выступать безусловным преимуществом Монголии в сравнении с Россией и

⁷⁷⁷ США и Монголия будут сотрудничать в сфере экономики и развития демократии. 17 июня 2011 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.inright.ru/news/economy/20110617/id_7598/ (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁷⁸ Интервью с чрезвычайным и полномочным послом США в Монголии госпожой Пайпэр Энн Уинд Кэмбэлл [Электронный ресурс] URL: http://www.mongolnow.com/posol_us.html (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁷⁹ Л.Пүрэвсүрэн сайд мянганы сорилтын корпорацийн дэд ерөнхийлөгчийг хүлээн авч уулзав (Министр Л. Пүрэвсүрэн принял президента «Фонда испытаний тысячелетия») [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=27878> (дата посещения 31.01.2018)

Китаем. Показательна фраза научного сотрудника Университета Эмори Б. Кнауфта, утверждающего, что «Монголия является собой позитивный пример страны, которая успешно развивается даже, будучи окруженной авторитарными и агрессивными сверхдержавами»⁷⁸⁰.

Антироссийские и антикитайские мотивы, активно продвигаемые в публичном пространстве западными экспертами, также свидетельствуют о геополитическом интересе к Монголии со стороны «третьих соседей». Ряд авторов, некритично восприняв тезис «холодной войны» о несамостоятельности Монголии эпохи социализма, успешно развивают его в своих работах и выступлениях. Так, сотрудник Университета Тафта А. Вачман назвал одним из основных итогов перехода Монголии к демократии «приобретение независимости после семи десятилетий рабства перед Москвой»⁷⁸¹.

Современные образы соседей Монголии в интерпретации авторов из ряда внерегиональных держав, как правило, рисуются в негативном цвете, изображаются в качестве главных внешних вызовов и даже угроз по отношению к Монголии, ее независимости и безопасности, а также демократическому развитию. По мнению индийского исследователя Ш. Сони, «Китай не желает, чтобы Монголия усиливала свою демократическую идентичность»⁷⁸². Ш. Сони напрямую увязывает демократию и монгольскую независимость, указывая на два основных показателя демократии в Монголии – многопартийные выборы и независимую политическую идентичность⁷⁸³. М. Фиш, подчеркивая уникальность демократической Монголии, указывает на ее «окружение со всех сторон авторитарными режимами»⁷⁸⁴. Японский

⁷⁸⁰ Bruce M. Knauft. Mongolians before, during, and after Socialism: Analytic Overview and Policy Implications // Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion / Ed. by Bruce M. Knauft, Richard Tauper. - Ulaanbaatar: Admon Press, 2012. - P. 8.

⁷⁸¹ Mongolia: Growth, Democracy, and Two Wary Neighbors. An Interview with Alan Wachman // The National Bureau of Asian Research (NBR). 2012. May 3.

⁷⁸² Soni S. Evaluating Mongolia's Experience of Democratization: The Post Soviet Scenario // The Mongolian Journal of International Affairs. 2013. Vol.18. - P. 40.

⁷⁸³ Там же. - P. 43.

⁷⁸⁴ Fish S. The Inner Asian Anomaly. - P. 323-338; Miliate B. Democratization and Foreign Policy [Электронный ресурс] URL: <https://circle.ubc.ca/handle/2429/43714> (дата посещения 31.01.2018); Sabloff P. Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy // Central Asian Survey. 2002. №21. - P. 19–36.

журналист О. Хироки сравнивает отношения Монголии с Россией и Китаем как ситуацию между Сциллой и Харибдой⁷⁸⁵.

Давая негативную оценку российско-монгольским и монголо-китайским отношениям, западные эксперты выдвигают в качестве позитивной альтернативы политику «третьего соседа». Бывший сотрудник Госдепартамента США, член Атлантического совета Дж. Метлз в интервью монгольскому журналисту выразил позицию о том, что «для Монголии сближение и с Китаем, и с Россией всегда было негативным... есть страны, заинтересованные в партнерстве с Монголией на уровне «третьего соседа», например, Япония. Поэтому Монголии следует уделять больше внимания своей внешней политике «третьего соседа»⁷⁸⁶.

Официальные представители США, демонизируя монгольских соседей, пытаются оказывать влияние на ее внешнеполитическую стратегию. Отвечая на вопрос монгольского журналиста о перспективах членства Монголии в ШОС, посол США в Улан-Баторе П. Кемпбелл заявила, что «самый первый вопрос, который должна задать себе любая страна при решении членства в любой международной организации, насколько принципы этой организации соответствуют ценностям и идеалам самой страны. При негативном результате страна рискует потерять свой авторитет на мировой арене. У Монголии пока статус наблюдателя, но предоставят ли члены этой организации Монголии возможность соблюдать самую большую ценность, которой придерживается Монголия: права человека?»⁷⁸⁷. Стоит отметить, что данное высказывание прозвучало вскоре после официального визита в Монголию Си Цзиньпина и накануне рабочего визита в эту страну В.В. Путина. Во время визита президента Монголии Ц. Элбэгдоржа в Нью-

⁷⁸⁵ Ока Хироки. Новый взгляд на значимость Монголии в стратегии Японии [Электронный ресурс] URL: <http://asiarussia.ru/articles/8344/> (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁸⁶ Жейми Мэтлз: Ардчилалд эргэлзэж эхэлсэн нь Монголд л хохиролтой (Джейми Метлз: Для Монголии будет хуже, если она усомнится в демократии) [Электронный ресурс] URL: <http://www.itoim.mn/index.php/site/news/629> (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁸⁷ Пайпэр Энн Уинд Кемпбелл: Политика «приоритетного» и «третьего соседа» - признак здоровья // Монголия сегодня, 01.09.2014

Йорк в сентябре 2014 г. с целью выступления на Генеральной Ассамблее ООН со стороны американских властей ему были заданы вопросы, касающиеся сближения Монголии с Россией и Китаем. В частности, президенту намекнули на то, что «возврат к додемократическому мышлению» может затруднить интеграцию Монголии в мировую экономику через политику «третьего соседа»⁷⁸⁸.

Военное сотрудничество Улан-Батора и Вашингтона также можно рассматривать как значимый фактор политики «третьего соседа». В отчете исследовательской службы Конгресса США (за июнь 2011 г.) «главным компонентом американо-монгольских отношений является сотрудничество в оборонной сфере»⁷⁸⁹. Начиная с 1990-х гг., монгольские офицеры проходят обучение и стажировки в США. Американская сторона ежегодно выделяет военную помощь Монголии в размере более 2,3 млн. долл⁷⁹⁰. С 2003 г. на территории Монголии совместно с американской стороной проводятся военные учения «В поисках хана» («Khan quest»). Кроме того, монгольские и американские военные проводят совместные учения «Гобийский волк», «Тихоокеанский ангел». В 2012 г. Монголия присоединилась к Программе индивидуального партнерства и сотрудничества с НАТО.

Знаковыми событиями в монголо-американском военном сотрудничестве стали отправки в 2002 г. монгольских военнослужащих в Афганистан, а в 2003 г. – в Ирак для осуществления в составе сил американской коалиции поддержки военных операций. Тот факт, что Улан-Батор, вопреки позициям Пекина и Москвы, поддержал большинство инициатив американской коалиции по свержению правительства Саддама Хусейна в Ираке, служит наглядным примером возросшей независимости монгольской стороны во внешнеполитических шагах от ее географических

⁷⁸⁸ Campi A. Transforming Mongolia-Russia-China Relations: The Dushanbe Trilateral Summit, The Asia-Pacific Journal. 2014. Vol. 12, Issue 44, No. 1, November 10 [Электронный ресурс] URL: <http://apjif.org/2014/12/45/Alicia-Campi/4210.html> (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁸⁹ Lawrence S.V. Mongolia: Issues for Congress // Congressional Research Service. 2011. June 14.

⁷⁹⁰ Эрдэнэбат Б. Характер и тенденции развития военных отношений Монголии. - С.83.

соседей. За поддержку миротворческой деятельности в Ираке Монголии было выделено 11 млн. долл. на модернизацию вооруженных сил⁷⁹¹.

Военное сотрудничество способствует не только усовершенствованию навыков монгольских военных, но и играет роль дополнительного канала политического влияния США. Американская сторона посредством обучения монгольских военных и совместного участия в миротворческих операциях прививает Монголии собственные идеологические нормы, формирует новые уровни внешнеполитической лояльности и идентичности. Во время визита в Монголию 26-27 мая 2011 г. делегации НАТО во главе с заместителем генсека по безопасности и политическим отношениям Д. Аппатураем были затронуты вопросы углубления дальнейшего сотрудничества между Монголией и НАТО и «выведения их отношений на новый уровень». Очевидным интересом натовской стороны в этом визите был вопрос о продолжении военного присутствия монгольских солдат в Ираке и Афганистане. Однако помимо этого особо были подчеркнуты такие основания для сотрудничества между Монголией и НАТО как «демократия и общность ценностей»⁷⁹².

«Третий сосед» располагает разнообразным набором инструментов, при помощи которых способен оказывать существенное влияние не только на внешнеполитическую позицию Монголии, но и на ее внутривнутриполитический процесс. Традиционными каналами влияния можно считать деятельность послов США в Монголии. Главы американского посольства в Монголии периодически пытаются напрямую повлиять на ход политического процесса, делая громкие заявления. Так, А. ла Порты, американский посол в период с 1997 по 2000 гг., охарактеризовал победу кандидата от ДП Ц. Элбэгдоржа на президентских выборах 2009 г. как «показатель позитивных изменений... свидетельство сохранения ориентации страны на Запад и другие демократии Азии»⁷⁹³. П. Слущ, посол США в Монголии в период 2003-2006 гг., выразила

⁷⁹¹ Болд Р. Монголия: некоторые вопросы национальной безопасности. - Улан-Батор, 2012. - С. 94.

⁷⁹² Визит в Монголию заместителя генсека НАТО // Монцамэ, 26.05.2011.

⁷⁹³ La Porta A. The Presidential Election: Safeguarding Mongolia's Democracy Future // Asia-Pacific Bulletin. №36. 18 June 2009.

свое «сожаление по поводу неясности ситуации с выплатой Монголией долга России»⁷⁹⁴. Тем самым она намекнула на то, что премьер-министр Н. Энхбаяр, который вел переговоры с монгольской стороны, имел личный интерес при заключении соглашения с Россией о реструктуризации монгольской задолженности. Наконец, в 2015 г. П. Кемпбелл буквально накануне завершения своей работы в качестве посла США, подвергла критике монгольское правительство и парламент, усомнившись в целесообразности инвестирования в монгольскую экономику из-за «сложной политической ситуации, которая будет продолжаться до окончания очередных парламентских выборов в 2016 г»⁷⁹⁵. Помимо работы с официальным монгольским истеблишментом американское посольство ведет работу по подготовке лояльных США и их политике молодых политиков Монголии. Посол США Д. Галт в свое интервью монгольской прессе в октябре 2017 г. рассказала о том, что посольство в рамках реализации программы «Lead» ежемесячно проводит встречи с монгольской молодежью «для продвижения будущих руководителей и лидеров страны, имеющих демократические взгляды»⁷⁹⁶.

Помимо двусторонних межгосударственных отношений со странами Запада и его союзниками не менее значимыми являются отношения Монголии с международными организациями, продвигающими ценности демократии. В 2003 г. Монголия принимала Пятую международную конференцию стран, установивших и восстановивших демократию. В июле 2011 г. Монголия впервые заняла место председателя в международной организации «Сообщество демократий». Участие в подобных организациях требует от Монголии следования определенным правилам и нормам. В частности, транспарентность процесса принятия решений, активное вовлечение в

⁷⁹⁴ Өнөөдөр, 17.05.2005.

⁷⁹⁵ Ambassador Campbell Remarks on Mongolia's Investment Climate at NAMBC General Meeting [Электронный ресурс] URL: https://mongolia.usembassy.gov/mobile/remarks_042115.html (дата посещения 31.01.2018)

⁷⁹⁶ Дженнифер Зимдал Галт: «В Монголии необходима законодательная стабильность» [Электронный ресурс] URL: http://www.mongolnow.com/int-us-18_10.html (дата посещения 31.01.2018)

политический процесс женщин и представителей национальных меньшинств, гражданский контроль над армией и т.п.

Международные межправительственные организации экономического профиля, членами которых является Монголия, также могут выступать каналами влияния, задавая политическую и экономическую повестку. Эксперты МВФ, прибывшие в Монголию в начале 1991 г., настояли на использовании модели одновременного проведения стремительной приватизации и радикальных экономических реформ, оказав моральную, организационную и материальную поддержку монгольским сторонникам чистого рынка⁷⁹⁷. Западное экспертное сообщество в лице экономических и политических советников, обладая символическим капиталом знаний, может оказывать значительное влияние на ситуацию в стране. Так, американский экономический советник правительства Монголии У. Бикалис положительно оценил работу кабинета М. Энхсайхана (1996-1998 гг.), отметив стремительное расширение частного сектора в экономике страны⁷⁹⁸. При правительстве Н. Энхбаяра (2000-2004 гг.) на постоянной основе работал американский советник, отвечавший за вопросы, связанные с политическим планированием⁷⁹⁹.

По словам монгольского исследователя Л. Мунх-Эрдэнэ, «слабое государство следовало указаниям международных организаций и стран-доноров, которые в некотором роде заменяли местную авторитарную власть. Политика и рекомендации институтов глобального управления, таких как МВФ, не оставили или почти не оставили правительству никакого политического выбора... В Монголии был установлен режим «транснационального управления»⁸⁰⁰.

⁷⁹⁷ Boone P. Указ .соч. – P. 355.

⁷⁹⁸ Severinghaus S. Указ. соч. - P. 66.

⁷⁹⁹ US Department of State, Mongolia briefing [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/2779.htm> (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁰⁰ Munkh-Erdene L. Mongolia's Post-Socialist Transition: A Great Neoliberal Transformation // Mongolians After Socialism: Politics, Economy, Religion. – Ulaanbaatar: Admon Press, 2012. - P. 64-66.

И хотя в последние годы степень прямого вмешательства межправительственных организаций и их экспертов в политические и экономические процессы Монголии значительно снизилась, само по себе влияние по-прежнему осуществляется. Представители МВФ регулярно проводят встречи с монгольским руководством, давая свои оценки бюджетной политике страны и критикуя его за невыполнение закона «О бюджете»⁸⁰¹. Кроме того, оценки международных организаций и зарубежных экспертов используются монгольскими политиками при ведении борьбы с оппонентами. Так, члены МНП, требуя отставки правительства Ч. Сайханбилэга, в качестве одной из причин назвали негативную оценку Всемирным Банком и Фондом развития Азии деятельности правительства по использованию крупного капитала⁸⁰².

Активными участниками политического процесса в Монголии являются иностранные НПО. В условиях крайне либерального законодательства Монголии начала 1990-х гг. в сфере регистрации иностранных НПО их количество стало стремительно расти⁸⁰³. Тем более, что в первые годы после начала постсоциалистической трансформации особенно обострились социальные проблемы (бедность, безработица, алкоголизм, бездомные дети), решением которых стали заниматься зарубежные некоммерческие организации. Одной из первых иностранных некоммерческих организаций в Монголии стал американский «Корпус мира», чьи волонтеры с января 1991 г., оказывая помощь бедным слоям населения Монголии, активно занимались популяризацией среди монголов английского языка⁸⁰⁴. Распространение английского языка силами этой и других западных НПО можно рассматривать не только в качестве сугубо образовательной просветительской деятельности. При изучении иностранного языка происходит экспортирование из одного

⁸⁰¹ МВФ шокирован тем, что Парламент не призывает к ответственности Правительство, которое нарушает закон «О бюджете» // Монголия сегодня, 25.04.2014

⁸⁰² Ч. Сайханбилэгийн ярилцлага (Интервью Ч. Сайханбилэга) [Электронный ресурс] URL: <http://open.parliament.mn> (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁰³ Law of Mongolia on Non-governmental organizations [Электронный ресурс] URL: <http://www.icnl.org/research/library/files/Mongolia/ngo.pdf> (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁰⁴ Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. - С. 113.

«политического словаря» в другой категорий, понятий, а также идеологических смыслов, характеризующих политическую систему стран-экспортера языка. В итоге политику распространения иностранных языков (в данном случае английского) можно рассматривать как один из каналов политического влияния в Монголии.

Также в начале 1990-х гг. свое представительство в Монголии открыли американские «Азиатский фонд», «Международный республиканский институт», Фонд Сороса «Открытое общество», немецкий «Фонд Конрада Аденауэра», японский «Фонд мира Сасакавы» и многие другие. Их задачи в основном сводятся к развитию гражданского общества и демократических ценностей в Монголии, решению острых социальных проблем. В частности, «Азиатский фонд» стал первой неправительственной американской организацией, поставившей перед собой задачу поддержки транзита Монголии к демократии и рыночной экономике. В течение всего постсоциалистического периода фонд объявлял различные программы, направленные на такие сферы как развитие монгольского парламентаризма, правовая реформа, становление и развитие неправительственных организаций, решение экологических проблем и т.д.⁸⁰⁵ Как уже было сказано выше, «Азиатский фонд» имел прямое отношение к процессу разработки ныне действующей конституции Монголии, ряду других законов в сфере государственного управления.

Ярким примером непосредственного вовлечения некоторых иностранных фондов в политический процесс Монголии стали события накануне парламентских выборов 1996 г. Именно эти выборы были отмечены широким использованием различных политтехнологий, в том числе при активном участии иностранных специалистов. Коалиционный блок «Демократический союз», главный конкурент правившей на тот момент МНРП/МНП, построил свою кампанию на основе американских

⁸⁰⁵ Официальный сайт монгольского представительства «Азиатского фонда» [Электронный ресурс] URL: <http://asiafoundation.org/where-we-work/mongolia/> (дата посещения 31.01.2018)

избирательных технологий и при активной поддержке таких зарубежных организаций как «Фонд Конрада Аденауэра» и «Международного республиканского института»⁸⁰⁶, что являлось прямым нарушением монгольского законодательства. Прямая и косвенная поддержка ДП и близких к ней партий, считавшихся более прозападными силами, была характерна для западных фондов в 1990-е гг. В последующие годы, по мнению И.Б. Гармаевой, «всплывшие крупные скандалы, связанные с обнаружением фактов финансирования деятельности политических партий из-за рубежа, сократили формы участия НПО в монгольской политике, хотя и не ликвидировали их полностью»⁸⁰⁷.

Высокая степень влияния иностранных НПО на политический процесс в Монголии объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, большинство западных НПО, имея богатый опыт деятельности в других странах, успешно применяют различные методы и формы влияния на население Монголии. Руководство и персонал многих фондов высоко подготовлены, быстро адаптируются в условиях монгольского общества, включая освоение монгольского языка. Во-вторых, западные НПО активно взаимодействуют между собой, координируя свою политику в рамках «Ассоциации друзей Монголии», включающей в себя 501 некоммерческую организацию⁸⁰⁸. В условиях такой относительно малонаселенной страны как Монголия помощь, оказываемая фондами, ощущается сильнее, нежели в более населенных странах.

Использование НПО не менее, если не более эффективный инструмент политики внерегиональных партнеров Монголии, так как официально данные НПО не связаны с государствами исхода и действуют как формально независимые субъекты. Однако именно через такие организации зачастую формируется политическая идентичность и системы ценностей у населения,

⁸⁰⁶ *Chuluunbaatar G.* Указ .соч. - Р. 14.

⁸⁰⁷ См. *Гармаева И. Б.* Особенности демократизации Монголии. – С. 112.

⁸⁰⁸ Официальный сайт «Ассоциации друзей Монголии» [Электронный ресурс] URL: <http://www.friendsofmongolia.org/> (дата посещения 31.01.2018)

посредством которых НПО способны задавать политическую повестку. Представители НПО выполняют экспертную функцию при рассмотрении наиболее значимых общественных тем, включая парламентские и президентские выборы, вопросы расстановки внешнеполитических приоритетов. Наряду с воздействием на широкие массы населения, неправительственные и некоммерческие организации интегрируют в свои структуры потенциальных политических лидеров, проходящих различные курсы и тренинги⁸⁰⁹.

Политика мягкого влияния «третьего соседа» через различные каналы приносит определенные плоды. Многие монголы, включая ведущих политиков, проходят обучение в западных и японских вузах. Например, третий (Н. Энхбаяр) и четвертый (Ц. Элбэгдорж) президенты Монголии в разное время проходили обучение в Великобритании и США, соответственно. В правительстве Ж. Эрдэнэбата, образованного по итогам парламентских выборов 2016 г., 5 министров также имеют образование, полученное в США, Германии, Голландии и Японии. Английский язык прочно занял место русского в Монголии, став первым иностранным⁸¹⁰. Согласно данным социологических опросов, ряд наиболее влиятельных стран, входящих в категорию «третий сосед», опережают КНР по популярности в Монголии, но при этом значительно уступая России.

Таблица 15. Какая из стран является лучшим партнером для Монголии?

(%)⁸¹¹

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
США	9.0	9.1	-	8.2	7.6	6.5	6.8	6.5
Япония	4.7	6.1	-	7.0	4.8	7.0	6.3	7.3
Р.Корея	2.1	2.3	-	4.0	2.8	2.3	1.6	0.9

⁸⁰⁹ *Byambajav D.* NGOs in Mongolia: a Crucial factor in Mongolian Society and Politics // The Mongolian Journal of International Affairs. 2006. №13. - P. 132-146.

⁸¹⁰ *Bulgan B.* How popular is Russian in Mongolia 26 Years After the Fall of the Soviet Union? [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2016/foreign-languages-mongolians/> (дата посещения 31.01.2018)

⁸¹¹ Sant Maral Foundation [Электронный ресурс] URL: <http://www.santmaral.mn/en/publications> (дата посещения 31.01.2018)

ЕС	5.2	4.5	-	1.2	1.9	0.7	4.0	1.6
----	-----	-----	---	-----	-----	-----	-----	-----

Несмотря на значительные достижения ряда внерегиональных стран в деле усиления своего влияния в Монголии, в монгольском обществе периодически слышны и критические высказывания по поводу эффективности политики «третьего соседа». Монгольский политолог Д. Шурхуу в одном из своих интервью, говоря о недостаточно высоком уровне экономических отношений с внерегиональными странами, резюмирует: «За последние 10 лет политика «третьего соседа» не принесла ожидаемых результатов»⁸¹². Некоторые монгольские эксперты высказываются более откровенно, называя политику «третьего соседа» в экономическом плане откровенно провальной⁸¹³.

Острой критике подвергается финансовая помощь, оказываемая западными странами и организациями. Почти 30% от всей финансовой помощи, предоставленной Монголии к началу 2000-х гг., использовались в качестве вознаграждения международных консультантов⁸¹⁴. Необходимость неукоснительно следовать советам и рекомендациям западных финансовых организаций породило в монгольском обществе представления о неокOLONIALном характере политики Запада в отношении Монголии. Монгольский экономист Х. Батсуурь, рассуждая на тему очередной кредитной программы, предоставленной Монголии со стороны МВФ в начале 2017 г., делает вывод о том, что «проглядываются все признаки того, что Монголия находится в колонизации... Помощь фонда, его требования все более углубляют и укрепляют колонизацию»⁸¹⁵. В том же духе звучат слова экс-премьер-министра Монголии Д. Бямбасурэна о западных компаниях как о

⁸¹² Д. Шурхуу: Өнөөдрийн Орос, Хятад хоёр 20 жилийн дараа баталгаатай найзууд байх уу? (Д. Шурхуу: Останутся ли сегодняшние Россия и Китая нашими друзьями через 20 лет?) [Электронный ресурс] URL: <https://dnn.mn/д-шурхуу-өнөөдрийн-орос-хятад-хоёр-20-жилийн-дараа-баталгаатай-найзууд-байх-уу/> (дата посещения 31.01.2018)

⁸¹³ См, например: *Adiyasuren J.* “Three Neighbors” Initiative in the Scope of Mongolia’s Multi-Pillar Foreign Policy. - Ulaanbaatar: The Institute for Strategic Studies, 2013. №35. - P. 19.

⁸¹⁴ *Steiner-Khamsi Z., Stolpe I.* Decentralization and recentralization in Mongolia: tracing the swing of pendulum // Comparative Education. 2004. Vol.40. №1. - P. 34.

⁸¹⁵ *Батсуурь Х.* ОУВС Монголыг авраад байна уу, алаад байна уу? (Международный валютный фонд спасает Монголию или же убивает?) [Электронный ресурс] URL: <http://www.sonin.mn/news/politics-economy/75845> (дата посещения 31.01.2018)

«колонизаторах нового времени..., приезжающих в Монголию с главной целью - проглотить её и обогатиться»⁸¹⁶. К. Каплонски, оценивая отношение монгольского общества к западной помощи, отмечает, что в постсоциалистической Монголии «стали появляться идеи, в которых проводятся параллели между западной экономической помощью и неоколониализмом «...» западное влияние критикуется практически так же, как до этого критиковали советскую гегемонию»⁸¹⁷.

Помимо отсутствия ожидаемых результатов от сотрудничества Монголии с Западом некоторые монгольские эксперты опасаются ухудшения отношений с Россией и Китаем вследствие прозападной политики правящих кругов: «Демократы сегодня у власти, и в стране все сильнее ощущается американское влияние. Невозможно не заметить, как пытаются отдалить Монголию от России и Китая, «посеять» еще больше «семян» под предлогом поиска ««третьего соседа»»⁸¹⁸.

В целом, Монголия после разрыва союзнических отношений с СССР, в силу значительной историко-культурной дистанции, а также объективной географической удаленности, не может рассматривать Запад в качестве нового центра геополитического притяжения. Отсутствие фактора «европейского выбора», оказавшего важнейшее влияние ход политического процесса в странах Восточной Европы, является значимым условием более сбалансированной внешней политики Улан-Батора.

Проведенное исследование в 6 главе позволяет сделать следующие выводы:

1. Современная КНР в политическом процессе Монголии присутствует в двух основных ипостасях. С одной стороны, комплекс взаимоотношений с южным соседом является важнейшим фактором экономического, социального,

⁸¹⁶ Д. Бямбасурэн: Монголия потеряла суверенитет экономический и, к сожалению, политический тоже [Электронный ресурс] URL: http://asiarussia.ru/articles/18182/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата посещения 31.01.2018)

⁸¹⁷ *Kaplonski C.* Reconstructing Mongolian Nationalism. – P. 360-361.

⁸¹⁸ *Эмужин Р.* Американское наступление и Монголия // Монголия сегодня, 16.03.2015

культурно-образовательного развития Монголии. Различные дивиденды, получаемые от сотрудничества с Китаем, используются монгольским руководством в качестве источников для национального развития. Это, в свою очередь, создает объективные предпосылки для увеличения политического влияния КНР в Монголии и предоставляет Пекину возможность для будущего более активного воздействия на политическую ситуацию в соседней стране.

2. С другой стороны, устойчивый негативный образ Китая в Монголии, привнесенный историческими и текущими проблемами, нередко является не только сдерживающим обстоятельством для более глубокого развития монголо-китайских отношений, но и удобным ресурсом для решения внутриполитических задач с активным использованием образа «китайской угрозы». Принимая во внимание конъюнктурность многих антикитайских акций и заявлений ряда монгольских политиков и общественных деятелей, в то же время не следует оценивать антикитайские настроения как исключительно искусственное явление. Ряд объективных факторов экономического, социального, историко-культурного характера закладывают фундамент для устойчивой китаефобии в монгольском обществе, что предоставляет поле для влияния на Монголию иных геополитических игроков.

3. Внерегиональные партнеры Монголии, представленные прежде всего ведущими державами Запада и их союзниками, оказали большое влияние на институциональное обрамление ее политического режима. Монголия, со своей стороны, будучи заинтересованной в обеспечении национальной безопасности, была вынуждена принять правила игры «третьего соседа» в обмен на гарантии экономической и политической поддержки. Прямым следствием реализации данной стратегии стал экспорт демократических институтов и практик, воссозданных в действующей конституции Монголии.

4. Несмотря на значительную территориальную отдаленность от Монголии держав, включаемых в понятие «третий сосед», а также их сравнительно небольшое место во внешнеэкономических связях Монголии, роль Запада и его союзников в монгольском политическом процессе крайне высока. Более

того, географическая удаленность США и ряда других великих держав от Монголии делает их более «мягкими» по сравнению с Россией и Китаем партнерами для Улан-Батора, заставляя монголов больше беспокоиться о том, чтобы Вашингтон, Брюссель, Токио, Сеул не потеряли к ним интерес, нежели о западном доминировании. Принцип «общности демократических ценностей» является важным каналом влияния западных стран на Монголию, действующих как посредством официальных государственных структур (правительственных органов, посольств), так и через международные и частные неправительственные организации и фонды. Все это создает ситуацию активного присутствия «третьего соседа» в политическом пространстве Монголии.

Глава 7. Роль России в политическом процессе Монголии

7.1. Историческая основа российского влияния в Монголии

Россия является одним из двух географических соседей Монголии. Общая протяженность совместной границы составляет 3485 км. Уже в силу данного обстоятельства северный сосед выступает важным внешнеполитическим партнером Монголии. Впервые границы России и Монголии соприкоснулись в начале XVII в. в ходе освоения российскими служилыми людьми восточносибирских земель. Первые десятилетия после этого главный российский интерес в отношении Монголии был сосредоточен на выгодном товарообмене с монголоязычными племенами Внутренней Азии⁸¹⁹.

Обстановка в регионе резко изменилась по причине прямого столкновения интересов России с интересами маньчжурской династии Цин, пришедшей к власти в Китае и к концу XVII в. окончательно подчинившей себе Северную (Халха) Монголию. В этой ситуации царское правительство избирает политику поддержания мирных отношений с китайской стороной, и тем самым стремится обеспечить безопасность своих сибирских и дальневосточных территорий. Заключение Нерчинского договора 1689 г. между Россией и Китаем, определившего часть государственных границ двух империй на Дальнем Востоке и в Сибири⁸²⁰, знаменовало собой определенный рубеж в развитии российско-монгольских отношений – вплоть до 1911 г. они регулировались русско-китайскими правовыми актами.

С этого периода Монголия для России становится геостратегически значимой страной (территорией) в контексте российско-китайского соперничества в регионе, соединяя в себе две основные функции: «моста» и «преграды». С одной стороны, царское правительство было заинтересовано в развитии торговли с Цинской империей и рассматривало территорию

⁸¹⁹ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. – М.: Наука, 1987. – С. 6.

⁸²⁰ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв.). – Хабаровск, 1997. – С. 165-168.

Монголии в качестве «моста» для торгово-экономического проникновения в Китай. Данное стремление нашло свое отражение в ряде российско-китайских договоров XIX века, согласно которым Россия получила право на свободную торговлю в Монголии и в других приграничных областях Цинской империи. Так, Айгунский и Тяньцзинский договоры 1858 г., Пекинский договор 1860 г. и Петербургский договор 1881 г. содержали в себе пункты о расширении прав русских подданных на торговлю в приграничных районах Цинской империи, включая Северную и Южную Монголию, устраняли ограничения свободной коммерческой деятельности русских подданных в приграничных районах⁸²¹. С другой стороны, у России отсутствовали необходимые военные и административные ресурсы для поддержания должного уровня безопасности собственных границ в этой части страны. В связи с этим обширная территория Монголии, практически не заселенная китайцами и управлявшаяся преимущественно монгольскими князьями, являлась для России своеобразной «преградой», отделявшей Сибирь и часть российского Дальнего Востока от непосредственного соприкосновения с Китаем. Российское правительство было заинтересовано в сохранении подобного статус-кво в регионе, и не стремилось активно вмешиваться во внутривосточные проблемы Цинской империи, в том числе связанные с монгольским освободительным движением.

Ситуация кардинально изменилась в начале XX в., когда Пекин стал проводить политику, нацеленную на колонизацию Монголии ханьским населением и введение там прямого военно-административного правления. Это грозило нарушением сложившегося исторически баланса сил в регионе. Модернизационные процессы внутри Китая и ослабление российских позиций на Дальнем Востоке после поражения в русско-японской войне явились главными причинами активизации китайской политики в отношении Монголии. В связи с этим особенно возросла роль Монголии в качестве «преграды», отделяющей значительную часть азиатской России от Китая.

⁸²¹ *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). – М., 1927. – С. 55,56,72,86.

Исполняющий обязанности военного министра А.А. Поливанов указывал в письме от 14 марта 1911 г. председателю совета министров П.А. Столыпину, что, если Монголия превратится в китайскую провинцию, то Китай станет «непосредственным соседом на всем протяжении обширной границы с Центральной Сибирью»⁸²².

Опасаясь китайского усиления на своих границах, Петербург предпринял ряд мер по поддержке антицинских восстаний во Внешней Монголии, провозгласившей в 1911 г. свою независимость от распадавшейся империи Цин и учредившей собственное государство во главе с теократическим правителем Богдо-гэгэном Джебдзун-Дамба-хутухтой VIII. Поддерживая монголов, Петербург выступал за предоставление Внешней Монголии статуса автономии в составе Китая и отрицательно относился к идее ее полной независимости⁸²³. И в российско-монгольском соглашении 1912 г., и в российско-китайской декларации 1913 г. и, наконец, в Кяхтинском Тройственном (России, Монголии и Китая) соглашении 1915 г. царское правительство последовательно отстаивало эту позицию⁸²⁴. Тем самым, оно стремилось, прежде всего, сохранить исторически сложившийся баланс сил, существовавший в регионе на протяжении двух столетий. Неслучайно, что в основу Кяхтинского соглашения легли 3 основных требования России Китаю: не содержать во Внешней Монголии китайских войск, не колонизировать ее земель, не вводить в ней китайской военной и гражданской администрации⁸²⁵. Фактически подобные условия означали сохранение традиционной системы отношений между Внешней Монголией, Россией и Китаем, в которой монгольская территория являлась естественной преградой между обширной частью российской территории и китайским государством.

⁸²² Цит. по: Белов Е.А. Россия и Монголия (1911-1919 гг.). – М., 1999. – С. 37.

⁸²³ Хотя по вопросу о желаемой тактике России в «монгольском вопросе» в российском обществе существовало множество различных позиций – от агрессивного экспансионистского до умеренно-сдержанного. Подробнее об этом см.: Кузьмин Ю.В. «Монгольский и урянхайский вопросы» в общественной мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX вв.). - Иркутск, 1996.

⁸²⁴ Белов Е.А., Лузянин С.Г. О концепции «монгольского вопроса» в «Истории Монгольской Народной Республики» // Восток. 2000. №1. – С. 40-42.

⁸²⁵ Тройственное соглашение об Автономной Монголии // Русско-китайские отношения 1689-1916. Официальные документы. – М.: Восточная литература, 1958. – С. 103.

Несмотря на протесты и недовольство монгольской стороны (стремившейся к официальному признанию ее независимости) условиями Кяхтинского соглашения, автономный статус Внешней Монголии не повлиял на внутреннюю жизнь фактически независимой от Китая теократической монархии. Основные государственные институты, созданные в период 1911-1915 гг. при помощи российской стороны (монгольская армия, банковская система, административные органы), остались неизменными. Именно благодаря значительной помощи со стороны России Монголия сумела добиться широкой внутренней автономии в составе Китая и оградить собственную территорию от прямой китайской колонизации. Без поддержки российской стороны монголы вряд ли смогли бы достигнуть такого результата, так как военно-политический потенциал Внешней Монголии не позволял ей на равных бороться с Китаем. Россия выступала военным и политическим гарантом соблюдения условий Кяхтинского договора.

Таким образом, после заключения Кяхтинского договора в регионе институционально оформилась классическая «буферная система», в рамках которой территория Монголии служила «буфером» между двумя великими державами – Российской империей и Китайской республикой.

Дальнейший ход исторических событий лишь подтвердил зависимость стабильности «буферной системы» и устойчивости монгольской автономии от позиции России, ее военно-политического и дипломатического потенциала. В разгар гражданской войны в России Китай, введя войска на территорию Монголии в 1919 г., упразднил монгольскую автономию и тем самым нарушил условия Кяхтинского договора. По существу, Монголия превращалась в китайскую провинцию.

В этот момент в части политических кругов монгольского общества становится популярной идея обращения за помощью к Советской России. Руководители двух тайных кружков Урги (столицы Внешней Монголии), стремясь отвести угрозу массового переселения китайцев в Монголию, дальнейшую китаизацию монголов и фактическое поглощение страны

Китаем, летом 1920 г. объединились в Монгольскую народную партию (МНП) и направили своих делегатов в Россию с целью получить поддержку в национально-освободительной борьбе. Большевистское правительство, аннулировавшее в феврале 1918 г. все монгольские задолженности по займам царской России и признававшее право Внешней Монголии на независимость, представлялось для данной группы монголов наиболее приемлемой и дружественно расположенной к Монголии внешней силой.

Обращение ряда монгольских политических деятелей к Советской России и оказанная ею в дальнейшем военная помощь стали ключевыми событиями, положившими начало принципиально новой эпохе в российско-монгольских отношениях – социалистическому периоду. Именно в это время к власти в Монголии пришли лидеры национально-освободительного движения, поставившие своей задачей не только создание независимого государства, но и проведение политических, социальных и экономических реформ в монгольском обществе, что принципиально отличало их от лидеров освободительного движения 1911 г., выступавших за сохранение традиционного уклада кочевого мира при теократическом правлении Богдо-гэгэна. По свидетельству одного из активных участников событий рубежа 1910-20-х гг. Э.-Д. Ринчино, окружение «живого Бога» (т.е. Богдо-гэгэна – **прим. дисс.**) монголов в принципе отвергало идеи, связанные с республиканской формой правления, ликвидацией феодально-теократической системы⁸²⁶.

Советская Россия, в отличие от царского и Временного правительств, делавших ставку на сотрудничество с традиционными феодальными властными структурами Монголии и не стремившихся активно воздействовать на ее внутреннее устройство, выступила в качестве силы, стимулирующей кардинальные перемены в стране. Не случайно, что одной из главных причин появления носителей революционно-модернистских идей в

⁸²⁶ Об этом см., например: Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. – Улан-Удэ, 1998. – С. 235.

монгольском традиционном кочевом обществе стало влияние российской (советской) стороны. Несмотря на то, что изначально лидеры МНП были весьма далеки от вопросов классовой борьбы в ее марксистско-ленинской интерпретации, они, так или иначе, были политически связаны с Советской Россией. Особенно заметную роль в деятельности партии играли российские буряты – Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Э. Батухан (Н.Ф. Бутуханов), С.А. Нацов (Шойжелов) и другие⁸²⁷. В частности, программа МНП, принятая 1 марта 1921 года (т.н. «Кяхтинская платформа»), была разработана Ц. Жамцарано. Как пишет А.С. Железняков, «монгольский национальный коммунизм появился не на базе классовых связей, а в результате тяготения к Советской России ключевых фигур монгольского революционного движения и последующей их подготовки, всесторонней поддержки Коминтерном»⁸²⁸.

В начале 1920-х гг. Монголия в рамках стратегии Москвы и Коминтерна по продвижению «мировой революции» в Китай и, в целом в Азию, должна была предстать в качестве революционного «моста», образца «освободившейся от колониального гнета азиатской страны». В рамках этой политики между РСФСР и пришедшим в власти в 1921 г. Народным правительством Монголии было подписано Соглашение об установлении дружественных отношений от 5 ноября 1921 г., которое явилось первым международным актом, признававшим независимость монгольского государства⁸²⁹.

Для Монголии официальное признание со стороны Советской России давало весомые политические, экономические и военные гарантии сохранения независимости от Китая. По просьбе монгольского правительства части Красной Армии оставались на территории Монголии вплоть до 1925 г. Советский Союз оказывал экономическую и техническую поддержку стране,

⁸²⁷ Об этом подробнее см.: *Жабаева Л.Б.* Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001; *Цибиков Б.Д., Чимитдоржиев Ш.Б.* Цыбен Жамцарано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.

⁸²⁸ *Железняков А.С.* Монгольский коммунизм. Внутренние мотивы // VII Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации – Улан-Батор, 1997. – С. 26.

⁸²⁹ Советско-монгольские отношения. 1921-1966. Сборник документов. Т.1. – М.: Международные отношения, 1966. – С. 13.

подготавливал монгольских специалистов на своей территории. Согласно советско-монгольскому протоколу от 24 ноября 1921 г., правительство РСФСР предоставляло монгольскому правительству ссуды в размере 1 млн. рублей. На торговлю с Монголией был распространен принцип наибольшего благоприятствования⁸³⁰. В результате уже с самого начала 1920-х гг. стала прослеживаться явная ориентация Монголии на своего северного соседа, в последствии оформившаяся в качестве классического союза двух неравновесных по своему внешнеполитическому потенциалу государств.

В силу указанных причин вариант ориентации на СССР явился наиболее предпочтительным и отвечающим коренным интересам молодого монгольского государства, стал неотъемлемой частью политики руководства Монголии по обеспечению национальной безопасности страны и ее социально-экономического развития. Стремясь наиболее эффективно обеспечить условия для национального развития в рамках существовавшего международно-политического и исторического контекста, МНР избрала стратегию следования во внешнеполитическом и идеологическом фарватере СССР. В качестве подтверждения этой мысли можно привести слова С.Г. Лузянина о том, что «быстрое и успешное внедрение коммунистической (советской) идеологии на монгольскую почву было облегчено позитивным отношением монголов к России как своему историческому защитнику и другу»⁸³¹.

Актуализировавшаяся в конце 1920-х гг. угроза советским границам на Дальней Востоке и национальной независимости МНР со стороны гоминдановского Китая, а затем со стороны милитаристской Японии, кардинально изменили внешнеполитическую стратегию СССР в этом регионе. Во-первых, Монголия окончательно становится военно-политическим

⁸³⁰ Жабеева Л.Б. Из истории советско-монгольских экономических отношений в 1920-е годы // Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. Монголия и ее окружение / Материалы научных круглых столов в Москве и Улан-Удэ в 2004 году. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 86.

⁸³¹ Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Восток-Запад, 2007. – С. 741.

союзником СССР, играя для него важную стратегическую роль. С усилением военной угрозы с японской стороны и участвовавшими пограничными конфликтами между МНР и созданным Японией в 1932 г. марионеточным государством Манчжоу-Го, Москвой и Улан-Батором в 1936 г. был подписан Протокол о взаимной помощи, согласно которому на территорию Монголии были введены советские военные части⁸³². На основании условий Протокола 1936 г. советская сторона выступила на стороне Монголии в ее приграничном конфликте 1939 г. в районе р. Халхин-Гол с Манчжоу-Го и стоявшей за ним Японией. В результате успеха в боях с японо-манчжурскими войсками, СССР сумел продемонстрировать состоятельность своих вооруженных сил на Дальнем Востоке и, тем самым, возможно, предотвратить нападение со стороны Японии в годы Второй мировой войны, а МНР при помощи СССР отстояла свою независимость. Таким образом, обе страны посредством военно-политического союза защищали свои национально-государственные интересы. Коренные интересы Москвы, связанные с обеспечением безопасности советских территорий, и Улан-Батора, заинтересованного в сохранении монгольского национального суверенитета, оказались на тот момент совпадающими.

Во-вторых, изменилась степень влияния Москвы на внутривнутриполитические и социально-экономические процессы в Монголии. МНР для советского руководства постепенно превращалась в показательное государство для отсталых стран Азии при переходе «от феодализма к социализму». В 1930-е гг. в МНР, по аналогии с СССР, формируется однотипная политическая система, основанная на монопольном правлении МНРП во главе с маршалом Х. Чойбалсаном. Представляя проект конституции МНР 1940 г., Х. Чойбалсан провозгласил, что «в своей работе мы ориентируемся на опыт великой социалистической страны, опыт Советского

⁸³² Системная история международных отношений. Документы. Т.2. - С. 150.

Союза. Соответственно, только советская конституция может быть моделью для нашей конституции»⁸³³.

В области социально-экономического развития Улан-Батор с начала 1930-х гг. также стал полностью ориентироваться на советский опыт. Была монополизирована внешняя торговля. К началу 1930-х гг. из экономики страны практически полностью был вытеснен частный иностранный (в основном китайский) капитал⁸³⁴. Началась форсированная модернизация монгольского общества посредством его секуляризации, становления системы массового начального и среднего образования, здравоохранения и др. На фоне этих в целом позитивных изменений имели место трагические события, принесшие серьезные потери Монголии и монгольскому обществу - попытки осуществить коллективизацию кочевников-аратов и связанные с этим восстания, практически полное уничтожение буддийского духовенства, массовые репрессии среди политического руководства и рядовых граждан МНР⁸³⁵. Можно сказать, что мобилизационный путь общественного развития со всеми его позитивными и негативными сторонами, характерный для Советского Союза 1930-х гг., имел место и в МНР.

Кардинальное изменение роли СССР в мировой политике в конце Второй мировой войны способствовало более решительной позиции Москвы в отношениях с Китаем по «монгольскому вопросу». Советское правительство и лично Сталин выступили за полное международно-правовое признание МНР в качестве суверенного государства. В результате ялтинских договоренностей первым пунктом Соглашения глав СССР, США, Великобритании об условиях вступления Советского Союза в войну с Японией стало «сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР)»⁸³⁶. Принципиальная позиция Советского

⁸³³ История МНР / Под ред. Е.М. Жукова и Б. Ширендэба. - М.: Наука, 1967. - С. 401.

⁸³⁴ Бойкова Е.В. Советско-монгольское сотрудничество в 1930-е годы // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. - М.: ИВ РАН, 2001. - С. 120-121.

⁸³⁵ В репрессиях конца 1930-х гг. по разным оценкам погибло от 22 до 30 тысяч граждан МНР из 800-тысячного населения страны (*Kaplonski K. Thirty Thousand Bullets. Remembering Political Repression in Mongolia // Historical Injustice and Democratic Transition in East Asia and Northern Europe: Ghosts at the Table of Democracy. - London: Routledge Curzon, 2002. - P. 156*)

⁸³⁶ Системная история международных отношений. Документы. Т.2. - С. 225.

Союза, поддержка его позиции со стороны стран-победительниц стали главными факторами, заставившими правительство Китайской республики 5 января 1946 г. признать независимость МНР⁸³⁷. В дальнейшем, по мере создания и укрепления международного социалистического содружества, расширялись политические, экономические и научно-культурные связи МНР. Вступление страны в ООН в 1961 г. стало возможным при активной поддержке СССР и стран социалистического содружества, способствовало дальнейшей институционализации международно-правового статуса Монголии как суверенного государства.

По мере роста серьезных разногласий и противоречий в советско-китайских отношениях в начале 1960-х гг. роль МНР в региональной политике резко возросла. В связи с заявлениями руководства КНР в 1963 г. о том, что договоры Китая с царской Россией являются неравноправными (т.е. в том числе и Кяхтинский 1915 г. – **прим. дисс.**), ставилась под сомнение легитимность современных российско-китайских границ, а также суверенный статус монгольского государства⁸³⁸. В целом, в качестве идеологического оружия в территориальных спорах со своими соседями, Пекин стал активно использовать концепцию «неравноправных договоров» Китая, определивших его текущие границы. На основе этих договоров «колониальные державы (в том числе и Россия – **прим. дисс.**) захватили территории на востоке и западе, на юге и севере...»⁸³⁹. Хотя, по мнению отдельных российских и монгольских авторов⁸⁴⁰, истинная китайская позиция заключалась в отсутствии претензий на советские территории, в условиях повышенной напряженности и взаимного недоверия в двусторонних отношениях даже неофициальные высказывания представителей высшего руководства КНР могли вызвать опасения.

⁸³⁷ История советско-монгольских отношений. – М., 1981. – С. 143.

⁸³⁸ Капица М.С. КНР: два десятилетия – две политики. – М.: Международные отношения, 1969. – С. 238.

⁸³⁹ Цит. по: Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР. – С. 158-159.

⁸⁴⁰ См., например: Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. – М.: МОНФ, 1999. – С. 241; Пурэвдорж Ч. Монголо-российское военное сотрудничество: уроки и перспективы // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. Сборник статей. – М: РИСИ, 1998. – С. 52.

В Москве позиция Пекина была воспринята как угроза территориальной целостности Советского Союза, а в Улан-Баторе – как угроза самому существованию МНР. Кроме того, как указывает индийский исследователь Р. Рахул, «негативное отношение монгольского руководства к Китаю объяснялось даже не столько текущими китайскими территориальными претензиями, сколько националистическими чувствами монголов, испытывавших постоянный страх быть поглощенными китайским государством»⁸⁴¹. В силу данных обстоятельств, монгольское руководство не нуждалось в дополнительных уговорах для того, чтобы поддержать СССР.

Более того, монгольское руководство само являлось наиболее радикальным сторонником активного противодействия КНР по всем вопросам международной политики, опережая в этом стремлении своих советских партнеров. По словам С. Радченко, «Улан-Батор зачастую был на шаг впереди Москвы, требуя от нее более жесткого курса в отношении КНР». Посол МНР в КНР Д. Цэвэгмид говорил советскому послу С. Червоненко о том, что «политика КПК в отношении КПСС особо не изменится даже после ухода Н.С. Хрущева... советско-китайская конфронтация есть проявление китайского национализма... и советская сторона должна предпринять идеологическое наступление на КНР»⁸⁴².

Помимо традиционно негативного отношения к Китаю существенным мотивом для монгольской стороны была возможность получения значительно большей, нежели прежде, экономической помощи от Советского Союза в условиях советско-китайского противостояния. На фоне обострившихся советско-китайских противоречий, Улан-Батор недвусмысленно намекал Москве о том, что экономическая поддержка со стороны СССР крайне необходима в условиях идеологического противостояния с КНР и сокращения монголо-китайских торгово-экономических связей. В условиях этого

⁸⁴¹ *Rahul R. Mongolia between China and Russia // Asian Survey. 1978. №7. – P. 663.*

⁸⁴² *Radchenko S. S. The Soviets' best friends in Asia. The Mongolian Dimension of the Sino-Soviet Split. Woodrow Wilson International Centre for Scholars. Working Paper, №42. – Washington D.C., 2003. - P. 12.*

противостояния «...Монголия должна служить примером процветания для других стран Азии», заявлял Д. Цэвэгмид в разговоре с С. Червоненко⁸⁴³. По словам монгольского исследователя Ж. Энхсайхана, Монголия «в период зарождения советско-китайской конфронтации активно разыгрывала «китайскую карту» для того, чтобы увеличить помощь со стороны СССР»⁸⁴⁴.

Как следствие, в 1960 г. советское правительство принимает решение выделить МНР долгосрочный кредит на общую сумму 615 млн. рублей, намного превзошедший китайский кредит на сумму 200 млн. рублей. Кроме того, советская сторона обязалась оказать экономическое и техническое содействие МНР в строительстве ряда крупных промышленных объектов, в частности топливно-энергетического комплекса в г. Дархан, в возведении жилого комплекса в Улан-Баторе общей площадью 40 тыс. кв. м⁸⁴⁵.

Фактор китайской угрозы (или советских и монгольских представлений о ней) оказал ключевое влияние на принципы и формы взаимоотношений Москвы и Улан-Батора в последующие два десятилетия. С одной стороны, боясь допустить даже мысль о том, что руководство МНР может проявить лояльное отношение к Пекину, Москва сделала ставку, как ей казалось, на наиболее лояльную себе часть политической элиты Монголии во главе с генеральным секретарем ЦК МНРП Ю. Цэдэнбалом. Все иные оппозиционные Ю. Цэдэнбалу группы внутри МНРП стали рассматриваться в качестве нежелательных и фактически к началу 1960-х гг. были устранены им при молчаливом согласии Москвы.

В результате политическая власть оказалась полностью сосредоточена в руках Ю. Цэдэнбала и его окружения, имевших наработанные за многие годы тесные связи с руководством КПСС, личные доверительные отношения с лидерами Советского Союза. С одной стороны, это в значительной степени упрощало и ускоряло процесс межгосударственного сотрудничества в

⁸⁴³ Цит по: Там же. – Р. 16.

⁸⁴⁴ *Enkhsaikhan J.* Mongolia's Non-nuclear Status – An Important Element of Foreign Policy // *The Mongolian Journal of International Affairs.* 2006. №13. – Р. 16.

⁸⁴⁵ Советско-монгольские отношения. 1921-1966. Т.1. – С. 271-275.

решении многих вопросов и проблем двусторонних отношений. Однако, с другой стороны, это упрощение таило в себе опасность снижения эффективности принятия важных политических решений. Сделав ставку на один полюс реальной власти в МНР, Москва фактически лишила себя альтернативных вариантов развития отношений с Улан-Батором, невольно связала себя со всеми достижениями и неудачами политики Ю. Цэдэнбала.

В 1966 г. между странами был подписан «Договор о дружбе и взаимопомощи», согласно которому на территории МНР были размещены советские военные части⁸⁴⁶. Сам договор был напрямую направлен против потенциальной агрессии Китая. К ноябрю 1967 г. были созданы ракетные базы в МНР, к 1969 г. число советских дивизий в Монголии было доведено до 8-10⁸⁴⁷. Особую значимость для Москвы тесного военного сотрудничества с Улан-Батором в этот период подтверждает следующее обстоятельство. За годы «холодной войны» СССР заключал межгосударственные договоры о сотрудничестве с рядом социалистических стран Азии. Однако в отличие, например, от советско-вьетнамского договора 1978 г. советско-монгольский договор 1966 г. обязывал СССР защищать МНР в случае нападения извне. В этом смысле договор 1966 г. ставил советско-монгольское военно-политическое сотрудничество на один уровень с аналогичным сотрудничеством Москвы со странами-участницами Варшавского договора.

Помимо сотрудничества в деле обеспечения безопасности Монголии, в советско-монгольских отношениях периода 1960-70-х гг. продолжалось интенсивное взаимодействие в области социально-экономического и научно-культурного развития. При прямом содействии Советского Союза был создан промышленный комплекс МНР, состоящий в основном из крупных предприятий добывающей отрасли, практически полностью ориентированных на поставки своей продукции в СССР. Ключевой формой советско-

⁸⁴⁶ Советско-монгольские отношения. 1921-1974. Сборник документов. Т.2. – М.: Международные отношения, 1979. – С. 317-322.

⁸⁴⁷ Плешаков К. Гео-идеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии). – М.: РНФ, 1994. - С. 76.

монгольского взаимодействия в промышленной сфере стала совместная хозяйственная деятельность, выразившаяся в организации монголо-советских совместных предприятий (СП), которые стали основой монгольской экономики – горно-обогатительный комбинат (ГОК) «Эрдэнэт», АО «Монголсовцветмет», АО «Улан-Баторская железная дорога» и ряд других. Советский Союз в этот период продолжал оставаться ключевым торговым партнером Монголии, поставляя в страну энергоносители, технику, товары массового потребления. Особо стоит подчеркнуть, что более половины государственного бюджета МНР в 1960-1980-е гг. составляло советское кредитование⁸⁴⁸. Советская сторона покрывала бюджетный дефицит МНР, предоставляя финансовую помощь. Степень вовлеченности МНР в социалистическую экономическую систему также характеризует факт принятия страны в члены СЭВ в 1962 г.

Монгольская система среднего и высшего образования была учреждена на основе советской образовательной модели, практически вся политическая и интеллектуальная элита страны получила высшее образование в Советском Союзе и других социалистических странах Европы. В период с 1922 по 1991 гг. в вузах СССР получили образование около 55 тысяч монгольских граждан⁸⁴⁹. Более 60% монгольских ученых получили образование в СССР и России⁸⁵⁰. Русский язык имел неофициальный статус второго государственного после монгольского.

Несмотря на внешнюю благополучность советско-монгольских отношений, в их недрах формировался определенный конфликтный потенциал, связанный с наличием ряда неизбежных противоречий. Так, насущными проблемами, не находившими своего разрешения в отношениях двух стран, были разрыв в ценах продаваемого в СССР монгольского сырья и ввозимой в МНР советской продукции, издержки (в том числе экологические),

⁸⁴⁸ Яскина Г.С. Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы. – М., 1994. – С. 63.

⁸⁴⁹ Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. - М., Улан-Батор, 2011. - С. 287.

⁸⁵⁰ Конгресс выпускников российских ВУЗов стран Азии // Монголия сегодня, 12.10.2016

связанные с размещением советских войск на монгольской территории, окончательное определение линии границы на отдельных ее участках (тувинский участок), открытие сведений о политических репрессиях в Монголии 1930-х гг. и ряд других.

Подобный подход к двусторонним проблемам, на наш взгляд, был обусловлен двумя основными факторами. Во-первых, схожесть политических режимов двух стран, опирающихся преимущественно на авторитарные методы в управлении и принятии политических решений (в том числе и по международным проблемам) при отсутствии альтернативных точек зрения на ту или иную проблему, не способствовали развитию большей транспарентности советско-монгольских отношений. Во-вторых, отсутствие у Монголии возможности более широкого внешнеполитического маневрирования в отношениях с СССР вследствие узости международно-политического пространства, ограниченного рамками социалистических, дружественных СССР, стран, делали советско-монгольские отношения крайне асимметричными. В силу тесного военно-политического союза на идеологической основе фактор третьих стран, в советско-монгольских отношениях если и присутствовал, то имел чрезвычайно ограниченное влияние. Таким образом, в условиях «холодной войны» и напряженных отношений с КНР многие двусторонние проблемы загонялись вглубь, оставались нерешенными, признавались вторичными в сравнении с глобальной задачей «идеологического противостояния враждебному окружению». Признание монгольской стороной угрозы со стороны КНР собственной безопасности легитимировало ее особые отношения с Москвой, уводя на задний план вопросы иного уровня и характера.

Со второй половины 1980-х гг. в советско-монгольских отношениях намечается очередной виток перемен. Он был обусловлен рядом обстоятельств, главным из которых явился курс Кремля на постепенную деидеологизацию советской внешней политики. Исходным рубежом новой внешней политики Советского Союза на монголо-китайском направлении

стала речь М.С. Горбачева во Владивостоке в 1986 г., основным содержанием которой явилось стремление СССР наладить добрососедские отношения с Китаем, в том числе за счет вывода частей советской армии с территории МНР⁸⁵¹.

Сокращение Москвой военных группировок на советской границе с Китаем и полный вывод своих войск из Монголии, завершившийся в 1989-1992 гг. (всего около 100 тыс. советских военнослужащих), означали отказ СССР от прежнего курса конфронтации с КНР. Данный шаг во многом способствовал нормализации отношений между Москвой и Улан-Батором, с одной стороны, и Пекином, с другой, разрядке многолетней напряженности между тремя странами, а также ослаблению влияния на советско-монгольские отношения внешнего фактора в виде представлений о прямой военной угрозе со стороны КНР. Для советско-монгольских отношений одним из итогов этих перемен стало значительное снижение военно-стратегической значимости МНР для внешней политики СССР на Дальнем Востоке во второй половине 1980-х гг.

Кардинальные изменения во внешнеполитическом курсе Москвы совпали с кризисными явлениями в советской экономике, проявившимися во второй половине 1980-х гг. В свою очередь, данные процессы автоматически распространились и на МНР, чья экономика была практически полностью включена в хозяйственную систему социалистического блока. Все это приводило к сомнению в искренности и дружественности политики СССР в отношении Монголии. Стала очевидной уязвимость традиционной советско-монгольской модели в новых условиях внутри и внешнеполитического развития стран. Как отмечает отечественный дипломат Ш.Г. Надиров, «о многих недостатках заговорили в заостренной форме в значительной степени из-за недостаточной информированности об истинном содержании советско-монгольских связей и их характере. Порядок, при котором соглашения и

⁸⁵¹ Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. - С. 476.

договоренности по определенным вопросам сотрудничества держались в строжайшем секрете – это была ошибка. Их закрытость от общества и порождала различного рода домыслы и кривотолки»⁸⁵². И в этих условиях произошла актуализация многих нерешенных до этого проблем, оголились противоречия прежних лет, до этого компенсировавшиеся выгодами союзных отношений.

Следствием указанных процессов стал подъем антисоветских настроений в монгольском обществе, пик которых пришелся на 1989-1990 гг. Модель взаимоотношений между руководством двух стран, образно характеризовавшаяся в социалистический период как отношения «старшего и младшего брата», во второй половине 1980-х гг. стала восприниматься в Монголии в большей степени негативно, как фактор, сдерживающий реальное развитие страны, ограничивающий монгольский национальный суверенитет⁸⁵³. Произошедшая в социалистический период национально-политическая эмансипация монголов, прежде всего, политической и интеллектуальной элиты страны, сыграла свою роль в процессе переосмысления принципов и приоритетов в отношениях с советской стороной.

Ярким свидетельством эволюции взглядов монгольского руководства на роль и место МНР в системе международных отношений является история развития вопроса о государственной независимости страны. Если в период Второй мировой войны и в первые годы после нее многие представители монгольской политической элиты выступали с инициативами по принятию МНР в состав СССР на правах союзной республики⁸⁵⁴, то с развитием монгольской государственности, повышением международного авторитета

⁸⁵² Там же. – С. 121.

⁸⁵³ Дамдинсүрэн С. Монгол-Оросын харилцааны шинэ үе шат (Монголо-российские отношения на новом этапе) // Монгол-Оросын харилцаа. Бүсчилсэн хөгжлийн бодлого, хамтын ажиллагаа. – Улаанбаатар, 2005. – Х. 5-9.

⁸⁵⁴ В частности, инициативы государственного прокурора МНР Б. Жамбалдоржа о принятии МНР в состав СССР в июле 1944 году (*Бат-Очир Л.* Чойбалсан. – Улаанбаатар, 1996. - С. 68), аналогичные инициативы Ю. Цэдэнбала, Д. Тумур-Очира и Л. Цэнда в августе 1950 года и весной 1953 года (*Бат-Очир Л.* – С. 72; Д. Дамбын ярилцлага (Интервью Д.Дамбы) // «Үнэн», 31.03.1991.

Монголии и увеличением преимуществ от ее суверенного существования большинство в руководстве МНРП становится убежденными сторонниками независимости страны⁸⁵⁵.

В целом, в социалистический период отношений советский фактор во внутренней жизни Монголии играл значительную роль. Оценки характера влияния СССР на политический процесс в МНР могут быть различными. При этом невозможно отрицать грандиозный масштаб влияния северного соседа на политическое развитие Монголии. Это было обусловлено, прежде всего, стремлением монголов отстоять и укрепить свою национальную независимость и провести модернизацию при прямой поддержке северного соседа. Поэтому выбор МНР одностороннего внешнеполитического ориентирования на СССР, приведший к включению Монголии в сферу монопольного советского влияния, был сознательной политикой монгольского руководства. Многие результаты (достижения и просчеты) социалистического периода отношений двух стран представляли собой важную базу для развития российско-монгольских отношений в последующие годы.

7.2. Российский фактор политического процесса в постсоциалистической Монголии

В начале 1990-х гг. монгольские политические элиты пошли на кардинальный пересмотр собственной стратегии внешней политики. Не желая более быть связанными особыми отношениями с кем бы то ни было и, в то же время, стремясь максимально эффективно обеспечить внешние условия национальной безопасности, они избрали стратегию «многоопорности» (монг. «олон тулгуурт»). В ее основу был положен принцип сбалансированных отношений с Москвой и Пекином при сохранении добрососедских отношений

⁸⁵⁵Об этом см., например: Гэрэл сүүдэр: Ю.Цэдэмбалын хувийн тэмдэглэлээс (Свет и тень: личные дневники Ю. Цэдэнбала). – Улаанбаатар, 1992. – Х. 100; *Надиоров Ш.Г.* Юмжагийн Цеденбал: 1984 год. – М., 1994. – С. 45.

с обоими. Отдельное место в рамках данной стратегии было отведено сотрудничеству с внерегиональными партнерами (в первую очередь, США и Японией), которые должны были уравновесить российское и китайское влияние на Монголию⁸⁵⁶.

Провозглашая принцип сбалансированности своих отношений с Россией и Китаем, монгольская сторона указала на его не тождественность равноудаленности, (в частности, в 3 разделе Концепции национальной безопасности в редакции 1994 г.)⁸⁵⁷. Однако фактически именно стремление быть равноудаленной от своих соседей довольно отчетливо прослеживалось в монгольской внешней политике в 1990-е гг. Улан-Батор, испытывая определенные надежды на то, что тесные политические и экономические контакты с некогда враждебными странами капиталистического мира смогут компенсировать многие потери после распада СССР, различными способами дистанцировался от северного соседа.

Окончательный демонтаж военно-политического союза между странами был зафиксирован в подписанном 20 января 1993 г. президентами стран Б.Н. Ельциным и П. Очирбатом «Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве». Данный Договор пришел на смену советско-монгольскому Договору о дружбе и взаимопомощи 1966 г., который вплоть до 1993 г. являлся базовым международно-правовым документом, регулировавшим двусторонние отношения между двумя странами (далее – Договор 1966 г. и Договор 1993 г.).

Ключевым пунктом Договора 1966 г. являлось обязательство одной из договаривающихся сторон прийти на помощь другой в случае военного нападения третьей стороны⁸⁵⁸. Иными словами, данный Договор был сосредоточен на военно-политических аспектах сотрудничества между

⁸⁵⁶ Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии). Официальный сайт правительства Монголии [Электронный ресурс] URL: <http://www.pmis.gov.mn> (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁵⁷ National security concept of Mongolia // The Mongolian Journal of International Affairs. 1995. № 2. - P. 56-63.

⁸⁵⁸ Советско-монгольские отношения. 1921-1974. Том 2. – М.: Международные отношения, 1979. – С. 14.

странами. Сама формулировка Договора 1993 г. свидетельствует о его принципиальном отличии от предшествующего Договора 1966 г. В Договоре 1993 г. отсутствует статья о прямой военной поддержке в случае агрессии против одной из сторон. В качестве мер сотрудничества, при возникновении угрозы безопасности одной из сторон, обозначены «незамедлительные консультации» (статья 5)⁸⁵⁹. Также Россия заявила о своем «уважении к политике Монголии, направленной на недопущение размещения на ее территории и транзита иностранных войск, ядерного и других видов оружия массового уничтожения» (статья 4)⁸⁶⁰. Иными словами, российская сторона впервые за многие десятилетия переставала быть гарантом военно-политической безопасности Монголии.

Таким образом, Договор 1993 г. по своему содержанию явился констатацией изменившегося характера взаимоотношений – от союзнических к добрососедским. С одной стороны, это объективно снижало уровень взаимодействия между странами. Так, по мнению Г.С. Яскиной, Договор 1993 г. приобрел «нейтралистский характер, фактически уравнивал Россию в восприятии Монголии со всеми остальными ее внешнеполитическими партнерами»⁸⁶¹. Кроме того, как заметила О.А. Джагаева, «в отличие от монголо-китайского договора 1994 г. о дружественных отношениях и сотрудничестве, являющегося бессрочным, российско-монгольский договор подписан на 20 лет с возможностью дальнейшего его продления»⁸⁶². С другой стороны, по всем формальным признакам Договор 1993 г. на фоне нескольких предыдущих лет «затишья» в советско/российско-монгольских отношениях был шагом вперед. На тот момент Россия далеко не со всеми своими соседями имела подобный договор. Основные условия и общий характер Договора 1993 года отвечали заявленным Москвой и Улан-Батором внутри и

⁸⁵⁹ Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией. Москва, 20 января 1993 г. // Дипломатический вестник. 1993. №3-4.– С. 4.

⁸⁶⁰ Там же. – С. 3.

⁸⁶¹ Яскина Г.С. Монголия: смена модели развития (политические и экономические реформы). Автореф. дисс. на соискание уч. ст. д-ра полит. наук. – М., 1994. – С. 34.

⁸⁶² Джагаева О.А. Россия и Монголия: очерк истории взаимоотношений. – С. 61.

внешнеполитическим целям и задачам после дезинтеграции социалистического блока. Договор способствовал расширению правовых основ сотрудничества между РФ и Монголией.

Даже ослабленная Россия начала 1990-х гг. виделась в Монголии слишком влиятельным соседом, чтобы можно было пойти с ней на новое сближение. В начале 1990-х гг. около 75% всей внешней торговли Монголии приходилось на Россию⁸⁶³. Это стимулировало монгольскую сторону к поиску альтернативных внешнеэкономических партнеров, способных снизить российскую долю. В целом, практическая сторона российско-монгольских отношений в 1990-х гг. оставляла желать лучшего. Объявленное Москвой и Улан-Батором стремление к сотрудничеству в различных областях на практике не осуществлялось. Степень активности Москвы на монгольском направлении оказалась крайне низкой. Наглядным подтверждением этого является интенсивность дипломатических контактов между сторонами. Так, в период с 1991 по 1995 гг. только один советский/российский чиновник в ранге не ниже министра совершил официальный визит в Монголию⁸⁶⁴. Возможно один из мотивов прохладного отношения Москвы к связям с Улан-Батором заключался в том, что российское руководство, в первые постсоветские годы стремившееся оттолкнуться от всего, что связывало страну с социалистическим прошлым, весьма неохотно шло на развитие взаимоотношений с Монголией, у власти в которой по-прежнему находилась МНРП/МНП, пусть и значительно изменившая свою идеологическую платформу. Более того, в 1990-е гг. встречались недружественные высказывания по отношению к Монголии со стороны отдельных российских политиков. В частности, среди выступлений председателя комитета по вопросам геополитики Государственной Думы второго созыва (1995-2000 гг.), члена ЛДПР А. Митрофанова имелись следующие слова: «В Азии отказ от послевоенных договоров будет означать восстановление прав Китая на

⁸⁶³ *Boone P.* Указ. соч. - Р. 335.

⁸⁶⁴ Монгол-Оросын харилцаа. Бүсчилсэн хөгжлийн бодлого, хамтын ажиллагаа. – С. 183-190.

Внешнюю Монголию. Думаю, что приобретение Монголии смягчит позицию Пекина по Тайваню, и будет значительно способствовать смягчению напряженности в регионе»⁸⁶⁵.

Улан-Батор, в свою очередь, рассматривал политику дистанцирования от Москвы в первые годы реформ в качестве неотъемлемой составляющей стратегии расширения своих международных связей и диверсификации собственной внешней политики. Например, введение в 1995 г. по инициативе монгольской стороны визового режима с Россией фактически шло вразрез со статьей 11 Договора 1993 г., согласно которой стороны обязались «всемерно способствовать расширению контактов между гражданами обеих Сторон»⁸⁶⁶; визовый режим поставил Россию на один уровень с другими иностранными партнерами Монголии. Е.В. Бойкова указывает, что первое постсоциалистическое правительство Д. Бямбасурэна в начале 1990-х гг. «начало активно проводить политику «самостоятельности», в результате которой из страны были вытеснены все советские/российские специалисты, строители, консультанты «...» некоторые монгольские руководители на время охладели к сотрудничеству с Россией, которая, как правопреемница СССР, обвинялась в игнорировании национальных интересов Монголии»⁸⁶⁷. Критика социалистического периода монгольской истории, ставшая обязательным атрибутом демонстрации приверженности демократическим ценностям, нередко означала критику советско-монгольских отношений с заострением внимания на их негативных моментах.

Очевидно, что все это не способствовало развитию конструктивного сотрудничества между странами. Подобные шаги Москвы и Улан-Батора наводили на мысль о том, что обе стороны стремились к отношениям «чистого листа», игнорируя опыт и багаж сотрудничества предыдущих десятилетий, что в корне противоречило зафиксированному в преамбуле

⁸⁶⁵ Митрофанов А.В. Шаги новой геополитики. – М.: Русский вестник, 1997. – С. 203.

⁸⁶⁶ Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве. – С. 5.

⁸⁶⁷ Бойкова Е.В. О внешних гарантиях национальной безопасности Монголии // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. Сборник статей. – М.: РИСИ, 1998. - С. 67-68.

Договора 1993 г. указанию на «традиции дружественных отношений, взаимного доверия и многогранного сотрудничества между народами двух стран».

Монгольская сторона первой сделала ряд шагов в сторону активизации двусторонних контактов, что во многом объяснялось несоизмеримо большей ролью российского фактора во внешней политике Монголии, нежели монгольского во внешней политике России. В отличие от бывших социалистических стран Восточной Европы, Монголия в силу объективных причин (территориально-географической расположенности страны между Россией и Китаем и ее удаленности от иных альтернативных центров силы, относительной периферийности интересов западных стран в этом регионе в сравнении с Восточной Европой.) не имела возможности, опираясь на альтернативный центр силы, долгое время придерживаться политики дистанцирования от своего северного соседа. Как отмечает А.С. Железняков, «если восточноевропейские государства – бывшие члены Варшавского договора могли пойти на риск ухудшения отношений с СССР/Россией, чтобы начать сближение с Западной Европой, то Монголия не могла себе этого позволить из опасений подрыва национальной безопасности»⁸⁶⁸. Постепенно было преодолено негативное отношение значительной части монгольской общественности к России, «синдром социализма» в отношении с бывшим союзником по социалистическому содружеству перестал быть частью внешнеполитической стратегии страны.

В 1994 г. состоялся визит монгольской парламентской делегации в Москву, в ходе которого был принят Меморандум, нацеленный на расширение сотрудничества между двумя странами, достигнута договоренность о сотрудничестве на уровне парламентов – подписаны протоколы о переговорах, касающихся контактов между парламентскими группами «Россия – Монголия» в Госдуме РФ и «Монголия – Россия» в Великом

⁸⁶⁸ Железняков А.С. Монголия социалистическая и постсоциалистическая // Восток. 1996. №6. - С. 109.

государственном хурале Монголии⁸⁶⁹. В 1995 г. совершил официальный визит в Москву монгольский премьер-министр П. Жасрай, в ходе которого был подписан Протокол «Об экономическом сотрудничестве между РФ и Монголией»⁸⁷⁰.

В рамках новой внешнеполитической линии второй половины 1990-х гг. Москвы было положено начало взаимному движению сторон на активизацию отношений. Не случайно, что одной из трех стран Азии, которые первыми посетил с официальным визитом глава российского МИДа Е.М. Примаков осенью 1996 г., стала Монголия. В подписанном во время его пребывания в Улан-Баторе монголо-российском коммюнике обе стороны подтвердили свою заинтересованность в дальнейшем обновлении и укреплении договорно-правовых основ двусторонних отношений⁸⁷¹. Именно в 1996 г. началось возобновление практики российских визитов на высоком уровне в Монголию. В упомянутом году Монголию посетили с официальным визитом делегации Государственной Думы во главе с ее председателем Г.Н. Селезевым, министерства по чрезвычайным ситуациям под руководством С.К. Шойгу⁸⁷², в феврале 1999 г. нанес официальный визит в Монголию новый министр иностранных дел И.С. Иванов⁸⁷³. В результате этих визитов были подняты такие важные вопросы в отношениях стран как неопределенность дальнейшего статуса совместных российско-монгольских промышленных предприятий, высокие российские тарифы и пошлины на монгольские товары, судьба советского имущества на территории Монголии и ряд других.

Знаковым событием, положившим начало качественно новому этапу в развитии российско-монгольских отношений, стал визит В.В. Путина в Монголию в ноябре 2000 г. Приезд российского главы был первым событием такого уровня за последние 26 лет, когда в 1974 г. в Улан-Батор приезжал Л.И.

⁸⁶⁹ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. – С. 103.

⁸⁷⁰ Монгол-Оросын харилцаа. – Х. 188.

⁸⁷¹ Там же. – Х. 191.

⁸⁷² Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. – С. 103.

⁸⁷³ Визит И.С. Иванова в Монголию // Дипломатический вестник. – 1999. №3.

Брежнев. По этой причине визит В.В. Путина становился для монгольской стороны особенно долгожданным событием. В ходе встречи В.В. Путина с президентом Монголии Н. Багабанди была подписана Улан-Баторская декларация, включившая в себя стремление сторон к либерализации торговли и установлению льготных тарифов, пошлин и других сборов, облегчению визового режима, транспортным перевозкам между Россией, Монголией и Китаем, координации деятельности советов безопасности, правоохранительных, пограничных и таможенных органов и т.д. Стороны подтвердили свои совпадающие позиции по ключевым вопросам международных отношений и безопасности⁸⁷⁴. Но самым главным итогом явился сам факт подобного визита, значительно улучшившего психологический фон российско-монгольских отношений и придавшего новый импульс для их дальнейшего развития.

Следующим шагом в направлении активизации взаимоотношений стал визит председателя российского правительства М.М. Касьянова в марте 2002 г., который был первым на уровне главы правительства после 1971 г. Основными результатами визита, отраженными в итоговом коммюнике и на состоявшейся после переговоров пресс-конференции, явились конкретные договоренности: о либерализации и расширении торговли, доведении товарооборота в короткие сроки до 250 млн. долл., а затем и до 500 млн. долл. в год, об участии российских компаний в газификации Монголии, об участии российских железнодорожников в прокладке «Дороги тысячелетия», о производственном кооперировании в горнорудной, энергетической и других областях⁸⁷⁵. Следует отметить, что визиты В.В. Путина и М.М. Касьянова стали важными шагами в деле решения проблемы монгольской задолженности России (11,4 млрд. долл.), доставшейся с социалистических времен (т.н. «Большой долг»). В декабре 2003 г. в ходе рабочего визита в Россию премьер-

⁸⁷⁴ Улан-Баторская декларация. Улан-Батор, 14 ноября 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия в 4-х томах. 1991-2002. Т.4 / Сост. Т.А. Шаклеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 514-518.

⁸⁷⁵ О результатах визита М.М. Касьянова // Монцамэ, 28.03.2002.

министра Монголии Н. Энхбаяра было заключено соглашение о списании российской стороной 98% долга. Оставшаяся часть (250 млн. долл.) должна была быть выплачена монгольской стороной⁸⁷⁶. Подтверждением того, что решение проблемы «Большого долга» для монгольского общества было крайне важным событием, служат результаты социологического опроса, проведенного фондом «Сант Марал» в 2004 г. 45,5% респондентов назвали решение проблемы «Большого долга» стало главным достижением правительства, а глава правительства Н. Энхбаяр был назван самым популярным политиком Монголии – 55,4%⁸⁷⁷.

В дальнейшем взаимные визиты на высшем и высоком уровне стали носить регулярный характер. С 2006 по 2016 гг. в Монголии с визитами дважды побывали В.В. Путин (в 2009 г. в качестве главы правительства, в 2014 г. как президент), дважды Д.А. Медведев (в 2009 г. – президент, в 2016 г. – председатель правительства), один раз председатель правительства М.Е. Фрадков (2006 г.), ряд федеральных министров и глав ведомств. Визиты монгольской стороны в Россию на высшем и высоком уровне также перестали быть редкостью. Представители высшего руководства Монголии начали совершать визиты в Россию после своего назначения на эти должности. Избранный в июле 2017 г. президентом Монголии Х. Баттулга свой первый официальный международный визит совершил также в Россию, посетив Восточный экономический форум во Владивостоке и проведя переговоры с В.В. Путиным⁸⁷⁸.

В ходе визита в Россию в первой половине декабря 2006 г. президента Монголии Н. Энхбаяра была подписана Московская декларация, включившая в себя такие важные документы, как Договор о режиме российско-монгольской государственной границы; Программа развития российско-

⁸⁷⁶ Кому Россия прощала долги [Электронный ресурс] URL: <http://www.kommersant.ru/doc.html?DocID=656662&IssueId=30039> (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁷⁷ Официальный сайт фонда «Сант Марал» [Электронный ресурс] URL: <http://www.santmaral.org/en/publications> (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁷⁸ Монгол Улсын Ерөнхийлөгч Х.Баттулга, ОХУ-ын Ерөнхийлөгч В.Путин нар уулзав (Состоялась встреча президента Монголии Х. Баттулги и президента РФ В. Путина) [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.mn/content/12618> (дата посещения 31.01.2018)

монгольского торгово-экономического сотрудничества на 2006-2010 гг., главной целью которой было обозначено доведение к 2010 г. объема взаимной торговли до уровня 1 млрд. долл.; Протокол об активизации сотрудничества между Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Государственным управлением по чрезвычайным ситуациям Монголии; Меморандум о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта; Программа сотрудничества между Российским Федеральным агентством по культуре и кинематографии (Российская Федерация) и Министерством образования, науки и культуры Монголии на 2006-2008 гг. и ряд других⁸⁷⁹. Главной особенностью Московской декларации стала впервые упомянутая в российско-монгольском межгосударственном документе фраза о стремлении сторон к повышению эффективности двустороннего взаимодействия в «духе отношений стратегического партнерства, предполагающего вывод многогранных связей между странами на еще более высокий и качественно новый уровень»⁸⁸⁰.

Таким образом, в 2000-х гг. российская сторона совершила своеобразный дипломатический прорыв на монгольском направлении, активизировав и интенсифицировав политические контакты на высшем уровне. Подобное стремительное восстановление высокого уровня политических взаимоотношений между Россией и Монголией в какой-то мере стало проявлением эффекта «обратной отдачи». Рано или поздно, но ситуация, близкая к «застою» в отношениях, должна была завершиться. Темпы и кажущаяся легкость, с которыми произошло политическое сближение между странами, во многом компенсировали крайне неудовлетворительный уровень развития российско-монгольских отношений в 1990-е гг. Такие факторы, как

⁸⁷⁹ Московская Декларация, подписанная президентом России В.В. Путиным и президентом Монголии Н. Энхбаяром 8 декабря 2006 года в Москве [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/12/08/1726_type72067_115119.shtml?type=72067 (дата посещения 31.01.2018).

⁸⁸⁰ Там же.

принципиальная готовность Улан-Батора к сближению с Москвой, наличие у российской стороны значительной материальной (в частности, совместные российско-монгольские предприятия) и историко-психологической базы для восстановления высокого уровня отношений объективно играли на руку Москве и облегчали процесс сближения.

Российский фактор в современном политическом процессе Монголии проявляется в двух ипостасях. С одной стороны, Россия как внешнеполитический партнер Монголии имеет возможности оказывать влияние на отдельные аспекты внутривнутриполитической жизни страны. С другой стороны, образ России и «российская карта» периодически используется различными участниками монгольского политического процесса.

В последние годы российская сторона четко обозначила стремление усилить свое политическое, экономическое и культурное влияние в Монголии. Данная российская стратегия может быть образно описана как «возвращение в Монголию». Говоря о восстановлении Россией утраченных позиций, нужно отметить, что речь может идти лишь о частичном восстановлении в силу двух принципиально важных обстоятельств. Во-первых, за последние два десятилетия произошли кардинальные внутренние изменения в России и Монголии, связанные с отказом стран от социалистической модели развития. Во-вторых, за указанный период значительно переформатировался международно-политический контекст отношений, нормализовались российско-китайские и монголо-китайские отношения, возник фактор внерегиональных стран во внешней политике Монголии.

После активизации двусторонних отношений в 2000-е гг. стала очевидной новая стратегическая задача – приведение уровня торгово-экономических отношений между Россией и Монголией в соответствие с достигнутым высоким уровнем политического взаимодействия. Подобную задачу стороны прописали в Московской декларации 2006 г., Декларации о

развитии стратегического партнерства 2009 г⁸⁸¹. В первую очередь речь шла о сотрудничестве двух стран в сфере горнодобывающей промышленности, разработке крупных месторождений угля, меди, урана Монголии. Именно экономическая составляющая российско-монгольского сотрудничества была названа приоритетной и одновременно с этим получившей наименьшее развитие. Более активную позицию в торговом и инвестиционном сотрудничестве, по общему согласию, должна была занимать российская сторона. Ряд крупных российских компаний заявили о своей готовности инвестировать в экономику Монголии, в частности в перспективные горнорудные проекты. Например, «Северсталь», «Базовый элемент», «Ренова» в середине 2000-х гг. намеревались принять участие в разработке угольного месторождения Таван Толгой⁸⁸². Компания «Полиметалл» претендовала на серебряное месторождение Асгат⁸⁸³, а «Атомредметзолото» (АРМЗ) – на месторождение урана Мардай⁸⁸⁴. РЖД выступила с предложением финансирования процесса модернизации трансмонгольской магистрали совместно с монгольской стороной⁸⁸⁵.

Однако, несмотря на высокий уровень политических взаимоотношений между Москвой и Улан-Батором, Россия и Монголия оказались далеки от намеченных целей. Российские компании в последние годы не участвуют ни в одном из проектов по разработке крупных месторождений полезных ископаемых Монголии. Более того, в июне 2016 г. российская госкорпорация

⁸⁸¹ Московская декларация, подписанная Президентом России В.В. Путиным и президентом Монголии Н. Энхбаяром 8 декабря 2006 года в Москве [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/12/08/1726_type72067_115119.shtml?type=72067 (дата посещения 31.01.2018). Официальный сайт Президента РФ; Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией 2009 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html. (дата посещения 31.01.2018) (Сайт посольства РФ в Монголии)

⁸⁸² Монголия: Власти разделили проценты в новом угольном проекте [Электронный ресурс] URL: <http://www.uadaily.net/index.php?viewe=45956&print=1> (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁸³ МНПО «Полиметалл» создаст СП с СО "Монголросцветмет" для освоения полиметаллического месторождения Асгат (Монголия) [Электронный ресурс] URL: http://www.abnews.ru/open_news.php?news_id=46973 (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁸⁴ Российские инвестиции в инфраструктуру уранового месторождения Дорнод в Монголии могут превысить 120 млн. [Электронный ресурс] URL: <http://www.finmarket.ru/z/nws/news.asp?id=1427826> (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁸⁵ Мы хотим стать интеграторами монгольской железной дороги: интервью с президентом АО РЖД Владимиром Якуниным // Коммерсантъ, 2008.07.06.

«Ростех» продала монгольской стороне свои акции в предприятиях «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет» и фактически ушла с монгольского рынка⁸⁸⁶. На данный момент российская сторона присутствует только в железнодорожной отрасли Монголии, владея 50% акций в АО УБЖД.

Одним из серьезных факторов, препятствующих успешному продвижению российских экономических интересов в Монголии, на наш взгляд, стала ошибочная стратегия, которой Москва долгое время придерживалась в отношениях с Улан-Батором. Во-первых, это убежденность в том, что монгольское политическое пространство четко поделено на «пророссийские» и «прозападные» (а значит, «антироссийские») силы. К первым, якобы, относится МНРП/МНП, ко вторым – ДП. Соответственно, необходимо всесторонне поддерживать именно МНРП/МНП. Во-вторых, это расчет на то, что высокий уровень политического взаимодействия Москвы и Улан-Батора, личные доверительные отношения между лидерами стран являются гарантией продвижения российских экономических интересов в Монголии, в первую очередь – в самой перспективной горнорудной отрасли страны.

Первое заблуждение проявилось в практически открытой поддержке МНРП/МНП официальными российскими представителями на парламентских и президентских выборах в Монголии. Во время визита в Монголию в 2008 г. делегации Государственной Думы член комитета по международным делам Р. Кондратов заявил о поддержке МНРП/МНП на предстоящих парламентских выборах в Монголии⁸⁸⁷. Глава российского посольства в Монголии Б.А. Говорин в интервью телекомпании «Аист-Монголия» подверг критике оппозиционные МНРП/МНП партии, фактически обвинив их в организации

⁸⁸⁶ Ч. Сайханбилэг сделал официальное сообщение о ГОКе Эрдэнэт [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/29_06_001.html (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁸⁷ Депутаты-международники отправились в Монголию [Электронный ресурс] URL: <http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=157873>. (дата посещения 31.01.2018) Агентство национальных новостей. 2008.20.03.

беспорядков после выборов в ВГХ 2008 г.⁸⁸⁸ Руководством ДП это было расценено как попытка вмешательства во внутренние дела суверенного государства⁸⁸⁹.

Подобное отношение российских властей к МНРП/МНП можно объяснить следующими причинами. Во-первых, увеличение взаимного внимания сторон друг к другу пришлось на время практически монопольно правившей в Монголии МНРП/МНП. В период с 2000 по 2004 г. 72 из 76 мест в ВГХ занимали члены МНРП/МНП, президентом и премьер-министром также являлись представители МНРП/МНП. Вероятно, у российской стороны сложилось впечатление, что данный факт оказался решающим в процессе сближения. Хотя более основательной причиной активизации российско-монгольских отношений все же следует считать экономический подъем России в начале 2000-х гг., ставшей для Монголии более привлекательным партнером.

Во-вторых, сыграли свою роль давние, оставшиеся еще с социалистического периода связи между МНРП/МНП и представителями российской политической элиты. В российских СМИ постоянно подчеркивается то обстоятельство, что большинство членов МНРП/МНП в разные годы получили высшее образование в СССР/РФ, владеют русским языком. В свою очередь, в переговорах с российской стороной МНРП/МНП периодически использует имидж «пророссийски настроенной силы», противопоставляя себе оппозиционные партии, изображая их в качестве недоброжелателей России, сторонников исключительно прозападной ориентации, что не всегда отражает действительность. Не менее активно МНРП/МНП и ее лидеры сотрудничают с КНР, Японией, Республикой Корея, странами Запада. Например, такое важное, с точки зрения международно-

⁸⁸⁸ Интервью чрезвычайного и полномочного посла Б.А. Говорина телекомпании «Аист-Монголия» [Электронный ресурс] URL: http://www.owasia.ru/digest_2008+M5e34d937c04.html#1 (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁸⁹ Демпартия «наехала» на Говорина [Электронный ресурс] URL: <http://zabinfo.ru/48755> (дата посещения 31.01.2018)

региональной ситуации, событие, как совместные с США военные учения на территории Монголии «Khan Quest», ведет отсчет с 2003 г., т.е. в период, когда президентом был Н. Багабанди (МНРП/МНП), премьер-министром Н. Энхбаяр (МНРП/МНП), а большинство мест в ВГХ занимала МНРП/МНП. Решение о направлении в Ирак военного контингента для поддержки политики США было также принято во время гегемонии представителей МНРП/МНП.

В-третьих, существенное влияние на российскую внешнеполитическую стратегию оказали т.н. «цветные революции», произошедшие в ряде постсоветских республик (Грузия, Украина) и приведшие к установлению недружественных России прозападных политических режимов. В результате во всех последующих внутривнутриполитических катаклизмах, инициированных оппозиционными силами на постсоветском пространстве, стала видеться «рука Запада». В случае с Монголией подобная позиция проявилась в оценке июльских событий 2008 г., когда сразу же после парламентских выборов в Улан-Баторе произошли массовые беспорядки, отношению к которым имели оппозиционные МНРП/МНП партии. В качестве меры противодействия данной тенденции российским руководством была избрана полная поддержка МНРП/МНП⁸⁹⁰.

Стоит признать, что в сравнении с МНРП/МНП оппозиционная ей ДП в меньшей степени позиционирует себя в качестве сторонника дружественных отношений с Россией, склоняясь к более тесному сотрудничеству со странами Запада, в первую очередь с США. В период избирательной кампании в парламент в 2008 г. в программе ДП значился пункт о необходимости отмены визового режима для граждан Японии, Южной Кореи и стран Евросоюза⁸⁹¹. Предвыборная кампания 2009 г. кандидата в президенты от ДП Ц. Элбэгдоржа

⁸⁹⁰ Различные мнения на этот счет подробно описаны в: *Грайворонский В.В.* Была ли в Монголии попытка «цветной революции»? // *Азия и Африка сегодня.* 2008. №12. - С. 36–40.

⁸⁹¹ Ардчилсан намын Улсын Их Хурлын 2008 оны сонгуулийн мөрийн хөтөлбөр (Предвыборная программа Демократической партии на выборах 2008 года в ВГХ) [Электронный ресурс] URL: http://www.forum.mn/p_pdf.php?obj_id=2136 (дата посещения 31.01.2018)

включала, в том числе, критику российско-монгольских отношений, сотрудничество двух стран в деле совместного владения УБЖД, ряда других совместных предприятий⁸⁹². По данным российского исследователя Л.В. Кураса, Ц. Элбэгдорж в период своей предвыборной кампании встречался с иностранными послами, а его сторонники выезжали в США с целью привлечения финансовой помощи и политической поддержки для своего кандидата⁸⁹³.

В то же время полярное разделение монгольского истеблишмента на пророссийские и антироссийские силы нужно признать преувеличением. Полемика основных монгольских партий по вопросу о внешнеполитических приоритетах является в значительной степени конъюнктурной и объясняется, главным образом, закономерностями партийно-политической борьбы. В ходе избирательной кампании критика оппонента, в т.ч. и его внешнеполитических шагов, является органической частью политического процесса. Что же касается существа вопроса, то на деле разногласия не затрагивают основ внешней политики Монголии, не оказывают заметного влияния на выработку и реализацию стратегического курса Монголии. Большинство государственных и общественных деятелей, независимо от их партийно-политических предпочтений, признают необходимость проведения многовекторной политики, развивая отношения и с Россией, и с Китаем, и с внерегиональными странами.

Таким образом, фактически открыто поддерживая только одну партию – МНРП/МНП, российское руководство кладет, образно выражаясь, «все яйца в одну корзину», что в условиях часто меняющейся внутривнутриполитической ситуации в Монголии крайне недальновидно. Ошибочность данной тактики наглядно продемонстрировали выборы президента Монголии в 2009 г. Победу одержал выдвинутый ДП Ц. Элбэгдорж, опередивший действующего на тот

⁸⁹² *Билэгт О.* Ерөнхийлөгч хэзээ тангараг өргөх вэ? (Когда состоится инаугурация президента?) // Үндэсний шуудан, 16.05.2009; Оросууд Монгол дахь уул уурхайн сонирхлоо алдаасм айж байна (Русские обеспокоены положением дел в горнорудной сфере Монголии) // Үндэсний шуудан, 27.05.2009.

⁸⁹³ *Курас Л.В.* Монголия в начале XXI века. - С. 130.

момент президента Н. Энхбаяра, не официально, но явно поддержанного российской стороной в ходе визита В.В. Путина в мае 2009 г. в Улан-Батор. Глава российского правительства встречался только с представителями МНРП/МНП, не уделив внимания представителям оппозиционной ДП. Однако в своем выступлении во время инаугурации Ц. Элбэгдорж заявил, что «продолжит политику укрепления дружеских отношений со странами мира, в особенности по упрочению добрососедских связей с двумя соседними государствами»⁸⁹⁴, тем самым подтвердив приверженность существующей во внешней политике страны стратегии многовекторности. В результате оказались значительно преувеличены прозападные настроения Ц. Элбэгдоржа⁸⁹⁵.

Второе заблуждение, т.е. представление о том, что политическое сближение Монголии с Россией в 2000-е гг. автоматически повлечет за собой предоставление особых, эксклюзивных прав российскому капиталу для освоения полезных ископаемых страны, особенно ярко проявилось в случае с месторождением меди и золота Оюу Толгой. Еще летом 2009 г. руководство РЖД, заручившись поддержкой российских властей, было оптимистично настроено относительно перспектив получения лицензии на разработку этого месторождения. Основанием для подобного оптимизма были личные (устные) договоренности (по неофициальным данным), заключенные в мае 2009 г. между В.В. Путиным и премьер-министром Монголии С. Баяром и Президентом Н. Энхбаяром. Однако уже в октябре 2009 г. монгольское правительство передало лицензию на разработку Оюу Толгой канадско-австралийскому тандему «Ivanhoe Mines» и «Rio Tinto». Многие отечественные аналитики расценили данное событие как результат победы «недружественного» России Ц. Элбэгдоржа⁸⁹⁶, не учитывая того факта, что

⁸⁹⁴ Инаугурация президента Монголии // ИТАР-ТАСС, 18.06.2009.

⁸⁹⁵ Об этом см. также: *Гольман М.И.* Президент Элбэгдорж развеял мифы // Азия и Африка сегодня. 2010. №3. - С. 48–53.

⁸⁹⁶ См., например: Монголия лишает Россию золота // Коммерсантъ, 2009.02.10; Россия теряет Монголию // [http: fintimes.km.ru/62973](http://fintimes.km.ru/62973). Информационный портал «Бизнес и финансы». 2009.07.10. (дата посещения 31.01.2018)

договор с монгольской стороны подписывало правительство во главе с С. Баяром (член МНРП/МНП) с санкции ВГХ, большинство в котором также на тот момент принадлежало МНРП/МНП – 47 мест против 26 мест у ДП.

Данный случай наглядно продемонстрировал, что Россия является лишь одним из многих участников конкурентной борьбы за влияние в Монголии, а внутривластный монгольский спектр не сводится к нескольким лицам. Отсюда проистекает главная задача для российского руководства и отечественного бизнеса – быть готовыми к ведению острой конкурентной борьбы за сотрудничество с монгольской стороной в разработке крупных месторождений полезных ископаемых, развитие транспортных и энергетических проектов. Ведение этой борьбы предполагает в том числе использование различных методов влияния на политический процесс в Монголии.

С начала 1990-х гг. Россия утратила такой значимый инструмент политического влияния в Монголии как идеология. Еще в Декларации о дружбе и добрососедском сотрудничестве между РСФСР и МНР, подписанной 12 февраля 1991 г. был провозглашен взаимный отказ сторон от идеологического подхода к вопросам двусторонних отношений. На смену этому подходу по замыслу авторов Декларации должны были прийти прагматизм и взаимная выгода⁸⁹⁷. Как результат, отказ от принципа «пролетарского интернационализма» убрал с повестки фактор идеологической близости двух стран. Вместе с идеологией исчез важнейший канал, долгие годы связывающий элиты двух стран, а именно, межпартийные связи КПСС и МНРП.

Более того, в дальнейшем фактор идеологии стал скорее сдерживающим, нежели сближающим элементом в отношениях Монголии с Россией. Монгольские элиты, позиционируя свою страну как успешную

⁸⁹⁷ По изложению: *Джагаева О.А.* Развитие российско-монгольских отношений: основные направления, проблемы и перспективы (1921-2005 гг.). Автореф. дисс. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. – Волгоград, 2006. – С. 32.

молодую демократию, периодически противопоставляют ее России. По словам президента Ц. Элбэгдоржа, единственной страной, сумевшей в полной мере развить демократию от Японского моря до восточной границы Европы, является Монголия... Монголия расположена между двумя совершенно разными в плане политической структуры и международных вопросов странами, как Россия и Китая⁸⁹⁸. В своем выступлении во время заседания межпарламентской группы «Монголия-ЕС» Л. Болд отметил, что «у монголов не было соседей, на которых они могли бы положиться в деле заимствований демократии. Несмотря на наше местоположение посреди коммунистических стран, наш народ выбрал демократию⁸⁹⁹.

Значимым фактором влияния России в Монголии по-прежнему остается сотрудничество в военной сфере. Доставшаяся Монголии с социалистических времен советская военная техника по-прежнему является основой вооружений современной монгольской армии. На начало 2012 г., на вооружении сухопутных войск Монголии стояли 370 танков Т-54/55, 310 боевых машин пехоты БМП-1, 120 боевых разведывательных машин БРДМ-2, 150 бронетранспортеров БТР-60, 130 реактивных систем залпового огня "Град" и по 150 гаубиц Д-30 и МЛ-20⁹⁰⁰. В 2000-е гг. после десятилетней паузы заметно оживилось военное сотрудничество. Уже в Улан-Баторской декларации 2000 г. была подчеркнута «важность восстановления военного и военно-технического сотрудничества, взаимодействия в области подготовки профессиональных кадров»⁹⁰¹. Из-за отсутствия у Монголии финансовых возможностей закупать современное российское вооружение, Москва возобновила характерную для социалистического периода отношений

⁸⁹⁸ Ц. Элбэгдорж: Чингис хаан бол манай үндэсний баатар (Ц. Элбэгдорж: Чингисхан наш национальный герой) [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.mn/content/11964> (дата посещения 31.01.2018)

⁸⁹⁹ Democratic Values of Mongolia. Speech on the Mongolia-EU Inter-Parliamentary Group 10th Assembly [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/204724.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

⁹⁰⁰ Монголия вооружилась полусотней танков Т-72 [Электронный ресурс] URL: <http://lenta.ru/news/2012/09/24/t72a/> (дата посещения 31.01.2018)

⁹⁰¹ Улан-Баторская декларация, 14 ноября 2000 года // Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия в 4-х томах. 1991-2002. Т.4 / Сост. Т.А. Шаклейна. - М.: РОСПЭН. 2002. - С. 516.

практику безвозмездной передачи военной техники монгольской стороне. Первым практическим шагом в этом направлении стало заключенное в марте 2004 г. межправительственное соглашение между двумя странами о военно-технической помощи со стороны России на безвозмездной основе. Хотя конкретная сумма помощи в Соглашении не была оговорена, но, по словам начальника управления Комитета РФ по военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами В. Дзиркална, она должна была быть «определена в соответствии с запросами монгольской стороны, которая подходит к этому вопросу очень разумно»⁹⁰².

По данным РИА «Новости», в 2004-2006 гг. российская сторона передала монгольской стороне вооружений на общую сумму 5 млн. долл.⁹⁰³, при том, что общий военный бюджет Монголии в указанный период не превышал 20-25 млн. долл. в год. В начале 2008 г. была достигнута договоренность о поставке из России двух военных вертолетов МИ-8МТ и М-24В⁹⁰⁴. В начале 2012 г. монгольской стороне были переданы до 50 основных боевых танков Т-72А, 40 модернизированных бронетранспортеров БТР-70М и автомобили «Урал»⁹⁰⁵. По словам министра обороны Монголии Л. Болда, по условиям межправительственного соглашения с Россией 2008 г., Монголией было импортировано вооружений и экипировки на общую сумму 100 млн. долл.⁹⁰⁶

Еще одной формой развития военного сотрудничества стало восстановление практики подготовки монгольских военных в российских вузах и училищах. Во время визита главы российского правительства М.Е. Фрадкова в Улан-Батор летом 2006 г., российская сторона выразила намерение увеличить количество монгольских офицеров, обучающихся в

⁹⁰² Военно-техническое сотрудничество России и Монголии // ИТАР-ТАСС, 03.03.2004.

⁹⁰³ Россия оказывает военную помощь Монголии // РИА «Новости», 14.12.2006.

⁹⁰⁴ О поставках вертолетов из России // МОНЦАМЭ, 06.02.2008.

⁹⁰⁵ Монголия вооружилась полусотней танков Т-72 [Электронный ресурс] URL: <http://lenta.ru/news/2012/09/24/t72a/> (дата посещения 31.01.2018)

⁹⁰⁶ L.Bold: Entire battalion going to eastern Sudan [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/80676.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

военных ВУЗах России также на безвозмездной основе⁹⁰⁷. По итогам официального визита в Россию в начале 2013 г. министра обороны Д. Бат-Эрдэнэ была достигнута договоренность относительно продолжения в дальнейшем обучения военнослужащих Монголии в военных академиях и вузах РФ по льготным условиям и по линии оказания помощи. Также в соответствии с договоренностью между министерствами обороны двух стран стороны решили продолжить обучение монгольских детей в суворовских училищах и кадетских корпусах России⁹⁰⁸. По словам министра обороны Монголии Ц. Цолмона, по состоянию на 2015 г. из 531 монгольских военнослужащих, находящихся за границей с целью повышения профессиональной квалификации, 357 - обучаются в России⁹⁰⁹.

Начиная с ноября 2008 г. впервые за постсоциалистическую историю отношений между двумя странами на регулярной основе стали проводиться совместные армейские полевые учения под кодовыми названиями «Дархан» (на монгольской территории) и «Селенга» (на территории России). Если целью первых двух учений было усовершенствование работ по ремонту автомашин и тылового обеспечения в полевых условиях⁹¹⁰, то начиная с 2010 г. российские и монгольские военные отрабатывали методы блокирования и уничтожения нерегулярных вооруженных формирований на территории России и Монголии⁹¹¹.

В целом, активно сотрудничая с Монголией в военной сфере, российская сторона тем самым сохраняет за собой монгольский рынок

⁹⁰⁷ Об итогах визита М. Фрадкова в Монголию // РИА «Новости», 10.07.2006.

⁹⁰⁸ Визит открыл новую страницу в военных отношениях между двумя странами // Монголия сегодня, 28.02.2013.

⁹⁰⁹ Ц.Цолмон: Монголия тратит очень мало денег на оборонные нужды // Монголия сегодня, 05.06.2015

⁹¹⁰ О совместных монголо-российских полевых учениях [Электронный ресурс] URL: http://www.owasia.ru/digest_2008+M55d1fe34161.html#1 (дата посещения 31.01.2018)

⁹¹¹ В Бурятии начались российско-монгольские военные учения [Электронный ресурс] URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2010/09/01/n_1541475.shtml (дата посещения 31.01.2018); Подразделения Восточного военного округа РФ и армии Монголии проведут совместные учения «Селенга-2011». ИТАР-ТАСС, 31.08.2011; Россия и Монголия проведут совместные учения [Электронный ресурс] URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/04/20/972157.html> (дата посещения 31.01.2018)

вооружений и укрепляет обороноспособность дружественной соседней страны.

Экономический аспект российского влияния в Монголии, оставаясь существенным, в последние годы имеет тенденцию к снижению. По итогам последних лет российская доля во внешнеторговом обороте Монголии неуклонно снижается.

Таблица 16. Российско-монгольская торговля (2010-2017 гг.)⁹¹²

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Доля (%)	18.5	15.0	17.3	15.3	14.6	12.9	11.3	12.1
Объем торговли (млн.долл.)	1129.4	1721.0	1927.0	1623.6	1610.9	1097.9	936.2	1284.9

Слабым местом российского экономического присутствия в Монголии выступает узкий ассортимент российских товаров, в основном представленных нефтепродуктами, чья доля не опускается ниже 60% от всего экспорта России в Монголию⁹¹³. Возможное сокращение потребностей монгольской экономики в нефтепродуктах может привести к резкому падению общего уровня двусторонней торговли. В случае, если планы монгольского правительства по созданию собственной нефтеперерабатывающей отрасли будут реализованы⁹¹⁴, российский экспорт нефтепродуктов в эту страну существенно сократится.

Монгольская сторона выражает свою озабоченность торговым дисбалансом, сложившимся в двусторонней торговле, в рамках которой на российский экспорт в Монголию приходится свыше 90%. На это, например, указала посол Монголии в России Б. Дэлгэрмаа в интервью телеканалу

⁹¹² Монголын улсын статистикийн эмхтгэл 2017 (Статистический сборник Монголии. 2017). –Улаанбаатар, 2018. - X. 286.

⁹¹³ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Монголией в 2011 году – Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата посещения 31.01.2018)

⁹¹⁴ Parliament discusses oil policy, refinery construction [Электронный ресурс] URL: <http://english.news.mn/content/90670.shtml> (дата посещения 31.01.2018)

«Россия 24», отметив, что между странами «хорошие, продуктивные отношения в политической сфере, а вот в экономике и торговле, к сожалению, очень большой дисбаланс»⁹¹⁵.

Инвестиционная активность российского бизнеса на монгольском рынке крайне мала. По итогам 2013 г. доля российских инвестиций в экономику Монголии составила менее 2% от всех иностранных инвестиций⁹¹⁶. В целом, Россия, испытывая острую конкуренцию со стороны других внешнеэкономических партнеров Монголии, на данный момент не может активно использовать экономические факторы влияния.

Определенные перспективы развития экономического сотрудничества связываются с трехсторонними российско-монголо-китайскими проектами в транспортно-энергетической сфере. 11 сентября 2014 г. перед саммитом ШОС в Душанбе состоялась встреча глав России, Монголии и Китая, в рамках которой были обсуждены перспективы объединения проектов «Шелкового пути» (КНР) и «Степного пути» (Монголия) и создания российско-монголо-китайского экономического транспортного коридора⁹¹⁷. В июне 2016 г. уже на саммите ШОС в Ташкенте В.В. Путин, Ц. Элбэгдорж и Си Цзиньпин приняли Программу создания экономического коридора между Монголией, РФ и КНР⁹¹⁸. В случае реализации данной программы товарооборот между Россией и Монголией, включая транзитные товары, значительно увеличится, будет дан дополнительный импульс развитию Трансмонгольской железной дороги, эксплуатируемой российско-монгольским АО «УБЖД».

Еще одним потенциальным источником для развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества является введение с 14 ноября 2014

⁹¹⁵ Посол Монголии в РФ: страна обладает большими возможностями по экспорту мяса в Россию [Электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/ekonomika/3760535> (дата посещения 31.01.2018)

⁹¹⁶ Invest Mongolia Agency [Электронный ресурс] URL: http://investmongolia.gov.mn/ru/?page_id=686 (дата посещения 31.01.2018)

⁹¹⁷ Переговоры лидеров Монголии, Китая и России [Электронный ресурс] URL: <http://news.mongolnow.com/?p=4030> . (дата посещения 31.01.2018)

⁹¹⁸ Путин провел трехстороннюю встречу с главами КНР и Монголии [Электронный ресурс] URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/95021> (дата посещения 31.01.2018)

г. безвизового режима. Соглашение о безвизовом режиме, подписанное в ходе рабочего визита в Монголию в сентябре 2014 г. президента России В.В. Путина, стало результатом долгого и сложного переговорного процесса, и может быть оценено как показатель высокого уровня взаимного доверия, достигнутого сторонами в последние годы. Одним из следствий этого решения стало резкое увеличение монгольских туристов в приграничных с Монголией российских регионах. По официальным данным, за первые 5 месяцев 2015 г. только Бурятию посетило более 300 тыс. монгольских туристов, что позволило республике повысить розничный товарооборот до 122 млрд. рублей и занять первое место в Сибирском федеральном округе. Товарооборот между Монголией и Буртией увеличился, и с начала 2015 г. составил 26,7 млн. долларов⁹¹⁹.

На рубеже XX-XXI вв. оживились научные и культурные контакты между двумя странами. Начали подписываться межправительственные программы сотрудничества двух стран в области науки, культуры и образования. В ходе московской встречи президентов двух стран в 2006 г. была подписана программа сотрудничества между Российским федеральным агентством по культуре и кинематографии и Министерством образования, науки и культуры Монголии на 2006-2008 гг. После многолетнего перерыва ежегодно стали проводиться «Дни монгольской культуры» в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России, а также «Дни российской культуры» в Улан-Баторе, Дархане, Эрдэнэте. В 2009 г. в Улан-Баторе были открыты два центра фонда «Русский мир», основной целью которого является популяризация русского языка и культуры за рубежом.

Примером наибольших подвижек в этой области является ряд решений российской стороны об увеличении квоты на обучение в российских вузах за счет федерального бюджета. В 2004-2005 гг. было выделено 200 мест, в 2008 г. – 215 мест, в 2011 г. – 300 мест. В 2017 г. российской стороной было

⁹¹⁹ 300 тысяч монгольских туристов посетили Улан-Удэ в 2015 году [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/26_05_004.html (дата посещения 31.01.2018)

выделено 450 мест для монгольских студентов⁹²⁰. На настоящий момент в 126 российских ВУЗах учатся более 4000 монгольских студентов⁹²¹. В вузах Монголии получают образование около 150 российских студентов и аспирантов⁹²².

В целом, в российской внешней политике на монгольском направлении в последние годы все активнее делается упор на развитие прямых контактов с монгольской аудиторией посредством системы обменов, программ научных и образовательных стипендий, позволяющих монгольским гражданам лично знакомиться с Россией.

К позитивным основаниям для успешного использования российского образования как инструмента внешнеполитического влияния в Монголии можно отнести следующие. Во-первых, это историческая традиция вовлечения многих монгольских граждан, в первую очередь, политической и интеллектуальной элиты, в систему высшего и отчасти среднего образования Советского Союза. Так, 6 министров в правительстве Н. Алтанхуяга (2012-2014 гг.) и 3 министра в правительстве Ж. Эрдэнэбата (2016 – н.в.) получили высшее образование в советских/российских вузах, многие владеют русским языком. Во-вторых, относительно высокий уровень распространения русского языка в Монголии. Исследование монгольского профессора Ц. Саранцацрала показало, что русский язык занимает второе место по популярности среди иностранных языков, уступая только английскому языку⁹²³. Согласно данным фонда «Сант Марал» за 2007 г., хорошую и удовлетворительную оценку своим знаниям русского языка дали свыше половины респондентов - 50,1% (13,3% - хорошую, 36,8% - удовлетворительную). Еще 21,6% оценили свои знания русского языка как слабые. То есть почти 3/4 столичных жителей знают в той или иной мере русский язык. И, что самое важное, 93,3% респондентов

⁹²⁰ Россия увеличит квоту на прием монгольских студентов на 500 мест // Монцамэ, 01.11.2017.

⁹²¹ Конгресс выпускников российских ВУЗов стран Азии // Монголия сегодня, 12.10.2016

⁹²² Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. - С. 274.

⁹²³ Русский язык – на втором месте по популярности в Монголии. Официальный сайт фонда «Русский мир» [Электронный ресурс] URL: http://www.russkiymir.ru/news/95534/?sphrase_id=495423 (дата посещения 31.01.2018)

выступают за преподавание русского языка в средних школах Монголии, 98,5% - за обучение монгольских студентов в России⁹²⁴. При этом тенденцией последних лет является снижение доли людей, владеющих русским языком. По словам П. Цагаана, главы администрации президента Монголии Ц. Элбэгдоржа, «временной фактор сейчас не в нашу пользу, а даже наоборот. Количество людей, которые знают русский язык, культуру, ценности, будет уменьшаться, мы не можем остановить время»⁹²⁵. По оценке Ю. Кручкина, на данный момент «русским языком хорошо владеют и пользуются максимум 3% населения»⁹²⁶. В-третьих, наличие филиалов российских вузов в Монголии. На данный момент в Монголии (Улан-Баторе и Дархане) действуют филиалы вузов Москвы, Улан-Удэ, Иркутска, что делает получение российского образования для монгольских студентов более доступным. Хотя и здесь отмечается тенденция к уменьшению количества отечественных вузов. В частности, в 2011 г. прекратил свою деятельность улан-баторский филиал Бурятского государственного университета. Помимо вузов в Улан-Баторе действуют 5 общеобразовательных школ с углубленным изучением русского языка: «Радуга», «Русская гимназия», «Кириллица», «Эрэл», «Искра»⁹²⁷.

В то же время необходимо понимать, что образование при всех его плюсах не может быть панацеей от существующих взаимных проблем и вопросов. Например, аргументом, подтверждающим искомую лояльность того или иного монгольского политика России, зачастую является ссылка на наличие у него российского (советского) образования. Советский Союз действительно долгое время успешно использовал высшее образование в качестве инструмента геополитики и «идеологического оружия» в условиях блокового противостояния и «холодной войны», еще задолго до

⁹²⁴ Данные по: Железняков А.С. Социологийн судалгааны дүн. (Результаты социологического исследования) // Умард хэрш. 2007. №11. - X. 6-7.

⁹²⁵ Интервью с главой администрации президента Монголии П. Цагааном [Электронный ресурс] URL: <http://mongolnow.com/Tsagaan.html> (дата посещения 31.01.2018)

⁹²⁶ Комментарии Юрия Кручкина к последним статьям о Монголии в российских СМИ [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/08_06_001.html (дата посещения 31.01.2018)

⁹²⁷ Оплата за обучение в частных среднеобразовательных школах Улан-Батора [Электронный ресурс] URL: http://news.mongolnow.com/10_08_01.html (дата посещения 31.01.2018)

возникновения самого понятия «мягкой силы». Однако, во-первых, современная Россия не имеет подобной идеологии, встроенной в систему высшего образования. Во-вторых, наряду с российским образованием у многих монгольских политиков имеется образование, полученное на Западе, в Японии, Австралии. Тем самым реализуется принцип многовекторности на уровне личных карьерных стратегий монгольских политиков. В-третьих, нередки случаи, когда политики, получившие высшее образование в СССР и прекрасно говорящие на русском языке, выступали с недружественными по отношению к России высказываниями.

Россия выступает не только в качестве субъекта, способного оказать влияние на политический процесс в Монголии, но и как объект, чей образ периодически используется в различных целях.

В начале 1990-х гг., развиваясь в рамках постсоциалистической парадигмы, монгольское общество исходило преимущественно из негативных аспектов истории отношений с Россией. Стремясь продемонстрировать приверженность демократическим и национальным традициям, многие монгольские политики прибегали к «разыгрыванию» исторических тем, обвиняя Россию в самых трагических событиях в монгольской истории: политические репрессии, неэквивалентный экономический обмен, насаждение русской культуры в ущерб монгольской⁹²⁸. Некоторые монгольские аналитики видят в российско-китайском сближении угрозу экономической безопасности Монголии: «Спланированная политика КНР и России заключается в том, чтобы удержать Монголию на определенном экономическом уровне, не давая развиваться самостоятельно»⁹²⁹. Даже такой откровенно позитивный и взаимовыгодный шаг сторон, как отмена визового режима, в определенных кругах монгольского общества вызвал негодование. Ряд монгольских СМИ и

⁹²⁸ Об этом см., например: *Баабар Б.* Бүү март! Мартвал сөнөнө (Не забывай! Забудешь - погибнешь). – Улаанбаатар, 1990; *Dashpurev D.* Reign of Political Terror and Repression in Mongolia (1920-1990). – Charleston SC, 2014. – 119 p.; *Sandag S., Kendall H.* Poisoned Arrows: The Stalin-Choibalsan Mongolian Massacres, 1921-1941. - Boulder: Westview Press, 2000.

⁹²⁹ *Баясгалан Б.* Монголия в тисках ее соседей. – С. 17.

интернет-форумов делали громкие заявления о неминуемом росте криминалитета, который активно будет проникать в Монголию из России после отмены визового режима⁹³⁰.

Однако, по мере ухудшения социально-экономической ситуации в стране, снижения уровня жизни населения, качества медицинского обслуживания, роста смертности и социальных болезней и других проблем, большинством монголов были востребованы слои исторической памяти, связанные с ностальгией по более благополучным условиям жизни в социалистическом прошлом, неразрывно связанном с Россией. Например, на фоне затянувшихся переговоров и конфликтов с западными компаниями вокруг крупных месторождений меди Оюу Толгой и угля Таван Толгой чуть ли не образцом эффективности в глазах монгольской общественности стал выглядеть монголо-советский горнодобывающий проект по разработке Эрдэнэнта⁹³¹.

В рамках подобных перемен в общественных настроениях Россия, как страна на протяжении почти всего XX в. активно помогавшая Монголии, стала вновь рассматриваться на массовом уровне в качестве желательного внешнеполитического партнера. Результаты социологических опросов последних лет неизменно ставят Россию на первое место в списке наиболее благожелательных партнеров Монголии. Так, согласно данным социологических опросов фонда «Сант Марал», наиболее благожелательным внешним партнером неизменно называлась Россия.

Таблица 17. Какая из стран является лучшим партнером для Монголии?

(%)⁹³²

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Россия	59.3	51.9	-	51.1	53.3	59.0	61.6	66.6

⁹³⁰ Оружие, наркотики, русская мафия, или какие последствия ожидают Монголию без виз [Электронный ресурс] URL: <http://asiarussia.ru/news/5007/> (дата посещения 31.01.2018)

⁹³¹ Об этом см., например: Mining Governance: Learning from Erdenet [Электронный ресурс] URL: <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2016/mining-governance-learning-from-the-erdenet/> (дата посещения 31.01.2018)

⁹³² Sant Maral Foundation [Электронный ресурс] URL: <http://www.santmaral.mn/en/publications> (дата посещения 31.01.2018)

Позитивным имиджем России среди монгольского населения можно объяснить тот факт, что все три кандидата в президенты Монголии в 2017 г. в своих предвыборных программах и заявлениях выступали за активизацию отношений с российской стороной⁹³³.

Помимо исторических обстоятельств, высокий уровень доверия среди монгольского населения к России парадоксальным образом связан с относительно низким уровнем российского экономического влияния России в Монголии. Отсутствие крупных российских компаний на рынке полезных ископаемых Монголии не дает объективных оснований для монгольских ресурсных националистов обвинять своего северного соседа в попытках колонизации страны. Помимо прочего, популярность России среди монгольского населения объясняется и антикитайскими настроениями. Россия как ближайший сосед Монголии воспринимается силой, способной уравновесить растущее с каждым годом влияние Китая. Депутат парламента О. Баасанхуу, отвечая на вопрос о характере отношений с современной Россией, отметил, что «пожалуй, все 100% монголов старше 40 лет любят русских, Россию. За молодежь не берусь говорить. Но в любом случае, русские нам ближе китайцев»⁹³⁴.

По итогам проведенного исследования в 7 главе мы можем сделать ряд выводов:

1. Россия в независимости от ее государственного статуса и официальной идеологии исторически была для Монголии главным источником внешней безопасности и независимости. Советский Союз помимо прочего выступил ключевым фактором модернизации экономической и общественно-

⁹³³ Ардчилсан Намаас нэр дэвшигч Х.Баттулгын мөрийн хөтөлбөр (Программа кандидата от Демократической партии Х. Баттулги) [Электронный ресурс] URL: <http://gec.gov.mn/details/2137> (дата посещения 31.01.2018); Монгол Ардын Хувьсгалт Намаас нэр дэвшигч С.Ганбаатарын мөрийн хөтөлбөр (Программа кандидата от Монгольской народно-революционной партии С. Ганбаатара) [Электронный ресурс] URL: <http://gec.gov.mn/details/2138> (дата посещения 31.01.2018); Монгол Ардын Намаас нэр дэвшигч М.Энхболдын мөрийн (Программа кандидата от Монгольской народной партии М. Энхболда) хөтөлбөр [Электронный ресурс] URL: <http://gec.gov.mn/details/2136> (дата посещения 31.01.2018)

⁹³⁴ Гостем нашего сайта стал член Великого Государственного Хурала, известный адвокат О.Баасанхуу [Электронный ресурс] URL: <http://www.mongolnow.com/Basanhu.html> (дата посещения 31.01.2018)

политической системы Монголии. Как следствие, социалистический путь развития Монголии был практически полностью скопирован с советского образца со всеми его позитивными и негативными результатами. Системный кризис, охвативший Советский Союз на рубеже 1980-1990-х гг., автоматически распространился на Монголию, теснейшим образом связанной с советской стороной политико-идеологическими, социально-экономическими, социокультурными отношениями.

2. Российско-монгольские отношения, пережив период взаимного охлаждения, в начале XXI в. активизировались, выйдя на уровень стратегического партнерства. Постсоветская Россия в силу исторических и текущих геополитических обстоятельств привлекательна для Монголии, прежде всего, как военный партнер, сотрудничество с которым способно снизить возможные внешние вызовы и угрозы. Именно этим объясняется высокий уровень военного сотрудничества между странами, а также позитивный образ России среди монгольского населения. В связи с этим, актуальной задачей России является использование факторов «мягкой силы» (позитивный имидж среди монгольского населения, русский язык, российское образование, безвизовый режим) для сохранения и укрепления своего влияния в Монголии.

3. Несмотря на позитивный образ России среди населения Монголии, степень российского влияния на политический процесс в стране может быть оценена как несоответствующая реальным возможностям и интересам обеих сторон. Российская сторона, не имеющая эффективных идеологических и экономических инструментов влияния, на данный момент не является активным игроком в деле формирования внутривнутриполитической повестки постсоциалистической Монголии. Более того, ошибочная стратегия Москвы, сделавшей ставку на сотрудничество только с МНРП/МНП, также ослабила позиции России среди монгольской политической элиты. В результате, российские позиции в процессе отстаивания собственных интересов в Монголии являются уязвимыми. Принимая во внимание данные

обстоятельства, крайне необходимым условием стабильного российского присутствия в политической жизни Монголии является использование более тонкой стратегии при выстраивании отношений с различными акторами монгольского политикума, не ограничивая себя контактами только с одной партией.

Заключение

Методологический инструментарий теории «постсоциалистической трансформации» позволяет наиболее объективно и адекватно рассмотреть и описать основные характеристики политического процесса в Монголии как типичного случая постсоциалистического государства.

Процессы постсоциалистической трансформации, начавшиеся в странах Восточной Европы на рубеже 1980-1990-х гг., несмотря на страновую специфику, имели большое количество типологических сходств. Формальной стороной изменений стал поворот бывших членов социалистического содружества к построению демократических институтов и основ рыночной экономики. При этом концептуально данные процессы опирались на постсоциалистический дискурс, согласно которому социализм объявлялся «неэффективной моделью развития», а на его место должен был прийти капитализм, как универсальный путь развития человеческой цивилизации. Характерным явлением развития постсоциалистических стран Восточной Европы стало противоречие между декларируемыми целями и реальными результатами политического процесса. Проблемы, связанные с предвыборными манипуляциями и высоким уровнем коррупции на фоне низкого уровня жизни населения стран Восточной Европы привели к дискредитации либеральной демократии и создали почву для политиков-популистов.

Элементом, играющим одну из ключевых ролей в политическом процессе постсоциалистических стран Восточной Европы, следует признать фактор внешней среды. Получив изначальный импульс от политики «перестройки» в СССР, постсоциалистическая трансформация в странах Восточной Европы продолжилась под сильным влиянием со стороны США и ЕС, которые посредством финансовых, военных, организационных, идеологических ресурсов осуществляли свое влияние в регионе.

Монголия, будучи частью мировой социалистической системы, продемонстрировала в начале 1990-х гг. готовность к восприятию идей

электоральной демократии, личных гражданских прав и свобод, а также капиталистических методов хозяйствования благодаря многолетнему опыту социалистической модернизации. Политика властей эпохи социализма, направленная на оседание кочевников на землю, создание промышленной базы и урбанизацию, внедрение системы массового образования и здравоохранения, секуляризацию общественной жизни привела к превращению Монголии из сугубо аграрного традиционного общества в общество модернистского индустриального типа, что стало базовой предпосылкой для дальнейших изменений.

Становление нового режима власти в Монголии начала 1990-х гг., как и в случае со странами Восточной Европы, легитимировалось признанием идейно-политического банкротства социалистической модели общественного развития, на смену которой должен был прийти капитализм как новая идеальная модель будущего. В результате, несмотря на географическую удаленность Монголии от стран Восточной Европы, как основного очага постсоциалистической трансформации, причины, характер и ход начавших в конце 1980-х гг. изменений по многим признакам близки к восточноевропейскому сценарию.

Специфика Монголии проявилась в том, что произошедшая трансформация привела к более глубоким социально-политическим и экономическим изменениям, нежели в Восточной Европе. Монголия, в отличие от восточноевропейских стран, никогда не была знакома с традицией многопартийной системы и вынуждена была начать данный процесс с нулевого цикла. В экономике МНР, в большой степени зависимой от хозяйственных связей с СССР, отсутствовали какие-либо элементы частного сектора, имевшие место в большинстве экономик стран Восточной Европы. Как следствие, механическое следование западным рекомендациям в сфере социально-экономического реформирования спровоцировали в Монголии массовую бедность, безработицу и прочие проблемы социального характера.

Выбор Монголией парламентской формы правления был обусловлен общими для всех постсоциалистических стран причинами, а именно, стремлением углубить демократизацию политической системы посредством децентрализации системы управления и, тем самым, не допустить скатывания к авторитаризму. При этом значительную роль в данном выборе сыграли внешнеполитические факторы, представленные прежде всего западными странами и их экспертным сообществом.

Стремясь решить задачу демократизации политической системы, монгольские политические элиты сформировали конституционный дизайн, для которого характерно отсутствие сбалансированных отношений между основными институтами власти, что определяет характер политического процесса. Децентрализация системы управления посредством разделения властных полномочий между институтом парламента, правительства и президента не стала гарантией эффективного функционирования созданной политической системы. В частности, практика совмещения депутатских и правительственных постов приводит к нарушению принципа разделения властей, а норма, предполагающая назначение каждого члена правительства парламентом способствует перманентной нестабильности исполнительной ветви власти. Данные проблемы исполнительной и законодательной ветвей власти порождают и делают популярными призывы к превращению страны в президентскую республику во главе с сильным и ответственным лидером.

Основные цели монгольских элит, обозначенные в ходе «демократической революции 1990 г.», были достигнуты преимущественно на формальном уровне. Опыт двух с половиной постсоциалистических десятилетий показал устойчивость таких атрибутов демократического процесса как состязательные выборы, многопартийность, наличие гражданских прав и свобод. Сохраняющаяся высокая степень зависимости политических элит от электоральной поддержки граждан заставляет периодически учитывать общественные настроения, используя их в своих утилитарных целях.

Однако, важной чертой политического развития Монголии стал тот факт, что демократизация избирательного процесса оказалась выше уровня демократизации в целом. Большое внимание правящих элит и международных экспертов к процедуре выборов и поддержанию межпартийной конкуренции отодвинуло на второй план иные аспекты демократического процесса – подконтрольность элит, прозрачность процесса принятия политических решений, независимость СМИ. Несмотря на наличие электоральной конкуренции, реальные шансы занять места в парламенте имеют только две политические партии – МНРП/МНП и ДП. К основной причине подобной ситуации следует отнести наличие мажоритарной избирательной системы. Это, в свою очередь, привело к эффекту картелизации, при которой две партии кулуарно решают ключевые общественные проблемы, игнорируя мнение иных политических сил. Следствием картелизации стало снижение доверия граждан Монголии к парламентским выборам как легальной процедуре волеизъявления, а также самому парламенту и политическим партиям как институтам, способным решить актуальные проблемы страны.

Деятельность политических партий как правило основывается не на идеологической, а на конъюнктурной почве. Преследуя сиюминутные личные или узкогрупповые интересы, члены парламента и правительства игнорируют долгосрочные стратегии развития страны. Преобладающие механизмы борьбы за власть и ее удержание приводят к ослаблению государственных институтов, становящихся инструментами в руках бизнес-группировок и отдельных политиков. Это, в свою очередь, стимулирует рост коррупционной составляющей в политическом процессе, неэффективность государственной политики, в том числе в деле решения социальных и экономических проблем.

Активное использование манипулятивных методов и приемов в ходе избирательных кампаний стало возможно в силу тяжелых жизненных условий большей части населения страны. Массовая бедность, безработица, неуверенность в завтрашнем дне создают благоприятную почву для появления политиков с популистской риторикой. Погруженность в проблемы

физического выживания мешают избирателю правильно разобраться в политической ситуации и сделать рациональный выбор.

В целом, непродуманное внедрение и заимствование конституционного устройства и процедур (максимальная децентрализация управления) привели к тому, что реальный политический процесс в Монголии выходит за рамки легальных установок и сводится к господству неформальных практик – внутрипартийной борьбы фракций и бизнес-группировок за доступ к ресурсам политической власти. Срачивание финансово-промышленных групп и партийных элит обесценивает роль гражданского общества и стимулирует политическую апатию широких социальных слоев. В результате, одним из главных итогов политического развития постсоциалистической Монголии двух последних десятилетий является низкая степень удовлетворенности населения способом осуществления демократии. Значительная часть населения Монголии считает, что основные политические институты действуют неэффективно и не в интересах общества, что ставит под сомнение саму легитимность существующего режима.

Внутримонгольский политический процесс неотъемлемо связан с глобальным уровнем в силу ряда причин. Во-первых, расположение Монголии среди двух великих держав автоматически делает ее объектом их влияния, вовлекая в процессы международно-политического масштаба. Во-вторых, геополитическое расположение Монголии выступает важным фактором пристального внимания к ней со стороны третьих стран, прежде всего США, Японии, Южной Кореи, стран ЕС. В-третьих, потребности социально-экономического развития Монголии, основывающегося на рыночных механизмах, обязывают ее быть активным участником мировых интеграционных процессов.

Роль Китая в политическом процессе современной Монголии крайне противоречива. Без сотрудничества с южным соседом в политической, экономической, научно-культурной, образовательной сферах не мыслимо будущее Монголии. Более того, значение КНР в экономике Монголии в

ближайшие годы скорее всего будет только возрастать, вне зависимости от внутривнутриполитических процессов в самой стране.

Однако, именно с Китаем связываются самые негативные сценарии будущего монгольской государственности и монгольской нации. В результате монгольское руководство вынуждено постоянно балансировать между торгово-экономическими интересами страны и общественными настроениями. Данные обстоятельства стимулирует сохранение интереса Монголии к отношениям с иными странами, включая Россию, США, Японию, которые призваны сбалансировать китайское влияние.

Наряду с Россией и Китаем активным игроком в геополитической борьбе за влияние на Монголию является т.н. «третий сосед», представленный рядом внерегиональных держав – США, Японией, Южной Кореей, странами ЕС. Стремясь развивать и углублять процесс демократизации, монгольское руководство так или иначе ориентировано на опыт ведущих демократий Запада, выступающих для Монголии главными экспертными и квалификационными центрами. Более того, позиционирование себя на международной арене в качестве развитой демократии для Монголии является средством обеспечения национальной безопасности, суверенитета, экономического развития и международного престижа. В связи с этим бесспорно то, что фактор «третьего соседа» оказывает постоянное влияние на политический процесс в Монголии.

Россия в силу исторических и текущих геополитических обстоятельств привлекательна для Монголии, прежде всего, как военно-политический партнер, сотрудничество с которым способно устранить возможные внешние вызовы и угрозы. Именно этим объясняется высокий уровень военного сотрудничества, а также позитивный образ России среди монгольского населения.

Вместе с этим, Россия не является активным игроком в деле формирования внутривнутриполитической повестки постсоциалистической Монголии в силу отсутствия достаточных для этого инструментов влияния.

Это делает уязвимыми российские позиции в процессе отстаивания собственных экономических интересов в Монголии. Более того, в современных российско-монгольских отношениях налицо существенное несовпадение масштаба и уровня политического и экономического взаимодействия.

Заметной характеристикой политического процесса в Монголии является низкий уровень влияния внутривнутриполитических изменений на внешнеполитический курс. Убедительная победа одной из ведущих политических партий может несколько скорректировать официальную риторику в отношениях с внешними партнерами, несколько сместить акценты в решении отдельных проблем. Но эти события никак не изменяют принципиальные подходы Улан-Батора к его международно-политическим связям. Среди монгольских политических элит устоявшимся следует признать консенсус по поводу базовых принципов внешнеполитической стратегии. По расчетам Улан-Батора, отношения с «третьим соседом» должны не столько заместить, сколько дополнить отношения с Россией и Китаем. Иными словами, монгольская сторона пытается убедить своих основных внешнеполитических партнеров, что речь идет о параллельных векторах внешней политики, а не о геополитическом треугольнике с характерной для нее «игрой с нулевой суммой».

Список использованных источников и литературы

Источники:

Законодательство Монголии

1. Клятвенный договор между Народно-революционным правительством Монголии и богдо-гэгэном от 1 ноября 1921 года [Электронный ресурс] // Сайт «Всемирная история». – Режим доступа : <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000129/st026.shtml> (дата обращения 30.01.2018)
2. Конституция Монголии : принята 13 января 1992 года, вступила в силу 12 февраля 1992 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://worldconstitutions.ru/?p=33> (дата обращения 30.01.2018)
3. Конституция Монгольской народной республики : принята 6 июля 1960 года [Электронный ресурс] // Российский правовой портал «Библиотека Пашкова». – Режим доступа : <http://constitutions.ru/?p=8823> (дата обращения 30.01.2018)
4. Конституция Монгольской народной республики : принята 26 ноября 1924 года [Электронный ресурс] // Российский правовой портал «Библиотека Пашкова». – Режим доступа : <http://constitutions.ru/archives/8185> (дата обращения 30.01.2018)
5. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии : принята 10 февраля 2011 года) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Монголии. – Режим доступа : http://www.mfa.gov.mn/?page_id=25999 (дата обращения 30.01.2018)
6. Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (Концепция национальной безопасности Монголии : принята 15 июля 2010 года) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Монголии. – Режим доступа : <http://www.mfa.gov.mn/?p=14968> (дата обращения 30.01.2018)
7. Намын гишүүнээс түдгэлзвэл зохих албан тушаалын тухай хууль (Закон «О соответствии занимаемой должности и членстве в партии» : принят 13 марта 1992 года) [Электронный ресурс] // Монгольский единый правовой портал. – Режим доступа : <http://www.legalinfo.mn/law/details/619> (дата обращения 30.01.2018)
8. Сонгуулийн тухай хууль (Закон «О выборах» : принят 25 декабря 2015 года) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центризбиркома Монголии. – Режим доступа : <http://gec.gov.mn/details/1259> (дата обращения 30.01.2018)

9. Төр, сүм хийдийн харилцааны тухай хууль (Закон «Об отношениях государства и церкви» : принят 11 ноября 1993 года) [Электронный ресурс] // Монгольский единый правовой портал. – Режим доступа : <http://www.legalinfo.mn/law/details/485> (дата обращения 30.01.2018)
10. Төрийн албаны тухай хууль (Закон «О государственной службе» принят 28 июля 2002 года:) [Электронный ресурс] // Монгольский единый правовой портал. – Режим доступа : <http://www.legalinfo.mn/law/details/12189> (дата обращения 30.01.2018)
11. Улс төрийн намын тухай хууль (Закон «О политических партиях» : принят 28 января 2005 года) [Электронный ресурс] // Монгольский единый правовой портал. – Режим доступа : <http://www.legalinfo.mn/law/details/508> (дата обращения 30.01.2018)
12. Concept of Mongolia's foreign policy (Adopted in 1994) // The Mongolian Journal of International Affairs. – 1995. – № 2. – P. 56-63.
13. Concept of national security of Mongolia : Adopted in 1994 // The Mongolian Journal of International Affairs. – 1995. – № 2. – P. 64-85.
14. Law of Mongolia on the legal status of foreign nationals : Adopted 08.07.2010 [Электронный ресурс] // Official website of Mongolian embassy in USA. – Режим доступа : https://mongolia.usembassy.gov/root/media/pdf/law-of-mongolia-on-the-legal-status-of-foreign-nationals_eng.pdf (дата обращения 30.01.2018)
15. Law of Mongolia on Non-governmental organizations : Adopted 06.02.1997 [Электронный ресурс] // Website of the International center for not-for-profit law. – Режим доступа : <http://www.icnl.org/research/library/files/Mongolia/ngo.pdf> (дата обращения 30.01.2018)

Международные нормативно-правовые акты, подписанные монгольской стороной

16. Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией от 25 августа 2009 г., г. Улан-Батор [Электронный ресурс] // Официальный сайт Посольства России в Монголии. – Режим доступа : https://mongolia.mid.ru/k-95-letiu-ustanovlenia-diplomaticeskih-otnosenij/-/asset_publisher/Xut60ySyPd60/content/deklaracia-o-razviti-strategiceskogo-partnerstva-mezdu-rossijskoj-federaciej-i-mongoliej-ulan-bator-25-avgusta-2009-goda-?inheritRedirect=true (дата обращения 30.01.2018)

17. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г., г. Москва // Дипломатический вестник. – 1993. – № 3-4. – С. 15-17.
18. Московская Декларация, подписанная президентом России В.В. Путиным и президентом Монголии Н. Энхбаяром от 8 декабря 2006 г., г. Москва [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа : http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/12/08/1726_type72067_115119.shtml?type=72067 (дата обращения 30.01.2018)
19. Тройственное соглашение об Автономной Монголии // Русско-китайские отношения 1689-1916 : официальные документы. – Москва: Восточная литература, 1958. – С. 103.
20. Улан-Баторская декларация от 14 ноября 2000 г., г. Улан-Батор // Внешняя политика и безопасность современной России : хрестоматия в 4 томах. 1991-2002 / сост. Т. А. Шаклеина. – Москва : РОССПЭН, 2002. – Т. 4. – С. 514-518.
21. БНХАУ-ын дарга Си Зиньпиний Монгол улсад хийж буй төрийн айлчлалын үеэр гарын үсэг зурсан баримт бичгүүд (Документы, подписанные во время визита в Монголию главы КНР Си Цзиньпина) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Монголии. – Режим доступа : <http://www.president.mn/content/4110> (дата обращения 30.01.2018)

Статистические и справочные материалы, сборники документов

22. XIX съезд Монгольской народно-революционной партии, Улан-Батор, 28-31 мая 1986 г. – Москва : Политиздат, 1987. – 167 с.
23. Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). – Москва : Издание Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. – 219 с.
24. Данные социологических опросов населения Монголии Фонда «Сант Марал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.santmaral.mn/en/publications> (дата обращения 30.01.2018)
25. Коммунистический Интернационал в документах (1919-1932). – Москва : Партийное изд-во, 1933. – 1022 с.
26. Монгольская Народная Республика : справочник. – Москва : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1986. – 438 с.
27. Советско-монгольские отношения. 1921-1966 : сборник документов. – Москва : Международные отношения, 1966. – Т. 1. – 485 с.

28. Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Монголией в 2011 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа : <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения 30.01.2018)
29. Гадаадын шууд хөрөнгө оруулалтын бүтэц, улсаар (1990-2006). (Распределение прямых иностранных инвестиций 1990-2006 гг.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства финансов Монголии. – Режим доступа : <http://www.mit.pmis.gov.mn/modules.php?name=News&file=article&sid=38> (дата обращения 30.01.2018)
30. МАХН-ын Төв Хорооны намын XII их хуралд тавьсан тайлан илтгэл ба түүнд гаргасан тогтоол (Доклады и резолюции, принятые на XII съезде ЦК МНРП). Улаанбаатар, 1961. – 154 х.
31. Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2000 : статистический сборник Монголии 2000. – Улаанбаатар, 2001. – 402 х.
32. Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2011 : статистический сборник Монголии 2011. – Улаанбаатар, 2012. – 413 х.
33. Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2012 : статистический сборник Монголии 2012. – Улаанбаатар, 2013. – 411 х.
34. Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2013 : статистический сборник Монголии 2013. – Улаанбаатар, 2014. – 414 х.
35. Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2014 : сборник статистики Монголии 2014. – Улаанбаатар, 2015. – 414 х.
36. Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2015 : статистический сборник Монголии 2015. – Улаанбаатар, 2016. – 415 х.
37. Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2017 : статистический сборник Монголии 2017. – Улаанбаатар, 2018. – 417 х.
38. Хүн амын тоо, хүйсээр, оны эхэнд, мянган хүн : половозрастной состав населения // Официальный сайт столичной службы Улан-Батора. – Режим доступа : <http://ubstat.mn/StatTable=11> (дата обращения 30.01.2018)
39. Хүн амын, орон сууцны 2010 оны улсын толлоогын үр дүн (Результаты переписи населения 2010 года). – Улаанбаатар, 2011. – 65 х.
40. How do Asians View a Rising China? [Электронный ресурс] // Сайт «Центра восточноазиатских демократических исследований». – Режим доступа : <http://www.asianbarometer.org/survey/survey-results> (дата обращения 30.01.2018)
41. State Statistical Office. National Economy of the MPRP for 70 Years. – Ulaanbaatar, 1992. – 172 p.

**Предвыборные программы, выступления, доклады, интервью,
мемуары представителей политической элиты Монголии**

42. Беседа с членом Великого Государственного Хурала от Демократической партии Р. Амаржаргалом [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Монголия сейчас». – Режим доступа : <http://www.mongolnow.com/Amarjargal.html> (дата обращения 30.01.2018)
43. Болд Л. Вопросы прав человека в Монголии : доклад на сессии ПА ОБСЕ, Улан-Батор, 15-18 сентября 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. – Режим доступа : <http://www.oscepa.org/meetings/autumn-meetings/2015-mongolia> (дата обращения 30.01.2018)
44. Выступление Ц. Элбэгдоржа в парламенте Монголии // Монголия сегодня. – 2015. – 20 янв.
45. Выступление Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа на почетном заседании Европарламента // Монцамэ. – 2015. – 10 июня.
46. Гостем нашего сайта стал член Великого Государственного Хурала, известный адвокат О.Баасанхуу [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Монголия сейчас». – Режим доступа : <http://www.mongolnow.com/Basanhu.html> (дата обращения 30.01.2018)
47. Энхболд З.: Демократическая революция не завершилась – она продолжается / Энхболд // Монголия сегодня. – 2015. – 19 марта. – С. 1.
48. Интервью с Д. Жаргалсайханом [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Монголия сейчас». – Режим доступа : <http://www.mongolnow.com/Saidukova.html> (дата обращения 30.01.2018)
49. Интервью с руководителем Администрации Президента Монголии П. Цагааном [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Монголия сейчас». – Режим доступа : <http://mongolnow.com/Tsagaan.html> (дата обращения 30.01.2018)
50. Пурэвсурэн Л. Организация саммита Азия-Европа – дело чести / Л. Пурэвсурэн // Монголия сегодня. – 2014. – 27 октября. – С. 5.
51. Чулуунбат О. В Монголии необходимо придерживаться западного направления в экономической политике / О. Чулуунбат // Монголия сегодня. – 2012. – 02 февраля – С. 7.
52. Приветственное слово Президента Н. Багабанди на конференции, посвященной отношениям государства и церкви // Төр, сүм хийдийн харилцаа: орчин уе. – Улаанбаатар, 1998. – Х.7.

53. Речь Президента Ц. Элбэгдоржа на торжественной сессии ВГХ, посвященной 20-летию созданию первого постоянно действующего демократического парламента Монголии // Монцамэ. – 2010. – 20 октября.
54. Совместное заявление премьер-министров Монголии и Японии [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Монголия сейчас». – Режим доступа : http://news.mongolnow.com/11_02_01.html
55. Баттулга Х. Если выбрать узкоколейную железную дорогу, то богатства будут бесконтрольно вывозиться в КНР / Х. Баттулга // Монголия сегодня. – 2013. – 17 января. – С. 4.
56. Элбэгдорж Ц. Я не поддерживаю ни одну фракцию Демпартии по вопросу о «двойной одежке» / Ц. Элбэгдорж // Монголия сегодня. – 2014. – 11 апреля. – С. 3.
57. Элбэгдорж Ц. Сначала в ВГХ необходимо обсудить вопрос освобождения с должностей 6 министров / Ц. Элбэгдорж // Монголия сегодня. – 2012. – 22 января. – С. 1-2.
58. Анхны ардчилсан сонгууль (Первые демократические выборы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sonin.mn/news/politics-economy/40692> (дата обращения 30.01.2018)
59. Ардчилсан намын Улсын Их Хурлын 2008 оны сонгуулийн мөрийн хөтөлбөр (Предвыборная программа Демократической партии на выборах 2008 года в ВГХ) [Электронный ресурс] // Сайт Форума «Открытое общество». – Режим доступа : http://www.forum.mn/p_pdf.php?obj_id=2136 (дата обращения 30.01.2018)
60. Батбаяр Б. Ардчилсан тогтолцооны Монгол хувилбар (Монгольский вариант демократической структуры) [Электронный ресурс] / Б. Батбаяр. – Режим доступа : <http://baabar.niitlelch.mn/content/7921.shtml> (дата обращения 30.01.2018)
61. Ганболд Б. Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн KBS телевизэд өгсөн ярилцлага үзэгчдийн тоогоор дээд амжилт тогтоосон (Б. Ганболд: Интервью Президента Монголии телеканалу KBS посмотрело рекордное количество зрителей) [Электронный ресурс] / Б. Ганболд // Информационный сайт «news.mn». – Режим доступа : <https://www.news.mn/r/303992> (дата обращения 30.01.2018)
62. Батмөнх Ж. Хүч хэрэглэж хэрхэвч болохгүй (Сила не должна использоваться). – Улаанбаатар, 2001. – 501 х.
63. Бямбасүрэн Д. Уурийн жавар (Предрассветные заморозки) / Д. Бямбасүрэн // Монголия и внешний мир ; пер. Яскина Г. С. – Москва : ИВ РАН, 2002.

64. Бямбасүрэн Д. ЗХУ Монголыг хараат байдлаасаа гарна гэж бодоогүй (Д. Бямбасүрэн : СССР не думал, что Монголия выйдет из-под контроля) [Электронный ресурс] / Д. Бямбасүрэн. – Режим доступа : http://www.montsame.mn/index.php?option=com_k2&view=item&id=65124:2015-07-23-06-06-20&Itemid=803 (дата обращения 30.01.2018)
65. Гэрэл сүүдэр: Ю.Цэдэмбалын хувийн тэмдэглэлээс (Свет и тень: личные дневники Ю. Цэдэнбала). – Улаанбаатар, 1992. – 94 х.
66. Дамбын Д. Ярилцлага (Интервью Д.Дамбы) / Д. Дамбын // «Үнэн» (Правда). – 1991. – 31 марта. – С. 4.
67. Жаргалсайхан Д. УБТЗ-ыг хос болгохгүйгээр, цахилгаанжуулахгүйгээр зэргэлдээх хоёр орныхоо шаардлагад хүрч чадахгүй (Д. Жаргалсайхан: Железнодорожная сеть АО «УБЖД» без ее электрификации и строительства параллельной дороги не отвечает требованиям соседних государств) [Электронный ресурс] / Д. Жаргалсайхан. – Режим доступа : <http://sonin.mn/news/politics-economy/64404> (дата обращения 30.01.2018)
68. Батзандан Ж. «Гражданская коалиция» - это заказ общества [Электронный ресурс] / Ж. Батзандан. – Режим доступа : <http://www.owasia.ru/mongolia-today-detail+M5756b18a987.html> (дата обращения 30.01.2018)
69. Монгол улсын Ерөнхийлогч Цахиагийн Элбэгдоржийн Европын парламентын чуулганд хэлсэн уг (Выступление Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа на заседании Европейского парламента) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Монголии. – Режим доступа : <http://www.president.mn/content/11647> (дата обращения 30.01.2018)
70. Цагаан П. 1990 оны сонгууль нь Монголын төрт ёсны нэн шинэ түүхэнд гарсан чанарын цоо шинэ үзэгдэл (П.Цагаан: Выборы 1990 года – качественно новое явление в новейшей истории Монголии) [Электронный ресурс] / П. Цагаан // Официальный сайт Президента Монголии. – Режим доступа : <http://www.president.mn/content/11747> (дата обращения 30.01.2018)
71. Цагаан П. Эцсийн шийдийг асуухгүй л юм бол цаг, мөнгөний гарц (П. Цагаан: (Если не уточнить окончательное решение, то это будет напрасной тратой времени и денег) [Электронный ресурс] / П. Цагаан. – Режим доступа : <http://www.itoim.mn/index.php/site/news/2799> (дата обращения 30.01.2018)
72. Сайд Л.Болд CNN-д ярилцлага өгөв (Министр Л.Болд дал интервью CNN) [Электронный ресурс] // Информационный сайт «news.mn». – Режим доступа : <http://www.news.mn/r/140597> (дата обращения 30.01.2018)

73. УИХ-ын 2008 оны сонгуульд МАХН-аас оролцох мөрийн хөтөлбөр (Предвыборная программа МНРП на выборах 2008 года в ВГХ) // Сайт Форума «Открытое общество». – Режим доступа : http://www.forum.mn/p_pdf.php?obj_id=2106 (дата обращения 30.01.2018)
74. УИХ-ын гишүүн М. Батчимэг: Фракциудыг “үйлдвэрлэдэг” Үндсэн хуулийг өөрчлөх шаардлагата (М. Батчимэг: Необходимо изменить Конституцию, которая «производит» фракции) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://news.gogo.mn/r/148603> (дата обращения 30.01.2018)
75. УИХ-ын дарга З. Энхболд "Тавантолгойн гэрээ"-ний тухай хэлсэн үг (Речь спикера ВГХ З. Энхболда по поводу «Договора Таван Толгой») [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=zAEvp-MKXEg> (дата обращения 30.01.2018)
76. Эрдэнэ Х. Тавантолгой-Гашуунсухайтын төмөр замын км тутмыг 700 ам.долларт багтааж барих боломжтой (Х. Эрдэнэ: Можно построить 1 км железнодорожной линии Тавантолгой-Гашуунсухайт за 700 долларов США) [Электронный ресурс] / Х. Эрдэнэ. – Режим доступа : <http://www.bolod.mn/News/141337.html> (дата обращения 30.01.2018)
77. Даваацэрэн Ц. “Эрдэнэт” үйлдвэрийн 49 хувийн эзэмшигч өөрчлөгдсөн ч үйл ажиллагаанд өөрчлөлт ороогүй (Ц. Даваацэрэн: «Изменился владелец 49 % акции КОО «Предприятие Эрдэнэт», но не изменилась деятельность») [Электронный ресурс] / Ц. Даваацэрэн. – Режим доступа : <http://www.itoim.mn/index.php/site/news/6665> (дата обращения 30.01.2018)
78. Ц. Элбэгдорж: Бид ардчиллыг амьдад нь хайрлах хэрэгтэй (Ц. Элбэгдорж: Мы должны любить демократию, пока она жива) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://politics.news.mn/content/218773.shtml> (дата обращения 30.01.2018)
79. Элбэгдорж Ц. Мөнхийн албан тушаалтан гэж байхгүй. Мөнхийн нөхөрлөл гэж байдаг юм шүү (Ц. Элбэгдорж: Не бывает вечных чиновников. Бывает вечная дружба) [Электронный ресурс] / Ц. Элбэгдорж. – Режим доступа : <http://www.ikon.mn/n/ay1> (дата обращения 30.01.2018)
80. Элбэгдорж Ц. Чингис хаан бол манай үндэсний баатар (Ц. Элбэгдорж: Чингисхан наш национальный герой) [Электронный ресурс] / Ц. Элбэгдорж. – Режим доступа : <http://www.president.mn/content/11964> (дата обращения 30.01.2018)

81. Сайханбилэг Ч. Ардчиллын түүхийг Монголчууд хамтдаа бүтээсэн (Ч. Сайханбилэг: Монголы сотворили историю демократизации совместными усилиями) [Электронный ресурс] / Ч. Сайханбилэг // Информационный сайт «news.mn». – Режим доступа : <http://politics.news.mn/content/218730.shtml> (дата обращения 30.01.2018)
82. Bat-Erdene D. We Will Develop Tavan Tolgoi on Our Own Resources [Электронный ресурс] / D. Bat-Erdene. – Режим доступа : http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=4845&Itemid=40 (дата обращения 30.01.2018)
83. Bold L.: Democratic Values of Mongolia [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ubpost.mongolnews.mn/?p=13521> (дата обращения 30.01.2018)
84. Freedom of N.Enkhbayar, the man who has wagered Mongolia 12.05.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://english.news.mn/content/107455.shtml> (дата обращения 30.01.2018)
85. Interview with G. Bayarsaikhan [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ubpost.mongolnews.mn/index.php/2011-07-24-01-42-01/88888930-politicstop/7081-cirtics-blast-southgobi-sale-to-chalco> (дата обращения 30.01.2018)
86. Speech on the Mongolia-EU Inter-Parliamentary Group 10th Assembly [Электронный ресурс] // Информационный сайт «news.mn». – Режим доступа : <http://english.news.mn/content/204724.shtml> (дата обращения 30.01.2018)
87. Welcome Note from H.E. Bold L., Minister of Foreign Affairs of Mongolia // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2013. – Vol.18. – P. 3-4.

Официальные интернет-сайты

88. Зарегистрированные политические партии Монголии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда Монголии. – Режим доступа : <http://www.supremecourt.mn/nam> (дата обращения 30.01.2018)
89. Официальный сайт агентства Монголии по национальному развитию [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://investmongolia.gov.mn/ru/?page_id=686 (дата обращения 30.01.2018)
90. Официальный сайт «Ассоциации друзей Монголии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.friendsofmongolia.org> (дата обращения 30.01.2018)

- 91.Официальный сайт Великого государственного хурала Монголии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.parliament.mn (дата обращения 30.01.2018)
- 92.Официальный сайт Демократической партии Монголии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.demparty.mn> (дата обращения 30.01.2018)
- 93.Официальный сайт монгольского представительства «Азиатского фонда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://asiafoundation.org/where-we-work/mongolia> (дата обращения 30.01.2018)
- 94.Официальный сайт Монгольской народной партии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mpp.mn> (дата обращения 30.01.2018)
- 95.Официальный сайт Посольства России в Монголии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.mongolia.mid.ru (дата обращения 30.01.2018)
- 96.Официальный сайт Правительства Монголии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.zasag.mn (дата обращения 30.01.2018)
- 97.Официальный сайт Президента Монголии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.president.mn (дата обращения 30.01.2018)
- 98.Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.kremlin.ru (дата обращения 30.01.2018)
- 99.Официальный сайт Центрального избирательного комитета Монголии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gec.gov.mn/parliamentary_election/310/41 (дата обращения 30.01.2018)
100. Официальный сайт Комиссии по делам Монголии и Тибета Китайской республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mtac.gov.tw/emain.php> (дата обращения 30.01.2018)

Научные монографии и статьи

101. Актамов И. Г. Монгольская молодежь и политика: виртуальное измерение национальной безопасности / И. Г. Актамов, Т. Б. Бадмацыренов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – №8 : Востоковедение. – С. 85-89.
102. Алексич М. Теоретический подход к демократизации трансформирующихся обществ / М. Алексич // Процессы демократизации в Восточной Европе : материалы международной научной конференции, 2-8 июня 1999 г. Улан-Удэ. – Москва ; Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 2000. – С. 74-85.

103. Алтанцэцэг Н. Монголо-китайские отношения в эпоху глобализации / Н. Алтанцэцэг // Олон улсын харилцаа (Международные отношения). – 2003. – № 2. – С. 46-58.
104. Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита / Баабар. – Казань : Татар, кн. изд-во, 2010. – 542 с.
105. Баасансурэн Д. Демократическая трансформация Монголии / Д. Баасансурэн // Монгольский мир: между Востоком и Западом / под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. – Новосибирск : Автограф, 2014.
106. Бадараев Д. Д. Влияние «турбулентности» на модернизационные процессы в монгольском обществе / Д. Д. Бадараев // Власть. – 2015. – № 4. – С. 201-205.
107. Бадараев Д. Д. Миграционные процессы в монгольском обществе в зеркале магистралей культур / Д. Д. Бадараев // Известия Восточного института. – 2015. – №3 (27). – С. 87-93.
108. Бадмацыренов Т. Б. Сангха и политика: политические аспекты функционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии / Т. Б. Бадмацыренов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Вып. 14 : Философия, социология, политология, культурология. – С.137-143.
109. Бажанов Е. П. Китай и внешний мир / Е. П. Бажанов. – Москва : Международные отношения, 1990. – 351 с.
110. Бажанов Е. П. Российско-китайские отношения / Е. П. Бажанов. – Москва : Научная книга, 1999. – 117 с.
111. Бажанов Е. П. Россия между Западом и Востоком / Е. П. Бажанов // Современный мир и геополитика. – Москва : Канон+, 2015. – С. 9-47.
112. Бажанов Е. П. Многополюсный мир / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. – Москва : Восток-Запад, 2010. – 464 с.
113. Бажанов Е. П. Международные отношения в XXI веке / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. – Москва : Восток-Запад, 2011. – 166 с.
114. Базаров Б. В. Монгольский мир в современном азиатском пространстве / Б. В. Базаров // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2011. – № 3. – С. 8-15.
115. Базаров Б. В. Соотношение миграционных векторов и номадизма в современном монгольском обществе / Б. В. Базаров, М. Н. Балдано, Д. Д. Бадараев // Власть. – 2015. – №10. – С. 213-218.
116. Балдано М. Н. Панмонголизм: идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как инструмент нациестроительства / М. Н. Балдано // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе : коллективная монография / отв. ред. В. И.

- Дятлов, С. В. Рязанцев. – Москва : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – С. 218-244.
117. Балхажаав Ц. Перестройка и наш ориентир / Ц. Балхажаав // Азия и Африка сегодня. – 1989. – № 8. – С. 24-26.
118. Барфилд Т. Дж. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / Т. Дж. Барфилд. – Санкт-Петербург, 2009. – 248 с.
119. Барфилд Т. Дж. Мир кочевников-скотоводов / Т. Дж. Барфилд // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 415-441.
120. Баталов Э. Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века / Э. Я. Баталов. – Москва : Прогресс-Традиция. 2010. – 88 с.
121. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века / Ц. Батбаяр. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГАКИ, 2002. – 229 с.
122. Батнасан Г. Некоторые особенности перехода к оседлому образу жизни в Монгольской народной республике / Г. Батнасан // Советская этнография. – 1977. – № 2. – С.68-76.
123. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
124. Белов Е. А. Россия и Монголия (1911-1919 гг.) / Е. А. Белов. – Москва : ИВ РАН, 1999. – 237 с.
125. Белов Е. А. О концепции «монгольского вопроса» в «Истории Монгольской Народной Республики» / Е. А. Белов, С. Г. Лузянин // Восток. – 2000. – № 1. – С. 40-42.
126. Белов Е. А. Как была ликвидирована автономия Внешней Монголии / Е. А. Белов // Азия и Африка сегодня. – 1997. – № 5. – С. 64-68.
127. Богатуров А. Д. Международные отношения и внешняя политика России / А. Д. Богатуров. – Москва : Аспект-пресс, 2017. – 480 с.
128. Бойкова Е. В. Советско-монгольское сотрудничество в 1930-е годы / Е. В. Бойкова // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – Москва : ИВ РАН, 2001. – С. 27-29.
129. Бойкова Е. В. О внешних гарантиях национальной безопасности Монголии / Е. В. Бойкова // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности : сборник статей. – Москва : РИСИ, 1998. – С. 67-68.
130. Бойкова Е. В. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX - XX века) / Е. В. Бойкова ; Российская акад. наук, Ин-т востоковедения. – Москва : ИВ РАН, 2014. – 262 с.

131. Бойме К. Теория трансформации - новая междисциплинарная отрасль знания? / К. Бойме // Государство и право. – 1994. – № 7. – С. 142-150.
132. Болд Р. Социальные конфликты переходного периода Монголии / Р. Болд // Социс. – 2008. – № 4. – С. 37-43.
133. Болд Л. Монголия - Россия: особенности политических процессов / Л. Болд, С. В. Калмыков. – Улан-Батор : Мунхийн усэг, 2017. – 293 с.
134. Будаева С. В. Строительство демократии в Монголии / С. В. Будаева, А. Болортуяа // Олон улс судлал (Улан-Батор). – 2013. – № 2(98). – Х. 44-51.
135. Варнавский П. К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая треть XX веков) / П. К. Варнавский, Г. А. Дырхеева, Т. Д. Скрынникова. – Иркутск : Оттиск, 2003. – С. 35-56.
136. Бухарин Н. И. Строительство гражданского общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 90-е годы XX века - начало XXI века / Н. И. Бухарин // Новая и новейшая история. – 2005. – № 1. – С. 26-49.
137. Видоевич З. Предпосылки и облик демократии в странах Восточной Европы. Портрет демократии в современном мире / З. Видоевич // Процессы демократизации в Восточной Европе : материалы международной научной конференции, 2-8 июня 1999 г. Улан-Удэ. – Москва ; Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 74-85.
138. Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А. В. Виноградов. – Москва : НОФМО, 2008. – 368 с.
139. Винокуров М. А. Человеческое развитие Монголии в контексте демографической ситуации в стране / М. А. Винокуров, Д. Алимаа // Известия ИГЭА. – 2012. – № 2 (82). – С. 115-122.
140. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. – Ленинград, 1934. – 236 с.
141. Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / А. Д. Воскресенский. – Москва : МОНФ, 1999. – 405 с.
142. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – 430 с.
143. Галбаатар Д. Доля совместного предприятия «Эрдэнэт» в развитии экономики Монголии / Д. Галбаатар // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2008. – № 1. – С. 9-17.

144. Галенович Ю. М. Китайские претензии: Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая / Ю. М. Галенович. – Москва : Русская панорама, 2015. – 1135 с.
145. Галиймаа Н. Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодики / Н. Галиймаа // Диаспоры. – 2011. – № 1. – С.173-182.
146. Ганжуров А. В. Избирательная кампания президента Монголии в свете предстоящего визита В. В. Путина / А. В. Ганжуров // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – Вып. 8. – С. 184-186.
147. Ганжуров В. Ц. Россия – Монголия (история, проблемы, современность) / В. Ц. Ганжуров. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1997. – 181 с.
148. Гармаева И. Б. Влияние внешнеполитических факторов на политические процессы в Монголии после 1990 г. / И. Б. Гармаева // Вестник БНЦ СО РАН. – 2011. – № 4. – С. 204-211.
149. Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция / В. Я. Гельман. – Москва : МОНФ, 1999. – 240 с.
150. Гербова А. А. Приватизация: опыт Восточной Европы и Азии / А. А. Гербова. – Москва : Наука, 1991. – 212 с.
151. Гербова А. Процесс становления нового общества в Монголии / А. Гербова // Монголия: трудный путь к рынку. – Москва : ИМЭПИ РАН, 1994. – С. 5-16.
152. Голенкова З. Т. Гражданское общество и процессы демократизации в России / З. Т. Голенкова // Процессы демократизации в Восточной Европе : материалы международной научной конференции, 2-8 июня 1999 г. – Улан-Удэ, 1999. – С. 86-103.
153. Гольман М. И. Современная Монголия в оценках западных авторов / М. И. Гольман. – Москва : ИВ РАН, 2010. – 187 с.
154. Гольман М. И. Президент Элбэгдорж развеял мифы / М. И. Гольман // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 3. – С. 48–53.
155. Грайворонский В. В. Монголия. 10 лет по пути реформ / В. В. Грайворонский // Азия и Африка сегодня. – 2001. – № 1. – С. 12-17.
156. Грайворонский В. В. Была ли в Монголии попытка «цветной революции»? / В. В. Грайворонский // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 12. – С. 36–40.
157. Грайворонский В. В. Реформы в социальной сфере современной Монголии / В. В. Грайворонский. – Москва : ИВ РАН, 2007. – 251 с.

158. Грайворонский В. В. Монголия в начале XXI века (политика, экономика, общество) / В. В. Грайворонский. – Москва : ИВ РАН, 2017. – 352 с.
159. Гудков Л. Д. Абортивная модернизация / Л. Д. Гудков. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 630 с.
160. Гурова О. Ю. Послесловие: подходы к изучению постсоциализма / О. Ю. Гурова // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 3. – С. 106-109.
161. Дагбаев Э. Д. Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии / Э. Д. Дагбаев. – Улан-Удэ, 2011. – 303 с.
162. Дашдаваа Ч. Улаан түүх. Коминтерн ба Монгол (Красная история. Коминтерн и Монголия) / Ч. Дашдаваа. – Улаанбаатар, 1993. – 178 х.
163. Дашдаваа Ч. От демократии к авторитаризму / Ч. Дашдаваа // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2011. – № 3. – С. 43-56.
164. Дегтярь Л. Социальные аспекты постсоциалистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы / Л. Дегтярь // Общество и экономика. – 2000. – № 8. – С. 130-157.
165. Джагаева О. А. Россия и Монголия: очерк истории взаимоотношений в последней четверти XX столетия / О. А. Джагаева. – Москва : Научное издание, 2003. – 138 с.
166. Джагаева О. А. Россия и Монголия: новый этап культурного сотрудничества / О. А. Джагаева // Азия и Африка сегодня. – 2005. – № 5. – С. 56-59.
167. Джагаева О. А. Развитие российско-монгольских отношений: основные направления, проблемы и перспективы (1921-2005 гг.) / О. А. Джагаева : Автореф. дисс. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. – Волгоград, 2006. – С. 32.
168. Дубин Б. В. Россия нулевых: политическая культура - историческая память - повседневная жизнь / Б. В. Дубин. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 392 с.
169. Дугаров В. Д. Некоторые формы репрессивной экономической политики МНРП по отношению к ламству в 1932-1938 гг. (по материалам архива ФСБ РФ по РБ) / В. Д. Дугаров // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии : сборник статей. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – С. 86-95.
170. Дэлгэрмаа Б. Демократические преобразования в Монголии на рубеже XX и XXI вв. : Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Б. Дэлгэрмаа. – Улан-Удэ, 2005. – 165 с.

171. Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX века / К. Дэмбэрэл. – Иркутск : Отгиск, 2002. – 122 с.
172. Дюверже М. Политические партии / М. Дюверже. – Москва : Академический проект, 2005. – 538 с.
173. Елогов Н. Тихоокеанская Азия: перспективы трансформаций политических систем / Н. Елогов // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 6. – С. 83-95.
174. Жабаева Л. Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов / Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2001. – 334 с.
175. Жаргал Ж. Существовал ли в Монголии тоталитарный режим? / Ж. Жаргал // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2012. – № 1. – С. 198-209.
176. Железняков А. С. Монгольский полюс политического устройства мира / А. С. Железняков. – Москва : ИС РАН, 2009. – 272 с.
177. Железняков А. С. Монголия социалистическая и постсоциалистическая / А. С. Железняков // Восток. – 1996. – № 6. – С. 109-110.
178. Железняков А. С. Монгольский коммунизм. Внутренние мотивы / А. С. Железняков // VII Международный конгресс монголоведов : доклады российской делегации. – Улан-Батор, 1997. – С. 60-65.
179. Железняков А. С. Россия в монгольском треугольнике / А. С. Железняков // Политический журнал. – 2004. – № 8. – С. 42-44.
180. Железняков А. С. Преференции и проблемы России в Монголии / А. С. Железняков // Место России и Монголии в современной региональной конфигурации : сборник докладов. – Москва, 2012. – С. 58-64.
181. Жильцов С. С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы / С. С. Жильцов // Вестник РУДН. – 2016. – № 1. – С. 7-15.
182. Жуковская Н. Л. Ламаизм в Монголии / Н. Л. Жуковская // Буддизм : словарь / под общ. ред. Н. Л. Жуковской, А. Н. Игнатовича, В. И. Корнева. – Москва : Республика, 1992. – 288 с.
183. Жуковская Н. Л. Монголия: мир кочевой культуры / Н. Л. Жуковская. – Москва : РИОР-ИНФРА-М, 2017. – 242 с.
184. Задорожнюк Э. Социал-демократия Центральной Европы: достижения и приоритеты на рубеже XX-XXI вв. / Э. Задорожнюк // Европа : журнал польского института международных дел. – 2002. – Т. 2, № 3(2). – С. 149-166.

185. Задохин А. Г. Международные отношения и национальная безопасность / А. Г. Задохин // Дипломатическая служба. – 2012. – № 6.
186. Закаурцева Т. А. Вопросы теории и истории международных отношений / Т. А. Закаурцева ; гл. ред. Т. А. Закаурцева. – Москва : Дипломатическая академия МИД РФ, 2010. – 300 с.
187. Иванов О. П. Американские дебаты по расширению НАТО на Восток: позиция экспансионистов / О. П. Иванов // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – № 3. – С. 30-48.
188. История Монгольской народной республики. – 3-е изд. – Москва : Наука, 1983. – 663 с.
189. История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. – Москва : ИВ РАН, 2007. – 448 с.
190. Капица М. С. КНР: два десятилетия – две политики / М. С. Капица. – Москва : Международные отношения, 1969. – 352 с.
191. Капустин Б. Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) / Б. Г. Капустин // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 4. – С. 6-26.
192. Кива А. В. Социалистическая ориентация: аномалия или естественная фаза мирового развития? / А. В. Кива // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5. – С. 15-25.
193. Кляшторный С. Г. Степные империи древней Евразии / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2005. – 352 с.
194. Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях / Н. Н. Крадин // Кочевая альтернатива социальной эволюции. – Москва : Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. – С. 79-90.
195. Кубышина Г. А. Власть и преобразования государственной собственности в странах Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Монголия) / Г. А. Кубышина. – Москва : Дипломатическая академия МИД РФ, 2000. – 223 с.
196. Кузьмин Ю. В. «Монгольский и урянхайский вопросы» в общественной мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX вв.) / Ю. В. Кузьмин. – Иркутск : Изд-во Иркутского госуниверситета, 1996. – 232 с.
197. Кузьмин Ю. В. Поиск Монголией нового места в международной экономике и мировой геополитике / Ю. В. Кузьмин // Роль финансово-экономического образования в инновационном развитии регионов

- России : материалы Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 6-12 октября 2008 г. – Иркутск, 2008. – С. 153-159.
198. Кузьмин Ю. В. «Панмонголизм» как национальная идея консолидации народов Центральной Азии в XX веке / Ю. В. Кузьмин, В. В. Свинин // Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты : материалы международной научной конференции, г. Иркутск, 10-12 апреля 2000 г. – Иркутск, 2001. – С. 76-78.
199. Курас Л. В. Монголия в начале XXI века: гримасы демократии / Л. В. Курас // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 4. – С. 125-132.
200. Курас Л. В. Монголия после Цэдэнбала: от заката до рассвета / Л. В. Курас // Вестник БНЦ СО РАН. – 2014. – № 4(16). – С. 73-90.
201. Кынев А. В. Институт президентства в странах Восточной и Центральной Европы как индикатор процесса политической трансформации / А. В. Кынев // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 2. – С. 126-137.
202. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Е. И. Кычанов. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 320 с.
203. Лангеноль А. Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах / А. Лангеноль // Ab Imperio. – 2004. – № 1. – С. 365-387.
204. Лебедева М. М. Мировая политика в XXI в.: акторы, процессы и проблемы / М. М. Лебедева. – Москва : МГИМО (У), 2009. – 142 с.
205. Линц Х. Дж. Опасности президентства [Электронный ресурс]. – Режим доступ : <http://politnauka.org/library/dem/lintz.php> (дата обращения 30.01.2018)
206. Лиштованный Е. И. Буддийское учение о Чакравартинах как правовое обоснование государственной независимости и суверенитета Монголии / Е. И. Лиштованный // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Вып. 2а : Право. – С. 56-63.
207. Лиштованный Е. И. От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии / Е. И. Лиштованный. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2007. – 195 с.
208. Лиштованный Е. И. Политические процессы в Монголии в конце XX века: начало монгольской перестройки / Е. И. Лиштованный // Известия Иркутского госуниверситета. Серия : Политология. Религиоведение. – 2007. – Вып. 1. – С. 55-76.

209. Лузянин С. Г. Россия, Монголия, Китай в первой половине XX в. / С. Г. Лузянин. – Москва : Изд-во Института Дальнего Востока РАН, 2003. – 320 с.
210. Лузянин С. Г. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов / С. Г. Лузянин // Китай в мировой политике. – Москва : МГИМО, 2001. – С. 317-335.
211. Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004 – 2008 гг.) / С. Г. Лузянин. – Москва : АСТ ; «Восток – Запад», 2007. – 448 с.
212. Майский И. М. Монголия накануне революции / И. М. Майский. – Москва : Восточная литература, 1959. – 309 с.
213. Макаренко Б. И. Демократический транзит в России / Б. И. Макаренко // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 11. – С. 44-58.
214. Макаренко Б. И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации / Б. И. Макаренко // Политика. – 2008. – № 3 (50). – С. 105-124.
215. Маркович Д. Ж. Противоречия транзиции постсоциалистических обществ / Д. Ж. Маркович // Социс. – 2006. – № 9. – С. 21-27.
216. Мартьянов В. С. Конец транзитологии: что дальше? Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и новых независимых государствах / В. С. Мартьянов // Материалы второй международной научной конференции. – Екатеринбург, 2004. – С. 31-44.
217. Мельвиль А. Ю. Россия в мировых рейтингах: перезагрузка / А. Ю. Мельвиль // Эксперт. – 2006. – № 43 (537). – С. 24-39.
218. Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты // Политология: Лексикон / А. Ю. Мельвиль ; под ред. А. И. Соловьева. – Москва : РОССПЭН, 2007. – С. 123-134.
219. Миллер А. Центральная Европа: история концепта / А. Миллер // Полис. – 1996. – № 4. – С. 119-122.
220. Митрофанов А. В. Шаги новой геополитики / А. В. Митрофанов. – Москва : Русский вестник, 1997. – 277 с.
221. Мозель Т. Н. Теоретические основы международных отношений / Т. Н. Мозель. – Москва : Дипломатическая академия МИД РФ, 2000. – 263 с.
222. Мчедлова М. М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности / М. М. Мчедлова // Социс. – 2016. – № 10. – С. 110-118.
223. Мясников В. С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв.) / В. С. Мясников. – Хабаровск, 1997. – 543 с.

224. Надиров Ш. Г. Юмжагийн Цеденбал: 1984 год / Ш. Г. Надиров. – Москва : Восточная литература, 1994. – 188 с.
225. Надиров Ш. Г. Приверженец идеи ненасилия / Ш. Г. Надиров // IX международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8-12 августа 2006 года) : доклады российских ученых. – Москва : ИВ РАН, 2006. – С. 118-125.
226. Надиров Ш. Г. Горбачев и Батмунх: политика «перестройки и обновления» и ее последствия / Ш. Г. Надиров // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций : материалы международной научной конференции, Звенигород, 2-5 июня 2001 года. – Москва : ИВ РАН, 2002. – С. 124-125.
227. Национальная политика России: история и современность / под ред. В. А. Михайлова, Р. Г. Абдулатипова, В. А. Тишкова. – Москва : Русский мир, 1997. – 678 с.
228. Неймарк М. А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля / М. А. Неймарк // Обозреватель-Observer. – 2016. – № 1. – С. 31-42.
229. Неймарк М. А. «Умная сила»: к перспективам в мировой политике / М. А. Неймарк // Обозреватель-Observer. – 2016. – № 2. – С. 67-77.
230. Никитаев В. Повестка дня для России: власть, политика, демократия / В. Никитаев // Логос. – 2004. – № 2 (42). – С. 91-112.
231. Никула Й. Теория зависимости от траектории развития и постсоциалистический подход / Й. Никула // Мир России. – 2005. – № 1. – С. 135-137.
232. Пантич Д. Изменения ценностей и развитие демократии в трансформирующихся странах / Д. Пантич // Процессы демократизации в Восточной Европе : материалы международной научной конференции, 2-8 июня 1999 г. Улан-Удэ. – Москва ; Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 12-34.
233. Папава В. О терминологическом аспекте постсоциалистической трансформации / В. О. Папава // Общество и экономика. – 2005. – № 7. – С. 54-56.
234. Плешаков К. Гео-идеологическая парадигма (взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений СССР, США и КНР в континентальной Восточной Азии) / К. Плешаков. – Москва : РФФ, 1994. – 108 с.
235. Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен / К. Плешаков // Международная жизнь. – 1994. – № 10. – С. 30-40.
236. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – Москва : Изд-во МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.

237. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. – Москва : Восток-Запад, 2007. – 829 с.
238. Поппе Н. Н. Халха-монгольский героический эпос / Н. Н. Поппе. – Москва, 1937. – 127 с.
239. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Первое путешествие в Центральной Азии 1870-1873 гг. / Н. М. Пржевальский. – Москва : ОГИЗ, 1946. – 153 с.
240. Пурэвдорж Ч. Монголо-российское военное сотрудничество: уроки и перспективы / Ч. Пурэвдорж // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности : сборник статей. – Москва : РИСИ, 1998. – С. 49-62.
241. Пшеворский А. Демократия и рынок / А. Пшеворский. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 320 с.
242. Пшизова С. Н. Политика как бизнес: российская версия / С. Н. Пшизова // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 2. – С. 109-123.
243. Родионов В. А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века / В. А. Родионов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 228 с.
244. Родионов В. А. Монголия, которую мы не знали / В. А. Родионов // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 4 (124). – С. 185-189.
245. Родионов В. А. Монголия и ШОС: сотрудничество на расстоянии / В. А. Родионов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108). – С. 244-250.
246. Родионов В. А. Президентская власть в политической системе Монголии / В. А. Родионов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Вып. 6а: Философия, социология, политология, культурология. – С. 223-227.
247. Родионов В. А. Национальная безопасность Монголии в контексте отношений с Россией / В. А. Родионов // Власть. – 2013. – № 2. – С. 137-140.
248. Родионов В. А. Демократия как внешнеполитический ресурс: случай Монголии / В. А. Родионов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – Вып. 8: Востоковедение. – С. 96-100.
249. Родионов В. А. Политическая трансформация Монголии в социалистический период: от традиции к модерну / В. А. Родионов // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 17. – С. 142-147.
250. Родионов В. А. Политический процесс в постсоциалистической Монголии: формальные институты и неформальные практики / В. А. Родионов // Власть. – 2015. – № 2. – С. 76-81.

251. Родионов В. А. Монголия в конце 1980-х гг.: начало постсоциалистической трансформации / В. А. Родионов // Власть. – 2016. – № 5. – С. 156-160.
252. Родионов В. А. Монголия на рубеже XX-XXI вв.: случай постсоциалистической трансформации / В. А. Родионов // Вестник Института социологии. – 2016. – № 3(18). – С. 138-159.
253. Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / отв. ред. Е. В. Бойкова, О. Батсайхан. – Москва ; Улан-Батор : ИВ РАН, 2011. – 437 с.
254. Россия и Польша: два примера политической трансформации // Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю. С. Оганисьян. – Москва : РОССПЭН, 2011. – С. 208-227.
255. Рязановский В. А. Является монгольское право обычным? Влияние Китая в прошлом Монголии / В. А. Рязановский. – Харбин, 1932. – 301 с.
256. Сабилов Р. Т. Возрождение буддизма в Монголии / Р. Т. Сабилов // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 8. – С. 68-71.
257. Сабилов Р. Т. Между прошлым и будущим: процессы трансформации в Монголии в 1990-е – начале 2000 гг. / Р. Т. Сабилов // Позиции России в АТР. – Москва, 2007. – С. 227-241.
258. Селингмен Б. Основные течения современной экономической мысли / Б. Селингмен. – Москва : Прогресс, 1968. – 600 с.
259. Системная история международных отношений : в 4 томах / под ред. А. Д. Богатурова. – Москва : НОФМО, 2003. – Т. 3 : 1918-2003. – 720 с.
260. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Дж. Скотт. – Москва : Университетская книга, 2005. – 576 с.
261. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана / Т. Д. Скрынникова. – Москва : Восточная литература, 1997. – 214 с.
262. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголии XVI – начала XX века / Т. Д. Скрынникова. – Новосибирск : Наука, 1988. – 102 с.
263. Современные российско-монгольские отношения: модели и сценарии / отв. ред. В. А. Родионов. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2013. – 248 с.
264. Степанов Е. Д. Пограничная политика КНР / Е. Д. Степанов // Китай в мировой политике. – Москва : МГИМО, 2001. – С. 144-171.
265. Тарасов И. Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: сравнительный анализ : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / И. Н. Тарасов. – Саратов. 2009. – 483 с.

266. Тарасов И. Н. Европейское единство: испытание востоком / И. Н. Тарасов // Международные процессы. – 2007. – Т. 5, № 1. – С. 70-81.
267. Терентьев В. И. Национализм по-монгольски: истоки межэтнической напряженности в современной Монголии / В. И. Терентьев // Археология, этнология и антропология в АТР. – Владивосток : Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2013. – С. 363-365.
268. Терентьев В. И. Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов / В. И. Терентьев // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 406. – С. 152-157.
269. Тумэн Б. Новая внешнеэкономическая политика Монголии / Б. Тумэн // Монголия: трудный путь к рынку : сборник научных статей. – Москва : ИМЭПИ РАН, 1994. – С. 53-66.
270. Улымжиев Д. Б. Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов / Д. Б. Улымжиев. – Улан-Удэ, 1961. – 119 с.
271. Усиевич М. Венгрия: десятилетие реформ [Электронный ресурс] / М. Усиевич. – Режим доступа : <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/7.htm> (дата обращения 30.01.2018)
272. Хазанов А. Кочевники и внешний мир / А. Хазанов. – 3-е изд., доп. – Алматы : Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.
273. Хатанболд О. Понятия и представления монголов о демократии: изменения и отношения / О. Хатанболд // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 8(1): Востоковедение. – С. 205-211.
274. Фарберов Н. П. Государственное право стран народной демократии / Н. П. Фарберов. – Москва : Госиздат, 1949. – 571 с.
275. Цибиков Б. Д. Цыбен Жамцарано / Б. Д. Цибиков, Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 40 с.
276. Цэрэндорж Т. Монгольский мастер-класс партстроительства [Электронный ресурс] / Т. Цэрэндорж. – Режим доступа : http://expert.ru/ratings/table_58251/ (дата обращения 30.01.2018)
277. Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества / Ц. Цэцэнбилэг. – Улаанбаатар, 2002. – 198 с.
278. Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / Р. Х. Чилкот. – Москва : ИНФРА-М ; Изд-во «Весь мир» 2001. – 559 с.
279. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия / Ш. Б. Чимитдоржиев. – Москва : Наука, 1987. – 233 с.
280. Шимов Я. Пир побежденных. Современная демократия как путь к катастрофе / Я. Шимов // Логос. – 2003. – № 4-5 (39). – С. 65-81.

281. Ширендыб Б. Минуя капитализм / Б. Ширендыб. – Улан-Батор : Гос. изд-во МНР, 1967. – 176 с.
282. Шмыт З. Нация и этничность в Монголии / З. Шмыт // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 5. – С. 58-70.
283. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер. – Москва : Экономика, 1995. – 540 с.
284. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. – Улан-Удэ, 1998. – 255 с.
285. Эрдэнэбат Б. Характер и тенденции развития военных отношений Монголии с зарубежными странами в условиях новой геополитической обстановки / Б. Эрдэнэбат // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности : сборник статей. – Москва : РИСИ, 1998. – С.79-90.
286. Эрдэнэдалай Б. Скудное регулирование политических финансов [Электронный ресурс] / Б. Эрдэнэдалай. – Режим доступа : <http://mongolnow.com/politis-finance.html> (дата обращения 30.01.2018)
287. Яжборовская И. С. Глобализация и опыт системной трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / И. С. Яжборовская. – Москва : Academic, 2008. – 378 с.
288. Янгулова Л. В. Все еще постсоциализм? / Л. В. Янгулова // Социс. – 2013. – № 11. – С. 157-158.
289. Яскина Г. С. Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы / Г. С. Яскина. – Москва : АПК РАН, 1994. – 364 с.
290. Яскина Г. С. Модернизация производительных сил и экономическая реформа в Монголии / Г. С. Яскина. – Москва, 1994. – 52 с.
291. Яскина Г. С. Жизненный уровень населения в период реформы / Г. С. Яскина // Монголия: трудный путь к рынку : сборник статей. – Москва : ИМЕПИ РАН, 1994. – С. 30-40.
292. Яскина Г. С. Политические реформы в современной Монголии / Г. С. Яскина // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 5. – С. 43-51.
293. Яскина Г. С. Монголия и внешний мир / Г. С. Яскина. – Москва : ИВ РАН, 2002. – 370 с.
294. Яскина Г. С. Политические процессы в Азии: опыт демократизации / Г. С. Яскина. – Москва : ИВ РАН, 2010. – Ч. 1. – 364 с.
295. Алтангэрэл Ж. Улс төрийн халуун өдрүүдийн тэмдэглэл: миний сурвалжилсан үеийн парламент (Горячие политические дни: мой идельный парламент) / Ж. Алтангэрэл. – Улаанбатар, 2010. – 231 х.
296. Алтанцэцэг Н. 90-ээд оноос хойшхи Үеийн Орос-Монгол, Хятад-Монголын харилцаа (Российско-монгольские и китайско-монгольские отношения с начала 1990-х гг.) / Н. Алтанцэцэг // Олон улсын харилцаа. – 2002. – № 2. – Х. 93-95.

297. Амарсанаа С. Ардчилалд хөл тавьсан 10 жил (10 лет на пути к демократии) / С. Амарсанаа. – Улаанбаатар, 2016. – 183 х.
298. Анхны ардчилсан сонгууль (Первые демократические выборы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sonin.mn/news/politics-economy/40692> (дата обращения 30.01.2018)
299. Ардчилсан засаглалын төлөв байдалд гарсан өөрчлөлт 2007-2008 (Изменение ситуации в системе демократического управления 2007-2008 гг.) / ред. Г. Чулуунбаатар. – Улаанбаатар : Философи, социологи, эрхийн хүрэлээн ШУА, 2008. – 132 х.
300. Атар Ю. Ардчилалын тогтолцоонд шилжих үеийн (Период движения к демократической системе) / Ю. Атар. – Улаанбаатар, 2001. – 146 х.
301. Баабар. Бүү март! Мартвал сөнөнө (Не забывай! Забудешь - погибнешь). – Улаанбаатар, 1990. – 115 х.
302. Баркман У. Монгол улсын шилжилтийн үеийн улс төрийн элитийн тухай (УИХ дахь МАХН-ын бүлгийн гишүүдийн жишгээр. 1992-2005 (О политической элите Монголии переходного периода (на примере членов МНРП в ВГХ. 1992-2005 гг.)) / У. Баркман // Mongolica. – 2006. – Vol. 18(39). – P. 105-111.
303. Баркман У. Ардчиллын үлгэр жишээ мөн үү? (Это ли пример демократии?) [Электронный ресурс] / У. Баркман. – Режим доступа : <http://politics.news.mn/content/231631.shtml> (дата обращения 30.01.2018)
304. Бат-Очир Л. Чойбалсан / Л. Бат-Очир. – Улаанбаатар, 1996. – 211 х.
305. Батсайхан О. Монгол улсын хөгжлийн замд учирсан ээдрээ. 1911-1932 (Препятствия на пути развития Монголии в 1921-1932 гг.) / О. Батсайхан. – Улаанбаатар, 1997. – 318 х.
306. Болдбаатар Ж. Монголын ойрхи түүхийн зангилаа асуудал (Проблема исторических узлов Монголии) / Ж. Болдбаатар // ХХ зууны Монголын түүхийн зарим асуудал. – Улаанбаатар, 1999. – Х. 3-16.
307. Болдбаатар Ж. Шинэчлэлийн төлөө хөдөлгөөн, түүний хувь заяа (Движение за обновление и его судьба) / Ж. Болдбаатар, Ч. Дашдаваа. – Улаанбаатар, 2005. – 156 х.
308. Болормаа Л. Баруун Цанхийн хэлэлцээрийн явц (Ход переговоров по поводу Баруун Цанхи) / Л. Болормаа // The Mongolian Mining Journal. – 2012. – № 2. – P. 2-3.

309. Ганбат Д. ХХ зууны ардчиллын хөгжил ба Монгол Улс (Монголия и развитие демократии ХХ века) / Д. Ганбат // Шинэ толь. 2007. – № 1 (58). – Х. 5-17.
310. Даваадаш Ч. Монголын нийгмийн шилжилтийн зарим онцлог, ээдрээ (Некоторые особенности и противоречия социального перехода Монголии) / Ч. Даваадаш. – Улаанбаатар, 2014. – 263 х.
311. Дамдинсүрэн С. Монгол-Оросын харилцааны шинэ үе шат (Монголо-российские отношения на новом этапе) / С. Дамдинсүрэн // Монгол-Оросын харилцаа. Бүсчилсэн хөгжлийн бодлого, хамтын ажиллагаа. – Улаанбаатар, 2005. – Х. 5-9.
312. Дашдаваа Ч. Улаан түүх. Коминтерн ба Монгол (Красная история. Коминтерн и Монголия) / Ч. Дашдаваа. – Улаанбаатар, 1993. – 304 х.
313. Жамбал А. Улс төрийн сургаалийн түүх (История политических учений) / А. Жамбал. – Улаанбаатар, 2001. – 154 х.
314. Жейми Мэтзл: Ардчилалд эргэлзэж эхэлсэн нь Монголд л хохиролтой (Джейми Метзл: Для Монголии будет хуже, если она усомнится в демократии) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.itoim.mn/index.php/site/news/629> (дата обращения 30.01.2018)
315. Железняков А. С. Социологийн судалгааны дүн. (Результаты социологического исследования) / А. С. Железняков // Умард хөрш. – 2007. – № 11. – С. 6-7.
316. Ислам Х. Түмэн жил үл мартагдах түүхэн гавьяаг нь түүхчийн нүдээр эрэгцүүлбэл (Незабываемая историческая заслуга глазами историка) [Электронный ресурс] / Х. Ислам. – Режим доступа : <http://www.shuurhai.mn/125328> (дата обращения 30.01.2018)
317. Лигдэн Б. Монголын ардчилал ба миний үзэл, хандлага (Монгольская демократия и мои мысли и взгляды) / Б. Лигдэн. – Улаанбаатар, 2000. – 52 х.
318. Монголын ардчиллын төлөвшил (Основы монгольской демократии) / ред. Г. Чулуунбаатар. – Улаанбаатар, 2011. – 224 х.
319. Мягмар Д. Монголын ардчилал ба цэрэг армийн тухай бодол (Монгольская демократия и мысли об армии) / Д. Мягмар. – Улаанбаатар, 1997. – 163 х.
320. Наран Э. Хятад, Монголын нам хоорондын харилцааны хөгжил (Развитие взаимоотношений между монгольской и китайской партиями) / Э. Наран // Олон улс судлал. – Улан-Батор, 2009. – №3-4. – Х. 95-96.
321. Нарангэрэл С. Эрх зүй судлалын удиртгал (Введение в правовые исследования) / С. Нарангэрэл, Н. Лүндэндорж. – Улаанбаатар, 2002. – 211 х.

322. Нийгмийн өөрчлөлт Монголт (Общественные перемены в Монголии). – Улаанбаатар : Ин-т философии, социологии и права АН Монголии, 2013. – 315 х.
323. Ням-Осор Н. Миний мэдэх Чингисийн Монгол (Мои знания о Монголии Чингиса) / Н. Ням-Осор. – Улаанбаатар : Өнгөт хэвлэл, 1997. – 339 х.
324. Олзвой Х. Ж. Бейкерийн айлчлал хийгээд «гуравдахь түнш»-ийн асуудалд (Визит Дж. Бейкера и вопрос о «третьем соседе») / Х. Олзвой // Олон улсын харилцаа. – 2002. – № 1. – Х. 166-168.
325. Очирбат П. Монгол улсын ерөнхийлөгчийн үндсэн хуулийн бүрэн эрх анхны зам мөр (Конституционные полномочия президента Монголии) / П. Очирбат. – Улаанбаатар: Адмон, 2001. – 162 х.
326. Оюунчимэг Т. Миний хүссэн ардчилал биш... (Не такую демократию я хотела...) / Т. Оюунчимэг. – Улаанбаатар : Адмон, 2011. – 223 х.
327. Өлзийсайхан Д. Ардчилал: сэхээтний нийгмийн төлөв (Демократия: общественная позиция интеллигенции) / Д. Өлзийсайхан. – Улаанбаатар, 2004. – 225 х.
328. Солонго Ч. Манай улсыг байнгын төвийг сахих статустай болгох нь хэнд ашигтай вэ? (Кому выгоден постоянный нейтралитет Монголии?) [Электронный ресурс] / Ч. Солонго. – Режим доступа : <http://www.bolor.info/policy-and-economica-in-our-life/37-our-present-a-future/419-2015-12-18-12-34-32> (дата обращения 30.01.2018)
329. Сүхбаатар Д. Монголын бурханы шашны сэргэлт (Возрождение монгольского буддизма) [Электронный ресурс] / Д. Сүхбаатар // News.mn : информационно-новостной интернет-портал. – Режим доступа : <http://www.news.mn/content/62057.shtml> (дата обращения 30.01.2018)
330. Туяа Ш. Нутгийн зөвлөл ба улс төрийн албан бус хүч (Местные советы и неформальные политические институты) [Электронный ресурс] / Ш. Туяа. – Режим доступа : <http://blogs.ucl.ac.uk/mongolian-economy/2015/12/18/нутгийн-зөвлөл-ба-албан-бус-улс-төрийн/> (дата обращения 30.01.2018)
331. Хангал М. Харийн шашин оюуны соёлыг устгаж байна (Иностранные религии уничтожают культуру) [Электронный ресурс] / М. Хангал. – Режим доступа : <http://www.olloo.mn/modules.php?name=News&file=article&sid=1161048> (дата обращения 10.06.2015)
332. Хатанболд О. Ардчилал судлал: онол, аргай зүй (Исследования демократии: теория и методика) / О. Хатанболд. – Улаанбаатар :

- Монгол улсын шинжлэх ухааны академи Философийн хүрээлэн, 2017. – 179 х.
333. Хатанболд О. Ардчиллыг ойлгохуй ба судлахуй: Монголын жишээн дээр (Исследования и интерпретации демократии: на примере Монголии) / О. Хатанболд. – Улаанбаатар : Монгол улсын шинжлэх ухааны академи Философийн хүрээлэн, 2017. – 170 х.
334. Цанжид А. Улс төрийн шинжлэх ухаан (Политическая наука) / А. Цанжид. – Улаанбаатар, 1997. – 176 х.
335. Цацрал Г. Особенности формирования партий и партийных систем России и Монголии в условиях политической трансформации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Г. Цацрал. – Москва, 2006. – 46 с.
336. Цэдэндамба С. Монгол улс дахь шашины нөхцөл байдал (XX-XXI зууны зааг үе) (Религиозная ситуация в Монголии (рубеж XX-XXI вв.)) / С. Цэдэндамба. – Улаанбаатар, 2003. – 129 х.
337. Чулуунбаатар Г. XX, XXI зууны зааг үеийн Монголын улс төрийн өөрчлөлт, ардчиллын хөгжил (Политические изменения Монголии на рубеже XX-XXI вв. и демократическое развитие) / Г. Чулуунбаатар. – Улаанбаатар, 2009. – 294 х.
338. Шүрхүү Д. Монгол ундэсний эрх чолооний хувьсгал ба Хятад, Тайваний туух бичлэг дэх зарим асуудал (Монгольская национально-освободительная революция и некоторые вопросы исторических работ Китая и Тайваня) / Д. Шүрхүү // Олон улс судлал. – 2011. – № 4. – Х. 83-90.
339. Шүрхүү Д. Өнөөдрийн Орос, Хятад хоёр 20 жилийн дараа баталгаатай найзууд байх уу? (Останутся ли сегодняшние Россия и Китая нашими друзьями через 20 лет?) [Электронный ресурс] / Д. Шүрхүү. – Режим доступа : <https://dnn.mn/д-шүрхүү-өнөөдрийн-орос-хятад-хоёр-20-жилийн-дараа-баталгаатай-найзууд-байх-уу/> (дата обращения 30.01.2018)
340. Adiyasuren J. “Three Neighbors” Initiative in the Scope of Mongolia’s Multi-Pillar Foreign Policy / J. Adiyasuren. – Ulaanbaatar : The Institute for Strategic Studies. – 2013. – № 35. – P. 4-17.
341. Almond G. The Civic Culture / G. Almond, S. Verba. – Boston, MA : Little, Brown and Company, 1965. – 213 p.
342. Aslund A. Post-Communist Economic Revolution: How Big a Bang? / A. Aslund // Creating the Post-Communist Order. – 1992. – №8. – P. 503-525.
343. Atwood C. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire / C. Atwood. – Bloomington : University of Indiana, 2004. – 678 p.

344. Batbayar Ts. Mongolia in 1992: back to one-party rule / Ts. Batbayar // Asian Survey. – 1993. – Vol.33, №1. – P. 61-66.
345. Batbayar Ts. Mongolia's Foreign Policy at the Beginning of XX Century: New Identity and New Challenges / Ts. Batbayar // RSIM. – 2002. – № 17. – P. 198-204.
346. Batbayar Ts. Modern Mongolia: A Concise History / Ts. Batbayar, S. Soni. – New Delhi : Pentagon Press, 2007. – 121 p.
347. Batbayar Ts. The Third Neighbor Policy and Australia / Ts. Batbayar // The Mongolian Journal of International Affairs. – Ulaanbaatar, 2014. – Vol.19. – P. 3-12.
348. Batchimeg M. Mongolian Economic Background and Political Destiny / M. Batchimeg // Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion / ed. by Bruce M. Knauft, Richard Tauper. – Ulaanbaatar : Admon Press, 2012. – P. 53-60.
349. Bedeski R. Mongolia as a Modern Sovereign Nation-State / R. Bedeski // Mongolian Journal of International Affairs. – 2006. – №13. – P. 77-87.
350. Belka L. Institution of Mongolian (Khalkha) Jibzundamba Khutugtu: religion and politics on the threshold of the 21st century / L. Belka // ПЯТЫЕ торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока, 6-9 февраля 2008 г. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 127-147.
351. Bille F. Sinophobia. Anxiety, Violence, and the Making of Mongolian Identity/ F. Bille. – Honolulu : University of Hawaii Press, 2015. – 272 p.
352. Blokker P. Post-communist modernization, transit studies and diversity in Europe / P. Blokker // European Journal of Social theory. 200 Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World / ed. by M. Burawoy, K. Verdery. – New York : Rowman & Littlefield, 1999. – P. 503-525.
353. Blondel J. Dual leadership in the contemporary world / J. Blondel // Parliamentary versus presidential government / A. Lijphart (ed.). – Oxford : Oxford Univ. press, 1992. – 209 p.
354. Bonstein J. Majority of East Germans Feel Life Better under Communism / J. Bonstein // Der Spiegel International. – 2009. – July 3. – P. 11.
355. Boone P. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia / P. Boone // Journal of Comparative Economics. – 1994. – №18. – P. 329-356.
356. Brandtstädter S. Transitional Spaces: Postsocialism as a Cultural Process / S. Brandtstädter // Critique of Anthropology. – 2007. – Vol. 27. – P. 131-145.
357. Bulag U. Natsionalism and Hybridity in Mongolia / U. Bulag. – Oxford : Clarendon Press, 1998. – 302 p.

358. Bulag U. Some diverse representations of the Pan-Mongolian Movement in Dauria / U. Bulag, C. Humphrey // *Inner Asia*. – 1996. – № 1. – P. 1-23.
359. Bumochir D. Mongolia / D. Bumochir // *Routledge Handbook of Civil Society in Asia* / ed. by A. Ogawa. – London ; New York : Routledge Taylor and Francis Group, 2017. – 552 p.
360. Burawoy M. Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism / M. Burawoy // *East European Politics and Society*. – 2001. – Vol. 15, issue 2. – P. 865-892.
361. Burkhart R. Comparative Democracy: the Economic Development Thesis / R. Burkhart, M. Lewis-Beck // *American Political Science Review*. – 1994. – December. – P. 903-910.
362. Byambadorj B. Mongolia swimming in mineral resources, but are we happy? [Electronic resource] / B. Byambadorj. – URL : <http://ubpost.mongolnews.mn/index.php/2011-07-24-01-47-35/88888945-opiniontop/7099-mongolia-swimming-in-mineral-resources-but-are-we-happy> (дата посещения 30.01.2018)
363. Byambajav D. NGOS in Mongolia: a Crucial factor in Mongolian Society and Politics / D. Byambajav // *The Mongolian Journal of International Affairs*. – 2006. – №13. – P. 132-146.
364. Campi A. Mongolia in Northeast Asia – the New Realities / A. Campi // *Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries*. – Taiwan : Chinese Culture University, 2004. – P. 268-287.
365. Campi A. US policy towards Mongolia since diplomatic recognition in 1987 / A. Campi. – New Delhi, 2007. – 233 p.
366. Campi A. Transforming Mongolia-Russia-China Relations: The Dushanbe Trilateral Summit [Electronic resource] // *The Asia-Pacific Journal*. – 2014. – Vol.12, issue 44. – URL : <http://apjif.org/2014/12/45/Alicia-Campi/4210.html> (дата посещения 30.01.2018)
367. *The Changing Geopolitics of Eastern Europe* / ed. A. Dawson, R. Fawn. – London ; New York : Routledge, 2001. – 184 p.
368. Cheibub J. Government coalitions and legislative effectiveness under presidentialism and parliamentarism / J. Cheibub, A. Przeworski, S. Saiegh // *British journal of political science*. – 2004. – Vol.34, №4. – P. 565-587.
369. Chingis G. Some powerful local groups in Mongolia / G. Chingis // *Ulaanbaatar Post*. – 2010. – November 16. – P. 5.
370. Choikhand J. Economic and political liberalization in Mongolia / J. Choikhand // *The Mongolian journal of international affairs*. – 2006. – №13. – P. 119-131.

371. Chuluunbaatar G. Problems of the Contemporary Socio-Political Transformation in Mongolia / G. Chuluunbaatar. – Ulaanbaatar : Institute Philosophy, Sociology and Law Mongolian Academy of Sciences, 2009. – 112 p.
372. Dashpurev D. Reign of Political Terror and Repression in Mongolia. 1920-1990 / D. Dashpurev. – Charleston, SC, 2014. – 189 p.
373. Davies R.W. Soviet History in the Gorbachev Revolution / R. W. Davies. – Bloomington : Indiana University Press, 1989. – 232 p.
374. Delaplace G. Chinese Ghosts in Mongolia / G. Delaplace // Inner Asia. – 2010. – № 12. – P. 127-142.
375. Delaplace G. Parasitic Chinese, Vengeful Russians: Ghosts, Strangers and Reciprocity in Mongolia / G. Delaplace // Journal of the Royal Anthropological Institute. – 2012. – №18. – P. 131-144.
376. Diamond L. Economic Development and Democracy Reconsidered / L. Diamond // American Behavioral Scientist. – 1992. – March/June. – P. 450-499.
377. Diamond L. Promoting Democracy in the 1990s. Actors and instruments, Issues and Imperatives / L. Diamond // A report to the Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. – New York, 1995. – P. 9-11.
378. Elster J. When Communism Dissolves / J. Elster // London Preview of Books. – 1990. – Jan.24.
379. Enkhsaikhan J. Mongolia's Non-nuclear Status – An Important Element of Foreign Policy / J. Enkhsaikhan // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2006. – №13. – P. 13-25.
380. Fish S. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution / S. Fish. – Princeton : Princeton University Press, 1996. – 312 p.
381. Fish S. Mongolia: democracy without prerequisites / S. Fish // Journal of democracy. – 1998. – Vol.9, №3. – P. 127-141.
382. Fish S. The Inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective // Communist and Post-Communist Studies. – 2001. №34. – P. 323-338.
383. Fish M. Stronger Legislatures, Stronger Democracies / M. Fish // Journal of Democracy. – 2006. – Vol.17, №1. – P. 5-20.
384. Fritz V. Mongolia: Dependent Democratization / V. Fritz // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 2002. – Vol. 18, № 4. – P. 75-100.
385. Gagy A. Why don't East European movements address inequalities the way West European movements do? A review essay on the availability of movement-relevant research / A. Gagy // Interface : a journal for and about social movements. – 2015. – Vol.7 (2), November. – P. 15-26.

386. Ginsburg T. Political Reform in Mongolia. Between Russia and China / T. Ginsburg // *Asian Survey*. – 1995. – Vol.35, №5. – P. 243-267.
387. Ginsburg T. Mongolia in 1996: fighting fire and ice / T. Ginsburg // *Asian Survey*. – 1997. – Vol. 37, №1. – P. 60-64.
388. Ginsburg T. Nationalism, Elites and Mongolian Rapid Transformation / T. Ginsburg // *Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolite* / ed. by S. Kotkin, B. Elleman. – New York ; London, 1999. – P. 243-267.
389. Grzymala-Busse A. Informal Institutions and the Postcommunist States / A. Grzymala-Busse. – Washington, D.C. 2006. – 29 p.
390. Hellman J. The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition / J. Hellman // *World Politics*. – 1998. – № 50. – P. 203-234.
391. Informality in Eastern Europe. Structures, Political Cultures and Social Practices, Interdisciplinary Studies on Central and Eastern Europe / ed. by C. Giordano, N. Hayoz and J. Herlth. – Berlin : Peter Lang, AG, 2013. – 490 p.
392. International conference on Chinggis Khaan studies held [Electronic resource]. – URL : <https://www.news.mn/content/print/97000> (дата посещения 30.01.2018)
393. Jackson S. Resource extraction and national anxieties: China's economic presence in Mongolia / S. Jackson, D. Dear // *Eurasian geography and economics*. – 2016. – Vol. 57. – P. 343-373.
394. Jahn G. In Romania, Turmoil Fuels Nostalgia for Communism / G. Jahn // *Washington Post*. – 2011. – January 11. – P. 7.
395. Jargalsaikhan M. Lingering anti-Sinic sentiments in post-Communist Mongolia: why dislike the Chinese? / M. Jargalsaikhan // *Voices from Central Asia*. – 2015. – №19 (January). – P. 1-15.
396. Jasiewicz K. The political-party landscape / K. Jasiewicz // *Journal of Democracy*. – 2007. – Vol.18, №4. – P. 26-33.
397. Jowitt K. *New World Disorder. The Leninist Extinction* / K. Jowitt. – Los Angeles ; London : University of California Press, 1992. – 342 p.
398. Junhan Lee. Primary Causes of Asian Democratization: Dispelling Conventional Myths / L. Junhan // *Asian Survey*. – 2002. – Vol.42, № 6. – P. 821-837.
399. Kaplonski C. Creating national identity in socialist Mongolia / C. Kaplonski // *Central Asian Survey*. – 1998. – Vol.17, №1. – P. 35-49.
400. Kaplonski K. *Thirty Thousand Bullets. Remembering Political Repression in Mongolia* / K. Kaplonski // *Historical Injustice and Democratic Transition in East Asia and Northern Europe: Ghosts at the Table of Democracy*. – London : Routledge Curzon, 2002. – P. 155-168.

401. Kaplonski C. Truth, history and politics in Mongolia. The memory of heroes / C. Kaplonski. – London ; New York : Routledge Curzon, 2004. – 233 p.
402. Kaplonski C. Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia / C. Kaplonski // *American Ethnologist*. – 2008. – Vol.35, issue 2. – P. 321-337.
403. Katz R. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: the Emergence of the Cartel Party / R. Katz, P. Mair // *Party Politics*. – 1995. – Vol.1, № 1. – P. 5-22.
404. Khazanov A. M. What Went Wrong? Post-Communist Transformations in Comparative Perspective / A. M. Khazanov // *Restructuring Post-Communist Russia* / ed. by Brudny Y. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – P. 21-51.
405. Knauff B. Mongolians before, during, and after Socialism: Analytic Overview and Policy Implications / B. Knauff // *Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion* / ed. by Bruce M. Knauff, Richard Tauper. – Ulaanbaatar : Admon Press, 2012. – P. 3-17.
406. Kolodko G. W. Ten Years of Postsocialist Transition: Lessons for Policy Reforms / G. Kolodko. – Washington : The World Bank Development Economics Research Group, 1999. – April. – 29 p.
407. Koneska C. Europe' and The Post-Communist Public Discourse in Bulgaria / C. Koneska, C. Tanasoiu // *Romanian Journal of Political Science*. – 2008. № 8. – P. 3-17.
408. Krastev I. The strange death of the liberal consensus // *Journal of Democracy*. – 2007. – Vol.18, № 4. – P. 56-63.
409. Kundera M. The Tragedy of Central Europe / M. Kundera // *The New York review of Books*. – 1984. – April. – P. 1-14.
410. Kuus M. Geopolitics Reframed: Security and Identity in Europe's Eastern Enlargement / M. Kuus. – New York : Palgrave Mcmillan, 2007. – 31 p.
411. Lattimore O. The Geographic Factor in Mongol History / O. Lattimore // *The Geographic Journal*. – 1962. – Vol. XCI, № 11. – P. 241-258.
412. Leahy C. Mongolia's uncertain future. Despite some harsh statistics there are signs of hope in Mongolia / C. Leahy // *Euromoney*. – 2003. – September.
413. Lerner D. The Passing of traditional society: modernizing the Middle East / D. Lerner. – New-York ; London, 1958. – 466 p.
414. Lijphart A. Democratization and Constitutional Choices in Czech-Slovakia, Hungary and Poland in 1989-91 / A. Lijphart // *Journal of Theoretical Politics*. – 1992. – № 4. – P. 207-223.

415. Linz J. J. The perils of presidentialism / J. J. Linz // Journal of democracy. – 1990. – Vol.1, №1. – P. 51-69.
416. Linz J. Problems of Democratic Transition and Consolidation / J. Linz, A. Stepan. – Baltimore ; London : John Hopkins University Press, 1996. – 504 p.
417. Mason D. Public opinion in Poland's transition to market democracy / D. Mason // Social policy, social justice and citizenship in Eastern Europe. – 1992. – P. 191-210.
418. Modern Mongolia: Reclaiming Genghis Khan / ed. by P. Sabloff. – Philadelphia : University of Pennsylvania, 2001. – 122 p.
419. Moller J. Elitist Democracy and the Rise of Populism in East-Central Europe. Has Pareto Been Proved Right? [Electronic resource] / J. Moller . – URL : <http://www.jhubc.it/ecpr-riga/virtualpaperroom/016.pdf> (дата посещения 30.01.2018)
420. Mongolia: Growth, Democracy, and Two Wary Neighbors : an Interview with Alan Wachman [Electronic resource] // The National Bureau of Asian Research (NBR). – 2012. – May 3. – URL : <http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=245> (дата посещения 30.01.2018)
421. Munkh-Erdene L. The transformation of Mongolia's political system: from semi-parliamentary to parliamentary? / L. Munkh-Erdene // Asian Survey. – 2010. – Vol.50, № 2. – P. 311-334.
422. Munkh-Erdene L. Mongolia's Post-Socialist Transition: A Great Neoliberal Transformation / L. Munkh-Erdene // Mongolians After Socialism: Politics, Economy, Religion. – Ulaanbaatar : Admon Press, 2012. – P. 64-66.
423. Munoz W. Informal Institutions and Democracy: Corruption, Clientelism, and Organized Crime in Latin America and Eastern Europe / W. Munoz. – New Orleans : APSA, 2012. – 31 p.
424. Muravchik J. Exporting Democracy: Fulfilling America's Destiny / J. Muravchik. – Washington DC : The American Enterprise Institute Press, 1991. – 259 p.
425. Murphy G. Soviet Mongolia. A Study of the Oldest Political Satellite / G. Murphy. – Berkley : University of California Press, 1966. – 249 p.
426. Namjim T. The Economy of Mongolia: From Traditional Times to the Present / T. Namjim // Occasional Papers of the Mongolia Society / ed. W. Rozycki. – Bloomington : The Mongolia Society, 2000. – P. 59-84.
427. New Institutionalism: Theory and Analysis / ed. by Andre Lecours. – Toronto : University of Toronto Press, 2005. – 380 p.
428. O'Donnell G. Transitions, Continuities and Paradoxes / O'Donnell G. in Scott // Issues in Democratic Consolidation: The New South American

- Democracies in Comparative Perspective / Mainwaring [et al.], eds. – Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1992. – P. 17-56.
429. Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe / C. Offe // *Social Research*. – 1991. – Vol.58, № 4. – P. 501-528.
430. Olzvoy H. Mongolian View on Economic Development and Cooperation in North-East Asia / H. Olzvoy // *The Mongolian Journal of International Affairs*. – Ulaanbaatar, 1996. – № 3. – P. 65-66.
431. Olzvoy Kh. Mongolia and China: Friendship and Friendly Relations Treaties (a Researcher's Analysis) / Kh. Olzvoy // *Алтан аргамж (Золотая сбиря)*. – 2000. – № 1. – P. 52-59.
432. Outhwaite W. Europe at 21: transitions and transformations since 1989 [Electronic resource] / W. Outhwaite // *LEQS Paper*. – 2010. – №18(January). URL : <http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/LEQS%20Discussion%20Paper%20Series/LEQSPaper18b.pdf> (дата посещения 30.01.2018)
433. Pedersen M. Awkward encounters and unexpected intimacies: towards a comparative ethnography of Chinese resource investments in Mongolia / M. Pedersen // *Foruth annual ACMS Conference*. – Ulaanbaatar, 2012. – P. 63-72.
434. *Political Culture and Democracy in Developing Countries* / ed. L. Diamond. – Boulder : Lynne Rienner Publishers, 1993. – 455 p.
435. Przeworski A. *Democracy and The Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America* / A. Przeworski. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – 228 p.
436. Radchenko S. S. *The Soviets' best friends in Asia: the Mongolian Dimension of the Sino-Soviet Split* / S. S. Radchenko. – Woodrow Wilson International Centre for Scholars. – Washington D.C., 2003. – Working Paper №42. – 30 p.
437. Radchenko S. *Mongolian politics in the shadow of the Cold War: the 1964 coup attempt and the Sino-Soviet split* / S. Radchenko // *Journal of Cold War studies*. – 2006. – P. 95-119.
438. Rahul R. *Mongolia between China and Russia* / R. Rahul // *Asian Survey*. – 1978. – № 7. – P. 659-665.
439. Reeves J. *Mongolian State Weakness, Foreign Policy, and Dependency on the People's Republic of China* / J. Reeves. – London : Department of International Relations of the London School of Economics, 2010. – 301 p.
440. Ristei M. *Competing Formal and Informal Institutions in a Democratizing Setting: An Institutional Analysis of Corruption in Romania* / M. Ristei. – Michigan : Western Michigan University Kalamazoo, 2010. – 503 p.

441. Robinson T. W. Modernization and Revolution in Post-Cold War Asia / T. W. Robinson // Problems of Communism. – Jan.-Apr. 1992. – P. 169-175.
442. Rogala J. Polish-Mongolian relations: past, present and future / J. Rogala // Proceedings of the 10th International congress of mongolists. – Vol. IV : Mongolia's external relations and diplomacy. – Ulaanbaatar, 2013. – P.123-125.
443. Rossabi M. China and Inner Asia. From 1368 till Nowadays / M. Rossabi. – New-York : Pica-Press, 1975. – 410 p.
444. Rossabi M. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists / M. Rossabi. – Los Angeles ; London : University of California Press, 2005. – 392 p.
445. Rostow W. W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto / W. W. Rostow. – Cambridge, 1960. – 10 p.
446. Rostow D. Transition to Democracy: Toward a Dynamic Model / D. Rostow // Comparative Politics. – 1970. – April. – P. 337-363.
447. Rosu I. Post-socialist transition: a comparison between Romania and Poland [Electronic resource] / I. Rosu. – URL : <http://www.jhubc.it/ecpr-riga/virtualpaperroom/016.pdf> (дата посещения 30.01.2018)
448. Rozoff R. Mongolia: The Pentagon's Trojan Horse. US-NATO Partner Wedged Between China and Russia [Electronic resource] / R. Rozoff . – URL : www.globalresearch.ca/mongolia-the-pentagon-s-trojan-horse-us-nato-partner-wedged-between-china-and-russia/18423) (дата посещения 30.01.2018)
449. Rupen R. The fiftieth anniversary of the Mongolian People's Republic: 1921-1971 / R. Rupen // Asian Survey. – 1973. – № 5. – P. 467-469.
450. Sabloff P. Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy / P. Sabloff // Central Asian Survey. – 2002. – № 21. – P. 19-36.
451. Sabloff P. Capitalist Democracy among Mongolian Herders: Discourse or Ideology? / P. Sabloff // Social Organization. – 2010. – № 69. – P. 86-96.
452. Sandag S. Poisoned Arrows: The Stalin-Choibalsan Mongolian Massacres, 1921-1941 / S. Sandag, H. Kendall. – Boulder : Westview Press, 2000. – 248 p.
453. Sanders A. Mongolia's New Constitution: Blueprint for Democracy / A. Sanders // Asian Survey. – 1992. – Vol.32, №6. – P. 506-520.
454. Schmitter F. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists / F. Schmitter, T. L. Karl // Slavic review. – 1994. – № 1. – P. 173-185.

455. Severinghaus S. Mongolia in 1994: strengthening democracy / S. Severinghaus // Asian Survey. – 1995. – Vol. 35, № 1. – P. 59-71.
456. Severinghaus S. Mongolia in 2000: The Pendulum Swings Again / S. Severinghaus // Asian Survey. – 2001. – Vol. 41, № 1. – P. 61-70.
457. Shleifer A. Normal countries. The East 25 years after Communism [Electronic resource] / A. Shleifer, D. Treisman // Foreign Affairs. – 2014. – № 6. – URL : <http://www.foreignaffairs.com/articles/142200/andrei-shleifer-and-daniel-treisman/normal-countries> (дата посещения 30.01.2018)
458. Schmücking D. Five Reasons Why Democracy in Mongolia is Working [Electronic resource] / D. Schmücking, J. Adiyasuren. – URL : <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2017/five-factors-in-functioning-democracy/> (дата посещения 30.01.2018)
459. Smith A. The Cultural Foundations of Nations. Hierarchy, Covenant and Republic / A. Smith. – Oxford, England : Blackwell Publishing, 2008. – 245 p.
460. Sneath D. Changing Inner Mongolia: pastoral Mongolian society and the Chinese state / D. Sneath. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 320 p.
461. Snyder J. L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations [Electronic resource] / J. L. Snyder // RAND Report [R-2154-AF]. – Santa Monica, 1977. – Sept. - URL : <https://www.rand.org/pubs/reports/R2154.html> (дата посещения 30.01.2018)
462. Soni S. Evaluating Mongolia's experience of democratization: The Post Soviet Scenario / S. Soni // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2013. – Vol. 18. – P. 30-46.
463. Soni S. Russian policy towards Northeast Asia: The Mongolia factor / S. Soni // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2014. – Vol.19. – P. 34-48.
464. Sorensen G. Democracy and Democratization / G. Sorensen. – San Francisco, Oxford : Westview Press, 1993. – 224 p.
465. Steiner-Khamsi Z. Decentralization and recentralization in Mongolia: tracing the swing of pendulum / Z. Steiner-Khamsi, I. Stolpe // Comparative Education. – 2004. – Vol.40, № 1. – P. 29-53.
466. Szilagyi Z. The Status and Political Role of Mongolian Buddhism after the Political Transformation / Z. Szilagyi // Mongolian Studies in Europe : Proceedings of the conference held on November 24-25, 2008 in Budapest / ed. by A. Birtalan. – Budapest, 2010. – P. 117-127.
467. Szulecki K. A brief green moment: the emergence and decline of the Polish anti-nuclear and environmental movement / K. Szulecki, T.

- Borewicz, J. Walusko // *Interface: a journal for and about social movements*. – 2015. – Vol.7 (2). – P.27-48.
468. Sztompka P. Civilizational Incompetence: The trap of post-communist societies / P. Sztompka // *Zeitschrift fur Soziologie*. – 1993. – April. – P. 85-95.
469. Telford S. To what extent does post-1990 Mongolia pursue an independent foreign policy? [Electronic resource] / S. Telford // *UNISCI discussion papers*. – 2004. – October. – URL : <http://www.ucm.es/data/cont/media/www/pag-72535/Telford.pdf> (дата посещения 30.01.2018)
470. Tismaneanu V. Eastern Europe Since 1989 [Electronic resource] / V. Tismaneanu. – URL : http://www.rferl.org/content/Eastern_Europe_Since_1989/1894552.html (дата посещения 30.01.2018)
471. *Transitions from authoritarian rule: prospects for democracy* / ed. by G. O'Donnel, Ph. Schmitter. – Baltimore : Whitehead, 1986. – P. 9-13.
472. Tumurchuluun G. Mongolia's foreign policy revisited: relations with Russia and the PRC into the 1990s / G. Tumurchuluun // *Mongolia in the Twentieth century. Landlocked cosmopolitan* / ed. by S. Kotkin, B. Elleman. – New York : M.E. Sharpe, 1999. – P. 117-138.
473. Ulambayar D. Mongolia's "Third Neighbor" Policy: Nature and Purpose / D. Ulambayar // *World Affairs (Ulaanbaatar)*. – 2015. – № 2 (31). – P. 112-142.
474. *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World* / ed. by M. Burawoy, K. Verdery. – New York : Rowman & Littlefield, 1999. – 322 pp.
475. Verdery K. *Whither Postsocialism?* / K. Verdery // *Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia* / ed. C. Hann. – London ; New York : Routledge. 2002. – P. 15-31.
476. Wang P. Mongolia's Delicate Balancing Act / P. Wang // *China Security*. – 2009. – Vol.5, No.2. – P. 72-85.
477. Wedel J. *Collision and Collusion: A Strange Case of Western Aid to Eastern Europe* / J. Wedel. – New York : St. Martin's Press, 1998. – 254 p.
478. White B. The Wealth of Parliament Redux: What's It Worth? [Electronic resource] / B. White. – URL : <http://www.themongolist.com/blog/parliament/79-the-wealth-of-parliament-redux.html>
479. Zarycki T. *Ideologies of Eastness in Central and Eastern Europe* / T. Zarycki. – Oxon : Routledge, 2014.
480. Zielonka J. New institution in the Old East blok / J. Zielonka // *Journal of Democracy*. – 1994. – №2 (5). – P. 51-69.